common place

Анатолий Штырбул

БЕЗГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Москва
2018

УДК 9(02)"311"(1-4)
ББК Х3(2)5.3
Ш 87

Ш 87 **Штырбул, А.А.** Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тысячелетие до н.э. — II тысячелетие н.э.). — М.: Common place, 2018. — 432 с.
ISBN 978-999999-0-46-2

Государство для нас так же естественно, как смена времен года: с самого рождения и до смерти мы связаны с ним множеством его институтов, от которых никуда не деться. Однако историческое наступление государственности, начавшееся тысячи лет назад, не было ни повсеместным, ни необратимым. Книга доктора исторических наук Анатолия Алексеевича Штырбула представляет собой попытку обобщить опыт безгосударственных обществ именно в эпоху государственности, выявить их потенциал, пределы эффективности и возможную перспективу.

© Издательство Common Place

ISBN 978-999999-0-46-2

Оглавление

Введение 8

Глава I. Первобытные общества в эпоху государственности 58

Глава II. Сложные естественно-социальные общества военной ориентации

1. Тупиковые иерархические безгосударственные общества 102
2. Возвратные потестарные организации (вторичные племена и их союзы) 108
3. Горные «вольные общества» 121

Глава III. Сложные естественно-социальные общества гражданской ориентации

1. Безгосударственные черты античной гражданской мега-общины (полиса) 148
2. Сельские гражданские общины и «крестьянские республики» средневековой Европы (VI—XVI вв.) 162
3. Городские общины-коммуны Западной Европы и их федерации (X—XIV вв.) 198

Глава IV. Общества «новой военной демократии»

1. Российское вольное казачество (XV—XVIII вв.) 212
2. Украинское вольное казачество (XV—XVIII вв.) 233
3. Аналоги в Европе: Крайна (XVI—XVIII вв.) 259
4. Аналоги в Америке: береговые братства (XVII в.) 265

Глава V. Социально-утопические общества на религиозной основе (I—II тысячелетия н. э.) 286

Глава VI. Попытки создания анархического общества

1. Теория и практика анархистской социальной революции (60—70-е гг. XIX в.) 326
2. Анархистская общественно-политическая практика в период империализма (конец XIX — начало XX в.) и в мировой революционной ситуации 1917—1923 гг. 350
3. Махновский очаг революционной борьбы и социального творчества (1917—1921 гг.) 380
4. Испанская революция 1931—1939 гг. и анархистские социальные опыты 398

Заключение 420

Введение

Может ли общество существовать и эффективно развиваться без государства? Насколько жизнеспособно, устойчиво такое общество? Каковы потенциал и конкурентоспособность безгосударственного общества в сравнении с обществом государственным? Каков опыт безгосударственного развития человечества в доклассовый и классовый периоды? Все ли может государство? Если нет, то где лежат границы его эффективности? В чем правы и в чем заблуждаются анархисты? Как снять или сначала хотя бы уменьшить отчуждение людей от власти и общества, чтобы дать простор их позитивному социальному творчеству? Каковы перспективы государства и безгосударственного общества в XXI веке и III тысячелетии? На эти и другие подобные вопросы мы попытались дать ответ в настоящей книге.

***

Вопрос о безгосударственном обществе в целом и о его проявлениях на протяжении всей истории человечества, в том числе и в период классово-государственной истории, связан с важными самостоятельными проблемами, такими как:

— общественная самоорганизация в мировой истории;

— преодоление человеком отчуждения от власти и общества;

— альтернативность, многовариантность в историческом процессе и общественном развитии;

— политогенез в истории человечества и связанная с ним проблема социального прогресса;

— нелинейность исторического процесса;

— ассоциативное массовое социальное творчество, в том числе общественное (территориальное и производственное) самоуправление;

— утопии и утопизм.

Даже простой перечень слов, обозначающих различные формы и проявления безгосударственного (или в том числе безгосударственного) общества и принципы этого общества, — слов, получивших широкое распространение и укоренившихся во многих языках, — свидетельствует о распространенности явления безгосударственности в мировой истории: *акефалия*[1], *аморфия*[2], *анархия*[3], *амфиктиония*[4], *ассоциация, братство (в кровно-родственном значении — фратрии* и *профессиональном значении — гильдии), демократия (военная демократия), договор (общественный договор), коммуна, коммунизм, коммуналиэм*[5], *коммунитаризм*[6], *конфедерация, полис, полития*[7], *потестарная организация*[8], *республика, род,*

[1] Акефалия, акефальная организация (от греч. *akephalos* — безглавый) — социальная организация общества, не имеющая централизованного руководства (*Крадин Н.Н.* Политическая антропология: учебное пособие. М., 2001. С. 210).

[2] Аморфия — крайне рыхлая конфедерация государственных или безгосударственных общественных субъектов.

[3] Анархия (от греч. *anarchia* — безвластие) — состояние общества, в котором упразднена государственная власть; вариант: общество без какой-либо власти.

[4] Амфиктиония — одно из первых в мировой истории (Древняя Греция) проявлений общественного федерализма (подробнее см. главу III данной книги).

[5] Коммуналиэм — система управления, сводящая к минимуму власть центрального правительства и способствующая максимальному развитию местного самоуправления. Таким образом, *коммунальная система* — форма политической организации общества, при которой наряду с центральной властью развиты формы местного управления и самоуправления (Социологический энциклопедический словарь / под ред. акад. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 131).

[6] Коммунитаризм — разновидность коммуналиэма, модель общества, в котором особое и первостепенное значение имеет существующая помимо государства система социальных связей как между общинами, коммунами, ассоциациями, так и между отдельными людьми.

[7] Полития — одно из наименований политической системы древнегреческого полиса у ряда античных авторов, а также идеальный тип политического устройства античного полиса в работе Аристотеля «Политика». (*Соловьев Э.Г.* Полития // Политическая энциклопедия: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 220–221) Авторы книги «Античная Греция» (М., 1983. Т. 1.) отмечают полисемантичность данного термина, означавшего одновременно и гражданский коллектив, и право гражданства, и конституцию полиса (С. 31). По мнению исследователя Н.Н. Крадина, полития — независимая политическая единица.

В настоящей работе термин «полития» используется как обозначение сложносоставной непервобытной социально-политической безгосударственной организации.

[8] Потестарная организация (от греч. *potestas* — власть) — безгосударственная властная организация в первобытном обществе.

община, общество (гражданское общество), общественное самоуправление, федерация (союз), эгалитаризм[9] и др.

Говорить об универсальности государственной организации общества нельзя даже применительно к XX веку — эпохе, казалось бы, полной и торжествующей государственности. «В мире, например, на отдельных островах Тихого океана, существуют этносы, которые никогда не жили и до сих пор [рубеж XX–XXI вв.][10] не живут в каком-либо государстве. Некоторые этносы хотя и живут в пределах территории определенных государств, но либо вообще не знают никакой государственности (например, в джунглях Бразильской Амазонки), либо не имеют своей собственной государственности, независимой от государственности других этносов. Благодаря сложившимся историческим и иным объективным условиям не все этносы *могут* иметь свое собственное государство»[11].

Что же касается современных государств, то XX век высветил ряд очень серьезных признаков кризиса государственности как таковой:

— рост преступности, в том числе и организованной, с наличием мощных криминальных структур и с элементами власти над отдельными районами государства и группами населения;

— поразительный рост бюрократизма и коррупции в сферах государственного управления;

— рост числа экстремистских военизированных формирований;

— разгул международного и внутреннего терроризма и недостаточная эффективность государств в борьбе с ним;

— хронические социальные проблемы;

— слабая эффективность в противодействии экологическому кризису;

— обострение национальных проблем в ряде многонациональных государств;

— наличие около 80 заявленных непризнанных национальных и региональных территориальных образований[12];

[9] Эгалитаризм (от фр. *egalite* — равенство) — состояние общества, характеризующееся отсутствием социального неравенства. Чаще всего как об эгалитарном говорят о первобытном обществе.

[10] Здесь и далее по тексту в квадратных скобках — комментарии автора.

[11] *Гомеров И.Н.* Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002. С. 221.

[12] *Арас Д.* Четвертая мировая война: информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. М., 2003. С. 644–647.

— наличие в ряде государств неконтролируемых или частично контролируемых территорий («серых зон»)[13], возникших на национальной и социально-политической основе.

«В теории миром правят суверенные государства, обладающие всей полнотой власти на своих территориях. В реальности же миллионы людей живут в политическом вакууме, в котором власть государства минимальна или незначительна. Такое "безвластие" царит в городских трущобах, заброшенных сельских общинах и, что самое трагичное, в расползающихся зонах распада государственной власти», — считает американский профессор Кен Менхаус[14]. Однако первое, с чем сталкивается исследователь, обратившийся к проблеме безгосударственного общества, — это миф и впечатление всеохватности и универсальности государства в мировой истории и в современности. Всемирная история часто как бы сама собой воспринимается как история классового и государственного общества. Более того, воспринимается чаще всего весьма своеобразно. «Официальная история, — замечает известный французский историк Марк Ферро, — заполняющая страницы энциклопедий, университетских и академических изданий, излагает события с эпохи Древнего Египта, Греции, Рима, Византии до наших дней. При этом народы Африки, Азии и Америки полностью выпадают из ее поля зрения, как будто они не существовали до тех пор, пока не вошли в соприкосновение с Европой и не испытали на себе ее влияния»[15].

---

[13] «Серые зоны» (*Gray zones*) — устойчивые долговременные (с периодом существования от нескольких лет до нескольких десятков лет) территории, неподконтрольные или не вполне подконтрольные законной центральной власти соответствующего международно признанного государства. На рубеже XX и XXI вв. существовало около 20 государств, имевших на своих территориях «серые зоны» (всего около 30), которые возникли на национальной или же социально-политической основе, с периодом существования от нескольких лет до нескольких десятков лет (*даны в скобках*). Азербайджан (*Нагорный Карабах*), Ангола (*восточные и южные районы*), Афганистан (*ряд юго-восточных районов*), Грузия (*Абхазия, Южная Осетия, Джавахетия, Панкисское ущелье), Ирак (северный регион — Курдистан*), Кипр (*Турецкая Республика Северного Кипра*), Китай (*Тайвань — Китайская Республика*), Колумбия (*периферийные левоповстанческие зоны на юге и западе*), Конго (*восточный регион*), Ливан (*долина Бекаа*), Мексика (*штат Чьяпас*), Мьянма (*периферийные штаты на севере и востоке*), Республика Молдова (*Приднестровье*), Российская Федерация (*Чечня*), Судан (*южные районы*), Государственный союз Сербии и Черногории (*Косово*), Шри-Ланка (*северный регион*). См. подробнее: *Арас Д.* Четвертая мировая война... С. 648; и др. источники.

[14] *Менхаус К.* За фасадами «бумажных» государств // Курьер ЮНЕСКО. 2001. Февраль. С. 25.

[15] *Ферро М.* Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // Метаморфозы Европы. М., 1993. С. 11.

Реально же история первобытного общества является «бездной» по сравнению с эпохой общества классового: прошло 5,5–5 тыс. лет с момента возникновения первых государственных цивилизаций (и еще меньше — со времени появления государственной цивилизации в Европе), но эти тысячелетия просто тонут в двух миллионах лет первобытного общества[16]. И никого при этом, как правило, не удивляет тот факт, что два миллиона лет люди обходились без государства. Почему же должно удивлять то, что и в классово-государственную эпоху человечество в разные времена и в разных регионах Земли пыталось обойтись без него? То обстоятельство, что государство — закономерный этап в развитии общества, возникающий при достижении человечеством определенного социально-экономического уровня развития, не может отменить того факта, что безгосударственные общества существовали параллельно с государственными и что это были — наряду с первобытными синполитейными обществами[17] — общества, довольно развитые в социально-экономическом отношении и вполне сопоставимые, сравнимые в этом с современными им государственными.

Характеризуя негосударственные общества Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии и Океании в эпоху государственности, историки и социологи зачастую вроде бы вполне справедливо объясняли их существование реликтом, рудиментом первобытно-общинного строя, вызванным, в свою очередь, социально-экономической отсталостью, обусловленной комплексом неблагоприятных особенностей исторического развития. Но это было верно лишь в отношении части таких обществ. В то же время в некоторых (и не таких уж редких) случаях общества, на первый взгляд являвшиеся первобытными, по существу таковыми уже не являлись, поскольку по уровню социально-экономической и культурной

[16] Или еще больше. Вопрос о времени появления первых людей и начале человеческой истории тесно связан с решением проблемы о месте австралопитеков в таксономической системе. Если они входят в семейство гоминид, или людей, то дата их наиболее раннего геологического возраста — 4–5 млн лет — действительно знаменует начало человеческой истории; если нет, то это начало не может быть отнесено на более чем 2–2,5 млн лет назад (возраст наиболее древних находок питекантропов).

Ряд ученых позитивно решает вопрос о включении австралопитеков в состав гоминид, а потому датирует появление первых людей 4–5 млн лет назад. — Древние цивилизации / под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1989. С. 14.

[17] Синполитейные первобытные общества (СПО) — первобытные общества, существующие одновременно с обществами государственными, так или иначе контактирующие с ними и эволюционирующие под их воздействием.

конструктивной сложности если несколько и уступали обществам классово-государственным, то все же были вполне сопоставимы с последними. Отсутствие же государства у них являлось естественным и стихийным, а позднее иногда даже и сознательным выбором общества. Историкам уже пора всесторонне исследовать и попытаться объяснить эти факты.

«Гетерогенность (неоднородность, многовариантность, в данном случае — многоукладность. — *А.Ш.*) социальных форм в древности и в Средние века, — высказал свое мнение еще в 1960-е гг., хотя и по несколько иному поводу, известный советский медиевист А.Я. Гуревич, — необычайно велика, и подведение всех известных нам древних обществ под однозначное определение рабовладельческого общества либо отнесение всех средневековых обществ к феодальному типу сопряжено с непреодолимыми трудностями, которые все возрастают по мере углубления и уточнения исторических знаний»[18]. Об этом же писал и И. Пригожин: «Прокладывая тропинку, избегающую драматической альтернативы между слепыми законами и произвольными событиями, мы обнаруживаем, что значительная часть конкретного мира вокруг нас до сих пор “ускользала из ячеек научной сети”...»[19].

При более тщательном изучении и сопоставлении таких различных, на первый взгляд, социально-исторических явлений, как синполитейные первобытные общества (СПО — племена, союзы племен, вождества[20], сложные вождества[21]), реликтовые и тупиковые неперво-бытные иерархические (но не государственные) общества (сложные и суперсложные вождества), многочисленные «вольные общества» Балкан, Кавказа и других горных массивов в позднее Средневековье и Новое время, вольное казачество и родственные ему проявления «новой военной демократии», некоторые полисы классической Древней Греции на определенном этапе своего развития, независимые (и почти независимые) городские коммуны средневековой Западной Европы и федерации таких коммун, ряд территориально-религиоз-

[18] *Гуревич А.Я.* К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии 1968. № 2. С. 121.

[19] *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. М., 1994. С. 263.

[20] Вождество, или чифдом (англ. chiefdom) — первая форма иерархической (но не государственной, поскольку основные признаки государства отсутствуют) организации общества; общество, состоящее из общин, иерархически подчиненных общему вождю.

[21] Сложное вождество — двухуровневая группа простых вождеств.

ных общинных сообществ, попытки реализации на практике анархистской утопии и некоторые другие общественные формы, начинает вырисовываться грандиозная картина безгосударственной истории человечества в так называемую эпоху государственности — период III тысячелетия до н.э. — II тысячелетия н.э. Иными словами, параллельно и в тесной связи с хорошо изученной и всем более-менее известной пятитысячелетней историей государственности развивалась менее изученная и почти неизвестная пятитысячелетняя безгосударственная история — как своеобразное продолжение 2–2,5-миллионолетней первобытной безгосударственной истории и отчасти как вполне самостоятельные формы общественно-политического безгосударственного устройства.

По мнению исследователя Д.М. Бондаренко, с которым мы вполне солидарны, «проблема существования *без*государственных, но непервобытных (т.е. принципиально «*без*-», а не «*до*государственных») обществ — альтернатив государству как якобы неизбежно складывающейся в постпервобытную эпоху форме социально-политической организации, безусловно, не только заслуживает внимания, но и "созрела" для четкого осознания и формулирования в целях ее последующего решения»[22].

***

На пути изучения этой проблемы исследователя всегда ожидал ряд трудностей и вопросов как фактологического, так и концептуального и методологического характера.

Первый вопрос, на который предстоит ответить, — это вопрос о том, когда наступила *эпоха государственности*? Вопрос не так прост, как сначала может показаться. Что именно считать началом эпохи государственности? Рубеж IV–III тысячелетий до н.э., когда в долине Нила (около 3200 г. до н.э.) и в Месопотамии (около 2900 г. до н.э.) возникли первые в истории человечества государства и начался отсчет принципиально новой эпохи, длящейся и по сей день? Или время, когда в государствах стало жить около половины всего человечества (примерно середина I тысячелетия до н.э., т.е. период так называемого «осевого времени» /800–300 гг. до н.э./)? По-

[22] *Бондаренко Д.М.* «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории // Альтернативные пути к цивилизации: коллективная монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000. С. 199–200.

следнего подхода, например, косвенно придерживался Ф. Энгельс[23]. Мы принимаем обе точки отсчета, оговаривая при этом, что в первом случае речь идет об эпохе государственности *в принципе*, а во втором — *реально*[24].

Основными признаками государства мы считаем:

— наличие классов и (или) четко выраженных социальных групп с несовпадающими экономическими интересами;

— наличие *власти, оторванной от основной массы населения*, стоящей над ней и применяющей, в случае необходимости, *легитимизированное* (узаконенное) *насилие* в интересах конкретного класса (классов) и (или) социальной группы (групп);

— наличие определенной стабильной территории и территориального деления, как правило, не связанного и не совпадающего с родоплеменным;

— государственный суверенитет;

— система налогообложения;

— наличие в обществе идеологического обоснования необходимости государства;

— психологическая готовность *большинства* населения данного общества *добровольно* подчиняться государству.

При этом, если мы хотим определить то или иное общество как государственное, все эти признаки должны присутствовать, как правило, в комплексе.

Еще одной довольно дискуссионной темой является спор о времени возникновения первых цивилизаций, о соотношении цивилизации и государства и о тождественности (или нетождественности) категорий «цивилизация» и «государство».

Со времен Н.Я. Данилевского и затем А.Дж. Тойнби существуют десятки определений цивилизации. В одних упор делается на социополитические стороны, в других — на культурные, в третьих вообще подчеркивается уникальность каждой отдельной цивилизации и ее несхожесть ни с одной другой.

---

[23] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1975. С. 107.

[24] Существует также и такая неожиданная научная точка зрения, что реальные, настоящие государства стали появляться только в позднее Средневековье: П.Л. Белков в одной из своих работ предпринял попытку доказать, что государство появляется лишь в Европе и цивилизационно близких к ней регионах только начиная с XV–XVI вв.: *Белков П.Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 178–182.

Вот лишь одно из многих определений, довольно содержательное, хотя и краткое: «Цивилизация и есть общество (при всем разбросе значений этого слова), а значит, она сочетает в себе все компоненты, необходимые для существования общества. Правда, это сложное общество — в отличие от простого, а значит, включающее различного рода подсистемы, прежде всего политическую, экономическую, культурную и социальную»[25].

Здесь так и напрашивается ставший давно привычным знак равенства между цивилизацией и государством. Тем не менее это определение не так однозначно. Хотя цивилизация и государство часто являлись (и сегодня являются) двумя сторонами одной медали, история также дает нам немало примеров обществ достаточно сложносоставных, цивилизованных, но при этом фактически безгосударственных. Или же обществ, в которых отдельные элементы государства при постепенном усложнении общества так и не развились в государство как таковое. Соотношение категорий «общество», «цивилизация» и «государство» еще ждет уточнений.

По мнению И.Н. Гомерова, государство образуется не из племен и даже не из союзов племен. «Непосредственными предшественниками государств и их основой являются *общества*, предпосылками которых, в свою очередь, являются, скорее всего, территориальные (соседские) общины, а не племена или союзы племен»[26]. Но разве племена и союзы племен — это не общества?

Заметим, что существуют более расширительные толкования общества (в целом) и обществ-составляющих (в отдельности). Минимальными признаками общества, по мнению известного историка и социального философа Б.Ф. Поршнева, является комбинация: 1) производительных сил; 2) общественно-производственных отношений; 3) надстройки. «Общество есть только там, где есть налицо все эти три его стороны. Они находятся в строгой причинной зависимости между собой. <...> Их нельзя рассматривать порознь, т.к. они существуют только в своей взаимосвязи, только друг через друга»[27]. Но при данном подходе оказывается, что можно говорить о *таком обществе* уже в условиях первобытности, во всяком случае — со

[25] Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М., 2001. С. 19.

[26] *Гомеров И.Н.* Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. С. 284–285.

[27] *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 400.

времени формирования родовой общины, т.е. с периода 40–35 тыс. лет до н.э. Отсюда можно сделать два взаимоисключающих вывода: или любая общественная надстройка является в той или иной мере государством[28], что, в общем, противоречит известным историческим фактам, или же надстройка общества — не всегда и не обязательно государство (в совокупности с правом и идеологией). Последнее представляется вполне логичным и, как увидим далее, подтверждается довольно многочисленными фактами. Отсюда может следовать заключение, что и *политогенез*[29] — это не всегда процесс образования государства (как традиционно принято считать), а это значит, что и политическая надстройка сложносоставного общества тоже не всегда равнозначна государственной организации, хотя внешне и мо-

[28] Так, западный ученый Роберт П. Вольф считает, что государство — «группа людей, которая правит, издает законы, управляет социальными процессами и вырабатывает правила для социальных групп на определенных территориях и в пределах определенных границ», причем «кем бы ни был тот, кто издает закон, отдает команды и заставляет подчиняться им всех живущих на данной территории, он является государством» (цит. по: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций. М., 1998. С. 161–162). Другой западный исследователь, Э. Мейер, исходя из аналогичных подходов, писал об «абсолютной универсальности государства в человеческом обществе» (цит. по: *Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. М., 1970. С. 141).

Можно, конечно, не соглашаться и с марксистским определением государства как с жестким и «устаревшим», и с другими, более современными и тоже жесткими, но приведенные выше определение Р.П. Вольфа и точка зрения Э. Мейера слишком упрощают подход к существу проблемы. При таком походе игнорируется один из важнейших признаков государства — оторванность, отчужденность власти от народа. В результате мы наблюдаем здесь путаницу *двух разных властных систем*: потестарной (в которой власть присутствует, но она не отделена, не отчуждена от массы) и государственной (где даже при вуалировании отрыва власти от народа, как, например, в демократической республике, соответствующее отчуждение реально имеет место). При таком, как у Вольфа и Мейера, подходе к государству можно причислить любой общественный организм, начиная с племени бороро, или неолитическое общество острова Пасхи периода расцвета, или даже родовую общину тридцатитысячелетней давности; под данное определение подпадают также мафиозные группировки, контролирующие определенные территории с проживающим на них населением.

Своеобразие, характерные черты и отличия потестарной и политической (государственной) форм власти в древних обществах блестяще даны в книге: *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

[29] Политогенез — 1) становление государства (самое раннее употребление термина); 2) становление и эволюция сложной (надлокальной) политической организации; 3) в самом широком смысле — становление и эволюция политической организации в человеческом обществе вообще. (Определение Н.Н. Крадина.)

жет выглядеть как государство[30] (некоторые вождества и сложные вождества XVIII–XIX вв. в Африке, т.н. *кочевые империи* и т.п.). Это подтверждается исторической практикой, и многие другие примеры такого рода будут далее нами приведены.

И, наконец, возникает вопрос: куда отнести стихийные и сознательные социальные эксперименты, очаги, «оазисы» нового общества: утопии[31] и практопии[32], в том числе и безгосударственные, — своеобразную «политическую контркультуру» периода классовых обществ? Что это? Часть стандартной надстройки? Или же это

[30] На подобное обстоятельство, хотя и по несколько иному поводу, несколько лет назад обратил внимание Ю.Е. Березкин: «Множество политических образований от древности до Нового времени, которые традиционно именуются царствами, княжествами, городами-государствами и т.п., отвечают скорее стандартам вождеств, во всяком случае среднемасштабных обществ. Известная карта "Рост территории древних государств", традиционно открывающая школьный учебник 6-го класса и на всю жизнь закрепляющая в сознании его юных читателей стереотип восприятия прошлого, в действительности показывает рост территории не государств, а письменных цивилизаций, что не одно и то же. Картографирование реального распространения среднемасштабных обществ (наряду с распространением обществ подлинно государственных и атомарно-общинных) в различные века и эпохи выявило бы интереснейшие тенденции в развитии социально-политической организации К сожалению, со времен подготовки «Справочника по южноамериканским индейцам» Дж. Стюарда такая задача никем даже не ставилась» (*Березкин Ю.Е.* Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднемасштабных обществ // Альтернативные пути к цивилизации. С. 260).

[31] Утопия (от греч. *u* — нет и *topos* — место, т.е. «нигде», «место, которого нет»; иной вариант: от *eu* — благо и *topos* — место — благостная земля) — мнимое общество или место, предназначенное быть идеалом социальной организации в противоположность существующим обществам. Термин возник благодаря названию и содержанию книги Т. Мора (вышла в 1516 г.), где был дан яркий образ такого идеального общества.

[32] Практопия — проект оптимального альтернативного общественного развития, претендующий на реализацию. По Э. Тоффлеру — автору термина и концепции, — это возможная общественная форма будущей «цивилизации Третьей волны» («информационного общества»). В практопии, в отличие от утопии, есть место негативу, но, в отличие от антиутопии, негатив здесь не преобладает. Практопия — «не лучший и не худший из возможных миров, но мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живем»; «практопия предлагает позитивную и даже революционную и тем не менее реалистичную, альтернативу» (*Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2004. С. 568–569).

По нашему мнению, этот довольно удачный термин может быть истолкован несколько шире и способен нести дополнительное смысловое значение, например, попытка реализовать на практике альтернативный общественный идеал с опорой на объективную реальность; реальный альтернативный гармоничный общественный очаг с отдельными элементами утопии.

контрнадстройка с попытками создания производственных контротношений, «оазис» другой формации? Какой же?

Трактовка общества Б.Ф. Поршневым, несомненно, шире, чем понятие «цивилизация», что представляется вполне обоснованным. Из всего вышеизложенного логически следует, что не тождественны не только цивилизация и государство, но и цивилизация и общество. Цивилизация шире государства, но в то же время *уже* общества.

В 1945 г. Э. Хантингтон в книге «Движущие силы цивилизации» писал: «Дать правильное определение цивилизации трудно, равно как и установить точное время перехода человеческой культуры от варварства к цивилизации. <...> В целом можно сказать, что цивилизация начинается там, где совершается переход к сельскому хозяйству, ведут оседлый образ жизни, устанавливают определенную форму управления и осваивают письменность»[33]. Правда, у такого довольно осторожного и выверенного подхода сразу же обнаруживается один неоднозначный и довольно дискуссионный момент: из ареала цивилизованности, из состояния цивилизации сразу же выпадают кочевые общества. К этому вопросу мы еще вернемся ниже[34]. Любопытно и то, что, исходя из данного подхода, началом перехода к цивилизации на Земле (вернее, в ряде наиболее благоприятных районов Земли) можно считать так называемую «неолитическую революцию», развернувшуюся 11–8 тысяч лет назад (9000–6000 гг. до н.э.), суть которой — в переходе людей к оседлому образу жизни и к производящему хозяйству[35]. Такой подход представляется нам вполне резонным. Например, первые известные на Земле протогорода — Иерихон (в Палестине, VIII–VII тыс. до н.э.) и Чатал-Хююк (в Анатолии, VII–VI тыс. до н.э.)[36] несомненно были проявлением очагов цивилизации, но государствами при этом не являлись[37]. Одной из первых известных на Земле цивилизаций являлась древнемальтийская, взявшая старт в начале IV тысячелетия до н.э. и известная своими мегалитическими, древнейшими на Земле, храмами,

[33] Цит. по: Сравнительное изучение цивилизаций. С. 17.

[34] См.: глава II, параграф 1.

[35] *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990. С. 174.

[36] Древние цивилизации. С. 26–28.

[37] По мнению некоторых историков, культура Чатал-Хююка и родственные ей культуры (Мерсин, Иерихон) в социально-политическом отношении являлись чифдомами (вождествами). Они погибли в VI тысячелетии до н.э., видимо, вследствие наступления длительной эпохи сухого и жаркого климата (*Дьяконов И.М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994. С. 24–25).

строительство которых датируется, по одним данным, 2800–1900 гг. до н.э.[38], а по другим — еще более ранним периодом. Эта удивительная и загадочная цивилизация, существовавшая почти в полной изоляции, исчезла к концу второго — началу первого тысячелетия до н.э., *так и не узнав государственности*. Цивилизацией было общество, создавшее знаменитый Стоунхендж за 2–1,5 тысячи лет до н.э.[39], хотя государственность в Британии впервые появилась (и то в связи с римским завоеванием как иноземная власть) только в начале новой эры. К проявлению цивилизации следует отнести и общество острова Пасхи периода расцвета (XIV в. — около 1680 г.), когда там сооружались огромные каменные статуи.

Первые известные цивилизации появились *значительно раньше* соответствующих государств: цивилизации в Египте и Месопотамии существовали уже на протяжении IV тысячелетия до н.э., тогда как государства на территории этих цивилизаций возникли, соответственно, около 3200 г. до н.э. и около 2900 г. до н.э. (некоторые исследователи считают, что цивилизации здесь появились еще раньше: первые очаги в Месопотамии стали формироваться около 5900 г. до н.э., а древнеегипетская цивилизация возникла около 5500 г. до н.э.[40]). В Новом Свете, развивавшемся до конца XV в. н.э. практически изолированно, наиболее ранней предгосударственной цивилизацией стала ольмекская (конец второго тысячелетия — первое тысячелетие до н.э., период расцвета — 800–400 гг. до н.э.). В социально-политическом отношении она находилась в разное время на уровне союзов племен и вождеств и достигла высокого уровня культуры[41].

Догосударственная цивилизация, таким образом, может предшествовать государству и перерастать в него (Месопотамия, Египет), а может «растаять», не переходя в государственную непосредственно (Иерихон, Чатал-Хююк, древнемальтийская, ольмекская и, возможно, хараппская (индская или протоиндийская) цивилизации).

Мы придерживаемся мнения, что цивилизация (как довольно высокий уровень развития общества, как сложносоставное общество) могла существовать и существовала некоторое время на практике без

[38] *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. С. 149.

[39] Наиболее вероятное время строительства этого культового комплекса — период между 1900 и 1500 гг. до н.э. (*Кривцов Н.В., Непомнящий Н.Н.* Доисторическая Европа. М., 2004. С. 165).

[40] *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства. М., 2004. С. 56–57, 60, 76.

[41] Древние цивилизации. С. 456–457.

государства: предшествовать государству (быть кануном государства, причем иногда довольно длительное время: даже в течение 1–2 тысяч лет */предгосударственная цивилизация/*) или же существовать параллельно возникшим государствам в форме сложившегося безгосударственного общества, сопоставимого с современным ему обществом государственным */парагосударственная*[42] *цивилизация; вариант: очаг нестандартной безгосударственной цивилизации*[43]*/*). Принципиально возможным нам представляется и существование в *далеком* будущем всемирного суперсложного безгосударственного общества-цивилизации. Но это уже тема отдельного исследования[44].

***

Вопрос о самодовлеющей, фатальной и неуправляемой роли государства встал перед человечеством довольно давно, и оно, в силу своих возможностей, цивилизационных особенностей, культурного уровня на разных этапах классового развития, пыталось этот вопрос решать (впрочем, как правило, безуспешно). Тем для историков дороже и интереснее такие попытки, опыты и успехи.

Всю классовую историю пронизывают не только экономический (технический) прогресс, усложнение общества и классовая борьба, *но и попытки людей — бессознательные и сознательные — уйти от государства*. Это проявлялось в разных формах. На практике — от побегов, уходов, вольной колонизации новых земель до создания на новых землях вольных общин и федераций таких общин во все времена классового общества и во многих концах Земли. В теории — от давних, почти повсеместных легенд о золотом веке и других социальных народных утопий до систем Нового и Новейшего времени: либерализма, неолиберализма, марксизма, неомарксизма, анархизма, революционного демократизма (народничества и неонародничества), в которых государство отнюдь не всегда занимало и занимает важное

[42] Парагосударство, парагосударственное образование — похожее на государство, подобное государству, но не являющееся таковым по сути.

[43] Нестандартная цивилизация — альтернативная (в т.ч. безгосударственная) цивилизация или ее очаг. Стандартная цивилизация — доминирующий в определенном пространстве (регионе) и времени (в течение длительного периода) тип цивилизации, как правило государственной.

[44] Из современных исследователей, так или иначе затрагивающих проблему возможного в будущем безгосударственного общества, назовем таких авторов, как А. Горц (Франция), К. Нэбб (США), А.В. Бузгалин, В.М. Чернышев, В.В. Дамье (Россия).

и почетное место, а то и вовсе отсутствует. В сущности, и анархисты, и либералы, и марксисты решали один вопрос — вопрос об устранении или ограничении государства и о безгосударственном обществе, но каждый решал по-своему.

Либералы, начиная с XVII в., пытались противопоставить абсолютистскому государству идею «*минимального государства*», а также концепцию существующего параллельно с таким государством *негосударственного гражданского общества*. Усиленное до возможных пределов гражданское общество должно было уравновешивать, корректировать государство и защищать от него личность. Однако в XX в. в ряде стран с относительно развитым гражданским обществом либералы не сумели противостоять как фашизму с его суперавторитарным государством (в Германии, Италии, Испании), так и известному огосударствлению части гражданского общества (страны традиционной западной демократии).

Анархисты, в слепой ненависти к классовому государству, вполне, впрочем, объяснимой, стали разрабатывать *теории отмены государства «с сегодня на завтра»*. Однако ряд практических социальных экспериментов пока что показал несостоятельность теории анархизма в деле оперативного создания жизнеспособного безгосударственного анархического общества. Более того, часто практическая деятельность анархистов приводила к ответной консолидации и ужесточению буржуазного государства.

Революционные марксисты выдвинули идею создания пролетарского государства (вариант: государства трудящихся) — *не вполне уже государства* — с целью создания в рамках этого государства условий для постепенного перехода к бесклассовому и безгосударственному обществу. Практика, однако, пока что показала возможность и опасность развития, в силу ряда внутренних и внешних причин, самодовлеющего и довольно авторитарного государства, в котором народная власть или власть трудящихся фактически узурпируется бюрократией. Что же касается умеренных марксистов, то они в основном пошли по пути либералов в работе по укреплению гражданского общества в условиях буржуазного государства.

Революционные демократы разных стран с преобладанием в социальной структуре средних слоев, прежде всего крестьянства, предполагали и пытались создать общество, базирующееся на *традиционных общинных ценностях* с минимальным государством общинного же типа. Однако на практике в ряде стран Азии и Африки это обернулось диктатурой лидера.

***

За изучением двух основных форм государств — монархии и республики, а также исследуя разницу и межвидовую борьбу между ними, многие историки, социологи, политологи и правоведы как бы забыли (или просто предпочли не заметить), что существовала еще одна альтернатива и еще одна борьба: между государственными и негосударственными (самоуправляющимися) моделями общественного устройства. И хотя последние 4–5 тысяч лет государство чаще всего побеждало в этом соревновании, его победа в большинстве случаев далась государству и его приверженцам нелегко и не сразу. Иногда это была поистине пиррова победа.

В глобальной мировой общественной науке (философии, историографии, исторической, социологической и политологической методологии и т.д.) эта альтернатива, это противостояние и эта борьба все же получили некоторое отражение.

Уже в период политогенеза начались первые антиавторитарные бунты, нашедшие отражение в мифах о Прометее, Сатане, притче о блудном сыне и т.п. И одновременно возникли первые идеи и попытки противопоставить возникающему классово-государственному строю справедливое и при этом, как правило, безгосударственное общество, что нашло свое отражение в почти повсеместной легенде о золотом веке. Золотой век — это и древнейшая, первая оформленная в систему историческая утопия, и первая историографическая (устная и письменная) концепция безгосударственного общества.

Будучи приверженцем абсолютизма, один из первых историков государства и права Ж. Боден (XVI в., Франция) в главе VII книги 1 своего исследования «De republica» уделил большое внимание природе таких республиканских, в том числе и негосударственных, общественных образований, как Римская и Латинская конфедерации, ранние швейцарские кантоны, греческие амфиктионии, республики древней Галлии, Ахейский союз, ионийские города, Этолийский союз и т.д.

Религиозно-политический протестантский деятель первой половины XVII в. Т. Гукер (Англия — Новая Англия) утверждал, что в первобытном безгосударственном состоянии человечество жило блаженной жизнью, и делал вывод, что «нельзя считать абсолютно невозможным, чтобы люди не могли жить без всякого правительства»[45].

[45] Цит. по: Политические партии и политическая полиция. М.; Минск; Гомель. С. 249.

Теории естественного права и общественного договора также в известной мере отражали возможность существования безгосударственного общества.

Проблемы безгосударственности касался Ж.-Ж. Руссо, хотя и не пошел в решении этого вопроса до конца, остановившись как бы на полпути. Однако учение Руссо о народном суверенитете отчасти можно истолковывать и в русле безгосударственности. «Сила и свобода каждого человека суть первые орудия его самосохранения; как может он рискнуть ими без вреда для своей личности и не пренебрегая заботами о себе?». Ж.-Ж. Руссо предлагает «найти такую форму ассоциации, или общественного соединения, которая защищала и охраняла бы всею общею силой личность и имущество каждого члена и благодаря которой всякий, соединяясь со всеми, повиновался бы только себе и оставался так же свободен, как и прежде. Вот основная задача, которую разрешает общественный договор»[46]. «Суверенитет, будучи только осуществлением общей воли, никогда не может отчуждаться, и <...> суверен, представляющий собою лишь существо собирательное, может быть представлен только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля»[47].

«В чем заключается учение о народном суверенитете? — комментирует А. Дживелегов. — В том, что полнота политической власти в каком бы то ни было обществе принадлежит самому народу, который пользуется ею в силу того первоначального договора, который создал данное общественное соединение. Все члены этого общества пользуются совершенно одинаковыми правами и несут совершенно одинаковые обязанности; каждый жертвует в пользу общего одинаковую часть своего достояния, своих сил, своих изначальных прав и приобщается благодаря этой жертве к благам гражданского устройства и проникнутого моральным началом существования. Отсюда — равенство как главный вывод учения о договоре о народном суверенитете и свобода — как нечто само собою подразумевающееся во всем этом ходе железной логической аргументации»[48].

По мнению А.П. Бутенко, «основные идеи Руссо, изложенные в его трудах, в том числе и в „Общественном договоре“, касающиеся идеальных форм управления жизнью общества, есть не что иное, как своеобразное политико-теоретическое обоснование народовластия

[46] *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Начала политического права. М., 1906. С. 28–29.

[47] Там же. С. 42.

[48] Там же. С. 5. (Предисловие А. Дживелегова).

и самоуправления народа. Руссо доказывал, что настоящим сувереном, носителем власти является народ, что только такое управление общественными делами, которое следует законам, принятым народом, и реализуется в соответствии с его волей, является законным и справедливым. Все другие политические формы и виды общественного управления раньше или позже, но неизбежно вырождаются, приходят в противоречие с интересами и волей народных масс»[49].

С философских позиций проблемы безгосударственного общества касались И.Г. Фихте, И. Кант и другие мыслители Нового времени. «Цель земной жизни человеческого рода, — по Фихте, — свободное и сообразное с разумом устроение всех своих отношений. Такое устроение, *совершающееся через свободу* (курсив мой. — *А.Ш.*), сознаваемую родом и признаваемую им за собственное свободное деяние, предполагает в этом сознании рода такое состояние, в котором еще не было свободы; это не значит, что в эту пору отношения рода вообще не устраиваются сообразно разуму, ибо в этом случае вообще невозможно было бы существование рода, а имеет лишь в том смысл, что подчиненное отношение рода разуму совершается на этой ступени не через свободу, а через разум как слепую силу, т.е. как разумный инстинкт. Инстинкт слеп: поэтому противоположная ему свобода должна быть зрячей, т.е. должна быть наукой в разумных законах, сообразно которым род должен устраивать через свободное искусство свои отношения <...>»[50].

На определенном этапе развития рода, по Фихте, разумный инстинкт из принадлежащего всему человечеству превращается в «навязанный последнему внешним авторитетом и силой чужой инстинкт немногочисленных особей; восставая против этого внешнего авторитета, род (человеческий) непосредственно освобождает себя от него <...>». Цель всей земной жизни (а значит, и человеческой истории), согласно Фихте, — сообразное с разумом, наукой и искусством «устроение человеческих отношений», после чего род человеческий должен вступить «в высшие сферы духовного мира»[51].

Согласно Канту, сама природа, в том числе и природа человека, изначально направлена на создание совершенного гражданского объединения людей. «Попытка философов разработать всемирную историю согласно плану природы, направленному на совершенное граж-

[49] *Бутенко А.П.* Власть народа посредством самого народа. О социалистическом самоуправлении. М., 1988. С. 47–48.

[50] *Фихте И.Г.* Основные черты современной эпохи. СПб., 1906. С. 57–58.

[51] Там же.

данское объединение человеческого рода, должна рассматриваться как возможная и даже как содействующая этой цели природы»[52].

В период пятилетнего (1783–1787 гг.) «парада суверенитетов» тринадцати колоний Северной Америки, совместно добившихся независимости и провозгласивших Соединенные Штаты, последние существовали в качества рыхлой конфедерации, фактически аморфии. На фоне зреющих настроений принятия новой, федеративной, конституции, появилась серия политических эссе «Федералист», в которых авторы (А. Гамильтон, Д. Мэдисон и Д. Грей), опираясь на исторические примеры (полисы Древней Греции, города-коммуны и их федерации в средневековой Европе, Швейцарская Конфедерация, Республика Соединенных провинций и т.д.) выступали за идею федеративного государства в противовес существовавшей рыхлой, фактически негосударственной, конфедерации. «Среди конфедераций Древнего мира, — считали Д. Мэдисон и А. Гамильтон, — наиболее значительной было объединение греческих республик под эгидой Совета Амфиктионии. Судя по лучшим сочинениям, посвященным этому знаменитому установлению, оно имело сходство — и весьма поучительное — с нынешней конфедерацией Соединенных Штатов. <...> Даже в период оборонительных, грозивших поражением и разорением войн с Персией и Македонией члены конфедерации действовали несогласно <...>». Совету Амфиктионии противопоставлялся более тесный Ахейский союз — федерация, учитывающая интересы как его составляющих, так и общие. Подвергалась серьезной критике и Швейцарская Конфедерация, которую, по мнению авторов, вряд ли вообще правомочно называть конфедерацией: они называют ее просто объединением кантонов, часто враждующих и даже воюющих между собой[53].

Исследователем древнего безгосударственного общества (на примере тщательного изучения общества североамериканских индейцев) и проповедником грядущего коммунистического безгосударственно-

[52] *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. 1784 // *Кант И.* Сочинения: в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 21.

Заметим, что деятельность людей по созданию «совершенною гражданского объединения человеческого рода» сегодня как никогда связана с судьбой природы: это объединение безусловно должно учитывать интересы природы и существовать в равновесии и гармонии с ней. В противном случае экологическая катастрофа погубит и природу, и человека. Здесь И. Кант предвосхитил идеи *экологизма*, получившие развитие лишь в последней трети XX — начале XXI в.

[53] Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994. С. 77, 128–134, 139–140.

го общества стал американский ученый-антрополог и материалист Л.Г. Морган. Рассуждая о перспективах справедливого безгосударственного общества в будущем, он высказал такое довольно смелое и необычное для того времени мнение: «Одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, каким он был для прошлого. Время, прошедшее с наступления цивилизации, — это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени, которое ему еще предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую, высшую степень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Оно будет возрождением — но в высшей форме свободы, равенства и братства древних родов»[54].

К. Маркс и Ф. Энгельс, в силу ряда причин, основное внимание в социологии и истории уделяли теории и практике государства и государственности. Однако и вопросам, связанным с проблемой безгосударственного общества — как первобытного, так и в классово-государственную эпоху, — а также вопросам коммунистического общества будущего ими было уделено немало внимания. К. Маркс и Ф. Энгельс сделали выводы о первичности гражданского общества перед государством; об относительной кратковременности периода государственности в человеческой истории между первичной первобытной и коммунистической формациями; об объективной неизбежности наступления бесклассового безгосударственного коммунистического общества будущего (с опорой на работу Л.Г. Моргана и на собственные исследования); о коммунализме (на опыте Парижской коммуны как политической формы переходного периода к новому обществу) и самоуправлении народа; о важности института общины в истории человечества; о несостоятельности анархистской концепции «отмены государства с сегодня на завтра» (основные работы по данной проблематике: «Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Гражданская война во Франции» К. Маркса).

Курс на исчезновение государства К. Маркс и Ф. Энгельс провозгласили еще тогда, когда анархизма как системы вообще не существо-

[54] Цит. по: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 200.

вало. «Маркс и я, — писал Ф. Энгельс Ф. Ван-Паттену в 1883 г., — **с 1845 г.** (выделено мною. — *А.Ш.*) держались того взгляда, что *одним* из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное отмирание и, в конечном счете, исчезновение политической организации, именуемой *государством*»[55].

Полемизируя с немецкими анархистами, Ф. Энгельс писал: «Отмена государства имеет у коммунистов только тот смысл, что она является необходимым результатом отмены классов, вместе с которыми отпадает сама собой потребность в организованной силе одного класса для удержания и подчинения других классов». И далее Энгельс привел примеры, чем оборачивался тогда анархистский лозунг отмены государства на практике в разных странах: в буржуазных странах Европы это стремление к устройству, подобному США; в феодальных странах — отмена феодального государства и замена его буржуазным; в Германии — буржуазная свобода вплоть до абсолютной независимости отдельного индивида[56].

К. Маркс, размышляя о политической системе социалистического общества, сделал важнейшую, во многом ключевую для понимания сути нового общества пометку: «То положение, когда народом управляют, должно быть заменено *самоуправлением* народа»[57].

Большое внимание К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли проблеме гражданского общества как социальной основе существования людей. «Форма общения, на всех существовавших до сих пор исторических ступенях обусловливаемая производительными силами и в свою очередь их обусловливающая, есть *гражданское общество*, которое [как это следует уже из предшествующего] имеет своей предпосылкой и основой простую семью и сложную семью, так называемый племенной строй. Уже здесь видно, что это гражданское общество есть истинный очаг и истинная арена всей истории, видна нелепость прежнего, пренебрегавшего действительными отношениями, понимания истории, которое ограничивалось рассмотрением громких и пышных деяний»[58]. «Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной сту-

[55] *Энгельс Ф.* Письмо Ф. Ван-Паттену, 18 апреля 1883 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 36. С. 9.

[56] *Энгельс Ф.* О лозунге отмены государства и немецких «друзьях анархии» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 7. С. 441.

[57] *Маркс К.* Изменения во втором издании брошюры И. Моста «Капитал и труд» (1875) // Вопросы истории КПСС. 1968. № 2. С. 80.

[58] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. М., 1988. С. 33.

пени развития производительных сил. <...> Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией, однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки»[59]. Здесь же К. Маркс и Ф. Энгельс делают важную для себя пометку: «Происхождение государства и отношение государства к гражданскому обществу»[60].

Говоря о перспективах государственного и безгосударственного обществ, Ф. Энгельс, развивая и диалектически обосновывая идеи Л.Г. Моргана, сделал следующий вывод: «Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»[61].

Обосновывая и комментируя марксистский подход к роли государства в построении нового, справедливого и безгосударственного общества, В.И. Ленин в работе «Государство и революция» обращал особое внимание на следующее: «Маркс нарочно подчеркивает, — чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом, — “революционную и *преходящую* форму” государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтоже-

[59] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. М., 1988. С. 72.

[60] Там же. С. 33.

[61] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 194–195.

ния классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопроса против анархизма: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие "сложить оружие" или использовать его против капиталистов для того, чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, что это такое, как не "преходящая форма" государства?»[62]. Государственный социализм, социалистическое государство, таким образом, мыслились как относительно кратковременная (и в масштабах истории, и даже поначалу в масштабах человеческой жизни) тактика, в результате которой должно было наступить бесклассовое и безгосударственное общество. История, однако, внесла в эти расчеты свои коррективы, которые пока что в целом не в пользу революционного марксизма.

В чем здесь были правы марксисты конца XIX — начала XX веков, — и радикальные (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин) и, отчасти, умеренные (Г. Плеханов, К. Каутский и др.)? И что упустили? Во многом справедливо критикуя анархистов за немедленное, абсолютное и безоговорочное отрицание государства, они, на наш взгляд, *допустили чрезмерную абсолютизацию государства как орудия построения нового общества* (первые в результате революции, вторые — в результате реформ), *а радикальные марксисты вдобавок принизили на определенном этапе (после взятия власти) значение негосударственного социального творчества, общественной самоорганизации масс*. Итог не заставил себя долго ждать.

Не в последнюю очередь из-за этого долгое время и по сей день идейно-политическую и научную монополию на проблему безгосударственного общества сохраняют в известной мере анархисты и отчасти либералы.

Для исторических концепций анархистов всегда был характерен мировоззренческий идеализм, лишь иногда эклектически дополненный элементами материализма. Попытки разобраться, опираясь на свою методологию в кажущемся хаосе событий мировой истории, часто заводили анархистов в тупик. По едкому замечанию К. Маркса и Ф. Энгельса, Макс Штирнер, например, «решительно ничего не знает о действительной истории», исторический процесс представляется ему «всего лишь историей "рыцарей", разбойников и призраков <...>»[63].

---

[62] *Ленин В.И.* Государство и революция // *Ленин (Ульянов) В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 33. С. 60.

[63] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. С. 39.

Значение П.-Ж. Прудона в развитии политической и историографической мысли анархизма в отношении безгосударственного общества проявилось прежде всего в том, что он, по словам П.А. Кропоткина, «первый употребил слово “анархия” в смысле общественного строя без правительства и первый подверг строгой критике тщетные усилия людей дать себе правительство, которое мешало бы богатым угнетать бедных и вместе с тем оставалось бы под контролем управляемых. <...> Прудон был врагом всяких форм государственного социализма <...>»[64].

М.А. Бакунин, провозглашая, что государство должно быть уничтожено на следующий день после победы всенародного бунта, предостерегал от соблазна создать новое народное государство, и жестко критиковал за это марксистов. Высказывая «глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам если не последний идеал, то, по крайней мере, как ближайшую главную цель — *основание народного государства*, которое, по их мнению, будет не что иное, как “пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия”», М.А. Бакунин далее ставил вопрос следующим образом: «Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, городским и фабричным пролетариатом; или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии. Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо, — вот почему мы враги государства».

Критикуя далее марксистское положение о постепенном отмирании, упразднении государства, Бакунин рассуждал так: «Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его управление необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным? Своею полемикою против них мы довели их до сознания, что свобода или анархия, т.е. вольная организация рабочих

[64] *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия. Пг.; М., 1921. С. 52.

масс снизу вверх, есть окончательная цель общественного развития и что всякое государство, не исключая и их народного, есть ярмо, значит, с одной стороны, порождает деспотизм, а с другой, рабство. <...> Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, <...> она способна породить, воспитать в народе, сносящем ее, только рабство; свобода может быть создана только свободою, т.е. всенародным бунтом и вольною организацией рабочих масс снизу вверх»[65].

Кроме того, М.А. Бакунин время от времени принимался развивать и иллюстрировать на примерах Средневековья и Нового времени ту мысль, что в человеческой истории противостояло и противостоит две идеи, «два духа» — дух свободы, братства, федерализма и анархии и дух государственного деспотизма, «империализма». В ряде своих произведений и особенно в двух главных работах — «Кнутогерманская империя и социальная революция» и «Государственность и анархия» — он утверждал также, что дух свободы в истории нескольких последних веков особенно ярко выражало *славянство*, а дух деспотизма — *германство*[66]. Эту формулу он распространил и на Интернационал, противопоставляя анархизм и марксизм как проявления борьбы этих двух тенденций в международном рабочем движении.

Неоднократно М.А. Бакунин высоко и положительно отзывался о бунтарском и безгосударственном социальном опыте раннего казачества. Тщательно изучив и обобщив взгляды М.А. Бакунина и его последователей на государство и безгосударственное общество, А.П. Бутенко дает следующее, довольно объективное их резюме:

«1. Как и все социалисты революционного направления, анархисты правильно критиковали государство как таковое, видели многие опасности, которые таит в себе государственная организация об-

[65] *Бакунин М.А.* Избранные сочинения. Т. I. Государственность и Анархия. Пг., 1919. С. 293–296.

Развивая данный подход, теоретик российского анархизма-индивидуализма А. Боровой в начале XX в. предрекал, что авторитарный государственный социализм — апофеоз порабощения человеческой личности (*Боровой А.* Предисловие // *Маккэй Дж. Г.* Анархисты. Картины из жизни конца XIX столетия. М., 1907. С. V).

[66] Вслед за Гегелем некоторые немецкие философы и историки XIX в. придерживались деления всех народов на исторические и неисторические, способные и неспособные создать государство. К последним они неизменно относили славян. Бывший гегельянец, М. Бакунин не имел ничего против этого с той только разницей, что относил неспособность того или иного народа к государственности не к недостаткам, а к достоинствам.

щественной жизни. Поэтому они, как и марксисты, а также другие социалисты, решительно выступали за уничтожение государства, за безгосударственную организацию общественной жизни.

2. В отличие от марксистов они не понимали причин и условий социальных революций, а равным образом и причин возникновения и существования частной собственности, эксплуатации, классов и государства (научное понимание этого процесса тогда только складывалось и как раз в лоне марксизма, против которого резко выступал М. Бакунин и другие анархисты).

3. Опираясь на ошибочную методологию, М. Бакунин и его последователи не представляли всей сложности процесса перехода от государственной к безгосударственной организации общественной жизни, требовали, чтобы государство было отменено одним ударом и раньше, чем будут ликвидированы те социальные отношения, которые его породили. Отрывая государство от условий его существования, они не могли объяснить и путей его исчезновения Этим объясняется и отрицание возможности существования государств разного типа и использования в революционной борьбе государства самих трудящихся»[67].

Первой более-менее цельной исторической концепцией анархизма стала историографическая система П.А. Кропоткина, в которой проблема безгосударственного общества прошлого (как в первобытную, так и в классовую эпоху) и будущего (как отдаленного, так и ближайшего) занимала важное место. Отталкиваясь от социологических, политических, экономических и историографических идей П.-Ж. Прудона и М.А. Бакунина, П.А. Кропоткин сделал ряд новых и интересных выводов в отношении теории, истории и практики безгосударственного общества в целом и отдельных безгосударственных обществ в частности[68].

Продолжая и развивая концептуальное положение М.А. Бакунина о борьбе двух идей в истории человечества, П.А. Кропоткин, опираясь на многочисленный приводимый в своих работах исторический материал, делал следующий вывод: «Через всю историю нашей [человеческой] цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная, императорская и федералистская,

[67] *Бутенко А.П.* Власть народа посредством самого народа... С. 87–88.

[68] Основные работы: «Взаимная помощь как фактор эволюции»; «Речи бунтовщика» (раздел «Что такое коммуна»); «Хлеб и воля», «Анархия и ее место в социалистической эволюции»; «Современная наука и анархия»; «Государство, его роль в истории».

традиция власти и традиция свободы. И теперь, накануне великой социальной революции, эти две традиции опять стоят лицом к лицу»[69].

Основные положения историографической концепции П.А. Кропоткина сводились к следующему:

— взаимная помощь как одна из главнейших движущих сил человеческой истории;

— борьба традиции власти и традиции свободы как основное содержание человеческой истории;

— цикличность истории (безгосударственное общество — формирование государств — монархия как крайнее выражение государственности — неизбежный крах государственного общества); эстафетный характер этих циклов в разные эпохи в разных районах мира (это перекликается с современным нелинейным подходом к истории. — *А.Ш.*);

— период вольных городов-коммун Европы эпохи расцвета Средневековья как один из пиков развития человечества наряду с периодом полисов классической Греции («человечество никогда еще не шло так быстро вперед»);

— временная победа «римской имперской тенденции» в развитии человечества в конце Средневековья — начале Нового времени (XVI–XVIII вв.);

— коммуна-община как модель *скорого* безгосударственного коммунистического будущего (при условии учета ошибок средневековых городских коммун и Парижской коммуны).

Образцом реального безгосударственного общества в классово-государственную эпоху П.А. Кропоткин считал вольные средневековые города-коммуны и федерации таких коммун: «Главною задачею средневекового города было обеспечение свободы, самоуправления и мира; главною же основою городской жизни <...> являлся труд. <...> Средневековый город являлся двойною федерацией: всех домохозяев, объединенных в небольшие территориальные союзы — улицу, приход, конец, — и отдельных личностей, объединенных общею клятвою в гильдии, сообразно их профессиям. Первая федерация была плодом деревенско-общинного происхождения города; вторая же была плодом последующего роста, вызванного новыми условиями»[70].

---

[69] *Кропоткин П.А.* Государство, его роль в истории // *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал: сочинения. М., 1999. С. 674.

[70] *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907. С. 188.

По мнению П.А. Кропоткина, несмотря на все свое соперничество и внутренние противоречия, средневековые города в течение 400 лет работали над сплочением межгородских союзов в федерации, основанных на добровольном соглашении, и вполне в этом преуспели. Кропоткин относил к этим федерациям Тосканский и Рейнский городские союзы (в последнем было до 60 городов), торговый Ганзейский союз (включавший города северной Германии, Скандинавии, Польши, Северо-Запада России) и некоторые другие союзы. Судя по всему, П.А. Кропоткин был просто *очарован* темой истории средневековых городских коммун, коммунального движения X–XIII вв. и так называемых «коммунальных революций» и в то же время почти обошел вниманием такую выигрышную для анархистов тему, как вольное казачество. Хотя он и не отрицал наличия противоречий в городских коммунах, но все же заметно идеализировал их. Можно вполне согласиться с мнением исследователя А.Н. Гарявина, что «для характеристики теории Кропоткина наиболее применим термин “анархо-лирический коммунизм”»[71].

Историческая система взглядов П.А. Кропоткина пока что остается вершиной анархистской историографии. За 85 лет после его смерти у историков-анархистов в концептуальном и методологическом плане пока что не появилось фактически ничего принципиально нового, более объемного, глубокого и оригинального.

Из других заметных анархистских историков «кропоткинского периода» следует назвать француза Э. Реклю и австрийца М. Нетлау (раннего периода творчества). Э. Реклю в своем объемном многотомном антрополого-географическом труде «Человек и Земля», оставаясь на позициях идеализма, пытался дополнить свою концепцию элементами материализма (роль географического фактора в человеческой истории). Он затронул вопрос о классовом содержании некоторых процессов (например, социальное расслоение европейских городов и городских общин-коммун), правда, смешивал при этом общины и корпорации. Именно географическим фактором он пытался объяснить существование в средневековой Европе довольно длительное время реликтовых свободных безгосударственных обществ: во Фрисландии, Фландрии, Дитмаршене, Швейцарии, на Пиренеях и Балканах. Затронул и такое экзотическое для западного

[71] *Гарявин А.Н.* Основные этапы отечественной историографии анархо-коммунистических произведений П.А. Кропоткина // История России XIX–XX веков: историография, источниковедение: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 1995. С. 42.

исследователя безгосударственное явление, как раннее казачество, при этом перепутал донских казаков с запорожцами, приписав последним роль первых[72].

М. Неттлау не случайно одну из своих главных работ[73] посвятил истории *именно идей* анархизма: кроме истории анархистских теорий и отдельных практических шагов анархистского движения, писать было не о чем: ни одного удачного факта реализации анархистских идей на практике в смысле победоносной социальной революции под анархистскими лозунгами и социального эксперимента М. Неттлау к концу 1920-х гг., когда работа была закончена, он привести не мог (деятельность махновцев на юге Украины 1917–1921 гг. предметно изучена еще не была). Не стал он подробно останавливаться и на социально-политическом опыте Парижской коммуны — темы довольно желанной для анархистских исследователей. Более того, в отличие от других историков-анархистов, он оценил Парижскую коммуну довольно критически и прохладно[74].

Опыт Парижской коммуны, который анархисты пытались истолковать, как правило, исключительно со своих позиций, занял особое место в анархистской историографии безгосударственных обществ. В историко-публицистических работах М.А. Бакунина, Дж. Гильома, П.А. Кропоткина, А. Арну и других анархистов утверждалось, что в Парижской коммуне преобладало влияние идей П.-Ж. Прудона, а практика коммуны являлась воплощением анархистской концепции безгосударственного общества. П.А. Кропоткин видел историческое значение Парижской коммуны в том, что она, по его мнению, подтвердила правильность анархистского антигосударственного идеала[75]. При этом ряд анархистов и проанархистски настроенных деятелей (А. Арну, Г.-А. Лефрансе) сумели несколько отойти от прямолинейных анархистских подходов к существу Коммуны. Так, А. Арну считал, коммуна была создана народом и имела свою социальную идею, «подняла знамя социализма». Сущность же, «формула» Парижской коммуны заключалась, по его мнению, в таких проявлениях социальной практики, как *автономия, федерация, коллективизм*[76]. С позиций

[72] *Реклю Э.* Человек и Земля. СПб., 1907. Т. IV. С. 10–11, 24–25, 522–523.

[73] *Неттлау М.* Очерки по истории анархических идей // *Неттлау М.* Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам. Тусон, 1991.

[74] Там же. С. 95.

[75] *Кропоткин П.* Анархия. Пг., 1919. С. 41–47.

[76] *Арну А.* Народная история Парижской Коммуны. Пг., 1919. С. 293.

коммунализма (а не анархизма) рассматривал историю Парижской коммуны Лефрансе. Находясь в эмиграции, он пришел к трактовке сущности коммуны как проявления социалистического федеративного коммунализма — сочетания социалистических государственных (авторитарных) и негосударственных (либертарных) начал.

В основе анархистского понимания истории лежали в основном идеалистические принципы, согласно важнейшему из которых история человечества — это история борьбы двух начал — государственного и негосударственного, анархического. Все многообразие исторического процесса объяснялось в основном борьбой этих начал, в том числе и классовая борьба. И если по К. Марксу классовая борьба как результат социально-экономических процессов классового общества неминуемо вела в перспективе к диктатуре пролетариата как переходному периоду к бесклассовому и безгосударственному обществу, то, согласно анархистским теориям, извечная трансцендентная борьба двух начал (и классовая борьба как ее частное проявление) неизбежно вела к установлению либертарного, анархического безгосударственного общества сразу же после победы социальной революции.

Вслед за анархистами идею безгосударственного общества довольно охотно разрабатывали некоторые либеральные историки, социологи и правоведы. Один из авторитетных правоведов России начала XX в., А.С. Ященко, исследователь федерализма, известный «синтетическим» подходом (сочетанием исторического, социологического, экономического и юридического подходов в исследовании), а также тем, что еще в начале XX в. глубоко и всесторонне обосновал необходимость создания международного объединения государств мира (фактически — проект ООН), сделал следующий, довольно смелый для либерала, вывод: «Государство не есть высшее и наиболее совершенное выражение общественной жизни, оно лишь один из общественных союзов человечества и не покрывает собою всех сторон общественного существования. Коллективная жизнь людей проявляется в неоскудевающем богатстве разнообразных, с прогрессом культуры увеличивающихся, социальных образований. Исторический процесс увлекает человеческую общественную жизнь на путь все большей интеграции и сопровождающей ее дифференциации форм, разветвляющихся все более и по содержанию, и по цели. Сначала все задачи человеческого существования осуществлялись семьей, потом общиной, родом, нацией, государством, наконец международной общиной цивилизованных народов и человечеством. Путь был долог, но вел к высокой цели. В настоящее время те политические союзы, кото-

рые получили на исходе Средних веков название государств, не могут быть определяемы и различаемы от других как суверенные союзы. Государство вообще не является специфически наиболее совершенным образованием. Это лишь один из многочисленных восходящих и нисходящих союзов, из которых состоит человеческое общество»[77].

А.С. Ященко, оставаясь на мировоззренческих позициях либерализма, испытал, судя по всему, некоторое влияние социоправовых идей П.А. Кропоткина. Он полагал, например, что «право может существовать независимо от принудительной политической организации и потому возможно отрицание государства и признание права»[78].

Известный испанский либеральный философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет еще в 20-е гг. XX в. забил тревогу по поводу перспектив роста государства, рассматривая последнее как высшую угрозу обществу и человеку: «Как и прочие угрозы, она рождена самой цивилизацией и, больше того, составляет ее славу»[79]. И далее он сделал ряд прогнозов как на ближайшее для него и его современников будущее, связанное со всемогуществом государства, так и на будущее отдаленное, в котором государство должно неизбежно умереть. «В наши дни, — писал Ортега-и-Гассет, — государство стало чудовищной машиной немыслимых возможностей, которая действует фантастически точно и оперативно. Это — средоточие общества, и достаточно нажатия кнопки, чтобы гигантские рычаги молниеносно обработали каждую пядь социального тела. <...> Здесь-то и подстерегает цивилизацию главная опасность — полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности, словом — удушение творческих начал истории, которыми в конечном счете держатся, питаются и движутся людские судьбы <...> Кончится это плачевно. Государство окончательно удушит всякую социальную самодеятельность, и никакие новые семена уже не взойдут. Общество вынудят жить для государства, человека — для государственной машины. И поскольку это всего лишь машина, исправность и состояние которой зависят от живой силы окружения, в конце концов государство, высосав из общества все соки, выдохнется, зачахнет и умрет самой мертвой из смертей — ржавой смертью механизма»[80].

---

[77] *Ященко А.* Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908. С. 244–245.

[78] Там же. С. 76.

[79] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2001. С. 108–109.

[80] Там же. С. 112–113.

Из более поздних западных социологов проблему безгосударственности как формы существования общества, а также вопрос о ее конкуренции с государственностью затрагивал американский неолиберальный социальный философ Роберт Нозик — признанный специалист в области утопии и альтернативного общества, сторонник концепции «ультраминимального государства»[81].

***

Тесно связана с проблемой безгосударственного общества *проблема человеческой свободы, личной автономии человека в обществе*, поскольку в безгосударственном обществе эти показатели, как правило, выше, чем в государственном, а степень отчуждения человека от власти и общества гораздо меньше. Значительное, едва ли не главное место проблемы свободы, связанные с проблемой безгосударственного общества, занимали изначально, по определению, в анархистских доктринах П.-Ж. Прудона, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, А.А. Борового и др. Не последнее место эта проблема занимала и в классическом марксизме. «Истинная *субъективная* свобода, которая равносильна абсолютной свободе, требует для своего осуществления иных форм, чем государство», — отмечал Энгельс[82].

Проблема человеческой свободы — одна из центральных в экзистенциализме. Ей уделяли значительное внимание в своем творчестве К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю и другие философы данного направления. Одной из целей истории, как и одним из выражений ее скрытого смысла (наряду с цивилизацией и гуманизацией человека, величием человека и открытием бытия в человеке) — «смысла, который придает значение тому, что без него было бы в своей разбросанности ничтожным», — известный германский философ-экзистенциалист К. Ясперс считал «*свободу* и осознание свободы». «Все, что до сих пор происходило [в истории человечества], следует понимать как попытки осуществить свободу»[83].

К основополагающим категориям (онтологии) общественного бытия относил свободу Д. Лукач. Выдающегося венгерского философа-неомарксиста волновала проблема выяснения рамок свободы и условий, при которых свобода и необходимость обретут свое гар-

[81] *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. N.Y., 1974.

[82] *Энгельс Ф.* Централизация и свобода // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 41. С. 326.

[83] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 262–263.

мическое единство. Онтологически прочитанная история человечества, по Лукачу, — это история эмансипации человека от природной, а затем и социальной жесткой необходимости, история все более широкого раздвижения рамок свободы[84]. На сходных с Лукачем позициях, уделяя особое внимание вопросу о преодолении человеком отчуждения, стоял другой известный неомарксистский философ — Э. Фромм.

***

Из историков-марксистов одним из первых после К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина на проблему безгосударственного общества обратил внимание М. Беер — германский левый социал-демократ, близкий в 1920-е гг. к коммунистическому движению. Он стоял на позициях исторического материализма, но «с оговорками». Наряду с влиянием на исторический процесс, в том числе и на социалистическое движение экономических факторов, он допускал в качестве самостоятельного и психологический фактор — то, что мы сегодня назвали бы *элементами цивилизационного подхода*. Например, уделял внимание особенностям национальной психологии народов и из этого выводил успехи или трудности развития у них теории и практики социализма. Наряду с изучением тех идей и движений, которые традиционно относят к источникам и предтечам марксистского социализма, он в своем фундаментальном исследовании остановился и на проявлениях, ростках либертарного социализма, в том числе протоанархизма и раннего анархизма: в истории древней Греции (система Зенона и стоиков, общины в Липаре), в Римской империи (секты ессеев, первые христианские общины /до апостола Павла/), в средневековой Западной Европе (элементы негосударственной организации в еретических сектах), в Англии (учения Уинстенли и Годвина), во Франции (П.-Ж. Прудон, анархо-синдикалисты), в США (общины и общинная традиция)[85].

Пожалуй, первым историком, попытавшимся объяснить с марксистских позиций феномен безгосударственности на конкретном сложносоставном непервобытном безгосударственном обществе, стал исландец Э. Ольгейрссон, выпустивший в 1940-е гг. оригинальное исследование по истории исландского народа, в т.ч. перио-

[84] *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Пролегомены / предисловие И.С. Нарского и М.А. Хевеши. М., 1991. С. 21.

[85] *Беер М.* Всеобщая история социализма и социальной борьбы. М.; Л., 1927.

да так называемой «эпохи народовластия» (870–1262 гг.)[86]. В своей книге Ольгейрссон показал, что в то время, как в скандинавских странах на развалинах родового строя возникала государственная власть господствующего класса, в Исландии, несмотря на исчезновение экономического базиса родового строя, надстройка этого базиса в силу специфических условий существования исландского общества не только не исчезла, но до некоторой степени даже возродилась. В результате этого возникновение государства в Исландии задержалось на несколько веков и сложилось «народовластие» — особая форма общественного устройства, характеризуемая известным возрождением надстройки родового общества при исчезновении его базиса. Однако возникает вопрос: можно ли утверждать, что исландское общество X — первой половины XIII вв. — это общество родовое, если в нем существовала частная собственность на землю и значительное социальное расслоение? По мнению Э. Ольгейрссона, если считать, что границей, отделяющей феодальное общество от капиталистического, является не возникновение новой классовой системы, а захват власти буржуазией, то тогда и границей, отделяющей родовое общество от феодального, следует считать не возникновение новых экономических отношений, а захват власти крупной знатью. Поскольку, заключает Ольгейрссон, в исландском обществе вплоть до XIII в. такой захват еще не произошел, исландское «народовластие» следует считать особой ступенью родового строя[87].

Данное исследование «нефеодального пути развития в условиях феодализма» тем более важно, что похожая (более или менее ярко выраженная) ситуация в раннее и развитое, а где-то и в позднее Средневековье складывалась (а кое-где и веками сохранялась) в нескольких районах Европы: Саксонии (VIII–IX вв.), Фрисландии (некоторые ее районы, XII–XV вв.), на земле Штедингов (начало XIII в.), Швейцарии (XIII–XV вв., а в лесных кантонах даже несколько дольше), в Айришри (свободная от англичан территория Ирландии, до конца XVI в.), Шотландии (северная и западная ее части, до середины XII в.), северной Франции (федерация сельских коммун в области Лаонэ, XII в. — середина XIII в.) и, наконец, в такой уникальной крестьянской «республике» на севере германских земель, как Дитмаршен (XIII в. — 1559 г.).

[86] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа: родовой строй и государство в Исландии. М., 1957.

[87] Там же. С. 10–12 (предисловие М.И. Стеблина-Каменского).

На этой проблеме останавливались и так или иначе пытались ее истолковать такие известные советские историки, как А.Я. Гуревич, С.Д. Сказкин, Б.Ф. Поршнев. «Дофеодальная свобода, — замечает А.Я. Гуревич, — частично, в измененном виде сохранилась преимущественно лишь на "периферии" феодального мира — в Швейцарии, во Фрисландии, в Исландии, в других скандинавских странах». Пытаясь объяснить данный феномен, он пишет: «Богатство общественно-экономических форм средневекового мира дополняется гетерогенностью политического строя, не уступающей, пожалуй, многоликости государственных форм древности. Хотя монархия была наиболее распространенной и естественной в условия земледельческого, крестьянского общества формой государства, наряду с ней мы наблюдаем и город-республику, или тиранию, и теократическое государство; пережиточные институты "военной демократии" ("крестьянские республики" в Дитмаршене, Швейцарии и в Скандинавии) соседствуют с империей, претендующей на всемирное господство <...>»[88].

Интересная попытка объяснения этого явления и сходных с ним, но несколько более поздних явлений (например, казачества XVI–XVIII вв.) была предпринята С.Д. Сказкиным. «Крестьянство [Европы], — писал он, — чувствуя тяжелую руку феодалов, вооруженных недоступной для него по своей сложности и дороговизне военной техникой (достаточно вспомнить огнестрельное оружие, особенно артиллерию), отлично понимало безнадежность прямой борьбы и вынуждено было думать об иной, чем прежде, стратегии и тактике. И оно неизбежно пришло к мысли противопоставить новому объединенному государству [феодалов] свое "мужицкое государство", противопоставить крепостному обществу и государству свое вольное общество и автономное от феодального государства политическое устройство. Любопытно отметить, что много раз пытавшееся восстать в XV–XVI вв. юго-западное немецкое крестьянство прямо заявляло устами участников этих восстаний, что их целью было "мужицкое управление", имея, вероятнее всего, перед своими глазами организацию лесных кантонов Швейцарии, своих соседей, которым они завидовали и куда они бежали, когда их попытки кончались неудачей. И если здесь, в тесно населенной Юго-Западной Германии, подобного рода попытки были обречены на неудачу, то этого нельзя сказать о других частях Европы. Достаточно вспомнить об испан-

[88] *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 17.

ских бегетриях, австрийских (сербских по происхождению) гранича-рах, вольные полувоенные общины которых оберегали государство Габсбургов от турецких нашествий, Запорожскую Сечь и казачество вообще в России XVI–XVIII вв. Чаще всего это были беглые крестьяне, вольные общины которых создавались на окраинах государства, где их не могла достать (по крайней мере, вначале) рука центрального правительства. Напротив, оно само до известной степени и до поры до времени вынуждено было поддерживать такие вольные общины и мириться с казацкой вольностью, защищавшей государство от наседавших на него врагов, и даже вынуждено было давать им новое оружие вместо утерянного в раннее Средневековье старого вооружения, выпавшего, так сказать, из рук простого народа вместе с ликвидацией народных ополчений (Московское правительство, как известно, снабжало в XVII в. казаков порохом, свинцом, а иногда даже и пушками). Конечно, не надо преувеличивать степень свободы таких "мужицких государств". Рано или поздно они подчинялись центральному правительству, естественная имущественная дифференциация порождала в конечном счете собственное дворянство, которое обзаводилось собственными крепостными, и вольное общество мало-помалу превращалось в обычное феодально-крепостническое. Но это обычная судьба даже успешных крестьянских восстаний. Осталась лишь светлая намять о великих смутьянах и народных заступниках вроде Степана Разина и Емельяна Пугачева, да песни об удалых вольных дружинах»[89].

Похожие научно-методологические подходы встречаем у советских историков 1950–1980-х гг. в работах, посвященных проявлениям классовой борьбы[90] и, в частности, такому ее специфическому проявлению, как казачество первых веков своего существования[91]. В.А. Голобуцкий находил генетическую связь казачества с вольными западноевропейскими городскими коммунами; И.Г. Рознер указывал на сходство казачества и его общественных организмов с обществом чешского Табора XV в.; Н.И. Никитин видит близость казачества

[89] *Сказкин С.Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века. М., 1968. С. 362–363.

[90] См.: *Чиркин В.Е.* Об изучении государственных образований, возникших в ходе восстаний рабов и крестьян // Вопросы истории. 1955. № 9.

[91] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев, 1957; *Рознер И.Г.* Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XV–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8; *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ (к постановке вопроса) // Феодализм в России / под ред. В.Л. Янина. М., 1987.

прежде всего к позднепервобытной «военной демократии». Логичнее предположить, считает Н.И. Никитин, что «в XVI–XVII вв. казачьи сообщества не являлись олицетворением общественных отношений грядущего (более передового общественного уклада или строя. — *А.Ш.*), а представляли собой отголосок минувшего, своеобразный рудимент дофеодальных времен; во всяком случае, по бытовому укладу и социальному устройству они гораздо ближе к последней стадии доклассового общества, чем к следующим за феодализмом формациям»[92].

Вопросы теории и истории безгосударственного общества затрагивались в работах советских ученых-обществоведов 1980-х гг., посвященных развитию проблемы общественного самоуправления[93]. В кратком, но емком исторической обзоре одной из этих работ был изложен опыт негосударственной самоорганизации в первобытном и классовом обществах, первобытная община, военная демократия, античный полис, городские коммуны Средневековья, соседская община и община-волость на Руси, Парижская коммуна, первые российские Советы 1905 года[94].

Относительно широкое распространение получила в советской исторической литературе критика анархистской теории и практики. Хотя авторы были не всегда объективны[95], а некоторые не всегда точны, в целом они создали широкую панораму истории анархизма, в том числе и картину безуспешных попыток реализации на практике его идей[96].

---

[92] *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ. С. 240.

[93] *Аузан А.А.* Социалистическое самоуправление в экономике: политэкономический аспект. М., 1987; Самоуправление: от теории к практике / под ред. Ю.А. Тихомирова, Г.Х. Шахназарова. М., 1988; Социалистическое самоуправление народа: условия и пути развития / под ред. В.П. Пугачевой. М., 1990; и др.

[94] Самоуправление: от теории к практике. С. 7–24.

[95] Так, С.Н. Канев, справедливо констатируя, что «под знаменем анархизма не совершено ни одной победоносной революции», далее заявляет, что анархистское учение нереволюционно (*Канев С.Н.* Революция и анархизм: из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). М., 1987. С. 5). На наш взгляд, правомерно говорить о специфике анархистской революционности, но никак не об отсутствии таковой.

[96] *Комин В.В.* Анархизм в России. Калинин, 1969; *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974; *Он же.* Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). М., 1987; *Корноухов Е.М.* Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981; *Пронякин Д.И.* Анархизм: «исторические» претензии и уроки истории. Л., 1990; и др.

Несколько особняком стоит важнейшая для понимания и раскрытия нашей проблемы фундаментальная философско-историко-социологическая работа Л.С. Мамута[97]. Автор в своем глубоком и многостороннем исследовании дал подробный анализ двух типов человеческого социального мышления — этатизма[98] и анархизма. Однако, на наш взгляд, автор несколько упростил проблему, сведя всякое проявление безгосударственности целиком к анархии, а все идеи безгосударственности — исключительно к анархистскому типу мышления, тогда как, по нашему глубокому убеждению, отнюдь не все идеи и проявления безгосударственности в мировой истории сводятся к анархизму.

Совершенно особое место в советской (но не марксисткой) историографии безгосударственных обществ занимает оригинальная философско-историческая и в то же время естественно-научная *концепция антисистемы* Л.Н. Гумилева, созданная им в процессе историко-этнических и историко-географических исследований 1960–1970-х гг. Появление идеологических (прежде всего религиозных) антисистем как особого мироощущения в средневековом мире (IX–XV вв.) было связано с возникновением и распространением в этот период нескольких религиозно-еретических учений дуалистического направления: учения антиохийских гностиков; манихейства, маздакизма и исмаилизма в Персии; павликианства в Малой Азии; богумильства в Болгарии; катарства во Франции. Общим и важнейшим принципом всех дуалистических религиозных систем было отрицание мира как источника зла: от окружающей природы до собственного человеческого тела, от которого необходимо освободить душу, т.е. сознание[99]. Естественно, отрицалось и государство как вместилище зла, а с ним и другие социальные институты (вплоть до семьи). Кое-где приверженцам антисистем удалось создать не только общины, но и союзы общин и даже довольно сложносоставные общества. Природа этих обществ, часть которых, возможно, была безгосударственной, другие напоминали государства, а третьи были таковыми, еще недостаточно исследована как по методологическим причинам (чрезвычайная

[97] *Мамут Л.С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период). М., 1989.

[98] Этатизм (от франц. *etat* — государство) — направление политической мысли, рассматривающее государство как высший результат общественного развития. Второе значение: политика активного вмешательства государства во все сферы общественной и экономической жизни; политический строй, где осуществляется такое вмешательство. Крайней формой этатизма является тоталитаризм.

[99] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 170, 171.

сложность данного исторического явления), так и из-за недостатка исходивших от еретиков документов, уничтоженных победителями после неизбежных крушений обществ-антисистем.

Из современных российских исследователей, касающихся проблемы безгосударственности, следует отметить известного социального философа В.Г. Федотову, в работах которой значительное место уделено проявлениям в современном российском и мировом обществе социального хаоса и анархии, а также их соотношению с проблемой общественного порядка и оптимальной организации общества[100].

Истории безгосударственных обществ эпохи государственности было уделено закономерное внимание историками, изучавшими первобытное общество. Речь идет об исследовании так называемых синполитейных обществ (СПО) — первобытных обществ, существовавших параллельно и в контактах с уже возникшими государственными цивилизациями. Синполитейные общества (т.е. регионально доклассовые общества или же первобытная периферия классовых обществ, в том числе и внутренняя периферия) существовали на всем пятитысячелетнем протяжении государственности. Их остатки (теперь уже крошечные) существуют и сегодня, в начале XXI в. Историки первобытного общества исследовали как внутреннее устройство таких обществ, так и контакты этих обществ с цивилизациями (экономические, культурные и вооруженные взаимовлияния; сопротивление СПО экспансии государственных цивилизаций)[101].

Представляется интересной и оригинальной работа Ю.И. Семенова о вариантах перехода от первобытного общества к классовому. Оставаясь в целом на марксистских позициях, автор дал несколько отличную от схемы Ф. Энгельса концепцию перехода первобытного общества к классовому и на конкретных примерах показал чрезвычайные многообразие и длительность проявлений этого процесса. Среди этих проявлений нам особенно интересны те, при которых процесс перехода затягивался на столетия и даже тысячелетия, при этом некоторые общества выглядели уже довольно развитыми, сопоставимыми по некоторым критериям с классовыми, государствен-

[100] *Федотова В.Г.* Анархия и порядок: сб. статей. М., 2000; *Она же.* Хорошее общество. М., 2005.

[101] Века неравной борьбы. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. М., 1967; Первобытное общество: основные проблемы развития. М., 1975; Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978; История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988; и др.

ными, но при этом таковыми не являлись. Автор дал развернутую типологию, классификацию переходных обществ (протополитарное; политарное; пракрестьянское; протодоминомагнатное; доминомагнатное), а также обосновал понятие «общественно-экономическая параформация»[102].

Определенное влияние на разработку темы истории безгосударственного общества оказали синергетические концепции самоорганизации в общественном развитии[103], а также ряд работ по общей теории синергетики и по междисциплинарному синергетическому подходу в решении различных, в первую очередь социальных, проблем[104]. Синергетика (от греч. *sinergeia* — совместное действие) — научное направление, исследующее процессы самоорганизации

[102] *Семенов Ю.И.* Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. 1993. № 1; № 2.

[103] Самоорганизация: кооперативные процессы в природе и обществе. Ч. 1, 2. М., 1990; Самоорганизация в природе и обществе: философско-методологические очерки / В.Н. Михайловский и др. СПб., 1994; Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994; Самоорганизация в исторической ретроспективе. М., 1994; Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления / А.А. Печенкин и др. М., 1994; *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994; Самоорганизация, организация, управление. М., 1995; *Рузавин Г.И.* Самоорганизация и организация в развитии общества // Вопросы философии. 1995. № 8; *Сапронов М.В.* Концепции самоорганизации в обществознании: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // Общественные науки и современность. 2001. № 1; Общественная самоорганизация в мировой истории: сб. науч. статей / под ред. А.А. Штырбула. Омск, 2006; и др.

[104] *Курдюмов С.П. Малинецкий Г.Г.* Синергетика — теория самоорганизации. Идеи, методы, перспективы. М., 1983; *Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б.* Синергетика — новые направления. М., 1989. (Новое в жизни, науке, технике. Серия: Математика. Кибернетика. 1989. № 11); *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12; *Гомаюнов С.* От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2; Синергетика и социальное управление. М., 1998; *Бранский В.П.* Социальная синергетика и теория наций. СПб., 2000; *Бранский В.Л., Пожарский С.Д.* Социальная синергетика и акмеология: теория самоорганизации индивидуума и социума. СПб., 2001; *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002; Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003; *Бородкин Л.И.* «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и Новейшая история. 2003. № 2; и др.

Синергетика, кроме всего прочего, «дает возможность рассмотреть старые проблемы в новом свете, переформулировать вопросы, переконструировать проблемное поле науки» (*Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. С. 64).

в природных, социальных и когнитивных системах[105]. Под самоорганизацией вообще и общественной в частности понимаются процессы *упорядочивания*, происходящие в системе за счет ее составляющих. Существенно, что самоорганизация не навязывается системе извне: хотя она инициируется какими-то внешними воздействиями, эти воздействия не являются специфичными, системообразующими. Кроме того, система сама формирует свою границу. Важно, что концепции общественной самоорганизации предполагают изучение кооперации индивидов и социальных групп, стихийно возникающей в обществе[106]. «Самоорганизация как глобальная эволюция покрывает все смысловое поле развития природы и общества»[107].

К синергетическим моделям истории относятся:

— собственно синергетика в исторической ее части;

— нелинейная неравновесная динамика;

— автопоэзис [*греч.* самоорганизация];

— теория катастроф;

— теория хаоса.

(Последние четыре концепции сформировались независимо от первой[108].)

«Концепции самоорганизации (или *концепции синергетического типа*) рассматривают окружающую нас действительность как сложную, открытую, саморазвивающуюся систему, состоящую из огромного числа взаимосвязанных и взаимозависимых элементов (подсистем). Системообразующими категориями концепций самоорганизации являются понятия *открытости и самоорганизации*. Открытость системы означает ее постоянное взаимодействие с внешней средой — обмен энергией, или веществом, или информацией. В ходе этого взаимодействия происходит адаптация, приспособление всех элементов системы к изменяющимся условиям существования»[109].

После выхода в СССР фундаментальной, во многом программной работы И. Пригожина и И. Стенгерс с предисловием О.(Э.) Тоф-

[105] Современный философский словарь. Лондон; Минск, 1998. С. 785.

[106] Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. С. 12, 13, 25.

[107] *Егоров В.С.* Постнеклассическая наука и современное миропонимание // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. С. 80.

[108] *Русакова О.Ф., Дука О.Г.* Современная историософия. Екатеринбург, 2004. С. 78.

[109] Там же. С. 78–79.

флера[110], а также работ некоторых других зарубежных специалистов в России стали появляться исследования отечественных разработчиков проблемы, в том числе исследования, посвященные социальным аспектам синергетики, и среди них — социофилософские работы по теории общественной самоорганизации. Вот лишь некоторые из принципиальных положений, к которым пришли российские исследователи проблемы[111]:

1) самоорганизация общества как проявление его саморазвития предполагает в качестве своих элементов самоуправление и самоконтроль, механизмы саморегуляции и самопроверки, корректировки в ходе развития в соответствии с изменяющимися внутренними и внешними условиями;

2) самоорганизация сыграла исключительную роль в процессе становления общества и его важнейших институтов. Именно благодаря кооперации своих усилий, отказу от некоторых чисто индивидуальных интересов в пользу коллектива стала возможной успешная трудовая и культурно-историческая деятельность людей;

3) совместная деятельность людей осуществляется в обществе не только в форме внутренней самоорганизации различных групп и коллективов, но и внешней организации созданных обществом органов управления и власти. Весь вопрос заключается, однако, в том, насколько организация согласуется с самоорганизацией людей, групп, классов, т.е. в какой мере внешняя организация в социальных системах соответствует их внутренней самоорганизации;

4) попытки управлять сверху сложной общественной системой как простой приводят к коллизиям, в том числе и к непомерному росту управленческого аппарата, приобретающего свой собственный интерес, реализуемый в процессе управления;

5) самоуправляющаяся система как определенная целостность подсистем частей и элементов появляется лишь при условии, когда составные ее компоненты начинают не просто взаимодействовать друг с другом, а когда это взаимодействие приобретает согласованный, кооперативный характер. Только при коллективном поведении компонентов системы достигается определенный целостный эффект: возникает система с соответствующей динамической структурой.

---

[110] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.

[111] Данное резюме составлено с использованием положений и выводов ряда работ, приведенных в ссылке 102.

Данные положения, относящиеся именно к общественной самоорганизации, а также и другие, более общие синергетические категории (зоны неустойчивости, аттракторы[112], бифуркации[113] и т.д.) некоторые российские историки уже пытаются применять при изучении исторического процесса. Впрочем, делают они это не всегда удачно, иногда достаточно механически используя эти категории применительно к отечественной и мировой истории. В то же время философам, занимающимся проблемами общественной самоорганизации человечества, часто не достает конкретно-исторического материала для убедительного подтверждения своих положений и выводов. Как отмечал несколько лет назад М.В. Сапронов, «среди авторов, желающих поделиться своими мыслями на тему “синергетика и история”, подавляющее большинство — не историки»[114].

В последние полтора-два десятилетия довольно заметное распространение получили философские, социологические и исторические концепции, связанные с принципом альтернативности исторического процесса[115] и в некоторой своей части соприкасающиеся с проблемой общественных альтернатив в мировой истории, в том числе и безгосударственных.

По мнению философа Н.В. Клягина, стадиальный метод (метод стадиального членения) «наряду с очевидными достоинствами таит в себе скрытый недостаток. Дело в том, что исторические факты, плохо укладывающиеся в стадиальную схему, по определению нерепрезентативны и по этой причине оказываются под угрозой своего рода методологической дискриминации». Н.В. Клягин приходит к выводу, что «рассмотрение альтернативных путей общественного

[112] Аттракторы (от англ. *to attract* — притягивать) — область притяжения: множество точек фазового пространства, к которым с течением времени «притягивается» траектория динамической системы (*Прытков В.П.* Синергетика // Современный философский словарь. Лондон; Минск, 1998. С. 786).

[113] Бифуркация (от лат. *bifurcus* — раздвоенный) — точка «развилки» или ветвления того или иного (в том числе и социального) процесса в условиях неравновесности и неустойчивости, связанная с выбором дальнейшего пути или направления этого процесса. Когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, то флуктуации (отклонения величины от ее среднего значения) вынуждают систему выбрать ту «ветвь», по которой будет проходить дальнейшая эволюция системы (*Прытков В.П.* Синергетика... С. 786–787).

[114] *Сапронов М.В.* Концепции самоорганизации в обществознании... С. 159.

[115] Альтернативность общественного развития: сб. статей / под ред. В.Б. Власовой. М., 1992; *Бестужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация. М., 1998; Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002; Альтернативы (Москва). 1991–2006; и др.

развития отличается от стадиальных концепций своей пространственно-временной объемностью и социально-философской определенностью (больше определенность социально-экономических и других существенных основ), что способно позитивно сказаться на реконструкции исторического процесса»[116].

Еще дальше в понимании исторических альтернатив идет И.В. Бестужев-Лада, разработавший ретроальтернативистский подход — своеобразную теорию утраченных возможностей в историческом процессе. Если существует и успешно развивается альтернативистика, то почему бы не быть ее зеркальному отражению в прошлое — ретроальтернативистике? Если у прошлого нет альтернатив, считает он, то их не может быть и у настоящего или будущего, поскольку и то и другое является всего лишь логическим продолжением прошлого. В этом случае будущее предстает таким же фатальным, жестко детерминированным, неизменным, как и прошлое. Но тогда теряется смысл исследований будущего и попыток его предопределить. Оспаривая последнее, И.В. Бестужев-Лада полагает, что инструментарий исследований будущего (анализ тенденций, сценарии, прогнозы) можно, с учетом специфики объекта, обратить в прошлое с целью расширить диапазон оценок в философии истории, сделать их более обоснованными[117].

История человечества дает множество примеров альтернативных путей развития, альтернативных обществ (естественных и искусственных), социальных экспериментов, фактов своеобразного социального первопроходства, социальных «оазисов», очагов альтернативного социального творчества (не всегда, впрочем, удачных), поэтому исследование исторического процесса в русле концепций альтернативности общественного развития представляется нам весьма обоснованным.

Весьма интересна и заслуживает внимания относительно новая *нелинейная историческая концепция*, начало которой положили работы таких известных западных ученых-антропологов, как Р. Карнейро[118]

[116] *Клягин Н.В.* Альтернативность как норма общественного развития // Альтернативность общественного развития. С. 4, 14.

[117] *Бестужев-Лада И.В.* Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–113, 122.

[118] *Carneiro R.L.* The four faces of evolution // Handbook of social and cultural anthropology / Ed. by J.J. Honigman Chicago, 1973; *Carneiro R.L.* The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / Ed. by G.D. Jones and R.R. Kautz. London, 1981; *Carneiro R.L.* Cross-Currents in the Theory of State Formation // American Ethnologist. 1987. Vol. 14; *Carneiro R.L.* Cultural evolution // Encyclopedia of cultural anthropology / Ed. by D. Levinson and M. Emler. N.Y., 1996; и др.

(США), Х. Классен[119] (Нидерланды), Э. Саутхолл[120] (Франция), и у которой нашлось немало сторонников среди российских исследователей 1990-х — начала 2000-х гг.[121]

Основные положения нелинейно-исторической школы следующие:

— процесс развития человеческого общества *нелинеен*: в ходе его идет соревнование отдельных обществ (цивилизаций) не на одной линейной исторической «беговой дорожке» и даже не на нескольких, а на одном общем и ограниченном, непрерывном эволюционном поле;

— прогресс общественного развития состоит не в постоянном усложнении общества (обществ), а в постоянном его упорядочивании и структурном изменении (совершенствовании) в сторону большей четкости и оптимальности;

— политогенез нельзя сводить только к зарождению и возникновению государства: это может быть также зарождение и возникновение сложного безгосударственного общества — политии, которая, не являясь уже политической формой первобытного общества, в то же время не является и государством, хотя при этом вполне сопоставима по структурной сложности и материальным (энергетическим) возможностям с последним; возможны также комбинированные общества (мультиполитии), сочетающие в себе одновременно государственные и безгосударственные черты;

— переход от раннегосударственного общества к негосударственному (встречавшийся в истории человечества не так уж и редко) не всегда являлся регрессом.

Российские последователи и видные разработчики этой концепции (А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин и В.А. Лынша) в своем своеобразном научном манифесте полагают: «Существует очевидная альтернатива развитию жестких надобщинных политических структур

[119] *Claessen H.J.M., Skalnik P.* (*eds.*). The Early State. The Hague, 1978; *Claessen H.J.M.* The Internal Dynamics of the Early State // Current Anthropology. 1984. Vol. 25. № 4; *Claessen H.J.M.* Evolutionism in Development. Beyond Growing Complexity and Classification // Kinship, Social Change and Evolution / Ed. by A. Gingrich et al. Horn–Wien, 1989; *Claessen H.J.M., Oosten J.G.* (*Eds.*). Ideology and the Formation of the Early States. Leiden, 1996; и др.

[120] *Saulhall A.* The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production // Early State Economics Ed. By H.G.M. Claessen, P. van de Velde. N. Bunswick, N.Y., L., 1991; и др.

[121] Альтернативные пути к ранней государственности / отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток, 1995; Альтернативные пути к цивилизации: коллективная монография / под ред. Н.И. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М., 2000; и др.

(вождество — сложное вождество — государство) в виде развития структур внутриобщинных вместе с эволюцией мягких межобщинных систем, не отчуждающих общинного суверенитета (разнообразные конфедерации, амфиктионии и т.д.). Один из наиболее впечатляющих результатов развития в этом направлении — греческие полисы, несколько из которых достигло общего уровня культурной сложности, сопоставимого не только с вождествами, но и с государствами. <...> Племенной и полисный эволюционные ряды образуют, по-видимому, разные эволюционные направления, характеризующиеся своими отличительными чертами: полисные формы предполагают "власть магистратов", выбираемых тем или иным путем на фиксированные промежутки времени и контролируемых народом (демосом) в условиях отсутствия регулярной бюрократии. В рамках племенных систем (сложных обществ) наблюдается вообще полное отсутствие каких-либо формальных должностей, носителям которых члены племени бы подчинялись только потому, что они являются носителями должностей определенного типа (а не в силу обладания ими определенными личными качествами), а поддержание порядка достигается через изощренную систему посредничества и поиска консенсуса. Существует также значительное число и иных сложных безгосударственных политий [например, у казаков Украины и Южной России (вплоть до конца XVII в.)], которые не имеют еще для своего обозначения каких-либо общих терминов. Еще одна очевидная альтернатива государству представлена сверхсложными (суперсложными) вождествами, созданными кочевниками Евразии — количество структурных уровней в подобных вождествах равно или превышает количество таковых для среднего государства, но они имеют качественно отличный от государства тип политической организации и политического лидерства; политические образования такого рода, по-видимому, никогда не создавались земледельцами»[122].

Современная анархистская историография безгосударственных обществ почти отсутствует. Основное внимание анархистские и околоанархистские историки и публицисты — как зарубежные, так и современные российские — уделяют истории идей анархизма, а затем истории анархистского движения. Гораздо меньше попыток исследовать анархистские социальные эксперименты по реальному созданию анархистского общества (тем более что таких экспериментов в мировой истории не так уж и много).

[122] *Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. С. 36–37.

Зарубежная анархистская историография постклассического периода[123], в той или иной мере касающаяся общественной самоорганизации и попыток реализации на практике анархистских концепций нового общества, представлена работами таких авторов, как М. Нетлау (позднего периода творчества), Дж. Джолл, А. Лефевр, А. Ленинг, Ч. Черрито, В. Ричардс, Дж. Пейрет, А. Скирда, Дж. Брэдфорд, К. Нэбб, Г. Хаджиев, Ф. Минц и некоторых других[124]. Ряд книг зарубежных анархистских авторов, в коих затрагиваются вопросы анархистской социальной практики, изданы на русском языке[125].

Анархистское движение не богато на кадры профессиональных историков. Часто анархистские теоретики и практики пользуются литературой по истории анархизма отнюдь не анархистского происхождения — социалистической, коммунистической, либеральной, академической (нейтральной). Характерно, что в библиотеку крупнейшего Международного центра изучения анархизма CIRA (Лозанна, Швейцария) со всего мира стекается самая разная по происхождению литература, так или иначе касающаяся истории, практики и современного состояния анархистского движения, а также вообще либертарной тематики[126].

[123] Пришел на смену т.н. классическому периоду. К классическому периоду анархизма относят время активной творческой и политической деятельности признанных анархистских классиков — М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина.

[124] *Nettlau M.* Miguel Bakunin, la Internacional y la Alianza en Espana (1868–1873). Buenos Aires, 1925; *Nettlau M.* Bakunin e l'Intemazijnale in Italia. Dal 1864 ab 1872. Ginevra, 1928; *Joll J.* The Anarchists. London, 1964; *Lefebvre H.* La proclamation de la Commune, 26 mars 1871. Paris, 1965; *Lehning A.* Anarchisme et marxisme dans la revolution russe. Paris, 1971; *Richards V.* Lessons of the Spanish Revolution (1936–1939). London, 1983; *Peirats J.* Anarchists in the Spanish Revolution. London, 1990; *Хаджиев Г.* Основи на безвластието. София, 1992; *Mintz F.* Autogestion et anarcho-syndicalisme: Analyse et ritiques sur l'Espagne 1931–1990. Paris, 1999; и др.

[125] *Нетлау М.* Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам. Тусон, 1991; *Хаджиев Г.* Позитивная программа анархистов. (Фрагменты книги «Основы безвластия»). М., 1994; *Скирда А.* Нестор Махно, казак свободы. 1888–1934. Гражданская война и борьба за вольные Советы на Украине. Париж, 2001; *Он же.* Индивидуальная автономия и коллективная сила: обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж, 2002; *Он же.* Вольная Русь: От веча до Советов 1917 года. Париж, 2003; *Нэбб К.* Радость революции. Омск, 2002; и др.

[126] См.: библиографические бюллетени «Centre International de Recheches sur l'Anarchisme» (CIRA). Lausanne, (выпуски 1970–1990-х гг.). Библиотека CIRA к 1982 г. располагала 15 тыс. книг на 27 языках и большим количеством анархистских периодических изданий. См.: Bulletin Centre International de sur l'Anarchisme. (Lausanne). 1982. № 37. P. 1. К настоящему времени количество единиц хранения значительно возросло.

В интересном отечественном академическом сборнике научных статей «Анархия и власть», который и по своей концепции, и по содержанию может быть признан в известной мере проанархистским, основное внимание уделено теории анархизма, и в то же время о практике создания негосударственных обществ нет почти ничего[127].

Современная анархистская историография в России представлена работами В. Дамье[128], П. Рябова[129], А. Шубина и некоторых других авторов, но только А. Шубин предметно и целенаправленно обратился к истории социальной практики анархизма, его социальных экспериментов, т.е. к истории реальных попыток создания общества на анархистских началах. Проведя достаточно кропотливые исследования социальной практики махновского движения 1917–1921 гг. и анархистских социальных опытов в Испании 1936–1939 гг., он впервые системно подошел к проблеме с анархистских позиций, но при этом, как нам представляется, не избежал известной доли апологии и идеализации объекта и предмета исследования[130].

***

На протяжении всей истории классового общества (сначала стихийно и эмпирически, затем все более осознанно и целенаправленно) предпринимались попытки сохранения уже существовавших и создания новых безгосударственных обществ. На новых и новых витках исторического развития стихийно и сознательно, через достижения и, чаще, поражения люди с удивительной настойчивостью пытались идти по пути преодоления или хотя бы уменьшения отчуждения человека от власти и общества, искали варианты нового общества, в котором гармонично сочетались бы свобода и справедливость и где,

[127] Анархия и власть: сб. статей / отв. ред. К.М. Андерсон. М., 1992.

[128] *Дамье В.В.* Испанская революция и коммуны Арагона // Наперекор (Москва). 1999. № 9; *Он же.* Анархо-синдикализм в XX веке. М., 2001; *Он же.* Забытый Интернационал: Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1. От революционного синдикализма к анархо-синдикализму: 1918–1930. М., 2006.

[129] *Рябов П.* Краткая история анархизма. Краснодар: б.г.; *Он же.* Мятежный Кронштадт: Последний аккорд нашей революции // Автоном: журнал Радикальной Альтернативы и Сопротивления (Краснодар). 2001. Январь-апрель.

[130] *Шубин А.В.* Анархо-синдикалисты в Испанской гражданской войне 1936–1939 гг. М., 1997; *Он же.* Махно и махновское движение. М., 1998; *Он же.* Анархистский социальный эксперимент: Украина и Испания 1917–1939 гг. М., 1998; *Он же.* Анархия — мать порядка. Между белыми и красными. (Нестор Махно как зеркало Российской революции). М., 2005.

как сформулировали К. Маркс и Ф. Энгельс *на далекую перспективу для всего человечества*, свободное развитие каждого стало бы условием свободного развития всех. Разумеется, пока что речь могла идти о попытках осуществления этого принципа только лишь в какой-то, далеко не полной, мере и лишь в масштабах того или иного ограниченного (в пространстве и по численности жителей) сообщества.

В настоящей работе в качестве предмета исследования рассматриваются *безгосударственные общества эпохи государственности*, обладавшие фактическим общественным суверенитетом (полным или частичным). Объект же исследования — *безгосударственность как форма существования общества*.

И.Н. Гомеров справедливо отмечает в своем фундаментальном исследовании: «В истории человечества можно выделить две основные *формы его существования*: *негосударственную* (индивидуальную, этническую, семейно-родственную, общинную, общественную) и *государственную*. Соответственно необходимо различать, во-первых, негосударственную форму власти и, во-вторых, государственную форму власти»[131].

Форма государственного существования общества к настоящему времени (начало XXI в.) довольно широко исследована историками, правоведами, социологами, экономистами. Форма негосударственного[132] (в том числе безгосударственного) существования общества в этом значительно уступает и еще ждет своего пристального и тщательного исследования. Пока что в данном направлении, за редким исключением, исследуется только первобытная безгосударственность. Представляемая вниманию уважаемых читателей книга призвана хотя бы в некоторой мере восполнить пробелы в безгосударственной истории человечества эпохи государственности.

[131] *Гомеров И.Н.* Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. С. 498.

[132] Следует оговорить, что в работе не рассматриваются в качестве проявлений безгосударственного общества те локальные очаги негосударственной самоорганизации (социально-религиозные, экологические, анархистские и т.п. общины и коммуны, получившие в мире заметное распространение во второй половине XX в., но имевшие место и ранее), которые существуют в рамках государств и вполне уживаются с ними.

Глава I. Первобытные общества в эпоху государственности

Неравномерное развитие всемирно-исторического процесса неизбежно вело к тому, что классо- и политогенез протекал с разной скоростью в разных частях земного шара. В результате складывавшиеся в районах с наиболее благоприятными условиями первые классовые общества оказывались как бы островами в океане общественных организмов, находившихся на различных стадиях перехода от первобытнообщинного строя к классовому. Именно так выглядели первые цивилизации Старого Света, возникшие в речных долинах Месопотамии, Нила и Инда в окружении множества доклассовых обществ. Так рождалась проблема взаимодействия классовых обществ с их первобытной (в широком смысле — и с действительно первобытной, и с разлагавшейся позднепервобытной) периферией[1]. «*Складывание первых классовых и соответственно первых государственных образований обозначило важнейший рубеж в развитии не только тех обществ, где появилось и то и другое, но и других общественных организмов, которые к этому времени находились на разных стадиях разложения первобытности либо вообще пережили период развитого первобытнообщинного строя*» (курсив мой. — *А.Ш.*)[2].

Сочетание двух важнейших характеристик общественного развития — неравномерности темпов развития и объективной неизбежности, а затем и необходимости контакта между обществами — в масштабах всей ойкумены уже довольно рано привело к складыванию отношений между общественными организмами, различающимися по темпам и уровню развития, по типу «центр — периферия», если под первым понимать общества, более продвинувшиеся по пути

[1] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 248.

[2] Там же. С. 471.

социально-экономической эволюции, а под второй — те коллективы, темпы развития которых оказались в силу ряда объективных исторических причин заметно ниже, чем у первых[3].

Синполитейные первобытные общества в эпоху государственности могли находиться на разных социально-политических уровнях: раннеродовая община, позднеродовая община, племя, союз племен, «военная демократия», вождество (chiefdom), сложное вождество. Так, в Персидскую державу в середине I тысячелетия до н.э. наряду с экономически передовыми народами покоренных стран вошли также массагетские и другие племена, находившиеся на стадии родового строя, занимавшиеся собирательством и жившие групповым браком[4].

Самые простые формы общественной жизни были характерны для охотников-собирателей (в канун появления европейцев такие формы были распространены, в частности, в Австралии). Как правило, это были группы численностью в несколько десятков человек, которые вели преимущественно подвижный способ существования в пределах определенной территории, сосредоточиваясь вокруг зоны расположения ресурсов. Их основу составляли неустойчивые парные семьи. Никаких формальных органов принуждения и контроля в таком обществе не существовало. Во главе группы из некоторого количества семей мог находиться наиболее авторитетный из ее членов — самый опытный или умелый[5].

Переход к производящему хозяйству стал важной, революционной вехой в истории человеческой цивилизации. С этого времени раннепервобытные локальные группы (в том числе и в СПО) сменились устойчивыми оседлыми формами общины, численность которых составляла от многих десятков до нескольких тысяч человек. В ряде благоприятных для ведения производящего хозяйства мест стали возникать крупные протогородские центры. Внутри общин усилилось неравенство, возникли возрастные статусы, имущественная и социальная дифференциация, появились зачатки власти старейшин. На основе родственных, брачных, экономических, культурных, идеологических и других принципов общины объединялись в неустойчивые образования, в том числе и в племена. Понятие племени является одним из самых неопределенных в антропологической науке. Его можно трактовать двояким образом: как один из типов этнических общностей на ранних этапах исторического процесса

[3] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 471–472.

[4] Древние цивилизации. С. 145.

[5] *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. С. 118.

или как специфическую форму социальной организации и структуры управления, характерных для первобытности[6].

Производными от племени являлись такие формы общественной самоорганизации, как союзы племен (некоторые исследователи считают эту общность тупиковой в развитии форм общественной самоорганизации) и, наконец, «военная демократия» классического типа (такая, какой ее описывают Л. Морган и Ф. Энгельс). Долгое время считалось, что военная демократия — последняя предгосударственная ступенька разлагающегося первобытного общества. Однако между классической военной демократией и ранним государством вполне отчетливо обозначилась и обнаружилась еще одна военно-иерархическая (в других случаях — гражданско-иерархическая) ступень, которая со временем находит свое конкретное социальное выражение в такой своеобразной общественной форме, как вождество (чифдом).

Племенное общество является менее сложной формой управления и власти, чем вождество. В племенном обществе народное собрание, наряду с советом старейшин и институтом вождей, является важным инструментом выработки и принятия решений. Племя характеризуется больше декларируемой, чем реальной иерархией, более эгалитарной социальной структурой, отсутствием редистрибутивной[7] системы, а институт вождей начинает только складываться. В вождестве же народ отстранен от управления; здесь существует иерархия власти, социальная стратификация и редистрибутивная система, получает развитие культ вождей. Это более структурированная, уже жестко иерархическая, фактически предгосударственная форма, при которой большинство населения уже было отстранено от управления обществом, но еще отсутствовали признаки государства[8].

Вождества в эпоху государственности известны у многих этнографических народов мира: в Африке у ашанти, банту, баганда, волоф, зулу, свази, тсвана; в Азии у качинов Бирмы, у многих номадов Евразии (пуштунов Афганистана, бедуинов Северной Африки, казахов, киргизов, монголов); в Океании — на Фиджи, Таити, Тонга, Гавайях; у североамериканских индейцев северо-западного побережья; на Гаити, Пуэрто-Рико, у чиба в Андах, инков в Перу и т.д.[9]

Внешне многие вождества выглядели как ранние государства, а их правители — как единовластные самодержцы. Однако в реаль-

[6] *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. С. 121–122, 125.

[7] Редистрибуция — перераспределение продукта по вертикали.

[8] *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. С. 128.

[9] Там же. С. 130.

ности власть этих правителей была сильно ограничена. В отношении них существовали механизмы социального контроля. Простые общинники признавали права своих вождей на привилегированное положение, однако настаивали на соблюдении справедливости (своеобразного общественного договора. — *А.Ш.*) в подобных отношениях. Если же вожди и их люди злоупотребляли своим положением, это могло вызвать и вызывало взрыв народного возмущения. Поскольку правители вождеств не имели специализированного аппарата принуждения, их положение было далеко не простым. Данная особенность, по мнению многих антропологов, является самым важным отличием вождества от государства. Правитель вождества обладал лишь консенсуальной властью, т.е. авторитетом. В государстве же правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия, не считаясь с настроениями большинства населения[10].

Таким образом, принять вождество за раннее государство, перепутать одно с другим не так уж сложно, что и происходит довольно часто. Вероятно, что дальнейшие исследования уточнят формы организации у разных народов, и мы будем более четко представлять, на каком этапе общественно-политического развития находился тот или иной народ в период соприкосновения с той или иной государственной цивилизацией. Вполне возможно, что часть раннеклассовых государств, королевств, царств, княжеств и т.п. при более пристальном изучении окажется вождествами, но отнюдь не государствами.

Взаимоотношения классово-государственных и синполитейных первобытных обществ на протяжении пятитысячелетней истории государственности не оставались, конечно же, неизменными.

В целом успешными для СПО являлись контакты военного типа с раннеклассовыми государственными обществами. Хотя такой исход данных контактов и нельзя назвать универсальным, но есть все основания считать его достаточно распространенным.

В общеисторическом масштабе СПО чаще всего бывали в военном отношении не слабее древних государств, а во многих случаях их превосходили. Понятно, что это не распространялось на эпоху римской военной гегемонии, но, с другой стороны, очень характерна та быстрота, с какой утратили свое военное преимущество над периферийными соседями эллинистические государства. Но в основном СПО, как правило, мало отличались от древних государств в военно-техническом отношении. К тому же *общество периферийное,*

[10] *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. С. 133.

даже если оно находилось уже на стадии разложения первобытности, все же отличала большая сплоченность по сравнению с обществом классово-антагонистическим (курсив мой. — *А.Ш.*). И оба эти обстоятельства представляли немалое преимущество для СПО в случае военного контакта с классовым миром[11].

Итак, для раннеклассовых обществ взаимодействие с первобытной периферией имело в большинстве случаев отрицательные последствия. Учитывая еще неустоявшийся, *зачастую обратимый характер* классовых отношений в таких обществах, к тому же еще сопровождавшийся и незначительным разрывом между ними и окружающей их периферией, приходится говорить скорее о замедляющем воздействии последней на раннеклассовый центр. К этому добавлялась и возможность поражения раннеклассового общества при военном контакте с периферией, тем более что на первых порах организационный и технический уровень военной силы не слишком различался у обеих соприкасавшихся сторон. В таких случаях не столь уж редким бывало завоевание раннеклассового общества его периферийными соседями, а за этим неизбежно следовал регресс и хозяйственный, и социальный. По-видимому, именно такой оказалась судьба древнейшей цивилизации долины Инда около середины II тысячелетия до н.э.[12]

Принципиально иным было соотношение между центром и периферией в *античную эпоху*. Здесь контакты оказались необходимым условием самого существования античной цивилизации. Прежде всего первобытные СПО служили объектом интенсивной эксплуатации: именно они, в частности, в значительной мере давали Греции и Риму массы рабов, которые были важнейшим фактором эффективного функционирования рабовладельческого способа производства[13].

С Римской республикой, а затем Римской империей на протяжении столетий соседствовали народы, находившиеся на разных этапах первобытнообщинного строя: германские, кельтские, фракийские, славянские и др. Грандиозная эпопея противостояния, борьбы, войн, мирных договоров, союзов и снова войн между варварами и римлянами закончилась падением Западной Римской империи, подточенной к тому времени внутренними социально-экономическими и политическими конфликтами. Эта эпопея весьма поучительна с разных

[11] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 493.

[12] Там же. С. 491, 492. Есть и другие точки зрения на причины и обстоятельства краха индской (протоиндийской, или хараппской) цивилизации (см. следующую главу).

[13] Там же. С. 492–493.

точек зрения, в том числе и как опыт противостояния мощнейшему государству разрозненных безгосударственных обществ. Она иллюстрирует некоторые закономерности в плане потенций и реальных возможностей противостояния негосударственного общества государственному — закономерности, которые затем, на протяжении еще двух тысяч лет, будут так или иначе проявляться в разные периоды времени в разных концах мира.

***

Драматическими и бурными были отношения между римлянами и германскими племенами.

В середине I в. до нашей эры, во времена Цезаря, германцы жили родовым строем, хотя уровень общественного развития различных германских племен был неодинаков. В истории германской общины обычно различают три последовательно сменявшие друг друга формы:

— кровнородственная;

— ранняя земледельческая;

— соседская (или община-марка).

Во времена Цезаря у германцев была распространена кровнородственная община, для которой характерны коллективное производство и коллективная собственность на всю землю. Члены общины совместно обрабатывали землю, которая ежегодно (или раз в несколько лет) подвергалась переделу между родами. Деления на классы еще не было, как не было и государства. Высшим органом власти являлось народное собрание, в котором могли участвовать все взрослые мужчины, обладавшие правом носить оружие. Родовые старейшины выполняли главным образом судебные функции; во время войны избирался вождь.

За полтора века, прошедших со времени Юлия Цезаря, общественное устройство германцев претерпело значительные изменения. Они окончательно перешли к оседлости, повысился уровень земледелия. Кровнородственную общину сменила «земледельческая община», которая, как отмечал К. Маркс, была первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами[14]. Собственность на землю, включая и пахотные поля, оставалась общей, но процесс производства уже не являлся коллективным. Пользование пахотной землей и ее обработка перешли к отдельным домохозяевам,

[14] *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В.И. Засулич [Третий набросок] // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 418.

к большим семьям, состоявшим обычно из трех или большего числа поколений, совместно живущих и ведущих общее хозяйство близких родственников — родителей, их взрослых сыновей и внуков. Организацией управления в это время являлась военная демократия. Органически связанная с войной, эта система была вместе с тем демократией, потому что рядовые общинники участвовали в общественном управлении. Народное собрание выступало в качестве высшего органа власти, а основой военной мощи племени оставалось ополчение, состоявшее из всех рядовых свободных воинов[15].

К середине I тысячелетия у германцев формируется третья стадия общины — соседская (или *марка*), которая характеризуется прежде всего тем, что земельные наделы находятся в собственности общинников и отсутствуют уже переделы пахотных полей и лугов, но сохраняется общее владение неподеленными угодьями — альмендой[16].

Политической негосударственной организацией этого периода постепенно становится военная иерархия в форме вождества (сложного вождества). Некоторые из таких сложных вождеств IV–V вв. н.э. ошибочно воспринимались современниками (а впоследствии историками и читателями) как варварские королевства (раннеклассовые варварские государства).

Несмотря на наличие в таких обществах рабов, основная противоположность в эпоху классообразования и дифференциации древнегерманского общества не «рабы — свободные», а «свободные — знатные». При этом следует подчеркнуть, что разница в степени обладания орудиями производства между свободными и знатными не слишком велика. Во всяком случае, она неизмеримо меньше, чем аналогичное различие между вотчинником и его держателем в эпоху раннего средневековья, не говоря уже о рабовладельческом строе[17].

Именно такому обществу, пережившему на протяжении нескольких веков последовательно все социальные стадии от расцвета родового строя до его разложения и предгосударственного состояния, удавалось все это время (с I в. до н.э. до V в. н.э.) противостоять римлянам и выйти из этой борьбы (с учетом других объективных антиримских факторов) фактическими победителем.

---

[15] История Средних веков / под ред. С.Д. Сказкина. М., 1977. Т. I. С. 65, 68, 80.

[16] Альменда — угодья, находившиеся в общем, коллективном пользовании общины (пастбище, лес, луг, пустошь, гнездовья, река, озеро и т.п.).

[17] *Неусыхин А.И.* Проблемы европейского феодализма: избранные труды. М., 1974. С. 388.

Одно из первых серьезных столкновений между Римом и германцами (племенами тевтонов) произошло в 102 г. до н.э., когда тевтоны были разбиты при Аквах Секстиевых римским войском во главе с полководцем Марием. В 16 г. до н.э. римляне потерпели поражение от вторгшихся германских племен, но уже в 12 г. до н.э. римские войска под командованием Друза (пасынка Августа) повели наступательные действия против германцев, и жившие в устье Рейна германские племена должны были признать власть римлян. Кампания против германцев велась и в последующие годы. В 9 г. до н.э. Друзу удалось дойти до Эльбы, но в том же году он умер. Война против германцев продолжалась и после его смерти. Особое значение имели походы Тиберия — старшего брата Друза. К 5 г. н.э. римляне, казалось, прочно укрепились в области, лежавшей между Рейном и Эльбой, где была создана новая римская *провинция Германия*. Однако вскоре жители этой провинции восстали. Римский наместник Вар отнесся к восстанию (вспыхнувшему сначала в одном из отдаленных районов провинции) спокойно, будучи уверен, что справиться с восставившими будет легко. Мятежники завлекали римские войска вглубь своей территории до тех пор, пока три римских легиона не вошли в Тевтобургский лес, где варвары, хорошо знакомые с местностью, напали на римлян, утомленных переходом и медленно передвигавшихся расстроенными рядами. В ходе битвы все три легиона были уничтожены; Вар совершил самоубийство. Последовавшее вскоре новое наступление римлян на германские племена возглавил Тиберий, а затем сын Друза Германик. Хотя римские войска оказались способны вести наступление и разорили часть территории германцев, Август отказался от дальнейших продвижений и решил, что римская граница должна пройти по Рейну. Изменение римской политики можно объяснить как победой в Тевтобургском лесу, так и общим осложнением внутри- и внешнеполитической обстановки. На Рейне и Дунае в это время сосредоточилось больше половины всех вооруженных сил Рима (15 из 25 легионов), что было, особенно при дальнейшем увеличении армии, довольно обременительным как для казны, так и для римских граждан — единственного тогда источника пополнения легионов[18].

Победа варваров-германцев в Тевтобургском лесу (9 г. н.э.) стала эпохальным историческим событием. Она нанесла сокрушительный удар по господству римлян над германскими племенами и на столетия вперед обеспечила независимость от гигантского рабовладельческого государства огромного массива германского родового безгосударствен-

[18] *Машкин Н.А.* История Древнего Рима. М., 1948. С. 228, 375, 376–377.

ного общества между Рейном и Одрой (Одером). Германцам удалось избежать тяжелой судьбы галлов и фракийцев, сопротивление которых в результате долгой борьбы было все-таки сломлено римлянами.

Около 250 лет затем между германскими племенами и Римской империей сохранялось неустойчивое равновесие и относительный мир. На рубеже IV–V вв. варвары (в первую очередь германцы), находившиеся на последнем этапе разложения первобытнообщинного строя (военно-иерархическое общество), перешли в наступление на ослабленную Западную Римскую империю. Рабы и другие зависимые категории населения встречали варваров как освободителей, а те, в свою очередь, воспринимали их как союзников. Для многих из них безгосударственный строй варваров казался идеалом общественного устройства[19]. Сильвиан заявлял по этому поводу: «У всех

[19] В этом отношении показателен общественный идеал части участников восстания Спартака как одно из ранних свидетельств тяготения рабов к общинному варварскому строю. Как известно, после первых успехов спартаковцев в их среде начались разногласия по поводу дальнейших действий. Спартак предлагал двинуться на север Италии, перейти Альпы и вывести рабов на их родину — в варварские края Галлии, Германии и Фракии. Крикс хотел остаться в Италии и идти на Рим. Часть восставших его поддержала. Можно предположить, что для сторонников плана Спартака причиной желания идти на север (наряду с тягой к родным местам) мог явиться общественный идеал, связанный с варварским общинно-племенным строем, господствовавшим к северу от Римского государства. После того, что им пришлось пережить в цивилизованном римском рабстве, значение варварского идеала и стремление к нему не могли не вырасти в их сознании. И противопоставить государственному рабовладельческому обществу они могли только этот общественный идеал. Однако в результате споров произошло разделение войска, и армия Крикса отделилась от основного войска. Вскоре отряд Крикса был разбит, а сам он погиб в сражении. Войско же Спартака, громя римские легионы, быстро двинулось на север Италии и в битве при Мутине одержало победу над армией наместника Цизальпинской Галлии. Путь к Альпам был открыт, но неожиданно Спартак повернул обратно. Что заставило его отказаться от первоначального плана, так и осталось загадкой. Дальнейшие события хорошо известны: после ряда новых побед армия Спартака на юге Италии, в Апулии, потерпела поражение.

Широкий размах имели восстания багаудов в Галлии в начале и в 30–40-е гг. V в. Наиболее активными участниками этого движения были крестьяне Арморики — северо-западной части Галлии. Слово «багауды» произошло, по-видимому, от кельтского *бага* — борьба. В отдельных районах Галлии восставшим удавалось добиться успеха и образовать независимые общины, не признававшие власти Рима. В V в. некоторые современники отожествляли власть багаудов с властью варварских королей, т.е. с варварскими общественными порядками. — История Франции. М., 1972. Т. 1 С. 34; История Средних веков. Т. I. С. 61. Таким образом, багауды пытались воспроизвести варварские общественные порядки после более чем четырехсотлетнего римского рабовладельческого государственного господства!

В Британии, в I в. н.э. с трудом покоренной римлянами и превращенной в провинцию с одноименным названием, приобщение местного населения к го-

римлян [завоеванных варварами] одно желание — чтобы им не пришлось вернуться в римское подданство. Римский плебс там единодушно заявляет о том, чтобы ему было позволено жить по-прежнему с варварами <...> Итак, наши братья не только совершенно не хотят перебежать от них к нам, но, наоборот, оставляют нас, чтобы перебежать к ним». По свидетельству Аммиана Марцелина, в 378 г. рабы оказывали поддержку боровшимся с римлянами вестготам. Во время осады Рима вестготами во главе с вождем (королем) Аларихом последний потребовал у римлян освободить и выпустить к нему всех рабов, которые сумеют доказать свое варварское (германское и кельтское) происхождение. В итоге к нему сбежалось 40 тысяч рабов, в том числе и рабов-христиан[20]. По мнению Н.А. Машкина, с которым трудно не согласиться, «субъективно и рабы, и колоны ставили своей целью возвращение патриархально-общинных порядков, объективно же они способствовали крушению рабовладельческого государства»[21]. Таким образом, как это ни парадоксально, их первобытнообщинный и безгосударственный идеал носил прогрессивный характер, а их лозунгом могла бы стать фраза «Назад в будущее!».

Не менее героическое, хотя и менее успешное, чем германцы, сопротивление оказали римлянам кельты (галлы) и фракийцы (даки).

В 476 г. ослабленная социально-экономически и политически прогнившая Западная Римская империя — одно из величайших государств всех времен и народов — рухнула в результате очередного и, как оказалось, последнего толчка — восстания наемников-варваров. Находившиеся в Италии наемники требовали предоставления им земли, но, не получив ее, подняли мятеж. Их командир скир Одоакр сместил императора Ромула Августула и, не сочтя нужным поставить нового (или самому занять его место), отослал инсигнии императорской власти в Константинополь. Западная Римская империя перестала существовать[22]. Полчища варваров ринулись в области бывшего государства, захватывая их и создавая варварские государ-

сударственности шло с большим трудом, и в начале V в. н.э., когда Британия отпала от империи, в ней восстановились в полной мере господствовавшие там до римского завоевания порядки (через почти 400 лет пребывания в лоне римской государственности. — *А.Ш.*). — История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Европа. М., 1988. С. 563–564.

[20] *Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи. М.; СПб., 1994. С. 392–393; *Свенцицкая И.С.* От общины к церкви. М., 1985. С. 223.

[21] *Машкин Н.А.* История Древнего Рима. С. 581.

[22] История Европы. Т 1. С. 647.

ства, какая-то часть из которых, видимо, некоторое время все еще оставалась безгосударственными сложными вождествами.

По мнению Ф. Энгельса, подкрепленному богатым фактическим материалом, древние германцы, разрушившие Западную Римскую империю, омолодили и оживили Европу. «Что же это было за таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули умиравшей Европе новую жизненную силу?», — задавал вопрос Ф. Энгельс и отвечал: «Омолодили Европу не их (германцев. — *А.Ш.*) специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй»[23].

***

В какой-то, несколько меньшей, правда, мере суть этого высказывания Ф. Энгельса применима и к роли древних славян в Восточной Римской империи. Восточная Римская (Византийская) империя оставалась на карте мира после падения Западной Римской империи еще около одной тысячи лет.

Античные авторы I–VI вв. н.э. знали славян под собирательными именами венедов (венетов), антов и собственно славян (в транскрипции «склавины», «склавы») и характеризовали их как «великий народ», «бесчисленные племена». Греки еще в IV в. до н.э. знали собирательное имя *венеты* (в их написании — *энеты*). В первые годы новой эры в ряде районов на территории Восточной и Центральной Европы обитало, вероятно, несколько сотен славянских земледельческих племен. В середине I тысячелетия н.э. славянские племена, в силу ряда исторических обстоятельств, разделились на три ветви — западную, южную и восточную.

Среди иноземных характеристик славян (иногда достаточно критических и нелестных) встречаются и такие, которыми славяне и их потомки вправе гордиться: «Племена эти, склавины и анты, — фиксировал в VI в. н.э. Прокопий Кесарийский, — не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела ведутся сообща <...> (1) Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. <...>. (4) Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмо-

[23] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 175.

трение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. <...>. (30) Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к [их] объединению или монархии» (Маврикий. Стратегикон. Гл. XI.) (VI в. н.э.)[24].

Вторжение славян и других варварских племен в сочетании с внутренними народными движениями способствовало дальнейшему сокращению крупного землевладения рабовладельческого типа в Византии. Большое значение в VII–VIII вв. приобрели теперь свободные местные и славянские общины. Поселившись на византийских землях и умножив ряды свободного крестьянства, южные славяне в то же время содействовали укреплению общинного крестьянского землевладения в византийской деревне. Славяне принесли с собой общину, отличавшуюся большой сплоченностью, устойчивостью и прочностью внутренних связей. В отличие от ранневизантийских митрокомий она сохранила некоторые элементы общинно-родового строя славян, в частности традиции большой семьи, большесемейной собственности и кровнородственных отношений. В результате синтеза этих двух компонентов сложился качественно новый тип общины — соседская община с присущим ей дуализмом коллективной и частной собственности. Свободная крестьянская община стала центральной ячейкой хозяйственной жизни Византии VII–VIII вв.[25]

Часть славянских племен за пределами Византии продолжала жить первобытнообщинным строем на высших его стадиях, вне государственной организации. Среди них были и восточные славяне. К V–VII вв. у восточных славян сложились 15 общностей, традиционно именуемых в историографии союзами племен. Это поляне, северяне, уличи, тиверцы, древляне, дреговичи, волыняне, бужане, дулебы, белые хорваты, радимичи, вятичи, кривичи, полочане и словене ильменские. Они занимали определенные территории, от которых и происходит часть наименований этих союзов. Изучение этих областей показывает, что каждая из них являлась объединением нескольких мелких племен, названия которых в истории не сохранились.

[24] Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 82, 86–87.

[25] История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992. С. 99; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 1. С. 397.

В глубокой древности восточное славянство состояло, по-видимому, из 100–200 небольших племен. Племя, представлявшее совокупность родственных родов, занимало территорию примерно в 40–60 км в поперечнике. В каждом племени собиралось народное собрание — вече, решавшее важнейшие вопросы общественной жизни; выбирался военный вождь (князь); существовала постоянная дружина из молодых воинов и общеплеменное ополчение (полк и тысяча, разделенная на сотни). В пределах племени был свой град, в котором собиралось общеплеменное вече, находился торг, производился суд. Там же имелось святилище. Эти грады еще не были настоящими городами, но многие из них, являвшиеся в течение нескольких веков центрами племенной округи, с развитием производительных сил и классовых отношений превратились или в феодальные замки, или в города[26].

Вожди (князья) восточнославянских племенных союзов (племенных княжений) в этот период, по мнению И.Я. Фроянова, не могут рассматриваться как носители государственной публичной власти. Они — органы родоплеменного строя и как таковые не противостоят ему, а находятся с ним в единстве.

Помимо союза племен восточным славянам была известна еще одна разновидность союзной организации, когда союз образуют племена, которые сами уже входят в племенной союз. Это вторичные союзы племен, суперсоюзы, или союзы союзов. Будучи внушительными межплеменными объединениями с противоречивыми стремлениями и центробежными тенденциями, они без элементов публичной власти, способной подняться над узкоплеменными интересами, вряд ли смогли бы существовать. Поэтому политическая организация суперсоюзов (союзов союзов, сверхсоюзов) заключала в себе ростки государственности, олицетворяемой вождями, наделенными властью[27]. Но и это было все еще не государство, а фактически сложное вождество.

Не имея государства вплоть до конца IX в. (а по другим данным, еще дольше)[28], восточные славяне более-менее успешно противостоя-

[26] История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1975. С. 55.

[27] *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 13.

[28] Неоднозначность социально-политической ситуации в Древней Руси первых веков ее существования дала повод некоторым историкам задать странный, на первый взгляд, вопрос о том, была ли Киевская Русь государством, и склониться более к отрицательному, нежели к положительному ответу (во всяком случае, применительно к IX–X вв.). См.: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков... С. 164–169.

ли Византийской империи, ряду кочевых (и довольно агрессивных) народов Великой степи, последовательно надвигавшихся с востока на запад на протяжении столетий, скандинавским норманнам и другим геополитическим вызовам той эпохи.

***

На 250 лет ранее падения Западной Римской империи на другом конце Ойкумены пала в начале III века н.э. китайская империя Хань. Произошло это при удивительно схожих обстоятельствах.

Кочевники-хунны (для китайцев это примерно такие же варвары, как аналогичные народы для римлян), ведя на рубеже двух эр постоянные войны с империей Хань, сумели создать в степи условия жизни значительно более привлекательные, нежели те, которые имели место в древнем Китае. В докладе чиновника Хоу Ина (I в. до н.э.) указывалось, что пограничные жители, угнетаемые китайскими чиновниками, а также невольники, преступники и семьи политических эмигрантов мечтают сбежать в степи, говоря, что «у хуннов весело жить». Такого разноплеменного населения на территории хуннов скопилось так много, что они образовали самостоятельную этническую единицу, которую китайские историки считали племенем цзылу. При этом ассимиляции с коренным хунским населением не произошло, т.к. пришельцы не входили в хуннскую родоплеменную систему, но они жили в союзе, мире и дружбе, помогая друг другу в хозяйственной деятельности и обороне своей территории[29].

А далее обстоятельства падения империи Хань во многом перекликались с обстоятельствами падения Западной Римской империи: затяжная война с кочевниками-варварами с севера, народные движения и восстания, социально-экономический и политический кризис и утопии о «золотом веке», в основе которых лежал бесклассовый и безгосударственный общинный идеал.

Хотя до открытия Х. Колумба американский континент развивался относительно асинхронно со Старым Светом, но и здесь в I тысячелетии н.э. в ранних государствах Центральной Америки (Мезоамерики) и вокруг них происходили аналогичные римским и китайским явления: социально-экономические и политические кризисы, восстания социальных низов и одновременно вторжения варварских племен с севера. Крупные восстания общинников, беспо-

[29] *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. М., 1992. С. 27–28.

щадно эксплуатировавшихся в условиях городов-государств (Майя и других), происходили в конце так называемого классического периода Мезоамерики (этот период длился с I по IX в. н.э.) и совпали с нашествием варварских племен на северные области Мезоамерики (IX в.). К этому можно добавить, что в постклассический период (X–XVI вв.) большинство крупнейших городов-государств Мезоамерики прекратили свое существование[30].

Крупнейшим достижением эпохи государственности стал также величайший в человеческой истории первый известный контакт жителей Старого и Нового Света (около 1000 г. н.э.). Но существовавшие тогда государства и в целом государственность не имеют к этому фактически никакого отношения, поскольку данный контакт произошел между представителями двух *безгосударственных* обществ: норманнами-викингами, находившимися, правда, уже на одной из последних стадий разложения первобытного общества, и туземцами (скрелингами) побережья полуострова Лабрадор и острова Ньюфаундленд, жившими, вероятно, в стадии расцвета первобытнообщинного строя. К этому можно добавить, что туземное (индейское или же эскимосское) общество в зоне контакта после прибытия викингов и основания ими своей колонии Винланд, просуществовавшей около трех лет, не стало синполитейным в точном смысле этого слова, поскольку, в отличие от испанцев времен Колумба, американские викинги не являлись (ни формально, ни по существу) представителями государственной цивилизации[31].

***

Дальнейшее взаимодействие между «мировым центром» и «мировой периферией», в том числе периферией первобытной, связано прежде всего с Западной Европой позднего Средневековья и большей части периода Нового времени — эпохи Великих географических открытий и колониальных захватов. По существу, прогрессивный характер открытия новых земель и установления связей между народами совершился, «благодаря» нравам «более развитых цивилизаций», в уродливых формах[32].

[30] Латинская Америка: Энциклопедический справочник: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 67.

[31] Подробнее об американской эпопее норманнов и судьбе поселения в Винланде см. параграф 2 главы III.

[32] Века неравной борьбы. С. 44, 45–46.

Сейчас это трудно представить, но средневековая Европа до Великих географических открытий и начала колониальных захватов (т.е. до конца XV — начала XVI вв.) — это сравнительно бедный, довольно проблемный во многих отношениях и почти захолустный утолок мира. За более позднее ослепительное кружевное великолепие абсолютизма XVI–XVIII веков, а также за поразительный материально-технический рост западноевропейского общества кто-то должен был заплатить, и этими «кто-то», наряду с нещадно эксплуатируемыми низами Европы, ограбленными и превращенными в колонии государствами Востока и Нового Света, стали обитатели первобытных синполитейных обществ Южной и Северной Америки, Африки, Австралии, Океании и отдельных районов Азии.

Главное место в возрастании (правда, довольно своеобразном) роли первобытной периферии во всемирно-историческом процессе после Великих географических открытий принадлежало процессу первоначального накопления капитала. И хотя СПО выступали здесь в гораздо большей степени как объекты воздействия, именно их участие в этом процессе было одним из главных и необходимых его условий. Именно периферийные СПО оказывались поставщиками дешевой рабочей силы для складывавшейся в Новом Свете колониальной экономики. В значительной мере от СПО поступали в Европу пряности, торговля которыми была одним из важных элементов первоначального накопления капитала в некоторых странах (например, в Нидерландах)[33]. От каждой колонии европейцы брали то, что приносило в данный момент наибольшую прибыль. Поток драгоценных камней и металлов, обагренных кровью индейцев, шел в Европу из Америки; пряности, золото, драгоценные камни ввозили из стран Азии. В Африке самым выгодным товаром на протяжении почти четырех столетий оказались рабы[34].

Что представлял собою мир к 1650 г. (рубежной дате в истории человечества, точке «великой бифуркации») — условной дате смены Средних веков Новым временем, когда Великие географические открытия еще не закончились, освоение новых земель было в самом разгаре и стали набирать темпы колониальные захваты?

Население Земли к 1650 г. составило, по разным оценочным данным, от 500 до 550 миллионов человек[35]:

[33] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 496.

[34] *Абрамова С.Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978. С. 4.

[35] *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 355.

в Азии — ок. 390 млн,
в т.ч. в Китае — ок. 150 млн,
в Индии — ок. 150 млн;
в Европе — ок. 90 млн,
в т.ч. во Франции — 19–20 млн;
в Африке — ок. 60 млн;
в Латинской Америке — ок. 10 млн;
в Северной Америке — ок. 1 млн;
в Австралии и Океании — ок. 2 млн.

Из этого числа ориентировочно 45–50 млн жителей (большая часть африканцев, некоторая часть южноамериканских индейцев (бороро, арауканы и другие), практически все коренные жители Северной Америки (индейцы, эскимосы и алеуты), практически все коренные жители Австралии и Океании, некоторая (уже, правда, небольшая) часть жителей Азии) находилось на разных стадиях первобытно-общинного строя и понятия не имело о государственности, а встретившись с ней в лице первопроходцев, миссионеров, купцов и завоевателей, воспринимало ее, как правило, как нечто совершенно чуждое, тем более что поводов к этому было более чем достаточно.

Всего же в условиях безгосударственности в середине XVII в. жили не менее 50 миллионов жителей Земли (т.е. 10% всего населения планеты): добавим к жителям СПО десятки тысяч жителей казачьих областей — Запорожья, Дона, Терека и Яика; сотни тысяч жителей так называемых горных вольных обществ Балкан, Северного Кавказа и других горных массивов; некоторую часть уже не первобытных кочевников Евразии; десятки тысяч религиозных диссидентов-протестантов разных направлений, сумевших на время ускользнуть от государства в глухие места и на окраины империй или во вновь открытые земли; десятки тысяч марунов (беглых рабов, независимые общины и общинные объединения которых имелись в глухих уголках Бразилии, Суринама, Центральной Америки, Ямайки, Гаити); тысячи жителей береговых братств Карибского моря.

Что касается государств, то их в мире существовало в это время не так уж и много. Крупных, великих государств (империй и держав западного и восточного типов) было чуть более десяти: Испанская, Португальская, Английская, Французская, Нидерландская колониальные империи (причем еще далеко не такие большие, какими станут к XIX в.); Османская империя; Империя Великих Моголов; Русское государство; Речь Посполитая; набирающие силу Шведское королевство, Империя Габсбургов, Империя Цин, Джунгарское хан-

ство. Но даже и на территориях государств могли существовать и существовали устойчивые анклавы негосударственных обществ — как синполитейных (на положении внутренней периферии), так и вторичных.

Катастрофический характер столкновения периферийных СПО с капиталистической цивилизацией в Новое время был представлен в уже неприкрытой форме в Новом Свете, а также в Австралии и Океании. То, что в Центральной и Южной Америке речь поначалу шла не столько о капиталистической, сколько о позднефеодальной колонизации, не меняет существа дела. В этих регионах прямой контакт СПО периферии с обществами центра (либо уже ставшими капиталистическими, либо готовившимися переступить порог капитализма) имел следствием массовую гибель населения СПО и разрушение традиционных социально-экономических структур. Эти СПО погибли и вследствие прямого военного воздействия, и от занесенных европейцами эпидемических заболеваний, и вследствие вытеснения коренных жителей в крайне неблагоприятные в природном отношении районы. Первобытная периферия сохранялась более или менее долго только в тех случаях, когда традиционное хозяйство СПО оказывалось нужным для интересов капиталистических соседей. Так случилось, например, с индейскими племенами, главным занятием которых была пушная торговля. Но и в этих условиях происходило разложение традиционной социальной структуры СПО[36].

В связи с вышеизложенным приведем одно интересное, не лишенное известных оснований мнение. «Если разобраться, вся “прогрессивность” капитализма в сравнении с феодализмом заключается в том, что капитализм основан на, прежде всего, внешней эксплуатации периферии, находящейся на “докапиталистической” стадии развития, и без наличия такой периферии существовать вообще не способен. Все “социальные завоевания” капитализма по сравнению с феодализмом основаны на перманентном росте потребления ресурсов [колоний] в метрополиях за счет роста эксплуатации периферии путем неэквивалентного обмена с ней, и при отсутствии такого роста происходит возврат общества к феодальным формам организации. Пример такого возврата — фашизм»[37].

Вот лишь несколько конкретных примеров судьбы синполитейных первобытных обществ в позднее Средневековье и Новое время.

[36] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 497–498.

[37] *Войтехов М.* [Из материалов дискуссии «Причины возникновения и распада СССР»] // Альтернативы. 2003. № 3. С. 110.

Общая численность индейцев Америки перед открытием Колумба составляла 12–20 млн чел.[38] Согласно более точным данным, численность индейцев Южной и Центральной Америки достигала 15 млн, индейцев Северной Америки (нынешняя территория США и Канады) было около (не более) 1 млн чел.[39]

Большинство индейцев Южной и Северной Америки, а также все эскимосы на протяжении многих веков вплоть до открытия Колумбом Америки (а многие и далее) оставались на разных ступенях первобытнообщинного строя. В условиях цивилизации (государственности и протогосударственности) находились: в Южной Америке — инки и подчиненные им племена, а также чибча-муиски; в Центральной Америке — ацтеки и подчиненные им племена, а также майя и тараски; в Северной Америке — только начезы[40].

«Континент, едва затронутый человеком, открывался перед людьми, алчность которых уже не мог удовлетворить их собственный мир. Этот второй смертный грех заставлял заново пересматривать все ценности: веру, нравственность закон. Все требовалось подтвердить в отношении фактов и отменить в отношении права. Подтвердить существование библейского Рая, Золотого Века древних, источника молодости, Атлантиды, садов Гесперид, Аркадии и Островов блаженных — и одновременно поставить под сомнение откровение, спасение души, свои традиции и законы при столкновении с народом более чистым и счастливым (который в действительности не был ни более чистым, ни более счастливым, но который из-за тайных укоров совести таковым виделся). Никогда человечество не было и уже никогда не будет подвергнуто столь страшному испытанию, разве что в один прекрасный день где-нибудь на расстоянии миллионов километров будет обнаружен другой мир, населенный мыслящими существами»[41].

В Южной и Центральной Америке со времени конкисты и вплоть до конца XIX в. физическое уничтожение, жестокое угнетение, занесенные европейцами болезни привели к резкому снижению численности индейцев. На территории ряда стран Латинской Америки (Куба, Гаити, Доминиканская республика, Уругвай) индейцы ис-

[38] *Зубрицкий Ю.А.* Индейцы // Латинская Америка: Энциклопедический справочник. Т. 1. С. 519.

[39] *Иванян Э.А.* История США. М., 2004. С. 12–13.

[40] Латинская Америка: Энциклопедический справочник. Т. I. С. 66–68; *Иванян Э.А.* История США. С. 12.

[41] *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. Львов, 1999. С. 85.

чезли полностью[42]. Количество индейцев, уничтоженных во время конкисты, исчислялось миллионами[43].

На территории Северной Америки, как указывалось, было около 1 млн коренных жителей, из которых на область от Мэна до Флориды и от Атлантического океана до Аппалачских гор (т.е. на зону контакта индейцев с европейскими переселенцами XVII в.) приходилось, вероятно, лишь около 200 тыс. мужчин, женщин и детей. В то же время рост населения европейских переселенцев на территории образовавшихся английских колоний шел следующим образом:

1620 г. — 2 500 чел.
1670 г. — 114 000 чел.
1720 г. — почти 300 000 чел.
1775 г. — свыше 2 500 000 чел.
(в т.ч. ок. 500 000 негров-рабов)[44].

На протяжении почти трехсот лет шло вытеснение и истребление индейцев Северной Америки евроамериканцами (в первую очередь англо-американцами), что привело к катастрофическому сокращению численности коренного населения региона. К 1900 году индейцев на всей территории США насчитывалось лишь около 250 тыс[45].

Не менее трагично складывался контакт и взаимодействие с европейской цивилизацией для Африки южнее Сахары. До конца XIX в. она служила источником поставок рабов на невольничьи рынки Америки и Вест-Индии. Рост работорговли вел в Африке к огромным людским потерям и запустению целых регионов. Охота за рабами и ввоз европейцами огнестрельного оружия дестабилизировал обстановку. Некоторые местные африканские раннеклассовые государства и вождества в прибрежных районах стали играть роль посредников в международной торговле рабами, превращая в них жителей внутренних районов тропической Африки, находившихся на более низких ступенях социального развития.

Начало европейского вторжения в Африку совпадает с эпохой Великих географических открытий — двухвековым периодом гигантского расширения мировых связей, в первую очередь торговых. Огромный урон Черному континенту нанесла массовая работоргов-

[42] *Зубрицкий Ю.А.* Индейцы. С. 519.

[43] *Керам К.В.* Первый американец. Загадки индейцев доколумбовой эпохи. М., 1979. С. 42.

[44] *Аптекер Г.* История американского народа. Колониальная эра. М., 1961. С. 28, 54.

[45] Дайте мне стать свободным человеком. М., 1984. С. 158.

ля, так или иначе продолжавшаяся почти четыре столетия. Она обеспечила быстрое развитие плантаций и рудников в Америке, но для Африки означала, кроме прочего, варварское разрушение производительных сил: вывоз за пределы континента и гибель десятков миллионов людей, физическую и духовную деградацию жителей многих стран, отданных на мучения во имя обогащения купцов Ливерпуля и Бордо, владельцев серебряных рудников Перу, плантаторов Бразилии и североамериканских колоний. Кроме того, работорговля вела к разжиганию вражды и войн между африканскими народами. Согласно данным У. Дюбуа, принято считать, что работорговля обошлась Африке в 100 млн человеческих жизней, включая людей, погибших во время работорговых войн, в невольничьих караванах и т.д. Из этих 100 миллионов, по определению Дюбуа, 40 млн являются жертвами мусульманской работорговли и 60 млн — европейской. Другие исследователи число жертв работорговли исчисляют в 150 млн чел[46].

В течение XVI–XIX вв. шла, все более усиливаясь, европейская колониальная экспансия, приведшая к концу XIX в. к практически полному разделу Африки на колонии и сферы влияния между европейскими государствами. «Со всех четырех сторон мусульманские, европейские и собственно африканские общества, обладавшие либо превосходящей военно-политической организацией, либо более развитой техникой, осаждали африканские племена. Прежняя культура простых человеческих отношений не имела шансов выстоять против таких противников. Только географические препятствия, подкрепленные африканскими тропическими болезнями, и политическое соперничество между европейскими державами способствовали сохранению некоторой степени автономии и культурной независимости африканских варварских и дикарских обществ Тропической Африки вплоть до второй половины XIX в.»[47].

Не менее катастрофический характер имел контакт с Западной цивилизацией народов Австралии и Океании — самого, пожалуй, удаленного от «цивилизационного центра» планеты уголка мира.

Коренное население Австралии и особенно Тасмании к моменту контактов с европейцами стояло, в силу объективных исторических

[46] *Абрамова С.Ю.* Африка: четыре столетия работорговли. С. 250–251; Века неравной борьбы. С. 78.

[47] *МакНейл У.* Отступление варварства. [Территориальная экспансия цивилизации как преодоление варварства] // Сравнительное изучение цивилизаций. С. 169–170.

причин, на самом низком уровне социально-экономического и культурного развития из всех, что в это время были на Земле. В то же время в Полинезии социально-экономический и культурный уровень в пределах доклассового общества был сравнительно высок. Открытие Австралии произошло в 1642 г., но только во второй половине XVIII в. она стала интенсивно осваиваться и заселяться европейскими колонистами (первое английское поселение основано в 1788 г.). В 1788 г. в Австралии насчитывалось около 300 тыс. аборигенов. Но уже к 1875 г. были полностью истреблены тасманийцы, а к 1901 г. на континенте оставалась всего 61 тыс. аборигенов[48].

В 1804 г., когда на Тасмании было создано первое английское поселение каторжников, тасманийцев насчитывалось около 2,5 тыс. В 1832 г., т.е. менее чем за три десятилетия после первого контакта с белыми людьми, оставшихся в живых тасманийцев перевезли на остров в Бассовом проливе. К этому времени их осталось около 200. Конец трагедии наступил в 1876 г., когда умерла последняя тасманийка[49].

До появления европейцев на островах Полинезии — от Новой Зеландии до острова Пасхи — было около 1 млн жителей. В середине XX в. (данные на 1959 г.) здесь жили 445 тыс человек. В 1769 г., когда Дж. Кук появился у берегов Новой Зеландии, на обоих ее островах проживало свыше 200 тыс. чел. (по некоторым данным, до 300 тыс.). Через 120 лет в Новой Зеландии сохранилось лишь 40 тыс. коренных ее обитателей[50]. Вплоть до 60-х гг. XX века Океания была своего рода заповедником колониализма[51].

Часто походя, по дремучему средневековому праву сильного, Запад унижал, разорял, уничтожал эти уникальные и неповторимые *миры*. Чтобы на конкретном примере ощутить весь трагизм таких контактов для маленьких первобытных народов, которые, в сущности, никому не мешали, а некоторые и не имели ни явных, ни потенциальных материальных богатств, так привлекавших европейцев, приведем пример знаменитого и загадочного острова Пасхи. По ряду признаков общество на острове Пасхи (Рапануи) периода расцвета (примерно XIV в. — ок. 1680 г.), будучи практически полностью бесконтактным по отношению к мировой стандартной цивилизации,

[48] *Миддлтон Х.* Теперь пусть нам вернут землю. М., 1983. С. 32.

[49] Там же.

[50] *Свет Я.М.* История открытия, освоения и исследования Австралии и Океании. М., 1966. С. 260–261.

[51] Этнография / под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М., 1982. С. 33.

представляло собой довольно сложную и жесткую иерархическую социальную структуру — скорее всего, вариант сложного вождества с признаками кастовой системы, возникшего в результате жесткого иерархического подчинения одной этнической общности переселенцев — ханау момоко («короткоухие») другою — ханау еепе («длинноухие»). Это позднепервобытное общество с населением 5–6 тыс. чел., не знающее, в силу объективных причин, металла, достигло довольно высокого уровня развития (особенно если учитывать почти полную изоляцию от мира, удаленность от остального островного массива Океании и ограниченные природные ресурсы суши — малую площадь (165,5 кв. км[52]), недостаток пресной воды, довольно бедную растительность и умеренный климат (сухой сезон с декабря до конца мая; сезон дождей и холода с июня по ноябрь)).

О сравнительно высоком уровне цивилизации[53] острова свидетельствует ряд признаков: уникальнейшие монументальные скульптуры (более 1 тысячи гигантских (от 3 до 22 метров, а чаще около 6–8 метров в высоту) каменных человекоподобных изваяний); развалины святилищ; письменность в виде дощечек с письменами, которые одни ученые считают пиктографическими, а другие — идеографическими; возникновение письма на этом острове тем более поразительно, что до сих пор на островах Полинезии никакой другой древней письменности обнаружить не удалось.

На острове был отлажен уникальный механизм обмена и сотрудничества множества людей, который требовался для возведения культовых монументов. Общество острова Пасхи периода расцвета — одно из наиболее развитых сообществ неолита, какие только на сегодня известны[54].

[52] Существует мнение, что о. Пасхи уже в эпоху обитания на нем человека все еще был несколько больших размеров, чем к моменту его открытия европейцами, и, возможно, рядом существовало несколько небольших островов, но в результате одного из вулканических катаклизмов, довольно частых в зоне Кордильер — Анд — Новых Гебрид, архипелаг ушел под воду, а о. Пасхи несколько уменьшился в размерах. Возможно, что возведение уникальных каменных исполинов на острове — это последствие реакции жителей на катаклизм, способ задобрить неведомые и злые разрушительные силы.

[53] Это была именно цивилизация, хотя ее наличие и сочеталось с эпизодическими фактами каннибализма на острове. Данное обстоятельство, конечно же, бросает тень на эту цивилизацию (подобно тому как на современную высокоразвитую цивилизацию («космическую», «атомную», «компьютерную» и т.д.) бросают тень чудовищные войны XX века, смерть от голода множества людей на планете, уничтожение окружающей среды и т. п.). Но что было, то было.

[54] *Непомнящий Н.Н.* Остров Пасхи. М., 2005. С. 242, 243.

Причинами такого высокого уровня этой уникальной позднепервобытной цивилизации могли быть, по нашему мнению:

синтез культур разных групп (волн) переселенцев — древних перуанцев, полинезийцев и, возможно, меланезийцев;

пассионарный характер переселенцев всех волн, решившихся отправиться в неизвестность, и их потомков;

почти полное отсутствие внешней опасности вплоть до XVIII в., что позволяло, (во всяком случае, до 1680 г.) направлять энергию на развитие и созидание общества.

«По всей вероятности, — считает австралийский исследователь П. Беллвуд, — остров действительно был заселен в очень раннюю эпоху [несколькими «волнами»], а затем вплоть до 1722 г. находился в изоляции. Следовательно, все необычные аспекты рапануйской культуры объясняются особенностями внутреннего развития»[55].

Инициаторами возведения статуй-исполинов выступали, судя по всему, «длинноухие», которые и сами участвовали в этом тяжелом и изнурительном, но сакральном процессе. Однако основная тяжесть работы падала на «короткоухих», и в их среде, как можно предположить в связи с последующими событиями, зрело недовольство.

Расцвет этого уникального общества пришелся примерно на XIV — большую часть XVII в. Однако отсутствие необходимого набора объективных предпосылок для дальнейшего полнокровного развития общества (прежде всего отсутствие металла и вообще ограниченность природных ресурсов) привели к тому, что, пройдя пик своего максимально возможного расцвета (высокого даже по меркам других, более благополучных в географическом и материальном отношении ранних цивилизаций), цивилизация острова Пасхи стала деградировать.

Около 1680 г. (по другим версиям, несколько позднее), в результате развития внутренних противоречий и конфликтов, вспыхнула война между привилегированными «длинноухими» и непривилегированными, но более многочисленными «короткоухими», в итоге которой «длинноухие» были истреблены. Привычное и устоявшееся общественное устройство рухнуло. С началом войны более 80 статуй были брошены в стадии изготовления, и работа с ними больше не возобновлялась. Наступил «период упадка и разрушения», который был в дальнейшем усугублен контактом с государственными цивилизациями Нового времени.

[55] *Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана. Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. М., 1986. С. 401.

Еще в 1687 г. флибустьер Э. Дэвис заметил землю на этой широте, но лишь в 1722 г. голландец Я. Роггевен, командующий флотилией из трех кораблей, открыл остров и назвал его в честь святого дня, предшествующего этому событию. При высадке моряки и солдаты по приказу Роггевена открыли огонь по островитянам «просто так», в целях превентивного устрашения. Затем последовал грабеж.

В 1770 г. вице-король Перу, опасаясь, что остров может попасть под господство французов, отправил туда военные корабли, чтобы захватить остров. В торжественной обстановке на плато Поике были установлены три креста.

В 1774 г. островитяне с восторгом встречали экспедиции Кука. Но из-за пустяковых краж вновь заговорили ружья.

В 1805 г. капитан американской шхуны «Нэнси» подошел к острову с целью захватить рабочих для охоты на тюленей. В результате вероломства ему удалось увезти с собой 12 мужчин и 10 женщин. Через три дня с пленников сняли цепи и выпустили на палубу в полной уверенности, что теперь им некуда деваться. На следующий день все они бросились в воду и поплыли по направлению к острову. Судьбу этих несчастных представить нетрудно.

В 1811 г. налет на остров совершило американское судно «Пиндос». Шлюпки, посланные на берег, должны были привезти воду и свежие овощи. Они привезли также и по женщине для каждого моряка. После ночи, проведенной на судне, где матросы показали себя настоящими мерзавцами, женщин посадили на шлюпки, но заставили броситься в море, не дойдя до линии берега. Матросы в шлюпках надрывались от хохота, глядя, как они плыли, зажав в одной руке жалкий подарок, а другой гребя к берегу. Именно тогда лейтенант Ваден вскинул ружье и выстрелил по плывущим. Экипаж аплодировал стрелку.

В 1862 г. на острове произошла самая страшная драма. 12 декабря в бухту Ханга-Роа зашла флотилия их шести перуанских кораблей с целью захватить людей и отправить их в рабство на берега Перу для добычи гуано. Собрав население острова вокруг кучи тряпья, капитан Эгир устроил настоящую бойню. Восемьдесят его бандитов, угрожая оружием, окружили островитян и захватили в плен около тысячи человек. Среди них были последние ученые острова и вождь Маурата с семьей. Так погибли все устные предания острова, и последующим поколениям осталось лишь искать их следы.

Сведения об этом преступлении через католическую миссию на Таити дошли до Франции и Англии, возбудив общественное мне-

ние в Европе. Правительство Перу подчинилось требованию европейских правительств вернуть островитян домой. Однако приказ об освобождении опоздал, и более 80% пленников к этому времени умерли от тяжелой работы, лишений и болезней. Сотня оставшихся в живых погибла от оспы по пути домой. Из тысячи рабов только 15 вернулись на остров, чтобы посеять там семена смерти. За несколько месяцев больше половины оставшегося населения острова умерло от оспы, превратив эту землю в гигантское кладбище. В итоге всех этих событий из пяти тысяч жителей в живых осталось лишь около 600 человек.

В 1888 г. остров стал владением Чили. Островитян согнали в деревню Ханга-Роа, обнесли ее колючей проволокой, за пределы которой можно было выходить только с разрешения военного коменданта.

К середине XX в. на острове существовало 47 тысяч овец, около тысячи лошадей, тысяча быков, 50 чилийских солдат и тысяча рапануйцев, живущих в самой невероятной нищете и при полном отсутствии свободы[56].

***

Несмотря на агрессивно-хищническое отношение капиталистических государств к первобытным СПО, немало их смогло сохраниться вплоть до конца XX в. Правда, практически все они сейчас оказываются внутренней периферией в рамках того или иного государства[57].

Время, когда практически все оставшиеся СПО превратились во внутреннюю первобытную периферию классовых обществ — это рубеж XIX / XX вв., когда закончился раздел мира между империалистическими державами. Именно тогда внешнепериферийные СПО в своем подавляющем большинстве перестали существовать, преимущественно превратившись во внутреннюю периферию. Положение СПО внутренней периферии было, как правило, еще тяжелее, чем положение СПО периферии внешней.

К внутренней периферии СПО относились индейские анклавы США после того, как эта страна приобрела свои современные границы, т.е. примерно с середины XIX в. До какого времени эти СПО сохранялись? Какова была политика правящих кругов к индейским анклавам США? Можно ли отнести к СПО индейские резервации, существующие в США и поныне, т.е. в начале XXI столетия?

[56] *Мазьер Ф.* Загадоный остров Пасхи. М., 1970. С. 13–19.

[57] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 498.

Известно, что разрушение СПО активно стимулировалось законодательством капиталистических государств. США не были исключением. По мнению авторов книги «История первобытного общества. Эпоха классообразования», закон Дауэса, принятый конгрессом США в 1887 г. и положивший конец коллективному землевладению в индейских резервациях, положил конец и индейским СПО, до того сохранявшихся в качестве внутренней периферии в американском капиталистическом обществе[58].

Отнюдь не случайно, что все известные к настоящему времени (в данном случае речь идет о 1980-х гг. — *А.Ш.*) первобытные СПО, находящиеся на разных стадиях разложения первобытнообщинного строя, обитают в таких географических районах, которые труднодоступны даже при современной технике. В частности, так можно рассматривать достаточно многочисленные папуасские группы, живущие в горных районах Новой Гвинеи и находящиеся еще на стадии каменного века. По-видимому, еще более «чистые» образцы периферийных СПО представляют собой отдельные группы индейцев Амазонии, о существовании которых стало известно в начале 1980-х гг. в связи со строительством Трансамериканской автодороги. Наконец, к современным первобытным СПО относятся и отдельные группы африканских пигмеев и бушменов, хотя в обоих случаях есть достаточно оснований говорить о деградации традиционных форм хозяйства. К числу первобытных СПО относятся также некоторые группы современных аборигенов в Центральной Австралии, и в большинстве случаев речь идет об общностях, остающихся на стадии присваивающего хозяйства[59].

Трагична история парагвайских индейцев аче-гуаяки. Массовое физическое истребление, преследования, жестокое обращение, захваты земель, похищения женщин и детей — все это совершалось на протяжении четырех с половиной веков, начиная с испанских конкистадоров и вплоть до второй половины XX в., в период кровавой диктатуры А. Стресснера.

В результате варварского геноцида численность этого народа значительно сократилась. В 1969 г. она оценивалась всего в 300 чел. т.н. *диких* аче и примерно в столько же в т.н. *национальной* колонии, куда плененных аче переселяют, как правило, насильно. Уничтожается и природная среда их обитания. «Аче-гуаяки так привязаны к сельве, что, если бы она оказалась уничтоженной, они бы тоже

[58] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 498.

[59] Там же. С. 498–499.

вымерли. Через немногие годы, — писал в 1970-е гг. антрополог Луиджи Миралья, — когда спешащий путешественник помчится на автомобиле из Асунсьена в Сальтос-де-Гуаиру по дороге, которая к тому времени будет асфальтирована, он не увидит на горизонте ничего, кроме плантаций. Нельзя будет представить себе, что эти последние занимают место, где была уничтожена сельва многовековой расы аче»[60].

***

Не следует, однако, думать, что синполитейные первобытные общества оказались совершенно бессильны и беззащитны перед наступлением западноевропейской (а с XVIII в. — более широкой западной) цивилизации. Оказанное ими сопротивление — одна из наиболее славных страниц истории человечества, поражающая героизмом, твердостью и величием духа. Характеризуя человека первобытнообщинного (в том числе синполитейного) общества, Ф. Энгельс писал: «А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямодушии, силе характера и храбрости этих варваров <...>. Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на классы. И если мы сравним их положение с положением громадного большинства современных цивилизованных людей, то разница между нынешним пролетарием или мелким крестьянином и древним свободным членом рода окажется колоссальной»[61]. «Самый жалкий полицейский служитель цивилизованного государства имеет больше “авторитета”, чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине. Последний стоит внутри общества, тогда как первые вынуждены пытаться представлять собой нечто вне его и над ним»[62]. И вот этому обществу предстояло помериться силами с теми, кто возомнил себя хозяевами мира и вершителями его судеб.

[60] *Мелья Б. и др.* Агония индейцев аче-гуаяки: история и песни. М., 1982.

[61] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 105–106.

[62] Там же. С. 192.

В летописи героического сопротивления европейским колонизаторам индейских племен Южной Америки одной из самых ярких страниц стали так называемые арауканские войны, которые иногда еще именуются трехсотлетней войной. Вооруженная борьба араукан (мапуче) шла с перерывами более 300 лет (1536–1582): сначала против испанских колонизаторов, а с 1818 г. — против чилийского правительства. Араукан, которые и в доколумбовы времена успешно противостояли государству инков, в 1536 г. нанесли поражение у реки Мауле отряду испанских конкистадоров в 570 испанцев и 1500 союзных им индейцев. Стойкое сопротивление араукан в 40—50-е гг. XVI в. не позволили испанским завоевателям продвинуться южнее реки Био-Био. В декабре 1553 г. вспыхнуло мощное антииспанское восстание араукан под руководством вождя Лаутаро. Разгромив испанский отряд, Лаутаро направился на север Чили и в конце февраля 1554 г. нанес испанцам сокрушительное поражение южнее Консепсьона. Конкистадоры были потеснены. Однако закрепить успех араукан помешали голод и болезни, вспыхнувшие среди индейцев. Вскоре испанцы нанесли индейцам ряд серьезных поражений и оккупировали часть земель южнее Био-Био, но покорить их основную территорию испанцам не удалось. В 1571 г. вспыхнуло новое восстание, и к 1612 г. араукан изгнали колонизаторов со всей территории южнее Био-Био. Испанские власти, в соответствии с Кильенским договором 1641 г., вынуждены были признать реку Био-Био северной границей территории араукан. Однако же, формально признав независимость араукан, колонизаторы не раз на протяжении второй половины XVII в. и всего XVIII в. нарушали условия договора, что вызывало массовые выступления араукан (в 1655, 1723, 1766, 1769 гг.). В итоге все попытки покорить араукан остались безуспешными. В 1773 г. испанские власти признали независимость араукан.

После ликвидации колониального режима в Чили (1818 г.) араукан пришлось вновь защищать свою независимость — теперь от чилийского буржуазного государства. До середины XIX в. им удавалось сохранять свою северную границу, однако в 1850-е гг. наступление на индейские земли резко усилилось. В 1864 г. после многолетней ожесточенной борьбы правительство вынуждено было согласиться на договор, признававший неприкосновенность территории араукан. Но условия договора неоднократно нарушались, и индейцы постепенно оттеснялись на юг страны. Это послужило причиной новых массовых выступлений араукан в 1868, 1870,

1871 и 1873 гг. Последнее крупное восстание вспыхнуло в 1880 г. В 1882 г. арауканы признали власть Чили. Однако окончательно они сложили оружие лишь в 1885 г.[63]

Арауканам, таким образом, довольно длительное (по историческим меркам) время удавалось успешно противостоять испанской (а затем и чилийской) колониальной экспансии и сохранять на протяжении более трех веков свою независимость. Это оказало большое воздействие на зарождение и развитие освободительных тенденций не только в колониальном Чили, но и в других районах колониальной Южной Америки[64]. Арауканы были единственным индейским народом Южной и Центральной Америки, который на территории, доступной испанской колониальной власти, не только противостоял ей, но и пережил ее, оставшись свободным[65], т.е., *не имея собственного государства, вышел победителем в борьбе с крупнейшей колониальной империей мира.*

Несколько миллионов индейцев Северной Америки (если брать их численность во временной перспективе двух с половиной веков[66]) в разное время и в разных районах в течение 250 лет, на протяжении 10 поколений, временами относительно успешно, но всегда героически противостояли силам крупнейших держав мира: Английской (с 1707 г. — Британской), Французской и Испанской колониальным империям (XVII–XVIII вв.) и Соединенным Штатам Америки (конец XVIII в. — 80-е гг. XIX в.). Эта борьба весьма примечательна своим ожесточением, стойкостью и героизмом.

В марте 1622 г., впервые после начала колонизации Северной Америки, индейцы под руководством вождя Опеханкано выступили против переселенцев. Это произошло в Виргинии, где в результате боевых действий из 81 поселения, существовавшего в этой колонии, индейцам удалось разрушить 73. В 1636–1637 гг. грянула война индейцев племени пеко, возглавляемых вождем Сасакусом. В 1644 г. произошла вторая война виргинских индейцев под руководством Опеханкано, но силы индейцев в Виргинии были сломлены. В 1675–1676 гг. в Новой Англии шла война вампаноагов, возглавляемая во-

[63] *Годунский Ю.В.* Арауканские войны 1536–1882 // Латинская Америка: Энциклопедический справочник. Т. I. С. 257–258.

[64] Там же. С. 258.

[65] *Стингл М.* Краснокожие в борьбе за свободу. Алма-Ата, 1992. С. 183.

[66] Если же брать численность индейцев Северной Америки в любой определенной точке времени рассматриваемого периода, то эта численность практически никогда не превышала 1 миллиона человек.

ждем Метакомом. Эту войну А. Азимов называет самой кровавой и самой жестокой войной с индейцами в колониальной истории Северной Америки.

Число белых поселенцев к этому времени составило 40 тыс. человек и росло, а индейцев здесь было всего 20 тыс., поэтому индейцы, видимо, решили, что медлить нельзя. Война началась с неожиданной и довольно успешной атаки индейцев: поселенцы понесли кровавые потери. В то же время индейцы проявили характерные для них слабости: они не воевали зимой, не ставили охрану на ночь, не умели сооружать хорошо укрепленные позиции, не были способны обеспечивать продовольствие и снабжение, время от времени они прерывали боевые действия для охоты. Индейцы научились пользоваться огнестрельным оружием (и в этой войне индейцы впервые эффективно им воспользовались), но они оказались не в состоянии наладить его производство. Они оказались не способны встретить белых единым фронтом. Более того, всегда находились отдельные люди и племена, готовые бороться на стороне пришельцев, а вот среди последних желающих примкнуть к индейцам не находилось.

В августе 1676 г. индейцы в Новой Англии были побеждены. Победа стоила поселенцам очень дорого. Каждый 16-й, способный носить оружие, был убит. Из 90 поселений 12 были полностью разрушены, а еще 40 поселений понесли ущерб разной степени тяжести. Прошло около полувека до тех пор, пока поселенцы не вернулись на территории, занимаемые ими до войны. После войны попытки обращения индейцев в христианство надолго прекратились. На них теперь смотрели как на закоренелых врагов, которых следовало вытеснять и истреблять[67].

В 1680 г. в испанских владениях произошло восстание индейцев племени пуэбло на юге Северной Америки, возглавляемое шаманом Попо. Восставшие захватили Санта-Фе. В 1689 г. ирокезы устроили резню в Лашине (Новая Франция). В сентябре 1711 г. началась война с индейцами тускарора, резня в Нью-Берне. В 1715 г. — война с индейцами ямаси в Южной Каролине. Во время Семилетней войны, на рубеже 1750-х — 1760-х гг., индейцы активно участвовали в войне с англичанами на стороне французов. 1762–1765 гг. — война Понтиака. Этот вождь объединил индейцев восточной части Америки для борьбы с колонизаторами. В 1763 г. индейцы под его руководством осадили Детройт. В 1779 г. Текумсе, вождь шауни, вновь объединил

[67] *Азимов А.* История США: освоение Северной Америки. М., 2003. С. 186–188.

часть индейцев. Война с перерывами шла много лет. В 1811 г. произошла битва у Теппеканое. В 1813 г. Текумсе погиб. 1813–1831 гг. — годы войны индейцев племен саук и фокс. 1817–1838 гг. — период войн семинолов во Флориде во главе с вождем Аси Яколо (Оцеола). В ответ на попытки федерального правительства переселить семинолов те оказали вооруженное сопротивление. Отправленные на полуостров воинские части первоначально не могли добиться успеха, однако в 1837 г. евроамериканцы предательски захватили Оцеолу и 13 других индейских вождей, прибывших под белым флагом для ведения переговоров. Еще несколько лет после этого семинолы продолжали сопротивление, пока не потерпели полное поражение. В ходе войны 1835–1842 гг., которая обошлась США в огромную по тому времени сумму, 40 млн долл., селения семинолов были разрушены, значительная часть людей перебита. Уцелевшим пришлось покориться, и только немногим удалось укрыться в труднодоступной болотистой местности.

В Иллинойсе и Висконсине пытались с оружием в руках противостоять натиску правительственных сил племена саук и фокс под предводительством старого вождя, Черного Сокола (1832 г.).

Войны индейцев с белыми заканчивались или полным поражением индейцев (истреблением, порабощением, вытеснением в труднодоступные районы), или договорами, как правило, далеко не в пользу индейцев. С 1778 по 1832 гг. было заключено 30 «мирных» договоров между правительством США и племенами (союзами племен) североамериканских индейцев[68]. И хотя далеко не все договоры были равноправными и справедливыми в отношении индейцев, а некоторые были нарушены, сам факт заключения этих договоров свидетельствуют о том, что индейцы заставили правительство США хоть как-то считаться с их интересами. В 1834 г. конгресс США принял «Закон о связях и торговле с индейскими племенами и о сохранении мира на индейской границе». С 1838 г. начинается «дорога слез» — изгнание чироков, чотавов, чикасавов, криков и части семинолов. 1848 г. — сиу, чейенны, вранн и другие группы индейцев прерий заключают в Форт-Лереми договор с представителями США, в соответствии с которым разрешают американцам строительство дорог и небольших крепостей на территории своих племен. В 1852 г. Мангас Колорадос и его зятья приняли от имени апачей предложение вечного мира с американцами. 1862 г. — начало первой войны сиу. В следующем году погиб вождь объединенных апачей Мангас Коло-

[68] *Стингл М.* Краснокожие в борьбе за свободу. С. 238–239.

радос. 1863–1864 гг. — т.н. *войны Красного Облака*, после которых в 1865 г. последовал договор о вечном мире между Красным Облаком и американцами. В 1863–1886 гг. во главе апачей был вождь Херонимо. Он воевал попеременно на юге США и в Северной Мексике. После пленения был отправлен в резервацию, однако снова со своими воинами вернулся на тропу войны. Только в 1886 г. он окончательно сложил оружие и вместе с последними апачскими воинами был отправлен в крепость Форт-Силл в Оклахоме. 1868 г. — «побоище на реке Вишите», виновником которого является генерал Кастер. В 1872 г. последние представители доживающего калифорнийского племени яхи уходят в горы. В 1874 г. войска под командованием генерала Кастера проникли на территорию святых Черных гор сиу. В 1876 г. сиу, возглавляемые Сидящим Быком, одержали самую крупную победу — уничтожили у Литтл-Биг-Хорна 7-ю кавалерийскую часть во главе с генералом Кастером, который в этой битве погиб. Однако в 1880 г. Сидящий Бык и возглавляемая им группа сиу сложили оружие и поселились в резервации Стэйдинг-Рок, а спустя 10 лет, в 1890 г., Сидящий Бык был убит. Индейские войны в США подходили к концу, и американские правящие круги закрепляли победу. 30 декабря 1890 г. у поселка Вундид-Ни были истреблены около 300 безоружных индейцев. Эти кровавые события принято считать концом индейских войн[69].

Военное искусство индейцев, наряду с организацией их общественного строя, было одним из тех источников, которые позволили коренным жителям Северной Америки долго и стойко противостоять сильнейшему врагу.

Североамериканские индейские племена вели между собой многочисленные войны задолго до того, как в Новом Свете появился первый белый человек. Период боевых действий обычно назывался военной тропой. План боевых действий индейцев до прихода белых был всегда очень простым: выход со своей территории, нападение на лагерь враждебного племени, решающее сражение и возвращение в исходный пункт. Индейская военная наука не знала совместно координируемого выступления многих боевых подразделений, позиционного боя и осады. Многие из вождей, однако, пытались решить задачи, вытекавшие из новой ситуации. Они стремились создать крупные боевые соединения (Текумсе), осаждали длительное время вражеские крепости (Понтиак) и, наконец, научились командовать

[69] *Стингл М.* Краснокожие в борьбе за свободу. С. 233–234; История США. Том первый. 1607–1877. М., 1983. С. 355–357.

и координировать боевые операции различных подразделений (Сидящий Бык). Как правило, они побеждали благодаря исключительному героизму своих воинов. Но необходимо было оружие, нужны были тактика и стратегия. Положение вещей не могло измениться за несколько десятков лет.

В бою индейские воины пользовались традиционным индейским оружием: копьями, томагавками, ножами, боевыми булавами. Огнестрельное оружие они стали использовать гораздо позже. Исторически самое старинное из названного оружия — копье (оно имело обычно обсидиановый наконечник; иногда наконечник был из кремня). Ставшие, так сказать, национальным оружием индейцев знаменитые томагавки попали к ним от европейцев. Томагавки, поставляемые из Европы, сильно различались по форме. Этим предметом индейцы научились владеть в совершенстве, и вскоре томагавк стал их любимым оружием.

Огнестрельное оружие стало попадать к североамериканским индейцам в конце XVII — начале XVIII в. сначала в качестве трофеев, затем в качестве товара. Главными поставщиками были представители компаний, торгующих мехами. Особенно широкий обмен мехов на огнестрельное оружие развернула известная в начале XVIII в. «Хадсон Бэй Компани» среди индейцев нынешней Канады. Позднее продажа огнестрельного оружия индейцам была радикально ограничена. Они заполучали его у отдельных торговцев, чаще всего опять-таки в обмен на шкурки. Свое вооружение индейские воины пополняли и из военных трофеев. Так, несмотря на многочисленные запреты, некоторые племена сумели за два-три поколения перевооружиться. Например, в сообщении об ассинибойнах, датированном 1809 годом, отмечается, что это племя, которое в то время насчитывало 1880 становищ с двумя тысячами боеспособных воинов, имело на вооружении 1100 единиц огнестрельного оружия.

Но с ростом количества огнестрельного оружия возрастала и потребность в боеприпасах. И поскольку у индейцев изъять оружие было практически невозможно, англо-американцы с начала XIX в. стремились свести продажу им боеприпасов к минимуму. Каждая унция пороха, каждый патрон ценились индейцами на вес золота. Индейские воины добывали боеприпасы различными способами: нападением на враждебные обозы, а в дни мира — путем тайного обмена на меха.

На традиционное индейское военное дело повлиял и другой «дар белого человека» — лошадь. Это было животное, которое, собствен-

но, и создало индейцев прерий, оказавшихся потом для американской армии самым твердым орешком. Но еще раньше прерийных индейцев лошадей от испанцев переняли индейские жители Аризоны, Техаса, Нью-Мехико. Первыми наездниками стали апачи. По примеру испанцев они начали одевать своих коней в кожаные доспехи. Апачские воины использовали кожаные доспехи и для своего собственного предохранения[70].

Степные племена Северной Америки выработали в общем сходные приемы ведения войны, которые американский историк У. Уошборн сравнивает с партизанской тактикой. Индейцы вели свои военные действия небольшими, очень подвижными, стремительно и внезапно нападавшими на врага отрядами. Индейская конница, вооруженная огнестрельным оружием, представляла собой опасного врага для европейцев. В начале колонизации «европейцы, — по словам У. Уошборна, — вынуждены были изменить свои методы войны с индейцами в отношении как тактики, так и вооружения. Большие построения войска уступили место группировке солдат в небольшие отряды с максимумом возможности к разведке и действию»[71].

Индейцы, которые продолжали борьбу и после поражения прерийных племен — апачи, мозоки и другие — должны были в новой ситуации воевать уже по-новому, изменив традиционные способы ведения войны. Скрываясь в горах и создавая небольшие группы захвата — своеобразный прообраз отрядов, известных по Второй мировой войне, они вели партизанскую войну[72].

Индейцы Северной Америки были побеждены. В 1900 г. их насчитывалось 250 тыс., т.е. менее трети от первоначального количества. Их священные земли оказались захвачены. Уделом коренного населения Северной Америки стала жизнь в резервациях, голод, оскорбления и унижения[73]. Продолжалось целенаправленное разрушение социально-экономического уклада жизни индейцев. Практиковалось их спаивание. В 1887 г. конгресс США принял так называемый закон Дауэса, положивший конец коллективному землевладению в индейских резервациях[74]. Только в 1924 г. конгресс США признал за

[70] *Стингл М.* Краснокожие в борьбе за свободу. С. 217–219.

[71] Цит. по: *Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. С. 104–105.

[72] *Стингл М.* Краснокожие в борьбе за свободу. С. 222.

[73] Там же. С. 234; Дайте мне стать свободным человеком. М., 1984. С. 6, 158.

[74] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 498.

индейцами государственное гражданство США[75]. В 1934 г. произошло последнее выступление апачских партизан (на юге от границ США, в Сьерра-Мадре). В том же году президент США Ф. Рузвельт и его поверенный в индейских делах Д. Кольер разработали новый закон в пользу индейцев — Индиан Реорганизейшн Экт, который был затем принят американским конгрессом[76].

***

На протяжении XVI–XX вв. упорное сопротивление европейским колонизаторам оказывали африканские народы. Это сопротивление африканцы продолжали и в Новом Свете, оказавшись там в качестве рабов, — совершая побеги, поднимая восстания, создавая свободные общины[77].

---

[75] *Стингл М.* Краснокожие в борьбе за свободу. С. 234.

С начала 1960-х гг. начался новый подъем национального движения и борьбы за свои права индейцев США. Особенно активным это движение было в 1960–1980-е гг. Подробнее об этом см.: Дайте мне стать свободным человеком. С. 7–18, 158–200.

[76] *Стингл М.* Краснокожие в борьбе за свободу. С. 234.

[77] Уникальные и самобытные примеры классового сопротивления, общественной самоорганизации и социального творчества дает нам история общин и территориальных сообществ беглых рабов (в основном негров) — марунов (англ. *maroons*) в колониальной Америке XVII–XVIII вв. В конце XVI в. и в течение XVII в. независимые общины беглых рабов и их потомков образовались на Карибском побережье Центральной Америки, Тихоокеанском побережье Перу, в лесных районах северо-востока Бразилии (где в 1630-х гг. возникла федерация свободных общин — республика Палмарис, просуществовавшая до 1697 г.), в лесных районах Суринама и отчасти Венесуэлы, в неприступных горно-лесистых районах островов Ямайка и Гаити, а за пределами Америки — на острове Маврикий. Маруны Америки, как и негры-рабы, существовали в положении не только полной оторванности от своей родины (прародины) — Африки, но и в условиях почти полной (за некоторым исключением) культурной и языковой оторванности от креольского и индейского населения. К тому же по происхождению негры-рабы (и маруны в своих сообществах) принадлежали к разным народам Африки. Все это затрудняло общественную консолидацию марунов, но она все же происходила. В основе социальной организации этих сообществ лежала соседская община; присутствовали также некоторые элементы вторичной военной демократии и военной иерархии. Эти сообщества могли достигать внушительных размеров: известно, что в пяти марунских общинах Ямайки к середине XVIII в. насчитывалось до 1500 жителей; в республике Палмарис во второй половине XVII в. жили, по разным данным, от 20 до 50 тыс. человек, причем не только негров, но и мулатов, индейцев, белых. Период существования марунских общин и обществ — от нескольких десятилетий до 100–150 лет. Маруны упорно защищали свою свободу: настоящие войны между ними и колонизаторами шли

Во второй половине XIX в. европейские государства приступили к завершающему этапу захвата и раздела африканской территории, в результате которого к концу века Черный континент оказался практически полностью (за исключением Эфиопии и Либерии) порабощен колонизаторами.

Народы Африки, в том числе и те народы, которые находились на разных этапах первобытнообщинного строя, оказали в разных формах и с разной степенью решимости сопротивление самозваным хозяевам.

Период наиболее заметного и решительного сопротивления — последние три десятилетия XIX века и первое десятилетие XX столетия.

Из безгосударственных обществ Африки наиболее решительно и упорно сопротивлялись племена Центрального Судана (против французов, 1899, 1903–1907), внутренних районов Конго (против бельгийцев, 1895–1902), Южной Родезии (против англичан, 1893, 1896–1897), готтентоты и гереро (против немцев, 1904–1907), Западной Африки (против французов, 1882–1898), племена Южной Африки (против англичан, 1879, 1906) и в ряде других районов.

В Южной Африке особо важную роль в сопротивлении иноземному вторжению сыграли зулусы, которые еще в середине XIX в. показали, что они — одна из главных сил сопротивления англичанам и бурам на юге континента.

Зулусы извлекли урок из поражения, понесенного ими от объединенных сил англичан и буров в 1838 г. Понимая, что для борьбы с европейцами их армия плохо вооружена, они стремились прежде всего оснастить ее современными боевыми средствами. В правление верховного вождя Кетчвайо (1872–1884) высокие цены на оружие побудили европейских торговцев продавать зулусам винтовки, несмотря на противодействие английских колониальных властей. Зулусское войско, которое имело около 30 тыс. копейщиков и 8 тыс. воинов, вооруженных винтовками, совершенствовало боевую технику: наступление цепями, использование укрытий от огня противника и т.д. Его полки (импи), постоянно тренируясь, приобретали высокую физическую закалку.

в Бразилии (вторая половина XVII в.), Суринаме (вторая половина XVIII в.), на Ямайке (30-е и 90-е гг. XVIII в). — Латинская Америка: Энциклопедический справочник. Т. I. С. 68; Т. 2. С. 165, 287, 460, 613; *Томас А.Б.* История Латинской Америки. М., 1960. С. 175; *Дридзо А.Д.* Ямайские маруны М., 1971. С. 105–106; *Дюбуа У.Э.Б.* Африка: очерк по истории Африканского континента и его обитателей. М., 1961. С. 240–243.

До 1878 г. Кетчвайо надеялся, что ему удастся отстоять независимость своей страны, играя на англо-бурских противоречиях. И действительно, Великобритания, рассчитывавшая подчинить своему влиянию зулусов, одно время выступала против территориальных посягательств голландских переселенцев. Но в начале 1879 г. англичане силами тринадцатитысячного корпуса генерала Челмсфорда вторглись в пределы зулусских владений. Одна из английских колонн численностью в 1800 пехотинцев и кавалеристов продвинулась в направлении горного массива Исандлвана. 21 января из-за холмов вдоль пути, по которому шла колонна, неожиданно появились густые цепи зулусов (13–14 тысяч воинов). Англичане занимали невыгодную позицию: они оказались в низине, тогда как все окрестные возвышенности были в руках войск Кетчвайо. Африканцы постепенно окружали колонну, лишая ее возможности маневрировать. Цепи зулусов надвигались все ближе, и англичане стали нести тяжелые потери от ружейного огня.

Невзирая на град шрапнели и залпы пехоты, зулусы прорвались к орудиям и захватили их одно за другим, прикончив копьями канониров. Когда артиллерия была потеряна, стало ясно, что бой англичанами проигран. Охваченные паникой, англичане пытались вырваться из окружения, но безуспешно.

Бой при Исандлване, в котором погибли 1200 английских солдат и 1000 зулусов, имел важные последствия. Англичане приостановили наступательные действия против войск Кетчвайо. На границах Наталя и Капской колонии вспыхнуло восстание басуто, вдохновленных победой зулусов (продолжалось два года).

Однако подобный успех больше не повторился. Войска Кетчвайо в течение 1789 г. еще дважды нападали на крупные английские подразделения, но оба раза войскам Челмсфорда удавалось остановить зулусов в нескольких десятках метах от своих позиций. Африканцы понесли страшный урон, потеряли лучших воинов. В июле 1789 г. пятитысячная английская колонна нанесла поражение отрядам зулусов в районе крааля Улунди. Это решило исход войны. Войско Кетчвайо было рассеяно, вожди обессиленного и разоренного Зулуленда пошли на капитуляцию. В 1887 г. территория зулусов была включена в состав колонии Наташ.

Чтобы одержать победу в зулусской войне, правительство Великобритании вынуждено было направить в Южную Африку войска из других колоний, а также из метрополии. Героическое сопротивление зулусов заставило англичан задуматься, насколько соответствует це-

лям британского империализма экспансионистская политика в этих районах, если их приходится завоевывать столь дорогой ценой. Хотя война 1879 г. позволила расширить пределы Наталии, она в то же время замедлила продвижение Великобритании в других областях Черного континента[78].

***

Британской колониальной империи оказало упорное сопротивление и еще одно безгосударственное общество, в другом конце Земли. Речь идет о лежащей в Австралийско-Океанийском регионе Новой Зеландии.

Ко времени появления здесь первых европейцев (последняя треть XVIII в.) маорийское общество существенно продвинулось по пути социального расслоения: шел интенсивный классогенез. Наряду с тремя категориями свободных людей были и рабы. Однако государства как формы классового подавления у маори не существовало. Общество состояло из племен, которые, в свою очередь, состояли из патриархальных общин, а политической формой этого общества являлось вождество. В 1830-е гг. в Новую Зеландию стали интенсивно проникать французы и англичане. В конце 1830-х гг. британскому резиденту приказано было мирным путем добиться от вождей уступки всех прав суверенитета ее величеству королеве Виктории. В феврале 1840 г. в селении Ваитанги пятьдесят подкупленных резидентом вождей подписали договор, согласно которому королеве Англии «абсолютно и без ограничений были переданы все права и вся полнота власти, коими вожди пользовались прежде на собственных территориях как единоличные суверены». К октябрю 1840 г. удалось собрать еще 450 подписей, но от этого кабальное соглашение не приобрело большей силы. Маори, возмущенные предательством кучки вождей и вероломной политикой британских колонизаторов, вступили в борьбу за свои земли. С 1843 по 1881 г. (т.е. почти 40 лет) в Новой Зеландии шли англо-маорийские войны. Своего апогея борьба достигла в 1857 г., когда маорийские вожди избрали верховным вождем (королем) Новой Зеландии энергичного вождя племени нгати-хауа Вирему Тамихану, который принял титул Потатау I. «Страна короля» — внутренняя горная область Северного острова — стала очагом освободительной войны, в которой маори порой удавалось одерживать победы над англичанами. Силы, однако,

[78] Века неравной борьбы. С. 280–282.

были неравными. В середине XIX в. маори уже численно уступали английским колонистам. Так, в 1860-е. гг. только на Северном острове проживало 65 тыс. европейцев, тогда как население маори на обоих островах немногим превышало 50 тыс. Всего же к 1870-м гг. в Новой Зеландии проживало свыше 100 тыс. колонистов. Британские войска вооружены были куда лучше, чем маорийские ополчения, и англичанам удалось разжечь усобицы в стане туземцев. Мир был подписан в 1881 г. Многолетняя война окончилась поражением маори, но поражением достаточно почетным. Из-за стойкости маори и их способности к упорному сопротивлению британские власти вынуждены были пойти на некоторые уступки. «Страна короля» сохранила свою независимость (точнее, автономию. — А.Ш.). Значительная часть земли маори была оставлена за ними. За туземцами признавались избирательные права. По «Акту о представительстве» 1867 г. маори получили право представительства в новозеландском парламенте (имели в нем четырех представителей). Но положение населения не улучшилось. Англичане упразднили общинную собственность, и началась лихорадочная скупка маорийских земель. К 1891 г. на Северном острове у маори осталось только 2/5 прежних земель; на Южном острове 9/10 всех земельных угодий перешло к британским колонистам. Катастрофически сократилось количество туземцев. Во второй половине XVIII в. в Новой Зеландии проживало свыше 200 тыс. маори; к концу XIX в. коренных жителей осталось лишь 40 тыс.[79]

Примеры героического и упорного сопротивления жителей СПО Южной и Северной Америки, Африки, Азии, Австралии и Океании можно было бы продолжить и далее. Это сопротивление продемонстрировало относительно большой потенциал и возможности первобытного общества в противостоянии с обществом классовым, государственным — даже в период капитализма.

***

Наряду с проблемой СПО объективно существует близкая проблема бесконтактных первобытных обществ (БПО) эпохи государственности.

Повторим, что «после появления первых государств первобытные общества, сохранявшиеся и развивавшиеся параллельно с последни-

[79] *Малаховский К.В.* Указ. соч. С. 16, 21, 75, 76; *Свет Я.М.* История открытия, освоения и исследования Австралии и Океании. С. 260–261.

ми, превратились в синполитейные, а этот этап истории первобытности в целом может считаться синполитейным, или "регионально-доклассовым"»[80]. Но подавляющее большинство первобытных обществ 5–3 тысячи лет назад (т.е. в период возникновения первых государств в Египте, Междуречье, Индии, Китае, на Крите и др.), да и позднее, примерно вплоть до периода осевого времени (VIII–III вв. до н.э.) не являлось синполитейными, т.е. не испытывало контакт с каким бы то ни было классовым обществом и государством. Более того, таковые бесконтактные первобытные общества сохранялись в немалом количестве вплоть до рубежа Средних веков и Нового времени. Это были совершенно нетронутые цивилизацией и государственностью и неизвестные им «острова», анклавы первобытнообщинного строя в чистом виде, которые, в свою очередь, также не подозревали о существовании государственных обществ. Так, к началу XVII в. обитателям государственных территорий не были известны (не открыты, не посещены) такие регионы Земли, как:

северо-запад Северной Америки (северо-запад современной Канады и Аляска с племенами индейцев, эскимосов, алеутов);

северная часть Восточной Сибири с племенами тунгусов (эвенков), одулов (юкагиров), луороветланов (чукчей), нэмыланов (коряков) и частично якутов;

внутренние районы Африки к югу от Сахары (некоторые племена суданских негров, народов банту и бушменов);

Австралия, Тасмания и Новая Зеландия;

большинство островов Океании;

внутренние районы островов Новая Гвинея и Борнео;

внутренние районы Южной Америки (в основном, глубинные районы бассейна Амазонки — индейцы бороро и другие);

некоторые более мелкие, изолированные районы в разных концах мира (в основном, в Америке, Африке и Азии).

Во всех этих районах проживали в то время миллионы человек, пока еще не знавших о существовании классово-государственного мира ни в соседних регионах ни, тем более, в Европе. Они существовали и развивались, не подозревая, какая беда надвигается на них. Пока это был, при всех внутренних противоречиях и конфликтах таких обществ, «райский сад» (особенно в сравнении с тем, что эти общества ожидало). Переломным оказался XVII век, в течение которого территория бесконтактных первобытных обществ значительно и достаточно быстро сократилась. Последние остатки БПО

[80] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 473.

фактически полностью исчезли (превратились в синполитейные с разной степенью интеграции с т.н. центром) в течение XVIII века.

Когда на морском горизонте (если речь шла о прибрежных районах материков или островах) впервые появлялись корабли с неведомыми, как правило, вооруженными людьми, или же когда в глубинные районы впервые добирались путешественники-первопроходцы, охотники, торговцы, миссионеры, конкистадоры и т.д., бесконтактные первобытные общества превращались во внешне периферийные СПО, либо прямо включались в состав колониальных империй, становясь их внутренней первобытной периферией. Для одних это происходило во времена Хеопса (Хуфу) и Саргона Древнего, для других — во времена Юлия Цезаря и Клеопатры VII, для третьих — во времена Колумба и Магеллана, для четвертых — при Куке и Лаперузе. Но во все времена в большинстве случаев это становилось началом драмы, а часто и трагедии, примеры которых были приведены в данной главе. Это, конечно же, далеко не все факты, имевшие место в мировой истории.

Глава II. Сложные естественно-социальные общества военной ориентации

1. Тупиковые иерархические безгосударственные общества

На определенном этапе развития первобытного общества стало происходить «глубокое перерождение военной демократии как формы организации власти. Демократические элементы системы сходили на нет, реальная власть оказывалась в руках военного вождя с его родней и приближенными, и на месте народовластия, пусть уже и ограниченного, вырастало авторитарное военно-иерархическое правление. Собственно, именно общество этого уровня в наибольшей степени соответствует тому, что М. Фрид обозначил как стратификационное, т.е. такое, в котором дифференцированным статусам его членов соответствует уже дифференцированный доступ к его важнейшим ресурсам, а в смысле организации власти и управления обществом — понятие вождества (chiefdom), предложенное в таком контексте Э. Сервисом. Однако структуры власти такого вида могли возникать и без непременного прохождения этапа военной демократии и следующей за нею военно-иерархической ступени»[1].

Попутно заметим, что социальная иерархия есть отнюдь не всегда признак (пред)государства и (пред)государственности. Сложная общественная система и подобная иерархия могут существовать, существовали и существуют даже у самых экономически и исторически отсталых народов (племен), чему имеется немало примеров[2].

Некоторые иерархические общества (например, в Африке XV–XIX вв.), кои европейские колонизаторы и позднее исследователи воспринимали как королевства, царства, княжества, раннеклассовые государства и т.п., были, скорее всего, не чем иным, как во-

[1] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 235.

[2] *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. С. 246–248, 310–312; *Шнирельман В.* Что такое «неолитическая революция»? // Знание — сила. 1988. № 10. С. 58.

ждествами и сложными вождествами — последней ступенью перед государством, но еще не самим государством в точном смысле этого слова[3]. Из наиболее древних примеров вождеств (сложных вождеств) назовем древнеегипетские номы, которых к IV тысячелетию до н.э. насчитывалось около 40 и которые только во второй половине IV тысячелетия постепенно трансформировались в два ранних государства — Верхний Египет и Нижний Египет.

Вождество, а также сложное вождество — *наиболее близкие к государству* безгосударственные общества, от которых до государственного общества остается, образно говоря, один шаг. Но, как свидетельствуют исторические факты, этот шаг может затянуться на длительное время[4] или вообще не быть сделан даже в условиях дальнейшего социально-экономического развития и усложнения этого общества. Как отмечают сторонники нелинейной концепции истории, вместо этого общественно-политическая организация может развиваться по линии «вождество — сложное вождество — суперсложное вождество», причем последнее по территории, количеству жителей, объемам энергии и уровню социальной сложности в целом не уступает средним и даже крупным государствам Древнего Востока, Античности и Средневековья. Такая схема развития чаще всего наблюдалась в прошлом у кочевых народов.

Начиная с рубежа II и I тысячелетий до н.э. в степях Евразии появляется кочевничество. С этого времени степи и отчасти лесостепи Европы и Азии почти на 3 тысячи лет стали местом обитания кочевников. К середине I тысячелетия до н.э. кочевое скотоводство практически полностью пришло на смену пастушеству. «Кочевничество — это не только своеобычная экономика, но и особые, свойственные ему образ жизни, материальная и духовная культура, религиоз-

[3] Полемизируя с теми из исследователей, кто склонен ставить знак равенства между вождеством и ранним государством (протогосударством), Л.Е. Куббель отмечает, что протогосударство — «это уже государство, пусть на самых ранних этапах своего существования, а отнюдь не предполитическая структура» (*Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. С. 156).

[4] Л.Е. Куббель, характеризуя итоги дискуссии о переходных от первобытности к государственности этапах развития общества, отмечал заметно усложнившиеся в ходе этой дискуссии представления о реальных путях, какими шел политогенез, в частности, в африканских обществах. Он констатировал осознание научным сообществом того, что «число переходных ступеней на пути от “негосударства” к государству было (и не только в Африке к югу от Сахары) намного большим, чем это представлялось нашим историкам и этнографам еще недавно» (*Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. С. 20–21).

ные представления, общественный строй и политическая история»[5]. «Кочевничество демонстрирует максимум оптимизации потенций обществ скотоводческой ориентации, выше которого соответствующие социумы собственными силами, принципиально не изменяя основ своей жизнедеятельности, подняться не могут. При наличии налаженных контактов с соседними цивилизациями и подчинения оседло-земледельческого населения кочевники способны создавать раннеполитические объединения типа “кочевых империй”, однако последние не отличаются устойчивостью, и процесс такого рода консолидации имеет обратимый характер. <...> Кочевнический путь развития исчерпывает свои возможности уже в древности, и в этом смысле его следует признать тупиковым. Предпосылок для выхода на следующую ступень эволюции в обществах подобного типа не складывается»[6].

А.Дж. Тойнби относил кочевые общества к так называемым задержанным цивилизациям (наряду с обществами полинезийцев и эскимосов). Это, по Тойнби, общества, «которые родились, но были остановлены в своем развитии после рождения», т.к. «потерпели фиаско, пытаясь преодолеть возникшие препятствия (в данном случае природные. — *А.Ш.*) toure de force (рывком)». А.Дж. Тойнби несколько высокомерно считал, что у таких народов нет истории[7].

«Ужасные физические условия, которые им (кочевникам. — *А.Ш.*) удалось покорить, сделали их в результате не хозяевами, а рабами степи. Кочевники, как и эскимосы, стали вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла. Наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром. Время от времени они покидали свои земли и врывались во владения соседних оседлых цивилизаций. Несколько раз им даже удавалось перевернуть размеренную жизнь оседлых своих соседей. Однако кочевник выходил из степи и опустошал сады цивилизованного общества не потому, что он решил изменить маршрут своего привычного годового климатико-вегетационного перемещения. Скорее, это происходило под воздействием внешних сил, которым кочевник подчинялся механически. Было две такие силы, которым он слепо повиновался. Кочевника выталкивало из степи резкое изменение климата, либо его засасывал внешний вакуум, который образовывался в смежной области местного оседлого общества. <...> Несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилиза-

[5] История Европы. Т. 2. С. 213.

[6] *Павленко Ю.В.* Происхождение цивилизации: альтернативные пути // Альтернативные пути к цивилизации. С. 118–119.

[7] *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М., 1991. С. 181–182.

ции, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории»[8].

Существуют и другие категоричные мнения в отношении возможностей и перспектив кочевого общества. «Кочевое скотоводческое хозяйство было слишком “вписано” в естественно-природную среду, подвергалось влиянию всех природных внутригодовых и многолетних ритмов, зависело от них. Опора только на скотоводство, базирующееся преимущественно на природных ресурсах, не только ограничивало воздействие кочевников на окружающую их природу, оставляя ее почти неизменной, но и определяла такие особенности и закономерности их образа жизни, которые оставались неизменными, консервировались не одну сотню лет. Поэтому более надежную основу развития образа жизни, в том числе общественного и государственного, составляли такие сферы хозяйства, как земледелие, стойловое скотоводство, ремесло, торговля, а не кочевое скотоводство, сыгравшее свою, в том числе позитивную, роль в истории, но являющееся ее *боковой ветвью*, ведущей в сторону от общества и государства»[9].

Хотя и не во всем можно согласиться с уважаемыми авторами двух цитируемых выше текстов, они все же правы в вопросе о значительном своеобразии исторического пути кочевого общества.

Несколько иного мнения относительно кочевников и возможностей кочевого общества придерживался Л.Н. Гумилев: «Неправильно думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники вообще, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие предметы, которые ныне вошли в обиход всего человечества как нечто неотъемлемое от человека. Такой вид одежды, как штаны, без которых современному европейцу невозможно представить себе мужской пол, изобретены кочевниками еще в глубокой древности. Стремя впервые появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках сменилась сначала коляской на высоких колесах, а потом вьюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая тяжелый прямой меч, и усовершенствованный длинный составной лук, метавший стрелы на расстояние до 700 м. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным видом жилища»[10].

8 *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М., 1991. С. 186.

9 Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. С. 290.

10 *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. С. 28–29.

Характеризуя культуру кочевников, Л.Н. Гумилев отмечал, что эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых народов[11].

В исследованиях по истории кочевничества в последние годы довольно широкое распространение получили такие научные категории, как *кочевая культура, кочевая цивилизация, кочевое государство, кочевые империи* и даже *кочевой способ производства*.

Кочевое скотоводство на протяжении веков давало преимущества номадам, обеспечивало им возможность осваивать громадную территорию аридных зон евразийской ойкумены. Однако к началу нового времени кочевничество стало изживать себя, оно уже не стимулировало технический прогресс, консервировало старые виды орудий труда и всем этим предопределило экономическое отставание кочевников от населения оседло-земледельческих стран[12].

Кочевнические объединения древности «напоминают скорее “союзы племен”, чем государства, поскольку в них не было ни регулярных армий (а только ополчения), ни административного аппарата (судей, аппарата принуждения, сборщиков налогов), ни податной системы. Тем не менее нередко они достигали огромных размеров и почти непобедимого могущества. В письменных источниках такие союзы племен называли обыкновенно “империями”. Возникновению их способствовали, во-первых, удачно сложившаяся историческая обстановка и, во-вторых, несомненно, личные качества хана-объединителя: ум, энергия, военные таланты, политическая хитрость, дипломатичность и жестокость к врагам. После смерти таких ханов начинались междоусобицы, центробежные стремления разрывали объединение, и “империи” распадались и исчезали»[13].

Могли ли кочевники создать собственную государственность? Как в антропологических теориях политической эволюции следует классифицировать кочевые империи? Могут ли они считаться государствами? По мнению Н.Н. Крадина, «нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. <...> Необходимость в объединении и создании централизованной иерархии у кочевников возникала только в случае войн за источники

[11] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993. С. 5.

[12] *Абуев К.К.* Деятельность хана Абылая по объединению казахских земель и развитию казахско-российских отношений: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2002. С. 24.

[13] История Европы. Т. 2. С. 214.

существования, для организации грабежей соседей-земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями». Несмотря на то, что т.н. *кочевые империи* имели достаточно высокую степень социальной сложности (некоторые насчитывали 1–1,5 млн чел. полиэтнического населения) и воспринимались земледельческими соседями как государства, они таковыми, по мнению Н.Н. Крадина, не были. Во-первых, во внутренних отношениях эти империи были основаны на ненасильственных (консенсуальных и дарообменных) связях; во-вторых, они существовали за счет внешних источников (экзоэксплуатация[14]) без налогообложения скотоводов. Наконец, в-третьих, характер власти правителей степных империй был по отношению к соплеменникам в основном консенсуальным (что характерно для вождеств и нехарактерно для государств) и лишенным монополии на легитимный аппарат принуждения (в противоположность государству). Н.Н. Крадин предлагает классифицировать эти общественные организмы как суперсложные вождества. Кочевые империи как *суперсложные вождества*, по его мнению, — это уже реальная модель, прообраз раннего государства: для них характерны сотни тысяч, иногда более 1 млн населения; зачатки урбанистического строительства и делопроизводства; элементы административного аппарата[15].

Как отмечает Т.Д. Скрынникова со ссылкой на Н.Н. Крадина, «до сих пор остается нерешенным вопрос о наличии или отсутствии у монголов государства [в Средние века], причем эта проблема является спорной не только для монголоведения, но и для всего кочевниковедения в целом»[16]. Если одни ученые (например, Е.И. Кычанов, А. Абдакимов) твердо стоят на точке зрения, что такое государство существовало[17], то другие (Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова) ставят это под сомнение и выдвигают другое объяснение существовавшему тогда у монголов социально-политическому устройству. «Фактическое отсутствие государственной структуры внутри монгольского об-

[14] Экзоэксплуатация — эксплуатация, направленная вовне того или иного общества и осуществляемая за его пределами или же в рамках этого общества, но только над иноплеменниками.

[15] *Крадин И.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. С. 328–331.

[16] *Скрынникова Т.Д.* Монгольское кочевое общество периода империи // Альтернативные пути к цивилизации. С. 344.

[17] *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха. М., 1995. С. 135–139, 142–143; *Абдакшюв А.* История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Алматы, 2001. С. 112–114, 120, 122.

щества, — пишет Т.Д. Скрынникова, — привело к тому, что со смертью основателя монгольской кочевой империи она стала распадаться и вскоре перестала существовать, поскольку при его жизни отдельные ее части не представляли собой ни экономического, ни политического единства, а социальная общность обуславливалась принадлежностью глав этносоциальных объединений к одному роду, точнее, к коническому клану <...> Ведущая роль родов социальной жизни монгольского средневекового общества позволяет считать ядро кочевых империй суперсложным вождеством». Т.Д. Скрынникова считает невозможным использование термина «государство», поскольку в Монголии того периода не прослеживаются основные признаки, отличающие ее общество от других форм социально-политической организации.

Наряду со спорами о наличии или отсутствии государственности у средневековых монголов подобные дискуссии ведутся и в отношении других кочевых народов, в частности, в отношении казахов периода Средних веков и начала Нового времени. Все эти споры свидетельствуют о значительной сложности проблемы социальной организации кочевничества и отражают реальные противоречия исторической реальности этой социальной организации[18].

Существует мнение, что кочевые империи, не будучи государствами, являлись парагосударственными образованиями, что, впрочем, не противоречит вышеприведенной концепции, т.к. сложные и суперсложные вождества могут рассматриваться как проявления парагосударственности. Решая вопрос о наличии или отсутствии у кочевых обществ периода сложных и суперсложных вождеств признаков цивилизации, правомерным представляется отнесение таких обществ к проявлениям цивилизации, но особого рода — кочевой цивилизации, которая по отношению к стандартной оседлой «магистральной» цивилизации человечества может быть определена как *парацивилизация*, что ни в коей мере не должно умалить или принизить ее важное историческое значение.

2. Возвратные потестарные организации (вторичные племена и их союзы)

«Вывод о том, что племя может быть совершенно непервобытной, достаточно поздней формой политической организации, труд-

[18] *Скрынникова Т.Д.* Монгольское кочевое общество периода империи. С. 354–355.

но назвать, — по мнению А.В. Коротаева, — сколько-нибудь новым. <...> К близкому выводу давно пришел Фрид, который утверждал, что племя является непервобытной формой политической организации, возникающей в результате "структурирующего" воздействия уже имеющихся государственных систем на "неструктурированные" массивы независимых общин»[19].

Полностью соглашаясь со взглядом М.Н. Фрида на племя как на непервобытную позднюю форму социально-политической организации, А.В. Коротаев, опираясь на южноаравийский исторический материал, предполагает и показывает, что племенная организация в сложном обществе может возникать и иным путем, например, в результате трансформации вождества[20].

И.Н. Гомеров высказал не лишенное оснований, но все же не бесспорное интересное предположение, что племена и союзы племен — «это, скорее всего, совсем иная (возможно, тупиковая) линия исторического развития, которая вела не к обществу и государству, а в сторону. Ее остатки сохранились до сих пор. И ныне, на рубеже II–III тысячелетий н.э. существуют племена и союзы племен, которые, как и родовые общины, не являются государствами, а представляют собой реликты (остатки) прошлого. Они постепенно поглощаются существующими обществами и государствами, но сами их не образуют»[21].

«Понятие "племя" в том виде, как оно употребляется социоантропологами при описании социально-политической организации северных йеменцев (или, скажем, многих сообществ Атласа, Киренаики или Афганистана) в XIX–XX вв., представляется вполне полезным, ибо оно обозначает достаточно определенную форму надобщинной политической организации, которая, как кажется, не может быть адекватно обозначена никакими иными принятыми в современной науке терминами, такими как "вождество" и тем более "государство" или "община". Мы можем наблюдать здесь такую форму политической организации, когда функционирование устойчивых форм межобщинной интеграции осуществляется без монополизации соответствующими внутриплеменными структурами применения насилия, без приобретения ими формальной власти над общинами и общин-

---

[19] *Коротаев А.В.* Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // Альтернативные пути к цивилизации. С. 276.

[20] Там же.

[21] *Гомеров И.Н.* Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. С. 284.

никами, когда конфликты разрешаются (либо коллективные “общеплеменные” акции предпринимаются) не через обязательные к исполнению решения облаченных властью должностных лиц, а через поиск лишенными формальной, абсолютной (безотносительно к их личным качествам) власти лидерами консенсуса всех заинтересованных членов племени (или племен)»[22].

По мнению авторов книги «История первобытного общества», кочевнические и горские общества сходны между собой в незавершенности их классовой структуры и стойкости позднепервобытных социальных и культурных традиций. Корни этого сходства следует искать в особенности их экологии, обусловливающей преобладание или высокий удельный вес пастбищного скотоводства, затрудняющий политическую централизацию и облегчающий развитие примитивных форм внешнеэксплуататорской деятельности. В этих условиях социальная верхушка вынуждена искать опору в рядовых членах общин и патронимии, а зачастую и в родоплеменной организации, тормозя и густо вуалируя отношения эндоэксплуатации[23]. Отсюда значительная устойчивость в таких обществах патриархального уклада и относительная неразвитость их профессиональной, письменной культуры. Больше того, отсюда же известная обратимость свойственных им раннеклассовых отношений. Многочисленные примеры распада раннеклассовых образований и возвращения к предклассовому строю известны у бедуинов Аравии, туарегов Сахары, качинов Бирмы, едва ли не в большинстве горских обществ Северного Кавказа»[24].

В известном смысле, с некоторыми оговорками, примером такого возвращения может служить судьба протоиндийской цивилизации (индской цивилизации, «культуры Хараппы» или «культуры брошенных городов»). Видимо, это один из первых примеров возвращения к племенной организации после цивилизации государственной (или предгосударственной).

Цивилизация возникла в северо-западной Индии, в долине реки Инд, и стала по времени появления третьей по счету на Земле после Междуречья и Египта. Время существования цивилизации — приблизительно XXIII–XVIII вв. до н.э.

---

[22] Коротаев А.В. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ. С. 275.

[23] Эндоэксплуатация — эксплуатация, осуществляемая внутри общества одной частью его жителей над другой.

[24] История первобытного общества. Эпоха классообразования. С. 527.

Цивилизация характеризовалась наличием металла (бронзы), городов (с двухэтажными домами и системой канализации, едва ли не первой в истории), письменности. Площадь цивилизации превышала 1 млн кв. км. За последние 60 лет обнаружены развалины около тысячи хараппанских поселений от Гиндукуша до Бомбея и от Карачи до Дели. 370 из них расположены в пределах пустыни Тар. Моженджо-Даро, один из крупнейших хараппанских городов, насчитывал 40–50 тысяч жителей (по некоторым оценкам — 100 тысяч жителей)[25].

По поводу социального и политического строя индской цивилизации могут быть сделаны лишь самые общие замечания. Наличие цитаделей и городской планировки говорили, по-видимому, о существовании государственной власти. Зернохранилища и помещения для работников вызывают ассоциации с храмово-государственными хозяйствами древней Месопотамии. Уровень развития производства, наличие городов и письменности заставляют думать о социальном неравенстве, что подтверждается различиями в размерах и типах жилых помещений. Но при отсутствии письменных источников пока невозможно с уверенностью судить о степени социальной дифференциации, формах эксплуатации или организации политической власти[26].

Возможно также, что это была предгосударственная цивилизация, в принципе (но не в конкретном выражении) сопоставимая с аналогичными предгосударственными цивилизациями (и даже государствами) древних Месопотамии и Египта, однако не эволюционировавшая, в отличие от них, к государству по ряду причин.

Примерно к концу XVIII в. до н.э. индская цивилизация перестала существовать. Можно утверждать с достаточной уверенностью, что она не погибла в результате внезапной катастрофы. Обширный материал, накопленный к концу XX в. археологами, показывает, как постепенно в течение столетий приходили в упадок некогда цветущие города. Происходила смена городов сельскими поселениями и варваризация культуры[27].

---

[25] *Баландин Р.К., Бондарев Л.Г.* Природа и цивилизация. М., 1988. С. 115.

[26] Споры о социально-политической организации индской цивилизации продолжают вестись. Существует несколько научных точек зрения. Подробнее об этом см.: История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А.В. Седова. М., 2004. С. 89–90.

[27] История Древнего Востока. М., 2001. С. 331.

Выдвигалось множество гипотез для объяснения причин гибели индской цивилизации. Упадок городов сопровождался проникновением в долину Инда более отсталых племен с северо-запада, однако не эти набеги являлись причиной гибели цивилизации. Некоторые области северо-западной Индии к настоящему времени превратились в пустыни и полупустыни, и вполне возможно, что это произошло в результате нерационального ведения поливного земледелия и вырубки лесов, что уже тогда сделало природные условия района менее благоприятными для полнокровной жизни общества[28].

Единого мнения о причинах упадка хараппской цивилизации нет. Не нашла подтверждения точка зрения некоторых авторов о разрушении ее кочевниками. Изучение нескольких тысяч человеческих скелетов показало только два случая насильственной смерти. Не найдено оружия и доспехов.

Другие авторы считают, что решающую роль сыграло ухудшение экологических условий. Выжигание растительности, вырубка деревьев, чрезмерный выпас скота, вторичное засоление орошаемых земель вели к аридизации, ветреной эрозии. Впрочем, и изменение климата само по себе могло сыграть свою роль, действуя в унисон с многовековой разрушающей деятельностью человека[29].

***

«После гибели Индской цивилизации история как бы делает “шаг назад”, и на месте опустевших городов возводят свои бедные лачуги *племена* (курсив мой. —*А.Ш.*), которым еще только суждено было вступить в эпоху цивилизации»[30].

Последовавший за хараппским периодом так называемый «ведийский период» (примерно XIII–VI вв. до н.э.) был почти полностью *племенным* по социальной организации, и только к концу этого периода на индийской земле вновь, после тысячелетнего перерыва, возникнут новые политические образования, на этот раз — государства.

В чем-то похожая ситуация наблюдалась в XI–IX вв. до н.э. в ахейских землях Греции после вторжения дорийцев («темные века»). Соотношение социальных сил внутри ахейского общества сильно изменилось, т.к. военные неудачи в борьбе с дорийцами нанесли не-

[28] История Древнего Востока. М., 2001. С. 331.

[29] *Баландин Р.К., Бондарев Л.Г.* Природа и цивилизация. С. 115.

[30] Там же.

поправимый удар позициям знати, в особенности ее высшему слою. Физическая гибель многих воинов-аристократов, уничтожение многих ахейских царств и прекращение притока военной добычи лишили знать прежнего первенствующего положения. Ослабление знати способствовало тому, что вновь окрепли многие институты древнего племенного строя, которые издавна сохранялись в политической жизни широких народных масс. Только такие общества, как Спарта, где имелось покоренное население, в эту пору постепенно приобрели черты примитивных государственных образований[31].

Даже в позднеклассической Греции и Греции периода кризиса на первый план иногда выдвигались более отсталые в политическом отношении области, где было еще сильно племенное деление. Таковым были, например, Этолийский союз (ок. 367–168 гг. до н.э.) и Ахейский союз (ок. 280–146 гг. до н.э.), коренные территории которых относились к отсталым областям Греции и в которых наряду с полисами существовали и значительную роль играли племена. «Основу союзов этолийского и ахейского составляли *племена*, до того времени не заявлявшие себя в истории образованием блестящих городов и продолжавшие жить в условиях стародавнего быта и в пределах собственной территории»[32].

Рассматривая племя в условиях античного общества, Е.С. Голубцова, солидаризируясь с рядом других исследователей, считала племя этого периода уже не родовым, а этносоциальным объединением (ЭСО). По ее мнению, племена, возникшие в период первобытнообщинного строя, к периоду античности и в сам этот период пережили большие изменения. «В первые века н.э. составными частями племени были уже не рода, а общины. Именно общины и их союзы образовывали племена, сохранявшие свою территорию, язык, социальные отношения, обряды и обычаи»[33].

К похожим выводам в отношении социальной трансформации племени на материалах североамериканских индейцев-кочевников пришла еще на рубеже 1960–1970-х гг. Ю.П. Аверкиева. Выделяя эту часть индейцев из общей массы индейского населения региона как наиболее развитую в социально-экономическом и социально-политическом аспекте и сравнивая их с кочевниками и полукочевни-

[31] Древние цивилизации. С. 296.

[32] *Мищенко Ф.Г.* Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. М. 1890. С. CLXI.

[33] *Голубцова Е.С.* Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998. С. 16.

ками других регионов планеты, она сделала вывод, что «племенная структура была типичной формой политической организации кочевых и полукочевых народов во всех частях света. *Анализ этой структуры позволяет провести резкую грань между племенной организацией этого типа и племенем первобытно-родового общества* (курсив мой. — *А.Ш.*). Племя у кочевников и полукочевников было формой, в которую облекалось возникающее раннеклассовое общество военно-демократического строя»[34]. Уточним: это верно для определенных этапов и регионов кочевничества, т.к. наряду с племенной организацией у одной части кочевников у другой их части получила распространение такая форма социально-политической организации, как вождество.

Есть некоторые основания предполагать, что после распада Гарамантиды — довольно развитой цивилизации в глубине Сахары (около VI в. до н.э. — VII–VIII вв. н.э. (современная территория южной Ливии)) — ее жители, знавшие раннюю государственность (царство), перешли к племенной организации. В отношении возможных потомков — наследников гарамантов — преобладают предположения о том, что ими являются туареги (чаще других называют туарегов Ахаггара и/или Теда). В пользу этого говорит и наличие у туарегов письменности. «Спрашивается, зачем письменность туарегам, живущим веками на грани выживания в пустыне, где на сотни километров можно не встретить человека? <...> По-видимому, оно (письмо) — элемент, причем один из центральных, необычайно мощно законсервированной из-за труднейших условий существования в Сахаре культурной традиции, которая каким-то образом, без видимой “прагматической функциональности”, способствует выживанию этноса»[35].

В северо-восточном Йемене I–II тысячелетий н.э. можно наблюдать неплохо документированный процесс трансформации уже сформировавшихся вождеств в племена и радикальную эгалитаризацию социально-политической организации земледельческого населения. Крайне примечательно, что этот процесс сопровождался явлениями бурного развития товарно-денежных отношений и частной собственности на землю, а также развалом экономической общинности, вообще значительной индивидуализацией экономических и иных отношений. В результате этих процессов в северо-восточном Йемене сложились крайне развитые племенные сообщества. Племенная организация оказалась в состоянии обеспечить (во многом за счет имен-

[34] *Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. С. 170.

[35] Гарамантида (Африканская Атлантида). М., 1994. С. 235–236, 281–282.

но племенных институтов) достаточно устойчивое воспроизводство относительно высокоразвитых земледельческих сообществ в крайне неблагоприятных географических условиях. Во многом благодаря именно племенным институтам регион северо-востока Йемена оказался покрыт сетью сотен рынков (обеспечивавших довольно высокий для доиндустриального общества уровень товарно-денежных отношений), а также многочисленных неземледельческих городков и центров традиционной учености. Письменность довольно широко использовалась для фиксации племенного права, соглашений между племенами, племенных гарантий безопасности городов, рынков и т.д.[36] «В целом племенная организация, возможно, представляла собой едва ли не единственную политическую форму, которая могла позволить в доиндустриальном мире устойчиво воспроизводиться сложным высокоорганизованным сообществам в крайне бедной и неустойчивой хозяйственно-экологической среде Северо-Восточного Йеменского нагорья. <...> В доиндустриальных условиях социально-экономическая система ареала должна была быть избавлена от какой-либо сколько-нибудь развитой государственной "надстройки" (заставлявшей бы земледельцев ареала производить избыточные количество прибавочного продукта), чтобы стать устойчивой и не вызывать постоянные социально-экологические кризисы и не деградировать»[37].

По мнению А.В. Коротаева, генезис северойеменской вторичной племенной организации «явился прежде всего реализацией общей тенденции к "эгалитаризации", наблюдавшейся в ареале еще с конца I тысячелетия до н.э., результатом долгих "поисков" земледельческим населением Северного Нагорья оптимальных для этого региона форм социально-политической организации». Генезис племенной организации в этом регионе вполне может рассматриваться и как ответ общества на вызов, брошенный ему социально-экологическим кризисом второй половины I тысячелетия н.э. Кризис был вызван, по всей видимости, именно "престижной экономикой" вождеств ареала, приведшей к перенапряжению крайне хрупкой естественной среды данного района (например, к крайней деградации растительного покрова востока Северойеменских гор). Выход из этого социально-экологического кризиса произошел во многом именно за счет "отторжения"

[36] *Коротаев А.В.* Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ. С. 284–285.

[37] Там же. С. 280–281. Материал данной статьи содержит описание исторического опыта, особенно ценного в современных условиях приближения глобального планетарного — сырьевого и экологического — кризиса.

социально-политической системой ареала родовой аристократии и за счет генезиса (вторичной) племенной организации, обеспечивавшей существование в данном ареале достаточно сложного аграрного общества при крайне "экономичном", бережливом производстве прибавочного продукта[38].

При этом А.В. Коротаев особо подчеркивает: «Нет никаких оснований рассматривать процесс трансформации вождеств в племена на северо-востоке Йеменского нагорья [в I тысячелетии н.э.] в качестве "дегенерации" или "регресса". Напротив, общий уровень развития ареала даже несколько повысился и ощутимо возросла экологическая устойчивость социоестественной системы ареала»[39].

Образование вторичных племен имело место и в истории Дальнего Востока: в предыдущей главе уже упоминалось о многочисленных китайских и иных разноплеменных беглецах, образовавших в I в. до н.э. в хуннских степях к северу от Китая союзное хуннским племенам самостоятельное общество, которое китайские историки именовали племенем «цзылу»[40].

В Средние века, в период венгерского господства, племенное деление хорватов, ушедшее, казалось бы, в прошлое, вновь возродилось в новых условиях формирующегося феодализма. 12 хорватских племен (по-хорватски ед.ч. — *племе*) имели определенную автономию в составе Венгерского королевства. Отличительной чертой каждого племени было свое патронимное наименование. Первое косвенное свидетельство об этих корпорациях встречается в источниках XI в. В старой историографии господствовало представление, что данные корпорации являлись остатками тех хорватских племен, которые переселились на Балканы еще в начале XII в. *В настоящее время* (начало 1960-х гг. и далее. — А.Ш.) *среди исследователей преобладает мнение, что эти корпорации не представляли собой племенной организации первобытнообщинного строя и получили развитие уже в ходе феодализации хорватского общества*[41] (курсив мой. — *А.Ш.*).

Среди членов «племен» сравнительно рано стала выделяться знать, но основную массу вплоть до XVI в. составляли племичи — свободные привилегированные мелкие землевладельцы, подавляющее большинство которых вело свое хозяйство, как правило, собственными си-

[38] *Коротаев А.В.* Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ. С. 277, 279, 280.

[39] Там же. С. 285.

[40] *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. С. 28.

[41] История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 146–147.

лами, и лишь небольшая часть племичей имела зависимых крестьян[42].

Племя (племе) стало важным звеном родственно-общинной структуры и формой социальной организации в ряде районов Балкан *после турецкого нашествия и завоевания*. Племя существовало здесь столетия, а в Черногории и Герцеговине сохранялось вплоть до XIX в. В состав племени нередко входили тысячи человек. Члены племени *не ощущали себя родственниками* — браки между ними совершались совершенно свободно, а в состав племени было легко вступить людям и целым группам со стороны. Отдельные племена состояли из братств (родовых общин широкого состава, напоминающих кланы) и из сел, в которых не было какой-либо родственной организации. В совместной деятельности соплеменников на первый план выступали не хозяйственные функции, а военные и управленческие, свойственные крупным территориальным образованиям. Экономическую основу племен и братств в горных районах Балкан составляла коллективная собственность на пастбища. «*В ней, однако, не следует видеть прямое продолжение первобытнообщинных порядков, ибо в XII–XIV вв. значительная часть этих пастбищ (уже) была присвоена феодальными собственниками. Фонд "племенных" пастбищ позднего средневековья мог возникнуть только после разрушения этой феодальной собственности турками*»[43] (курсив мой. — *А.Ш.*).

Этот феномен был отмечен историками, в частности советскими, и ранее, еще в 1960-е гг., но от комментариев они, как правило, воздерживались: уж очень не укладывались в прямолинейную схему поступательного развития общества эти факты. Авторы книги «Краткая история Албании», например, справедливо констатировали, что «турецким завоевателям не удалось распространить военно-ленную систему на всю Албанию. В большинстве горных районов, которые вообще слабо зависели от турок на всем протяжении их владычества, сохранились, *а возможно, и возродились родоплеменные отношения*»[44] (курсив мой. — *А.Ш.*).

Аналогичная ситуация складывалась и с Черногорией. Завоевав низменные районы этой земли, турки так и не сумели установить свою полную и твердую власть в горных районах. Зависимость от

[42] История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 146–147.

[43] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3. С. 388–389.

[44] *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 35–36.

Более подробно о социально-политическом устройстве этих районов Албании см. следующий параграф данной главы.

Османской империи была слабой и фактически сводилась к уплате черногорцами харача — умеренного налога, нередко собиравшегося с помощью военной силы. Особые условия, сложившиеся в это время в Черногории (оторванность от внешнего мира, необходимость постоянной обороны от турок), привели к тому, что на основе существовавших ранее кнежин — объединений нескольких сел — образовались иные территориально-административные единицы — племена, состоявшие из нескольких братств каждое. Племен было 13 (данные на конец XIX в., когда эти племена все еще продолжали существовать): цуцы, белицы, чекличи, негуши, белопавличи, пиперы, кучи, братоножичи, ровцы, морача, васоевичи, грахово, рудины. Племена стали и военно-политическими союзами: они совместно вели военные действия; племя оказывало защиту своим членам. Строго соблюдались установления местного права, включавшего некоторые архаические обычаи, в т.ч. кровную месть. В каждом племени имелся свой *збор* — скупщина всех взрослых членов, решения которого были для всех обязательными. Однако, по существу, вся власть со временем стала сосредоточиваться в руках старейшин — кнезов и воевод, фактически пользовавшихся наследственными правами на эту должность. Кроме того, имелся главный кнез или спахия всей Черногории. Он выступал обычно посредником в отношениях между турецкими властями и черногорцами. Но власть главных кнезов и спахий была, как правило, невелика. Существовал особый представительный орган — збор, или скупщина. На нем решались наиболее важные вопросы внутренней жизни и отношений с внешним миром. Состав был следующим: митрополит, главный кнез, кнезы и воеводы — представители от каждого племени. Однако решения могли быть отменены присутствующим на зборах народом. Государство в Черногории сложилось лишь к концу XVIII в., но племенное деление страны и сами племена продолжали существовать вплоть до начала XX в.[45]

Значительную автономию и уникальное внутреннее общественное устройство до сих пор (начало XXI в.) сохраняют афганские (пуштунские) племена и некоторые другие племена Среднего и Ближнего Востока. Они веками (если не тысячелетиями) являлись самодостаточными общественными организмами. По замечанию крупнейшего специалиста по Афганистану И.М. Рейснера, сохранение родоплеменной организации у афганцев тормозило образование

[45] История Югославии. Т. 1. С. 200, 219, 220, 223, 516–517. В дополнение к этому об общественном устройстве Черногории данного периода будет рассказано в следующем разделе данной главы.

государства в собственном смысле слова[46]. Небезынтересна в этом отношении оценка афганских общественных порядков и характеристика афганцев, данная Ф. Энгельсом в 1857 г.: «Форма правления [в Афганистане] — монархия, но власть короля над его отважными и беспокойными подданными носит личный и чрезвычайно непрочный характер <...> Война для них [афганцев] является развлечением и отдыхом от однообразных занятий хозяйственными делами. Афганцы разделяются на кланы, причем различные вожди осуществляют нечто вроде феодального господства над ними. Только их [афганцев] *неукротимая ненависть к государственной власти* (курсив мой. — *А.Ш.*) и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией...»[47]. А.Е. Снесарев в книге «Афганистан» (1921) приводит высказывание одного афганца на упрек англичан, что у них, афганцев, взаимные распри, волнения и бедность. Данный ответ можно воспринимать как кредо этого мужественного и свободолюбивого народа: «Пусть мы бедны и у нас льется кровь... это наше внутреннее дело, но мы, афганцы, всегда и прежде всего свободны»[48].

Образование Афганского государства происходило очень медленно: оно возникло в середине XVIII в., но окончательно сложилось лишь к концу XIX в. Но и в этом государстве пуштунские и другие племена сохранили значительную автономию и свою вооруженную силу (племенные ополчения) вплоть до сегодняшнего дня: достаточно вспомнить хотя бы «замирение» племени джадран в конце 1987 г., вылившееся в крупнейшую боевую операцию советских и афганских правительственных войск под кодовым названием «Магистраль»[49].

---

[46] *Рейснер И.М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954. С. 201.

[47] *Энгельс Ф.* Афганистан // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 14. С. 76.

[48] Цит. по: *Ляховский А.* Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995. С. 41.

[49] Джадран — одно из крупных пуштунских племен (около 90 тыс. чел. на афганской территории, а по обе стороны границы — до 160 тыс. чел.), проживающее в пограничной полосе между Афганистаном и Пакистаном. Оно хорошо вооружено и имеет сильное племенное ополчение. Еще в королевские времена племя фактически не подчинялось Кабулу. Тогда же возник миф о непобедимости племени. При режиме НДПА оно вооруженным путем препятствовало появлению в своих владениях представителей центральной власти, воинских формирований Демократической республики Афганистан и советских войск. При этом племя контролировало дорогу к окружному административному центру Хост, фактически блокировав его. Понадобилась специальная боевая операция советских и афганских войск по деблокаде Хоста. См.: *Громов Б.В.* Ограниченный контингент. М., 1994. С. 298–305; *Никитенко Е.Г.* Развенчанный миф о непобе-

Одной из причин поражения Апрельской революции и режима Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) стала недооценка афганских социально-политических традиций, в том числе федеративного характера афганского общества, где значительная часть племен, народностей и отдельных территорий была объединена на федеративных и договорных началах. Беря пример с довольно жесткой системы советского государственного социализма, находившейся к тому же на пороге кризиса; проводя жесткую централизацию и унификацию афганского общества; нарушая федеративные принципы связей и покушаясь на внутреннюю автономию племен (чего в такой степени не позволял себе, как правило, ни один из афганских королей), революционное руководство Афганистана в лице Н.-М. Тараки, Х. Амина и отчасти Б. Кармаля настроило против себя значительную часть населения. Ввод и более чем девятилетнее присутствие советских войск только усилило негативный настрой. Изменить эту политику в сторону учета афганской специфики, вернуться к договорным федеративным принципам афганского общества и развивать их пытался в 1986–1992 гг. новый лидер М. Наджибулла, который достиг в этом направлении некоторых успехов, но было уже поздно: революционный режим в условиях резкого изменения геополитической обстановки в регионе и в мире был свергнут.

Можно вспомнить также, что до сих пор (начало XXI в.) существует и будет, видимо, еще долго существовать так называемая *территория независимых племен* или *зона свободных племен* по обе стороны бывшей британско-афганской (а ныне пакистано-афганской) границы (линии Дюранда), формально (но не фактически) разрезавшей пуштунские племена на две части. Вот уже более 100 лет обе части пуштунских кочевников разделены между Афганистаном и сначала Британской Индией, а ныне — ее бывшей частью, *Мусульманской Индией* (Пакистаном), но свободные племена и сегодня, в начале XXI в., игнорируют линию Дюранда, а законы Афганистана и Пакистана они признают лишь номинально. Стоит также вспомнить, что в конце 1985 г. в пакистанской части зоны свободных племен произошли серьезные антиправительственные выступления — фактически восстание, подавленное пакистанской армией и формированиями афганских моджахедов[50]. Сегодня (2001–2006 гг.)

димости племени джадран // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 73–77; *Ляховский А.* Трагедия и доблесть Афгана. С. 41, 354–356.

[50] Бандиты несут потери // Комсомольская правда. 1986. 10 января. С. 3; *Проханов А.* Исламабад против пуштунов: кем оплачен геноцид // *Там же.* 14 ян-

зона свободных племен по обе стороны границы стала территорией, на которой укрываются остаточные силы талибов и боевиков «Аль-Каиды», а американско-пакистанские силы в течение вот уже нескольких лет не могут взять ее под полный военный контроль.

Наряду с тем, что родоплеменные и вообще патриархальные традиции в силу определенных условий могут сохраняться, возможен по ряду причин и возврат к этим традициям во времена, когда они, казалось бы, остались в далеком прошлом.

Существует, видимо, определенная закономерность в том, что, когда в силу тех или иных социально-политических, природно-экологических и т.п. катаклизмов рушатся привычные цивилизационные устои и высокоуровневые социальные связи, в том числе и государство, происходит возврат к патриархальным формам (или же оживление и консервация существовавших или существующих патриархальных форм) в том или ином виде и на том или ином уровне. Интересно, что в такой довольно развитой «стандартной цивилизации», каковой была *Большая Россия* (т.е. СССР), после социального катаклизма конца 1980-х — начала 1990-х гг. на ряде территорий постсоветского пространства произошла реанимация патриархальных социальных форм — от патронимии, рода и клана до племени включительно. Возрождение последнего в условиях кризиса государственности 1990-х гг. мы можем наблюдать в Казахстане (в виде оживления пережитка-реликта союзов племен — жузов) и, видимо, в Таджикистане, причем здесь мы наблюдаем некоторые признаки формирования именно вторичного племени, имеющего мало общего с племенем первичным, т.е. уже никак не являющегося пережитком первобытнообщинного строя (территориальные общности, или субэтносы кулябцев, гармцев, гисарцев, ходжентцев и отчасти памирцев).

3. Горные «вольные общества»

Уникальнейшими общественными безгосударственными образованиями на протяжении многих столетий были так называемые горские вольные общества, союзы вольных общин ряда горных массивов планеты.

Наиболее заметные в истории Евразии и отчасти Афразии, известны, хотя все еще довольно слабо изучены, такие очаги горских вольных обществ, как горцы Йемена, Атласа, Греции, Швейцарии,

варя. С. 3; Исламабад проводит политику геноцида против пуштунских племен // За рубежом. 1986. № 4. С. 5; Аргументы и факты. 1986. № 17. С. 8.

Басконии, Албании, Черногории, Северного Кавказа, Афганистана, горной Бирмы (качины), Ассамского нагорья (апатани), Филиппин (ифугао). «Первое, что бросается в глаза при знакомстве с их политической организацией, — это удивительное сходство в некоторых базовых характеристиках большинства горских обществ в самых разных концах Ойкумены Старого Света. <...> Повсюду при естественном многообразии политических форм мы находим и некоторый горский "общий знаменатель"»[51]. «Важнейшей характеристикой этого "горского знаменателя" является относительный "демократизм" горских политий. Политическое развитие здесь нередко идет не за счет эволюции становящейся все более самовластной надобщинной управляющей субсистемы, системы централизованной редистрибуции и т.п., в ходе чего масса общинников утрачивает какой-либо реальный контроль над политическим центром, превращаясь в "подданных", а совсем иным путем. Примитивная демократия не вырождается, не сходит на нет, а, наоборот, получает дальнейшее развитие, выходя уже совершенно определенно за рамки примитивности. Масса полноправных общинников не теряет контроль над политическим центром, а совершенствует этот контроль, превращаясь в "граждан". В результате целый ряд горских сообществ (хотя, естественно, отнюдь не все) превращается, по сути дела, в полисы»[52].

В рамках разных горных вольных обществ мы можем наблюдать в разных вариациях сочетания и комбинации таких негосударственных форм общественной самоорганизации, как род, фратрия (братство), племя, вторичное племя, союз племен, военная демократия, военная иерархия, вождество и гражданская мегаобщина полисного типа[53]. В каждом конкретном случае (и в зависимости от того или иного периода существования) из комплекса черт выходила на первый план и преобладала та или иная из названных форм, но общими были демократизм и безгосударственность.

***

В ходе переселения VI–VII вв. южные славяне заняли обширную территорию от Восточных Альп до Пелопоннеса. Здесь они встретили весьма пестрое в этническом отношении, но сравнительно

[51] *Коротаев А.В.* Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. 1995. № 3. С. 19.

[52] Там же. С. 19.

[53] О гражданской мегаобщине полисного типа подробнее см. параграф 1 следующей главы.

немногочисленное население, значительно поредевшее в результате вторжения варваров. Часть этого населения была ассимилирована славянами. Славянизирована была и значительная часть территории, населенной греками. Лишь в пределах Пелопоннеса, отчасти Фессалии и Эпира славянские пришельцы в дальнейшем растворились в более многочисленном греческом населении[54]. Подобное, видимо, произошло со славянами и в Албании, где они, будучи здесь в незначительном количестве, растворились среди иллирийцев.

В XIV–XVI вв. огромный массив южнославянских и других народов Балканского полуострова и примыкающих к нему районов был завоеван турками. Некоторые из этих народов накануне турецкого нашествия имели свою государственность, другие жили в «чужих» государствах. Практически всех их поглотила так или иначе новая, (османская) государственность. Но были и некоторые исключения.

В первое время после турецкого завоевания на Балканах сохранялось значительное количество поселений, не имевших частных владельцев. Права, автономия, привилегии их были различны. Широкими правами пользовались общины и союзы общин в горных районах Брды, Герцеговины, Черногории, Эпира, Албании, Пелопоннеса. Там не было турецких чиновников и феодалов. Со временем эти районы Балканского полуострова превратились в независимые или почти независимые анклавы, живущие по своим законам и обычаям. Одной из основных отличительных черт этих территорий было практически полное отсутствие на протяжении столетий государственности, а вместо последней — уникальная негосударственная самоорганизация населения, оказавшаяся достаточной для более-менее эффективного и длительного сопротивления туркам.

Чрезвычайно интересным представляется тот факт, что население этих районов в прошлом, до турецкого завоевания, так или иначе жило в условиях государственности (своей или чужой) и довольно хорошо знало, что это такое. Достаточно сказать, что данные территории последовательно входили в состав Римской и Византийской империй, Сербского и других славянских государств[55].

***

Население Албании, например, в течение более чем одной тысячи лет до возникновения горных вольных обществ неплохо было знако-

[54] История Югославии Т. 1. С. 33.

[55] *Pot K.* История христианских государств Балканского полуострова (Болгария, Сербия, Румыния. Черногория, Греция). СПб., 1914. С. 5–66.

мо с государством и государственностью. Еще в IV в. до н.э. иллирийцы — предки албанцев — создали свое первое раннегосударственное объединение, т.н. *Федерацию энкелийцев* — рабовладельческое государство, объединившее, кроме энкелийцев, некоторые другие соседние иллирийские племена. Во II в. до н.э. это государство было завоевано римлянами и вошло в состав Римской республики — Римской (затем Византийской) империи. В византийский период стала складываться собственно албанская народность, распространилось христианство, а в VIII–IX вв. начал зарождаться феодализм. Затем некоторое время здесь господствовали Болгарское царство и королевство Сербия. Во второй половине XIV в. обширное Сербское государство распалось и на территории Албании стали образовываться самостоятельные феодальные албанские княжества. К началу XV в. большинство районов Албании в результате прямого завоевания, а также на правах вассальной зависимости вошло в состав Османской империи[56].

Внутренние горные районы Албании, где большую роль играла сельская община и сильны были патриархальные обычаи, в период турецкого владычества превратились в очаги сопротивления. Здесь стали возникать общества, независимые или почти независимые от Османской империи и местных турецких и албанских феодалов. В течение XV–XVIII вв. эти общества, оставаясь фактически безгосударственными, более или менее успешно противостояли иностранному порабощению и феодализации.

Для отражения постоянных нападений албанские горцы нуждались в крепкой и сплоченной организации. Этой задаче при низком уровне развития производительных сил соответствовал т.н. *фис* (род), основанный на кровнородственных связях. В фис, как правило, входило несколько десятков семей, которые вели свое происхождение от общего предка. Пахотная земля и пастбища являлись неотчуждаемой собственностью всего фиса, тогда как дома, скот, сельхозинвентарь рассматривались как собственность каждой семьи.

Высшим органом фиса являлся кувенд — совет, глав всех семей, объединяемых фисом. Помимо того, был и наследственный глава фиса, значение которого с течением времени стало возрастать. Во главе вооруженных сил фиса, представляющих собой ополчение всех способных носить оружие, стоял военный предводитель. Важной функцией фиса была охрана жизни и имущества всех его членов. За убийство мстила не только семья убитого, но и другие семьи фиса; кровная месть здесь получила очень широкое распространение.

[56] *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г, Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 8–15.

Такие общины обычно объединялись в более крупные военно-территориальные союзы, которые упорно старались отстаивать свои права и фактическую самостоятельность.

Семейные и общественные отношения албанских горцев регулировались т.н. *канунами*, представлявшими собою неписаные законы, правила, обычаи, переходившие от поколения к поколению и изменявшиеся с изменением социально-экономических условий. Действие каждого из канунов, носившего в большинстве случаев имя того или иного легендарного законодателя, распространялось на определенную ограниченную территорию. Горы Дукагини (Северная Албания) жили по кануну, творцом которого считался сподвижник албанского национального героя Скандербега — Лека Дукагини. В Великой Мальсии (Северная Албания) действовал канун гор; в областях Круя, Мати и Дибра — канун Скандербега, в Средней Албании — канун Геги, в Химаре (Южная Албания) — канун Папа Жули. Сфера действия местного права включала всю горную Албанию.

Условия жизни обитателей албанских гор были чрезвычайно трудными. Постоянная опасность нападения со стороны турок заставляла их все время быть начеку. После того как сюда переселилась часть жителей равнин, стал ощущаться недостаток земли для пастбищ. Бесплодная почва едва позволяла жителям гор поддерживать полуголодное существование.

Султанские наместники много раз пытались низвести этих свободолюбивых людей до уровня обычной райи (турецкое наименование завоеванных подданных, в буквальном понимании — стадо), но непрестанно терпели неудачу. В Южной Албании широкой автономией пользовалась прибрежная горная территория — Химара; в Северной Албании столь же мало зависели от турок Великая Мальсия, Дукагини, Мирдита. Последняя с начала XVIII в. управлялась наследственным правителем из семьи Марка Гьони. Правитель этот назывался капитаном (или пренком, т.е. князем), но это, по всей видимости, не более чем вождество. Против всех этих областей неоднократно направлялись турецкие карательные экспедиции.

В 1537 г. такую экспедицию против Химары безуспешно предприняли войска Сулеймана I.

В 1610 г. турки попытались завоевать и подчинить область Дукагини. Они сумели потеснить слабовооруженных горцев, разорили многие горные деревни, однако утвердить свое господство здесь туркам не удалось.

В начале XVII в. жители Великой Мальсии создали для борьбы с турками лигу, объединившую как албанских, так и черногорских

горцев (область Великой Мальсии граничила с Черногорией). В случае необходимости эта лига могла выставить 5–6 тысяч вооруженных воинов. Входившие в лигу горцы совершали набеги на турецкие гарнизоны не только в близлежащих районах, но даже в Косове, Македонии и Болгарии. После окончания операций в Дукагини турецкая армия численностью в 25 тысяч человек выступила в поход против Великой Мальсии. После упорных боев, происходивших в 1612 г., войска султана отступили, оставив убитыми более 300 сипахи. В следующем году в экспедиции участвовали войска из семи санджаков, но с тем же результатом.

Примечательным явлением конца XVI — начала XVII в. было налаживание и укрепление контактов между отдельными фисами. Проживавшие по соседству фисы начали создавать объединенные кувенды для обсуждения общих вопросов. Так возникли общеалбанские кувенды. Такие кувенды собирались обычно в глухих горных деревнях. В их состав входили вожди фисов, военные предводители, а также христианские епископы, через которых кувенды поддерживали связь с европейскими державами. В некоторых кувендах принимали участие и представители соседних народов — Черногории, Сербии, Греции. В этих случаях кувенды носили характер всебалканских совещаний.

XVII в. — период интенсивной исламизации турками покоренных народов Балканского полуострова. Однако значительная часть Албании, а также Черногория остались в XVII в. христианскими, хотя настойчивые попытки ввести ислам силой, уговорами и подкупом предпринимались и здесь. В XVII в. исламизация затронула главным образом Северную Албанию, но в первой половине XVIII в. она распространилась и на юг страны. К началу XIX в. не менее половины албанцев уже были мусульманами. Оставшиеся христианами албанцы делились почти поровну на католиков и православных. Основную массу католиков составляли жители североалбанских гор, почти недоступных для турецких властей, а православная церковь держалась в Южной Албании.

Горные районы сумели продержаться в качестве самостоятельных анклавов до конца XVIII — начала XIX в. Во всяком случае, до середины XVIII в. в названных областях это уникальное положение сохранялось. Перелом наступил во второй половине XVIII в., когда в ряде горных районов была введена турецкая административная система. Одна из причин сдачи позиций состояла в том, что общинные отношения, дававшие стойкость общественной организации местного населения, постепенно разлагались, что не могло не ослабить моноли-

та сопротивления. Автономию продолжали сохранять лишь области Мирдита и Химара. Последняя быта покорена лишь в 1810 г. албано-турецкими феодалами во главе с местным правителем Али-пашой. Химариоты, несмотря на военное превосходство врага, боролись до конца. Али-паша, сломив сопротивление химариотов, сжег их деревни и расселил жителей по разным местам своих владений.

Но и там, где победила турецкая феодализация, сопротивление крестьян иногда было столь решительным, что новый владелец — турок или же местный потурченец — иногда не мог установить свою власть и вступить в свои права[57].

***

Не меньше Албании была знакома с государственностью до турецкого нашествия и Черногория. Население этой области на протяжении многих поколений перебывало в Римской империи, королевстве остготов, Византии, Болгарском царстве, Зетской державе, государстве Неманичей. Затем, с 1366 г. по 1480 гг., Черногория была самостоятельным княжеством, пока ее не завоевали турки. В 1499 г. она была официально включена в состав Османской империи, однако упорно не признавала власть турок.

Завоевав низменные, равнинные районы Черногории, турки так и не смогли установить свою твердую власть в горных районах. Зависимость от Османской империи была слабой и фактически сводилась к уплате черногорцами харача — умеренного налога, нередко собиравшегося с помощью военной силы. Социальная организация горных районов Черногории выглядела так: большесемейная община (задруга) — род — братство — племя — союз племен[58]. Имели место признаки военно-иерархического общества — вождества. В XVII—XVIII вв. шло постепенное усиление иерархии, приведшее к формированию уже настоящего государства-монархии в конце XVIII в.

Большую роль играл как племенной, так и межплеменной збор (скупщина или собрание). Последний именовался всеобщей народной скупщиной.

Турки не раз вторгались в страну и предавали ее огню и мечу, но закрепиться там так и не смогли. Черногорцы не раз одерживали

[57] *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 35–41,43, 70–71; *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963. С. 32–27.

[58] О социально-политическом племенном устройстве Черногории см. предыдущий раздел данной книги.

победы. На состоявшемся в сентябре 1614 г. в Кучи (Черногория) совещании представителей Черногории, Албании, Боснии, Герцеговины, Сербии, Македонии и Далмации был разработан план большого общебалканского восстания. Однако этот план, рассчитанный на военную помощь французского герцога Карла Неверского (потомка Палеологов, стремившегося возродить Византийскую империю), не осуществился из-за того, что эскадра герцога не сумела прийти на помощь повстанцам[59]. В начале XVIII в. по решению всеобщей народной скупщины племенных вождей и старейшин черногорцы, принявшие ислам, были частью истреблены, частью изгнаны за пределы края. Полностью освободиться от турецкого ига Черногория смогла в конце XVIII в. Только к этому времени в Черногории, как уже говорилось, сформировалось государство[60].

***

В завоеванной Греции османы вынуждены были действовать более мягко, чем в других районах Балканского полуострова. К этому вынуждал их геополитический фактор — окраинное положение греческих земель, за присоединение которых в XVI–XVII вв. не переставала бороться Венецианская республика. Кроме того, Порта была вынуждена даровать привилегии подвластному населению, чтобы сломить его сопротивление или официально признать вырванные у нее уступки. В итоге наряду с зависимым крестьянством, сидевшим на землях ленников и в вакуфах, в Греции в XVI–XVII вв. сохранялось большое число сельских общин, пользовавшихся правом самоуправления и имевших свой аппарат власти. Общинное самоуправление существовало и в городах. В некоторых областях, например, в Пелопоннесе, представители сельских и городских общин ежегодно собирались для избрания совета провинции, подчиненного, правда, представителям турецких властей.

В то же время в горных районах Пелопоннеса и Эпира — маниоты (майноты) и сулиоты — добились почти полной самостоятельности, а жителями ряда островов Эгейского моря (Никоса, Пароса, Милоса, получившими в 1580 г. подтверждение своих прежних прав, а также Фасоса, Псары и других) была достигнута определенная автономия, обеспечивающая некоторую защиту общин от произвола турецких мусульманских феодалов — спахиев.

[59] *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 41–42.

[60] История Югославии. Т. 1. С. 219, 220, 223.

В некоторых труднодоступных горных районах турки так и не смогли закрепиться. Непокоренные горные общинники продолжали оставаться здесь и позднее, в XVII–XVIII вв., и составляли важную силу национального и антифеодального сопротивления. Горцы области Мани (Пелопоннес) — потомки славян, слившихся с греками[61] — могли, например, выставить под ружье 10 тысяч человек. В других местах постоянно действовали партизаны-клефты (по-турецки — *воры*), которые опирались на поддержку местных жителей-общинников.

В Эпире существовал другой труднодоступный горный район — Сули. Не сумев, несмотря на неоднократные попытки, подчинить греко-албанскую Сулиотскую общину, турки удовлетворились получением от нее ежегодной фиксированной дани. Самоуправляющаяся Сулиотская федерация общин насчитывала 11 деревень с населением в 10–11 тысяч человек греков и эллиптированных албанцев Ядро общины составляли 4 селения: Сули, Самонива, Кьяфа, Аварикос, находившиеся высоко в горах. Основным занятием этих жителей было скотоводство. В общественной жизни сулиотов сохранялись основы своеобразной демократии. Это общинное общество состояло примерно из 40 фар, объединявших семьи, которые вели свое происхождение от общего предка. Во главе фары стоял старейшина, именуемый капитаном — наиболее авторитетный из глав семей. Главы фар составляли совет старейшин — высший орган власти. Во время войны избирался также верховный военный предводитель. К концу XVIII в. республикой управляли уже не «все вместе», а несколько наиболее влиятельных семей. В летописях истории Сули конца XVIII — начала XIX в. чаще всего встречаются имена двух из них — Бочари (Боцарис) и Дзавелла (Цавеллас). Гражданское неравенство явилось следствием имущественного неравенства среди сулиотов. Процесс этот стимулировался непрерывными войнами, которые вела сулиотская община.

Не ограничиваясь отражением нападений турецких феодалов, сулиоты сами совершали набеги на окружающее земледельческое население с целью получения недостающих жизненных припасов. Во второй половине XVIII в. характер и масштабы этих набегов существенно изменились. К этому времени относится ослабление власти турецкого правительства на местах и разгул феодальной анархии Пользуясь слабостью государственной власти, местные феодалы брали под свое покровительство города и села, облагая их жителей данью. Сулиоты тоже (и не без успеха) стали применять эту прак-

[61] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. С. 16.

тику. Сулиотская община представляла весьма серьезную военную силу. При 10–11 тысячах ее жителей 1500 постоянно участвовало в боях. С детства каждый сулиот воспитывался воином. Сулиотские фары одновременно являлись и военными подразделениями, отличавшимися большой сплоченностью, т.к. все их бойцы были связаны между собой родственными узами. Неудивительно, что сулиоты, одержав верх над соседними феодалами, смогли поставить под свое покровительство до 66 деревень. С них взималась дань как продуктами, так и деньгами. Находившиеся вблизи от Сули деревни подвергались еще более интенсивной эксплуатации, а крестьяне этих деревень являлись как бы крепостными сулиотской общины. Однако благами покровительства пользовались далеко не все сулиоты. Налог за покровительство делился между фарами и семьями, наиболее отличившимися в защите. Такой порядок форсировал процесс имущественного расслоения населения Сули. Во второй половине XVIII в. среди сулиотов выделились сословия богатых, зажиточных и бедных. Несколько богатых капитанских семей, получавших львиную долю доходов от зависимого земледельческого населения, стали приобретать полуфеодальные черты[62].

Турецкие феодалы не оставляли попыток подчинить Сули своей власти и покончить с его автономией. В течение 14 лет (1789–1803 гг.) сулиоты отстаивали свою независимость в борьбе с Али-пашой. Только в самом конце 1803 г. Али-паша после многолетней борьбы овладел районом Сули[63].

***

На другом конце Южной Европы, на западе Пиренеев, аналогичные балканским свободные территории образовали и длительное время (хотя и не так долго, как это было на Балканах) сохраняли баски.

Баски — потомки иберийского племени васконтов, известных на Пиренейском полуострове с середины I тысячелетия до н.э. В отличие от остального населения полуострова они не подверглись романизации — видимо, из-за изолированности и труднодоступности их территории, а также по причине свободолюбивого и непокорного характера (хотя в течение около 500 лет, с 1 в. до н.э. до середины V в. н.э. баски были под властью Рима). Изолированность спасала

[62] *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. С. 128–131.

[63] *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. С. 70.

их еще не раз. В V–VII вв. баски вели упорную борьбу против вестготов. В период арабского завоевания большая часть *Страны басков* сохранила независимость и явилась опорным пунктом Реконкисты[64].

По мнению ученого-географа Э. Реклю, своей долгой политической независимости баски обязаны рельефу окружающей природы — горам[65].

Благодаря преимуществам, обусловленным самой природой, «некоторые общины или “миры” басков, например, община Ронкаль и Элизондо, имели возможность сохранить такие установления, которые положительно изумляют ярко выраженным в них чувством личного равноправия и заботливостью об общественном достоянии. Даже в предгорьях и в открытой к северу равнине беарнские города благодаря соседству и примеру басков пользовались свободою, совершенно неизвестною другим городским общинам Франции».

«В прежние времена баски были достаточно сильными, чтобы противостоять одинаково успешно, с одной стороны, сарацинам, с другой — франкам Карла Великого. С изумлением можно констатировать, что подобное сопротивление, оказанное басками, не вызывало даже особых усилий с их стороны и не нарушало миролюбивых нравов населения. Тогда как по всей окружности Средиземного моря обитатели побережья должны были искать убежища в городах, оставляя всю остальную страну пустынной, должны были окружаться стенами и башнями, чтобы противодействовать регулярным войскам, шайкам грабителей и морских разбойников, семьи басков во все времена наслаждались уединенною жизнью среди красивых ландшафтов своей холмистой и гористой страны, в тени вековых дубов — деревьев, бывших символами этого племени и его древней свободы»[66].

Северные области *Страны басков*, в Средневековье политически связанные с Францией, окончательно вошли в ее состав в XVI в. Южные области басков в это время находились в союзе с Кастилией и в конце XV — начале XVI вв. вошли в состав испанского государства. До середины XIX в. они сохраняли свои фуэрос (вольности), которые давали им известную независимость при внутреннем самоуправлении. В общественном и семейном быту басков до конца XIX в. сохранялись архаичные, патриархальные черты: общинные формы землевладения, пережитки обычного права[67].

---

[64] *Пономарева Л.В.* Басков страна // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. С. 154–155; Баски // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. С. 154.

[65] *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 16.

[66] Там же. С. 18.

[67] *Пономарева Л.В.* Басков страна. С. 154–155.

***

В целом ряде случаев горные жители других регионов Европы успешно сопротивлялись государственной феодальной экспансии, а попав под власть того или иного государства, сохраняли значительную по тем временам степень территориальной, общинной, социальной и личной автономии.

Признаки и элементы горных вольных обществ присутствовали в таких длительное время безгосударственных регионах средневековой Европы, как гористые места Ирландии и затем свободной от англичан ее части; гористая часть Шотландии до (а иногда и после) английского завоевания; горно-лесная часть Швейцарии. Однако общественное устройство этих регионов являлось более сложным и многообразным и поэтому не может быть полностью сведено к классическим вольным горным обществам.

Значительная часть крестьянства Тироля (Восточные Альпы) на протяжении всех Средних веков в составе Священной Римской империи, а затем в составе владений Габсбургов сохраняла личную свободу и даже имела свое представительство в лантаге, проводившемся в Инсбруке.

Кое-где в горно-лесистых местностях княжества Молдавия еще и в XVII в. сохранялись свободные крестьянские общины, существовавшие с дофеодальных и раннефеодальных времен, в то время как на рубеже XVI–XVII вв. крепостное право в Молдавии окончательно сложилось и все крестьяне, оказавшиеся на земле феодалов, стали крепостными[68].

***

Регионом, где зафиксирована была целая россыпь горных вольных обществ, причем самой разной этнической принадлежности, является Северный Кавказ периода позднего Средневековья и начала Нового времени.

Процесс формирования классового общества на Северном Кавказе отличался замедленностью. К XII–XIII вв. мелкие раннефеодальные образования фиксировались преимущественно на территории Дагестана. Раннеклассовым можно, по-видимому, считать и аланское племенное объединение. Переходя от доклассовых отношений к феодализму, минуя рабовладельческую стадию, народы Северного Кав-

[68] История крестьянства в СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 321–322.

каза вплоть до XVII в. сохраняли устойчивую крестьянскую общину. Сильны были здесь и пережитки доклассовых отношений[69], а кое-где они возродились в новых условиях.

В ряде районов Северного Кавказа — в горных и высокогорных частях Дагестана, в Чечне и Ингушетии, а также в Адыгее в XVI — начале XIX в. существовали союзы сельских общин (термин современной историографии), а по русским источникам XIX в. — союзы вольных обществ или же просто вольные общества, а также республики. Возможно, в Средние века вольных обществ на Северном Кавказе было больше, но и к началу XIX в. их там осталось немало.

Наиболее известными были дагестанские вольные общества, первые из которых зафиксированы в истории с XIII–XV вв.[70] Эти объединения свободных сельских общин существовали здесь в XVI — начале XIX в. у аварцев, даргинцев, лезгин и сохраняли относительную независимость от соседних феодальных правителей — ханов. В XVI в. население Дагестана достигало 0,5 млн чел. В это время Дагестан в социально-политическом отношении состоял из 24 феодальных владений и 60 патриархально-общинных вольных обществ.

Хотя в XVI–XVII вв. и далее черты былого патриархально-родового демократизма вольных обществ постепенно сходили на нет и общинная верхушка постепенно обособлялась от рядовых общинников, а в некоторых союзах сельских обществ былые выборные должности становились наследственными[71], эти союзы продолжали оставаться бесфеодальными и безгосударственными территориями.

В начале XIX в. в Дагестане продолжало существовать несколько десятков аварских, даргинских и лезгинских независимых союзов сельских общин, которые в русских документах за свое демократическое устройство именовались республиками. Наиболее крупными из них были Салатау, Гумбет, Андия, Дарго. В это время самым крупным их них был Акуша-Дарго. Акушинцы отказались добровольно стать подданными Российской империи и 19 декабря 1819 г. потерпели поражение от А.П. Ермолова при селении Леваши. 21 декабря российские войска заняли Акушу. Была «наложена дань ежегодная, совершенно ничтожная, единственно в доказательство их зависимости». Даргинцы оставались в подданстве России свыше 20 лет, од-

[69] История крестьянства в СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 598.

[70] История Дагестана. М., 1967. Т 1. С. 186, 187.

[71] Там же. С. 253–254.

нако в начале 1840-х гг. присоединились к Имамату Шамиля. Лишь в 1854 г. царскому правительству удалось установить окончательный контроль над территорией Даргинского округа[72].

В 1812 г. союзы сельских общин Самурской долины (Алты-пара, Ахты-пара, Докуз-пара и др.) были поставлены под контроль коменданта города Кубы. Аварские союзы сельских общин в конце 1830-х гг. вошли в государство восставших горцев — Имамат[73].

В горных и предгорных районах Чечни и Ингушетии в XVIII — начале XIX в. существовал ряд независимых друг от друга политических образований, близких по структуре и принципам управления к союзам сельских общин Дагестана. Это общества мичиковцев, ичкеринцев, качкалыковцев, ауховцев и других в Чечне; галашевцев, карабулаков, цоринцев, назрановцев в Ингушетии. На проникновение России жители союзов ответили вооруженным сопротивлением. Весной 1840 г. жители Чечни и горной части Ингушетии в очередной раз восстали и присоединились к Имамату[74].

В Адыгее независимыми от власти князей к началу XIX в. были крупные территориальные союзы натухайцев, абадзехов, шапсугов и убыхов, в которых вместе с вольными земледельцами проживали и дворяне. Управление здесь находилось в руках родовых старейшин и демократически избранных старшин[75].

Адыги в конце XVIII — первой половине XIX в. разделились на две группы — аристократическую и демократическую. К последней и принадлежали абадзехи, шапсуги, натухайцы. Аристократические племена управлялись князьями, демократические — выборными старшинами. Лишившаяся своих привилегий знать обратилась за помощью в Санкт-Петербург. Екатерина II такую помощь предоставила в лице черноморских казаков (запорожцев, переселенных на Кубань незадолго до этого). На равнине Бзиюк, за Кубанью, недалеко от Екатеринодара произошла кровавая битва. Хотя вольные крестьяне-горцы (противники аристократии) потерпели поражение, но и аристократы не сумели утвердить свою власть повсеместно:

[72] История Дагестана. М., 1968 Т. 2. С. 71–72; *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003. С. 55–56; История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1975. С. 135–136, 264.

[73] История Дагестана Т. 2. С. 72; Казиев Ш.М., Карпеев И.В Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 56.

[74] *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 56–58.

[75] Там же. С. 58.

вольные общества продолжали существовать за Кубанью. В лице демократически управляемых немирных закубанских черкесов (Кубань до 1830 г. служила границей между Россией и Турцией) царские власти получили сильных противников. Постоянные набеги и стычки перешли в прямое противостояние после того, как Россия, получив по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. восточное побережье Черного моря от Поти до Анапы, объявило адыго-черкесские племена своими подданными. В борьбу за независимость вступили даже некоторые князья и дворяне[76].

Борьба аристократов и демократов в Адыгее в XVIII в. — явление весьма значимое, не случайное и не единичное. Подобная борьба происходила примерно в это же время и в других районах Северного Кавказа.

По мнению этнолога Я. Чеснова, после тамерлановских походов на Кавказ, т.е. после XV в., у вайнахов (чеченцев и ингушей) и других народов Северного Кавказа стали распространяться идеи равенства. Этот процесс, по мнению исследователя, следует назвать крестьянской революцией по ее основным носителям и демократической цели. Она наиболее последовательно прошла на востоке у вайнахов, на западе — у причерноморских адыгов. Соседние с вайнахами народы не освободились полностью от аристократического господства, и процесс принял характер уничтожения или изгнания отдельных княжеских фамилий (например, у балкарцев в XVI–XVIII вв.). В некоторых этносах на Кавказе к XIX в. установилась двухполюсная система из аристократической и крестьянско-демократической части, как у сванов и адыгов. Интересно, что освоение плоскости[77] у вайнахов первоначально шло по аристократическому пути. Этому частично способствовало освобождение земель после разгрома аварским ханским обществом Надир-шаха. Тайп ахшипатой, раньше других вышедший на плоскость, пытался взимать подать на землю с других и считал себя аристократическим. В этом же русле шло легендарное приглашение аварских князей Турловых (из Гумбета), против которых впоследствии развернулась народная борьба. Изгнание князей у чеченцев после освоения плоскости повысило статус личности, функцию гаранта для которой взял на себя тайп.

Крестьянская революция на Северном Кавказе, таким образом, заняла столетия.

---

[76] *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 26–27.

[77] Плоскость — здесь и далее имеются ввиду равнинные территории.

Крестьянская революция у вайнахов при победе демократического, а не аристократического начала, открыла пути для вхождения в этнос иноплеменников. Распространение ислама с его идеями равенства (и это надо учитывать) соответствовало идеалам крестьянской революции. Демократическая тайповая организация как форма самоорганизации общества взяла на себя социально-контролирующие функции. Вся сила крестьянского общества пошла на эту самоорганизацию и на отпор кумыкским, аварским, кабардинским феодалам, своей верхушке и появившейся со времени Петра I прямой российской экспансии[78].

Аналогичные процессы имели место и в Дагестане. В XVI–XVIII вв. здесь отмечается повсеместная и острая классовая борьба против нарастающего процесса феодализации. Союзы сельских обществ оказывали упорное сопротивление феодалам, отстаивали свою независимость и неоднократно с оружием в руках поднимались в защиту своих интересов. Нередки были случаи, когда несколько союзов сельских обществ объединялись в борьбе против наступления феодалов. На этой почве происходили многочисленные вооруженные схватки. Ряд вольных обществ попали в зависимость от соседних феодальных владений[79].

В основе экономики вольных обществ Северного Кавказа лежало в основном натуральное хозяйство. Основным занятием населения было скотоводство, а в долинах еще и земледелие и садоводство. Жители занимались также рыбной ловлей и охотой. Кое-где было развито ремесло (кузнечное, в том числе злато- и меднокузнечное, оружейное — по холодному, реже огнестрельному оружию), торговля. Традиционным видом добывания средств к существованию была военная добыча от набегов и войн с соседними народами и государствами (экзоэксплуатация). В отношении последнего следует сказать особо.

Из районов вольных обществ часто совершались грабительские набеги на прилегающие территории, в частности на Грузию. В этом отношении среди вольных обществ Дагестана особо выделялось Джарское, состоявшее из 7 селений с 1500 дворами. Джарцы и их соседи совершали постоянные набеги на прилегающие области Азербайджана и Грузии. Важнейшей их целью был захват людей. За них требовали выкуп или превращали в рабов. Вплоть до начала XIX в. Джар был одним из самых значительных невольничьих рынков на Кавказе. Но джарцы не

[78] *Чеснов Я.* Чеченцем быть трудно. (Тайпы, их прошлое и роль в настоящем) // Независимая газета. 1994. 22 сентября. С. 5.

[79] История Дагестана. Т. I. С. 257, 332.

ограничивались систематическим военным грабежом. Они подчинили своей власти и обложили данью 22 ингилойских (грузинских) и мугальских (тюркских) селений. Формально дань платили всему вольному обществу, но с течением времени она стала поступать только в руки верхушки. Наличие такого источника дохода немало способствовало процессу социального расслоения, которое стало заметным во второй половине XVIII в. Представители правящей верхушки начали использовать труд рабов, часть которых сажалась на землю[80].

Экономика вольных обществ отнюдь не была примитивной, хотя и высокоразвитой (в сравнении с современными ей развитыми обществами) ее назвать, конечно же, нельзя. Но она была вполне сопоставима с соседними классово-государственными обществами Кавказа. Если сопоставлять возможности вольных и государственных обществ по такому показателю, как объем трансформируемой из окружающей среды энергии, то окажется, что и здесь можно в некоторых случаях наблюдать паритет. «Эти объемы энергии могли расти и без увеличения политической интеграции, а политически нецентрализованные общества способны контролировать объемы энергии, сравнимые с объемами, контролируемыми политически централизованными системами. Примерами могут служить средневековая Швейцарская Конфедерация гражданских общин и дагестанские “вольные общества” начала Нового времени, которые контролировали объемы энергии, сравнимые с объемами, “трансформировавшимися” ранними государствами средней величины; объемы же энергии, контролировавшиеся совокупностью экономически интегрированных греческих безгосударственных полисов или римского догосударственного *civitas*, превышали таковые у обычных ранних государств»[81].

В основе социальной структуры вольных обществ лежала большая патриархальная семья. «Большая семья, известная у горских народов Северного Кавказа под разными наименованиями, объединяла до пяти и более поколений ближайших родственников, преимущественно по прямой нисходящей линии (родители, их женатые сыновья, внуки и т.д.). Численность ее достигала 40–60, а иногда 100 и более человек. В ряде случаев в больших семьях, особенно феодальных, проживали и рабы, являвшиеся собственностью владельцев. <...> Родовые группы или объединения (хотя в XIX в. их

[80] Семенов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 58.

[81] *Коротаев А.В., Крадин Н., Лынша В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). С. 57.

кровнородственная суть была во многом утрачена) назывались жинсы, тлибили (у народов Западного Кавказа), авриды, или эвледы и мыггаг (у осетин), тайпы, или тейпы (у чеченцев и ингушей), тухумы, или тохумы (у народов Дагестана)»[82].

Тайп у чеченцев складывался следующим образом. Группа родственников-однофамильцев (по фамилии одного из ближайших предков — деда, прадеда или прапрадеда) называется *некъий*. Родственные некъий восходят к одному основателю. Более широкая группа родственников образует *гар* — своеобразную патронимию. И уже несколько гаров объединяются тайпом. Последний, по мнению Я. Чеснова, основывается не на кровнородственных, а на территориально-соседских связях.

Точное число чеченских тайпов назвать трудно, поскольку оно непостоянно: некоторые разросшиеся гары претендуют на то, чтобы назваться тайпами. В конце XX в. тайпов насчитывалось более 150. В середине XIX в. их число несколько превышало 100, а в начале XIX в., по преданию, было 59 тайпов. Они представляли и представляют собой своеобразную форму самоорганизации общества.

Следующим звеном общественной самоорганизации у чеченцев был *тукум* — субэтническое подразделение чеченского этноса (аналог племени? — *А.Ш.*), обладающее реальной или исторической территорией. Тукумные области возникали в результате союзнического объединения тайпов. Общая численность чеченских тукумов по разным преданиям различна: от 7 до 13 (иногда сюда включаются ингуши). Как пространственные подразделения тукумы интегрируются в этнос или (в силу исторической ситуации) могут обнаруживать сепаратистские тенденции[83].

«В основе организации тайпа (и аналогичных структур у других народов Северного Кавказа — *А.Ш.*) лежали нормы, подразумевающие то, что в современном обществе формулируется как “свобода, равенство и братство”. Отношения между людьми регулировали такие этические нормы, как уважение к старшим, почтительное отношение к женщине, оказание помощи тем, кто оказался в беде, и др. Эти нормы постепенно переходили в обычаи, ритуалы. Антиобщественное поведение открыто порицалось»[84].

---

[82] *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 132.

[83] *Чеснов Я.* Чеченцем быть трудно... С. 5.

[84] *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 133.

Большую роль в системе общественного самоуправления у горцев Северного Кавказа играли родовые собрания. В их компетенцию входило:

право исключения из рода порочных членов, присутствие которых являлось постоянной угрозой мирному сожитию с другими родами; род, не воспользовавшийся этой возможностью, отвечал за все, что будет сделано предосудительного его беспокойным сочленом;

обсуждение и принятие общих мер к отмщению нанесенных роду обид, а также к уплате причитающегося с рода выкупа за убийства, ранения и другие преступления, совершенные его сочленами;

решение вопросов о вступлении данного рода в братство с другими родами или заключение с ним временных наступательных или оборонительных союзов.

В XIX в. простой народ только присутствовал на собрании, но решающего голоса, как правило, уже не имел[85].

В тех местностях, где отдельные роды входили в состав более обширных объединений (братств), права родовых собраний переносились на собрание всего братства. Объединение подобного рода имело своих старейшин, или т.н. *тамата*, юрисдикция которых в спорах, возникавших между отдельными родами, носила более факультативный, чем обязательный характер. Каждый раз, когда старейшинам (тамата) не удавалось примирить враждующих, они обращались к назначению специальных посредников[86].

«Высшим органом власти сельской общины являлось народное собрание. Здесь решались важнейшие вопросы жизни общества: войны и мира, заключения союза с соседними обществами или феодальными владениями, утверждения адатных норм или внесений в них изменений и дополнений, выбора должностных лиц. На собрание, которое созывали мангуши, должны были являться все взрослые мужчины общины. Сначала высказывались старики, потом мужчины среднего возраста и лишь затем молодые, которые без особого разрешения говорить не могли. Голосование по обсуждаемым вопросам было открытым <...>»[87]. «Обычно представителем народного собрания являлся совет старейшин. Его члены носили звание “джамаагчи” (человек джамаата); они не должны были быть моложе 40 лет. Это были люди авторитет-

[85] *Ковалевский М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. М., 1905. С. 298.

[86] Там же.

[87] *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 135.

ные в своем роду, склонные к общественной деятельности, как правило — зажиточные. В число старейшин не допускались умственно отсталые, лица, скомпрометировавшие себя каким-либо неблаговидным поступком, представители чужаков-подселенцев, лагов (бывших военнопленных) — до уравнения их в правах с другими общинниками». Совет старейшин на один год назначал группу старшин-правителей. Исполнительным органом власти общины являлся совет старшин, избираемых ежегодно народным собранием или джамаатом. Полномочия старшин были обширны, и им обеспечивалась неприкосновенность[88].

Управление союзами (объединениями) сельских общин (вольными обществами в целом) строилось по аналогичному принципу. Высшим органом власти союза являлось собрание всего взрослого населения. Большую роль в руководстве союзами общин играли старейшины и особенно предводители — кадии. Кроме светской они сосредоточивали у себя духовную, а порой и военную власть. Однако кадии не имели права распоряжаться землями джамаатов, творить суд внутри джамаата (они могли только решать споры между джамаатами либо дела, выходящие за пределы союза), объявлять войну или заключать мир без согласия джамаатов. За свою деятельность кадии получали часть закята, военной добычи и определенные пошлины[89].

В своей повседневной жизни горцы Северного Кавказа руководствовались рядом норм, именуемых адатами. Адат — слово арабское, означающее обычай, привычку. Так называли издревле сложившееся обычное право. На Кавказе этим термином обозначали законы и обычаи, существовавшие до шариата или действовавшие параллельно с ним. Адаты включали в себя нормы бытового характера, юридические обычаи и сами нормы права. Обычное право определяло нормы поведения в обществе, регулировало внутреннюю жизнь общин и их взаимоотношения, деятельность центральных и местных учреждений. Свои сборники адатов имели как феодальные владения, так и свободные сельские общины и их союзы[90].

На Северном Кавказе, в первую очередь в вольных обществах в разных вариациях, существовала кровная месть, которая, как правило, не носила беспорядочного характера, а регулировалась рядом норм и установлений.

---

[88] *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 136, 137.

[89] Там же. С. 139; История Дагестана. Т. 1. С. 256.

[90] *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 142, 143; История Дагестана. Т. 1. С. 256.

У горцев существовала строгая черта различия между воровством у члена своего рода (или иной общности) с воровством (грабежом) у чужака. Последнее не только не было позорным, но считалось своего рода доблестью. Молодая девушка неохотно отдавала свою руку человеку, в прошлом которого не было двух-трех случаев смелых набегов, окончившихся уводом скота и лошадей[91].

Высокого уровня внутри вольных обществ достигала социальная справедливость и общественная взаимопомощь. У адыгейских племен, например, существовал обычай добровольного обложения в пользу потерпевшего соседа. При пожарах и наводнениях жители здесь охотно спешили на помощь друг другу. Разрушенное пламенем или водой здание в несколько дней воздвигалось снова совместным трудом односельчан. Считалось также долгом помочь неимущему при покупке им жены или при уплате падающего на него выкупа за преступление[92].

Вольные общества прекратили свое существование в 1840–1860-е гг.: одни вошли в Имамат, а затем были покорены Россией, другие оказались непосредственно завоеваны Россией.

Во второй половине XIX в. общинное управление у бывших вольных обществ Северного Кавказа в связи с присоединением к России постепенно теряло выборный характер и повсеместно заменялось государственно-административным. Тем не менее общинные правила оставались основой народной жизни[93].

***

Еще один пример, аналогичный охарактеризованным выше вольным обществам, дает нам Кафиристан в Восточном Гиндукуше. Пример Кафиристана интересен еще и тем, что, находясь далеко в стороне и от Балкан, и от Кавказа, будучи до конца XIX в. вообще максимально изолированным от внешнего мира, он походил некоторыми своими чертами на эти (лучше других пока изученные) вольные общества. С другой стороны, даже на территории горной системы Гиндукуша этот пример довольно уникален.

Свое название Кафиристан («страна неверных»; от арабск. кафир — неверный) получил от окружавших его со всех сторон соседей-мусульман за то, что его население вплоть до афганского

[91] *Ковалевский М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. С. 276.

[92] Там же. С. 294.

[93] *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. С. 140–141.

завоевания 1896 г. исповедовало собственную языческую религию и упорно в своей массе отказывалось от принятия ислама.

Согласно устоявшемуся мнению этнографов, предки нуристанцев выделились из индоиранских племен в эпоху их расселения (первая половина второго тысячелетия до н.э.)[94]. По мнению таджикского историка Б.И. Искандарова, «жители Кафиристана этнически близки жителям долин верховьев Пянджа, т.е. таджикам высокогорных районов Шугнана, Рушана и Вахана»[95]. Но существуют и несколько иные подходы к проблеме этногенеза кафиров (нуристанцев)[96].

Географическое положение и рельеф Кафиристана обусловили своеобразие исторических судеб этой горной области, в частности, позволили ей сохранять языческую религию и независимость в борьбе с арабами и другими завоевателями, в том числе и афганцами, вплоть до конца XIX в. Замкнутость была свойственна не только области в целом, но и ее частям — долинам и даже отдельным селениям. Они были разделены высокими хребтами и лишены надежной постоянной связи друг с другом. Раздробленности и разобщенности Кафиристана соответствовало и большое разнообразие бытовавших здесь языков. Население доисламского Кафиристана во второй половине XIX в. составляло около 50 тысяч человек. Размеры селений колебались от нескольких дворов до нескольких сотен, среднее число дворов одного селения составляло 200 единиц.

Природные условия Кафиристана служили основой для сравнительно высокого развития земледелия и скотоводства. В средние годы большинство семей не только обеспечивало себя едой, но и получало

[94] *Кочнев В.И.* Нуристанцы // Народы и религии мира: энциклопедия. М., 1998. С. 390.

[95] *Искандеров Б.И.* Гиндукуш во второй половине XIX века. М., 1968. С. 40.

[96] Согласно другой точке зрения, кафиры (нуристанцы) — во многом загадочный и еще недостаточно изученный народ — являются, возможно, потомками одной из народностей Средиземноморья, оставшейся на востоке Афганистана (в границах современных провинций Лагман и Кунар) со времен завоевательных походов Александра Македонского и периода эллинизма; возможно, эти потомки смешались с некоторой частью коренных местных жителей и ассимилировались. Длительное время их обычаи и нравы заметно отличались от соседних племен и народностей, поэтому населяемый ими район и назывался Кафиристаном, и только после афганского завоевания 1896 г. и принятия ислама он стал называться Нуристаном (от *нур* — свет). Следует отметить и то, что в период Апрельской революции, режима Народно-демократической партии и советского военного присутствия (конец 1970-х — 1980-е гг.) территории нуристанских племен сиях-пуши и сафид-пуши государственной властью не контролировались. — *Ляховский А.* Трагедия и доблесть Афгана. С. 44.

известный излишек фруктов, зерна, молочных продуктов. Уход за оросительной системой и порядок полива были регламентированы. Широко было распространено виноделие. Как зимние, так и летние пастбища принадлежали всей деревне и находились под контролем общины в целом. Леса Кафиристана позволяли жителям разводить пчел, заниматься охотой и собирательством. Кафирские селения всем обеспечивали себя сами. Это касалось не только продуктов питания, но и ремесленных изделий. В отличие от сельского хозяйства — дела свободных людей — ремесленное производство было занятием рабов. Они строили мосты, акведуки, мельницы, дома, хлевы, изготовляли сельхозорудия, мебель, одежду, музыкальные инструменты, украшали резьбой деревянные изделия. Среди ремесленников прослеживалось разделение труда, хотя и не вполне четкое, на бари (квалифицированных) и шевала, или лавын (неквалифицированных). Велась торговля с соседними областями (Читрал, Мунджан, Бадахшан, Джелалабад, Пешавар) с целью получить необходимые предметы — соль, рис, металлы, порох, ткани. Внутри Кафиристана денежного обращения не было, и здесь кафиры предпочитали меновую торговлю, т.е. натуральный обмен.

Уникальными были религиозные верования кафиров. В многослойном окружении кафиры до самого афганского завоевания 1896 г. оставались язычниками, за что и получили прозвище неверных. Кафирскому пантеону была присуща известная иерархия, боги несли различные функции — от воплощения сил природы до всевозможных сфер человеческого существования. Около 10 богов в XIX в. стали уже общими для северного Кафиристана. Интересно, что кафиры были веротерпимы и не разрывали отношений с соплеменниками, принявшими ислам. Кровные и племенные узы для кафиров были важнее религиозных.

Начальной социальной ячейкой и основной хозяйственной единицей кафирского общества являлась семья, или патриархальная домашняя община, делами которой управлял патриарх. После его смерти привилегия старшинства в семье переходила к старшему сыну. Патриархальная община кафиров, по-видимому, включала в среднем 20 человек, при этом число взрослых мужчин, определявшее общественный вес семьи, не превышало 4–5 человек. Одна из важнейших социальных функций семьи — защита и поддержка. Следующим подразделением родовой структуры кафиров являлся *матр* — группа семей, объединенных общим происхождением, т.е. реальным или мифическим происхождением от общего предка. Об

экономической роли матра известно, что он владел правами на пастбища. Матр — первая в родоплеменной структуре кафиров ступень, играющая роль в управлении деревней. От каждого матра избирался представитель в особый орган, характерный для всего Кафиристана и известный под разыми названиями в различных его частях. Структурным подразделением после матра являлся *мата*, состоящий из четырех матров. Все мата были экзогамны. Все крупные селения кафиров делились на *кварталы*, внутри которых выделялись участки для расселения отдельных мата. Таким образом, мата, по существу, соответствовал роду. Следующую ступень родоплеменной организации составляли *дари*, соответствующие классической фратрии — объединению нескольких родов.

В структуре кафирского общества прослеживались уже некоторые черты социального расслоения. Но должности джастов (старейшин) и миров (высших старейшин-посредников) не были наследственными. Особую роль в кафирском обществе играли жрецы. На народных собраниях кафирских племен присутствовали все взрослые мужчины. Рассматривались вопросы, касавшиеся отношений внутри племени и с соседями. Выносились те решения, которые были заранее приняты «внутренним советом». Во время самого собрания ораторы — особая группа красноречивых людей из числа джастов — убеждали народ согласиться с этими решениями. Для утверждения их требовалось большинство. Население Кафиристана составляло политически самостоятельные племена с собственной системой внутреннего управления и внешних связей и отношений. Межплеменные отношения кафиров современник охарактеризовал так: «Война, а не мир — нормальное состояние Кафиристана». Тем не менее имеются основания говорить о начальном этапе создания союзов кафирских племен, правда, еще временных и непрочных.

Афганское наступление на Кафиристан с целью покончить с его независимостью началось осенью 1895 г. Через полгода ожесточенного сопротивления кафиров завоевание Кафиристана афганцами весной 1896 г. было в основном закончено. Афганские войска и ополчения потеряли убитыми, ранеными, обмороженными и больными примерно 2,5–3 тысячи человек. Потери кафиров были неизмеримо больше. Население страны сократилось вдвое, и если вычесть 16 тысяч переселенных кафиров, то погибло около 10 тысяч человек, среди которых были и воины, и мирное население. Ряд мероприятий был призван покончить и с самобытностью Кафиристана. Сама область была переименована завоевателями в Нуристан

(перс. — страна света). Афганцы изъяли все принадлежавшие кафирам ценности, завладев в первую очередь имуществом тех, кто бежал в Читрал, отказавшись принять ислам, или был убит. Добыча была доставлена в Кабул на 700 верблюдах.

Присоединение Кафиристана, проходившее в форме религиозной войны, нанесло невосполнимый урон его древней своеобразной культуре, образу жизни народа. Результатом завоевания были последовавшие со временем многие изменения в социальной сфере, в системе межплеменных отношений. В обширном регионе внутренней Азии к концу XIX в. Кафиристан оставался, по существу, единственной независимой областью (даже Афганистан в это время был зависим от Британской империи). С завоеванием Кафиристана окончательно сформировались границы Афганского государства и косвенным образом завершилось складывание сферы английского влияния в этой части Азиатского континента[97].

Однако трудно согласиться с одним из выводов автора замечательного исследования «Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в.» Н.Л. Лужецкой: «Кафиристан, природные особенности которого можно считать в некоторых аспектах более благоприятными, чем читральские, не достиг тем не менее того уровня социально-экономического развития, какой наблюдался в соседних областях Восточного Гиндукуша, *и в рассматриваемое время* (вторая половина XIX в. — *А.Ш.*) *оставался в рамках первобытно-общинного строя*»[98] (курсив мой. — *А.Ш.*). Этот вывод, во многом противореча своим же положениям, автор сделал на том, видимо, основании, что в отличие от Читрала, Хунзу и других восточно-гиндукушских княжеств (раннефеодальных монархий) Кафиристан существовал и развивался *вне государственности*. В то же время монография Н.Л. Лужецкой дает немало фактов, позволяющих говорить, что в социально-экономическом и культурном отношениях Кафиристан был вполне сопоставим по уровню с Читралом и другими раннефеодальными княжествами Восточного Гиндукуша. Что же касается первобытнообщинного строя, то по крайней мере во второй половине XIX в. он уже отошел здесь в прошлое, и называть строй Кафиристана этого периода первобытнообщинным, пусть даже на самой высокой его стадии, является, на наш взгляд, ошибкой.

---

[97] *Лужецкая Н.Л.* Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. М., 1986. С. 107, 108, 109, 110–111, 112, 113, 114–115, 116–118, 119, 123, 124, 129, 133–134.

[98] Там же. С. 135.

***

Таким образом, социальная система различных горных обществ включала в комплексе семейную общину, родовую общину, братство (организацию как кровнородственного, так и территориального, а также комбинированного типа), племя (как крупную, *территориальную по преимуществу*, общественную единицу), союз племен.

В различных горных обществах разных концов Земли могли быть некоторые отдельные вариации, но в целом основная социальная канва оставалась примерно одинаковой. В основе данных обществ лежало комплексное и органическое сочетание как кровнородственных, так и территориальных, соседских принципов и форм. Причем последние часто преобладали над первыми.

Причинами длительного существования негосударственного общественного строя в ряде горных районов Балкан, Пиренеев, Кавказа, Гиндукуша и других были довольно изолированная природная среда обитания, бедность, блокировавшая выделение феодальной и иной классовой знати с престижным потреблением, возрастающая необходимость тесного сплочения перед лицом внешней опасности (нараставшей со временем все больше).

Что касается пережитков первобытнообщинного строя, то их, по нашему мнению, можно рассматривать лишь как одну из многих причин (и далеко не главную). Так, опыт первичной военной демократии, несомненно, сыграл определенную роль в конституировании этих уникальных в истории человечества обществ.

Обилие естественно-социальных развитых безгосударственных (иерархических, демократических, комбинированных) обществ в период государственности — сложных и суперсложных вождеств, вторичных племен и горных вольных обществ, в том числе и обилие их на древнегосударственном и средневековом Востоке, всегда считавшемся традиционным ареалом даже не просто государственности, а жесткого, всеохватного и всепоглощающего деспотического ее варианта, — это обилие лишний раз свидетельствует о распространенности и живучести безгосударственного общественного идеала во все времена и в разных цивилизационных зонах Земли.

Глава III. Сложные естественно-социальные общества гражданской ориентации

1. Безгосударственные черты античной гражданской мегаобщины (полиса)

На рубеже XX–XXI вв. в мировой историографии существовало и продолжает существовать несколько разных трактовок античного полиса: устоявшееся традиционное восприятие полиса как города-государства; сравнительно новая трактовка полиса как безгосударственного общества; комбинированная концепция полиса как гражданской общины, сочетающей в себе элементы как государственного, так и безгосударственного общества с несомненным преобладанием последних; и некоторые другие. Споры вызывает и вопрос о том, может ли античный полис вообще считаться общиной.

Обзор мнений и позиций по этому вопросу содержится в монографии Е.С. Голубцовой. «Одни ученые (В.И. Кузищев) полагают, что город, полис являлся третьим типом общины, так сказать, городской общиной, но таковой являлся далеко не каждый полис. По его мнению, для классической древности это только полис, или civitas, небольшого размера (теоретическая модель Платона), в котором коллектив граждан не превышал 2–3 тыс. человек, знающих друг друга в лицо, обладающих земельным участком в хоре; его еще не коснулась резкая социальная дифференциация. Примером такого полиса могут служить, например, Платеи. В сущности говоря, этот тип общины — не что иное, как трансформировавшаяся сельская или территориальная община, имевшая в качестве своего центра город как место поселения земельных собственников. Подобная постановка вопроса подчеркивает генетическую связь между небольшим полисом и общиной территориальной, или соседской. В.И. Кузищин подчеркивает, что в крупных полисах, имевших большую территорию с многочисленным населением, развитой экономической жиз-

нью и, следовательно, классовыми и социальными отношениями, положение было иным: здесь общинные начала исчезают, на смену им приходят другие формы связи (как экономические, так и политические) внутри гражданского коллектива, а также между гражданами и лицами, не имевшими гражданского статуса. Этот полис уже нельзя считать общиной.

Согласно второй точке зрения (мнение Е.М. Штаерман, С.Л. Утченко), все античные города имели и сохраняли черты общинного устройства — как те, что возникали спонтанно, так и те, которые основывались впоследствии по образцу первых. <...> По мнению С.Л. Утченко, на той же общинной основе создавались основывавшиеся Римом города, в которых земля делилась на частную и общинную, отчуждаемую и неотчуждаемую, служившую общими угодьями или сдававшуюся в аренду. <...> Каждый гражданин получал свой надел от общины и только перед ней был за него ответственен, имея право и обязанность участвовать в общественной жизни в качестве члена народного собрания, в ее защите в качестве воина и в культе ее богов — покровителей общины.

И, наконец, третья точка зрения по данному вопросу может быть сформулирована следующим образом: в момент своего возникновения полис имеет целый ряд черт, напоминающих общинное устройство — наличие ager publicus, собрание сограждан, общее политическое управление, культы и т.д. Однако сходство это носит в значительной мере внешний характер. Нельзя, конечно, отрицать, что генетически полис в ряде случаев мог возникнуть из общины второго типа — сельской, соседской или территориальной, в которой каждая семья имела уже в частном владении какой-то участок пахотной земли, тем не менее полис нельзя считать по характеру гражданской общиной. <...> Таким образом, третья точка зрения по данному вопросу сводится к тому, что полис мог первоначально возникнуть из общины, но вскоре он приобретал свои специфические черты, особенности, которые во все эпохи и у всех народов давали и дают возможность отличить город от деревни. Полис и община — различные социальные категории, хотя возможно, что одним из путей возникновения полиса было его появление в результате развития и распада общины»[1].

Оригинальную трактовку полиса в рамках государственного подхода дают авторы коллективной монографии о гражданском обществе: «Первой моделью государства будущей новоевропейской ци-

[1] *Голубцова Е.С.* Община, племя, народность в античную эпоху. С. 57–59.

вилизации выступает древнегреческий полис, в котором общество и государство предстают как единое целое»[2].

На другом полюсе оценок — безгосударственный подход. Один из представителей этого подхода, израильский ученый М. Берент считает, что полис «был не государством, а, скорее, тем, что антропологи называют “безгосударственным обществом”. <...> Будучи и негосударственным, и неплеменным, полис ставит под сомнение многие основные положения современной социальной антропологии, например положение о том, что государство является необходимым условием цивилизации или что безгосударственные общества [обязательно] относятся к первобытным, тогда как [древне]греческое общество было и цивилизованным, и безгосударственным»[3].

Называя древнегреческий полис обществом относительно эгалитарным, М. Берент стремится свести до минимума такую неприятную для безгосударственного и эгалитарного общества проблему, как рабство. Так, он указывает, что для древней Греции было характерно частное рабство: рабы принадлежали индивидуальным хозяевам, а не обществу в целом. Следовательно, что очень важно, контроль над рабами также был частным. Правда, ниже он уточняет, что весь полис должен был помогать поддерживать контроль над рабами, но это, как он считает, была не какая-либо организованная или профессиональная помощь, а взаимопомощь[4]. Даже если это и так, то, соглашаясь с М. Берентом в безгосударственной (даже при наличии рабства) природе древнегреческого полисного общества, никак нельзя согласиться с тем, что оно было эгалитарным. Но он же далее признает, что Спарта имела тайную полицию, которая использовалась *только* против илотов, хотя добавляет, что этот факт представляет редкое исключение, которое нуждается в специальном обсуждении[5]. И уж никак нельзя согласиться с утверждением М. Берента, что «в греческом мире благами цивилизации пользовались все» — в отличие от авторитарных аграрных обществ восточного типа[6]. Несомненно лишь то, что в полисном обществе благами пользовался гораздо больший процент населения, чем в странах восточных деспотий, но, конечно же, не все.

---

[2] Гражданское общество: истоки и современность / ред. И.И. Кальной. СПб., 2000. С. 8.

[3] Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. С. 235, 236–237, 255.

[4] Там же. С. 242, 252.

[5] Там же. С. 232.

[6] Там же. С. 255–256.

Выход из противоречий, подобных тем, которыми полна статья М. Берента, *по нашему мнению, существует: сложносоставное непервобытное безгосударственное общество, вопреки мнению М. Берента, анархистов и некоторых советских обществоведов, не обязательно должно быть одновременно и эгалитарным*, хотя такое общество, как правило, все же относительно более эгалитарно, чем соответствующее во времени и существующее параллельно государственное общество стандартной цивилизации восточного типа.

С.Л. Утченко полагает, что полис — это община, но община особого типа, *гражданская*. Гражданская (или городская) община, по его мнению, — одна из двух модификаций территориальной общины (наряду с соседской или сельской). «Гражданская (городская) община, очевидно, и есть “полис”»[7]. Полис как один из типов общины, а именно как гражданскую общину рассматривают авторы фундаментального коллективного исследования «Античная Греция» (1983)[8].

Полис — сравнительно небольшая (от нескольких сот человек до нескольких тысяч) община граждан, основное занятие которых, земледелие, суть база экономики полиса. Граждане совместно владели землей, часть которой находилась в коллективной собственности, а часть разбивалась на наделы, отводившиеся главам семей. Семья, домохозяйство (ойкос) — основная структурная единица полиса. Глава ойкоса представлял перед общиной интересы его членов. Поскольку община выступала как верховный собственник земли, то ее высший орган — это народное собрание, в котором могли участвовать все граждане, достигшие определенного возраста. Вооруженные силы общины составляло народное ополчение, по сути равнозначное народному собранию. Граждане считались политически и юридически равноправными и (по крайней мере в принципе) имели право на получение земельного надела, а в случае нужды — на материальную поддержку общины. Порабощение граждан категорически запрещалось. Исключалась столь часто практиковавшаяся в других докапиталистических обществах вторичной формации передача частному лицу власти над отдельной территорией и ее населением с правом налагать на него в свою пользу различные повинности. Противопо-

[7] *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С 19, 20.

На наш взгляд, гражданской общиной является не только самостоятельная городская община, но и такая относительно независимая сельская община, в которой ее функции выходят за пределы только земельных и внутренних межличностных социальных отношений и разрастаются до политических по отношению к внешней среде — в рамках общины или же в рамках союза таких общин.

8 Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 13.

ставление личности обществу, индивида коллективу не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благо и процветание каждого. В то же время гражданская община стремилась регулировать уровень расслоения граждан, не допуская чрезмерного расслоения, угрожающего гомогенности гражданского коллектива. В системе ценностей, созданной гражданским коллективом, важное место занимали традиционность, стремление сохранить все отношения в неизменном состоянии[9].

Полис как первая в истории человечества гражданская община, по мнению С.Л. Утченко, завещал человечеству по крайней мере три великие политические идеи.

Гражданская идея означала осознание себя членом гражданского коллектива, сознание своих прав и обязанностей, чувство гражданского долга, ответственности, причастность к жизни всей общины и ее достоянию, огромную важность для гражданина общественного мнения.

Идея демократии — первое в истории представление о народоправстве, о его принципиальной возможности и осуществимости, о причастности каждого гражданина к общественной жизни и деятельности, к управлению.

Идея республиканизма подразумевает, что впервые в истории был осуществлен принцип выборности всех органов управления и, кроме того, коллегиальности и краткосрочности магистратур[10].

В то же время гражданину античного полиса была совершенно чужда идея полного равноправия. Гражданин знал и ценил свои права, но отнюдь не стремился к равенству и одинаковости прав для всех и даже не считал подобное равенство справедливым. Что касается рабства, то «весь материал источников показывает, что максимальное распространение рабства и полное развитие рабовладельческих отношений связаны уже с кризисом полисной организации»[11].

Постепенное становление классического древнегреческого полиса происходило в предшествующий архаический период (VIII–VI вв. до н.э.), на который также падает время «великой колонизации». Интересно, *что становление полиса происходило не только в метрополии, но и в колониях, спецификой которых было интенсивное смешение выходцев из разных греческих полисов, а также некоторое*

[9] Там же. С. 30–31.

[10] *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима. С. 36–38.

[11] Там же. С. 35, 39.

смешение греков с окрестными варварами. Однако, несмотря на все это, полисная организация в колониях не только не исчезла, но и продолжала существовать и развиваться[12].

«Древнегреческий полис в его классической форме представлял собой гражданскую общину, формировавшуюся, как правило, через слияние территориальных общин, экономической базой ее обычно являлось земледелие. Эта община основана на античной форме собственности, естественным результатом чего являются верховная собственность коллектива на землю и "прямая демократия" с суверенитетом народного собрания в качестве основы политической организации, а также совпадение в принципе политической и военной систем. Эта община развивается в условиях становления рабовладельческих отношений и имеет тенденцию к превращению в форму организации господствующего класса»[13].

Различные полисы могли отличаться частностями, вытекавшими из разных природных, исторических и иных условий. Среди множества конкретных проявлений полисной организации особенно различными и во многом противоположными по своему характеру и формам в архаическую эпоху и далее были Афины и Спарта. Афинский полис, сложившийся в результате реформ Солона и Клисфена, оказался более гибкой, более способной к развитию и, следовательно, исторически более перспективной формой, чем Спарта. Именно Афинам суждено было в дальнейшем стать главным оплотом греческой демократии, крупнейшим культурным центром Греции, «школой Эллады» (выражение Фукидида). В то же время в Спарте с ее казарменной дисциплиной, основанной на слепом повиновении властям, не смогли раскрыться по-настоящему и в конце концов постепенно заглохли даже те начатки демократии, которые были заложены в законах Ликурга[14].

Формирование системы политических органов афинской демократии было результатом длительного исторического развития, начиная с реформ Солона. Солон (ок. 640–560 гг. до н.э.), политический деятель и поэт, был в 594 г. до н.э. избран архонтом Афин и наделен чрезвычайными полномочиями для того, чтобы преодолеть затяжной экономический и политический кризис афинского общества, вызванный обострением борьбы между демосом и аристократией. Первым шагом Солона на пути реформ было т.н. *стряхивание бремени* —

[12] История Европы. Т. 1. С. 238.

[13] Античная Греция. Т. 1, С. 36.

[14] История Европы. Т. 1. С. 253.

освобождение всех граждан от обязательств, связанных с заложенной за долги землей. Рабство за долги было отменено, афиняне, проданные в рабство за границу, были выкуплены за государственный счет. Политическое устройство, введенное Солоном, основывалось на имущественном расслоении. Все граждане были разделены согласно имущественному цензу на четыре группы, принадлежность к которым определялась размером годового дохода от урожая. В целом политическое устройство Афин эпохи Солона представляло собой умеренную цензовую демократию, пронизанную идеей компромисса между аристократией и демократией, богатыми и бедными.

Однако реформы Солона так и не решили многих жгучих социальных проблем, и после смерти законодателя политическая борьба в Афинах продолжалась. Демос вырывал у аристократии одну уступку за другой, добиваясь расширения своих политических прав[15]. К середине V в. до н.э. в результате предшествующей долгой и упорной борьбы демоса с родовой знатью и его победой в Афинах сложилась, как считается, наиболее передовая для греческих земель того времени форма общественного устройства.

Верховным органом общественного управления считалось народное собрание — *эклессия*, в которой участвовали все афинские граждане, достигшие совершеннолетия (20 лет) без ограничения цензом. Всякий гражданин имел право внести в народное собрание любое предложение или законопроект и даже возбудить любой вопрос. Народное собрание происходило обычно у подножья Акрополя. Оно решало важнейшие общественные дела: вопросы войны и мира; выслушивало посольства и заключало договоры о союзах; избирало высших должностных лиц и принимало отчеты об их деятельности; рассматривало важнейшие судебные дела; награждало или лишало отдельных лиц гражданства; решало самые разнообразные вопросы текущей политической жизни.

Вторым по значению органом управления был *совет пятисот (Буле)*, формировавшийся их представителей 10 *фил* (территориальных округов) по 50 человек от каждой. Это был в основном совещательный орган, занимавшийся предварительным рассмотрением дел, поступающих на рассмотрение народного собрания. Со временем на совет пятисот были возложены административные функции и решение второстепенных дел в промежутках между народными собраниями. Он управлял финансами, государственным имуществом,

[15] *Кондрашева Е.М.* Теория и практика античной демократии. Новосибирск, 1994. С. 5–7.

наблюдал за чеканкой монет, за флотом, доками, арсеналом, за благоустройством города, портом, рынками, наконец, контролировал работу должностных лиц. Совет пятисот был постоянно действующим органом. Он делился на 10 частей сообразно с представительством от фил. Каждая такая часть, *притания*, являлась администрацией в течение одной десятой года. У ее председателя хранились ключи от казнохранилища и печать Афин. Дежурная притания собирала народное собрание, а ее председатель вел его.

Вся исполнительная власть принадлежала различным ежегодно переизбираемым и подчиненным народному собранию и совету коллегиям. Важнейшей из них была *коллегия* десяти стратегов. Общественный строй Афин в классический период отличался почти полным отсутствием в нем бюрократического аппарата. Все управление осуществлялось выборными должностными лицами и коллегиями. Наемными работниками были только писцы, да и то часто функции писцов выполнялись государственными рабами.

Одним из наиболее демократических учреждений в Афинах был суд присяжных — *гелиэя*, избиравшийся по жребию. Он состоял из 6 тыс. человек и был разделен на 10 частей (*дикастерий*) по 500 человек в каждой. Остальные члены суда оставались запасными. Судьями могли быть все афинские граждане, достигшие 30-летнего возраста, если они не были должниками. Во избежание подкупа судей дела между отдельными комиссиями распределялись по жребию. Афинский суд не знал ни прокуратуры, ни адвокатуры. Как истец, так и ответчик должны были сами защищать свои интересы. Судебный процесс велся гласно, был основан на принципе состязания сторон, допуская свидетелей и предъявление вещественных доказательств. При всем демократизме классовый характер афинского суда ясно выступал по отношению к рабам. Закон признавал действительным показание свидетеля-раба, данное им только под пыткой, т.к. рабы не признавались полноценными людьми по своим умственным и духовным качествам и у них могло дать свидетельство только тело.

Кроме судебных функций гелиэе принадлежала еще одна важная привилегия — право утверждать законы. По афинским обычаям закон, принятый в народном собрании, не имел юридической силы до тех пор, пока не был окончательно отредактирован советом пятисот и утвержден гелиэей. Только после этого он считался законом (по-гречески *номос*) и, записанный на доску, выставлялся для всеобщего сведения. Такая сложная процедура принятия новых законов была установлена для того, чтобы избежать необдуманных решений.

Наряду с этими органами в Афинах продолжал существовать ареопаг, и ежегодно избирались по девять *архонтов*. Но они уже не играли почти никакой роли в управлении.

Политическое устройство Афин предусматривало и определенную систему мер по охране демократии; практика постоянной и строгой отчетности всех должностных лиц; право каждого гражданина подать т.н. *жалобу на противозаконие*.

При всей демократичности такого строя не следует забывать, что полноправными членами общества, участвовавшими в его правлении, были не более 20% всего населения. В него входили только полноправные граждане — мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Ни женщины (афинские гражданки), ни метеки (переселившиеся в Афины свободные люди из других греческих и негреческих общин), ни тем более рабы в состав полноправного населения не входили и никакими политическими правами не пользовались. Эта демократия, таким образом, была элитарной. Существовали и другие минусы. Действовал институт *остракизма*, т.е. изгнания отдельных граждан по решению народною собрания на определенный, обычно десятилетний, срок. Остракизму подвергались те, кто был заподозрен в «приверженности тирании», но нередко это были и просто инакомыслящие[16].

Одни историки считают такое и подобное устройство государственным (К.М. Колобова, Э.Д. Фролов, Т.В. Блаватская, А. Боннар, Дж.К. Дэвис[17]), другие (например, М. Берент) говорят о безгосударственном (вариант: не вполне государственном, парагосударственном и т.п.) характере древнегреческого полиса.

Интересный пример не менее демократического, чем Афины, и, может быть, относительно более эгалитарного полисного общества, возникшего к тому же в условиях колонизации, приводится в сочинении историка Диодора Сицилийского.

В 580 г. до н.э. жители Книдоса и Родоса решили оставить свою родину из-за гнета властвовавших над ними лидийских царей. Они

[16] *Кондрашева Е.М.* Теория и практика античной демократии. С. 8–11; Античная Греция. Т. 1. 22–23; История Древней Греции / под ред. В.И. Авдиева М., 1972. С. 193–196; История Европы Т. 1. С. 249–250, 291–292; и др.

[17] См.: *Колобова К.М.* Возникновение и развитие афинского государства. Л., 1958; *Боннар А.* Греческая цивилизация. Ростов-на-Дону, 1994 Т. I–II; *Блаватская Т.В.* Черты истории государственности Эллады. СПб., 2003; *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики. (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001; *Он же.* Рождение греческого полиса. 2-е изд. СПб., 2004; *Дэвис Дж.К.* Демократия и классическая Греция. М., 2004.

отправились на запад и достигли острова Липары (недалеко от Сицилии), жители которого встретили их очень дружелюбно и уговорили образовать с ними *одну общину*. Когда впоследствии на них стали нападать тирренские пираты, то они построили флот и разделили между собой обязанности так, что одни обрабатывали землю острова как *общую собственность*, в то время как другие защищали их от разбойников. Все имущество они объявили общим и жили сообща, образовав товарищества для совместных трапез (*сисситии*). Такая общая жизнь продолжалась у них довольно долго. Затем они поделили между собой остров, на котором находился и город, и начали сообща обрабатывать другие острова. Наконец они поделили между собой все освоенные острова на срок в 20 лет[18].

Античная полисная демократия (в большей степени афинская, в меньшей — римская) при всей ее классовой ограниченности впервые в истории провозгласила народный суверенитет политической и идеологической основой общественного строя и обеспечила в периоды своего расцвета массовое участие свободных граждан в управлении обществом[19]. В наиболее демократических полисах принимались особые меры для того, чтобы обеспечить активное участие граждан в политической жизни. В Афинах, в частности, этому способствовало введение оплаты за выполнение гражданских обязанностей, что должно было обеспечить участие в управлении делами полиса даже беднейших граждан. Система магистратур в подавляющем большинстве греческих полисов была организована таким образом, что они представляли собой простые исполнительные органы суверенного народного собрания: должностные лица избирались на сравнительно короткие сроки, были подотчетны народному собранию, действовали коллегиально. В политической организации полисного общества Греции достаточно отчетлива тенденция к возможно более дробному делению функций различных комиссий магистратов и к увеличению их числа. Причины этого крылись в двух обстоятельствах: 1) опасение, что какая-либо из них сосредоточит в своих руках большую власть (что может подорвать суверенитет народного собрания); 2) стремление к максимально широкому участию гражданства в непосредственном управлении делами полиса. В Афинах, например, наиболее полно это выразилось в организации гелиэи, которая включала в себя 6000 граждан[20].

[18] Цит. по: *Беер М.* Всеобщая история социализма и социальной борьбы. С. 40–41.

[19] Самоуправление: от теории к практике. С. 11.

[20] Античная Греция. Т. 1. С. 22.

Важнейшей в полисной системе являлась проблема свободы гражданина. В античности истинно свободным мог считаться только человек, экономически независимый от других. В качестве экономической основы свободы здесь выступала автаркия[21]. Проявлением экономической автаркии индивида было его независимое хозяйство (ойкос)[22]. При этом проблема гражданской свободы и свободы вообще юридически и морально никак не касалась рабов, которые были совершенно бесправны и количество которых в классический и кризисный периоды было значительным. Запрет порабощения граждан полиса был, несомненно, проявлением общественного прогресса и большим шагом вперед, но он имел и обратную сторону — это развитие рабства в довольно жестких его формах за счет порабощения иноплеменников через плен, покупку, рождение в рабстве и т.п.

Одним из основных условий существования полиса были определенные размеры его территории и численности населения. Полисная организация могла нормально функционировать лишь в рамках сравнительно небольшой общности. Подавляющее большинство греческих полисов было в действительности совсем невелико как по своей территории, так и по составу населения. Например, в Фокиде на площади 1650 кв. км умещалось 22 полиса, на Эвбее площадь в 3770 кв. км занимали 6 полисов. Территория одного из наиболее крупных полисов — Аргоса — составляла 1400 кв. км, Аттики — около 2550 кв. км. Площадь Рима-полиса (т.е. в эпоху ранней Республики) была тоже невелика[23].

Представляя собой один из типов общины, полис мог существовать — именно как полис — только при сравнительно небольших размерах гражданского коллектива и территории. Платон в «Законах» указывал, что идеальный полис должен включать 5040 полноправных граждан. Говоря о размерах полиса, Аристотель в «Политике» пришел к выводу, что как население, так и территория полиса должны быть легко обозримы. Сравнительно небольшие размеры следует отнести к сущностным характеристикам полиса, ибо в полисе возможна только *прямая демократия*, а в основе политической организации полиса лежит принцип суверенитета народного собрания[24].

[21] Автаркия — экономическая самодостаточность при хозяйственной замкнутости.

[22] Античная Греция. Т. 1. С. 23.

[23] Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. С. 34.

[24] Античная Греция. Т. 1. С. 22, 29.

Тем не менее полис был гораздо больше (и по территории, и по количеству населения[25]) обычной сельской общины, и в то же время он являлся единым монолитным социальным организмом общинного типа, поэтому правильнее, по нашему мнению, называть его мегаобщиной (гражданской мегаобщиной).

Полис, значительно расширивший в результате своей экспансионистской политики территорию (и количество населения) и возглавивший в той или иной форме крупную державу, либо сравнительно недолго сохранял свое положение (как это доказывает двукратный распад Афинского морского союза), либо превращался из полиса в какое-то особое государственное образование (что подтверждает пример самого Рима). Едва ли можно сомневаться в том, что исход Союзнической войны, в частности распространение римских гражданских прав на все население Италии, знаменовал собой крушение Рима-полиса (и прежде всего превращение римского народного собрания в юридическую фикцию)[26].

Античный мир дал немало примеров федеративных образований — как государственных, так и негосударственных. «Древняя Греция и [Древняя] Италия знали многочисленные примеры федераций»[27]. У греков существовали три основных типа союзов: *амфиктионии, симмахии и симполитии*, а также переходные и комбинированные типы.

Уникальными федеративными безгосударственными объединениями на протяжении довольно длительного времени являлись в Древней Греции *амфиктионии* — Дельфийская при святилище Аполлона в Дельфах, Делосская при святилище Аполлона на о. Делос, Калаврийская при святилище Посейдона на о. Калаврия и другие. Они возникли как религиозно-политические союзы для разрешения мирным путем возникавших между племенами спо-

[25] Так, население Аттики, согласно переписи, произведенной в 309 г. до н.э., составляло 21000 свободных граждан, 100000 метеков и 400000 рабов (хотя, согласно общему мнению современных ученых, в действительности рабов было меньше, а в V веке до н.э. даже значительно меньше, чем в следующем, IV в. до н.э.). Во всяком случае, число рабов в Аттике в V в. до н.э. значительно превышало число граждан. В научных дискуссиях по этому вопросу назывались цифры от 50 до 150 тыс. рабов применительно к V в. Все историки, исследовавшие этот вопрос, считают, что доля рабов среди всего населения была весьма значительной (от 25 до 43% от всех жителей Аттики). — История Древней Греции. С. 173; История Европы. Т. 1. С. 275).

[26] *Утченко С.Л.* Политические учения Древнего Рима. С. 34, 35.

[27] *Ященко А.* Международный федерализм... С. 259.

ров и для совместного отправления культа в общем святилище. Появившись еще в эпоху военной демократии в виде союза племен, амфиктионии впоследствии стали союзами как племен, так и полисов[28].

Симмахии являлись военно-политическими союзами полисов и племен, причем все общественные субъекты такого союза формально обладали равными правами. *Симполитии* — объединения уже явно государственного типа федерации полисов, передававших часть своих прерогатив верховному органу, управляющему всей федерацией[29].

Существовали довольно влиятельные федеративные союзы безгосударственных и полугосударственных полисов, а также иногда (в том числе) и просто племен. К подобным образованиям относились Этолийский и Ахейский союзы — федерации типа симмахий, организованные на основе равноправия и автономии входивших в них племенных территорий и полисов. В данных союзах присутствовали также симполитийные элементы и тенденции, которые, впрочем, так и не получили развития. По мнению ряда ученых, подобные союзы нельзя рассматривать как государственные образования, хотя по своему могуществу, экономическим и военным возможностям, объемам энергии они вполне сравнимы с крупными государствами того времени — например, с Персидской державой, Македонией, Римской республикой.

«Сложные безгосударственные системы обычно контролируют значительно меньшие объемы энергии по сравнению с доиндустриальными империями. Вместе с тем эффективность использования этих (обычно скромных по объему) ресурсов, аккумулируемых политическими центрами таких объединений (а они обычно характеризуются высокой долей политического участия их населения), бывает, как правило, заметно выше по сравнению с гигантскими доиндустриальными империями. <...> Хороший пример в этом отношении дает история греко-персидских войн, в которых греческие полисы смогли использовать свои скромные ресурсы значительно более эффективно, чем Персидская империя»[30].

---

[28] *Савостьянова О.И.* Амфиктиония // Советская историческая энциклопедия. Т. 1. С. 477.

[29] История Европы. Т. 1. С. 293, 295.

[30] *Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). С. 58.

***

На наш взгляд, следует подходить к проблеме социально-политической сущности полиса диалектически и опираться на принципы историзма — тогда некоторые спорные вопросы просто снимаются. Похожий подход встречаем в коллективной монографии «Античная Греция», авторы которой считают, что первоначально полис (в «гомеровское время») не являлся государством, но со временем стал постепенно приобретать его черты. «Исторические судьбы такого общественного организма, как гомеровский полис, в различной конкретной ситуации могли быть различны. Но выходов из такого состояния в принципе могло быть только два: или аристократия, сорганизовавшись и сплотившись в единое сословие, погасив в известной мере внутренние распри, поставит под свой контроль общину, а ее членов низведет до уровня зависимого населения, или рядовая масса общинников сможет обуздать аристократию и установить равенство членов общины, хотя бы относительное, и, самое главное, сможет обеспечить свободу своих членов и институционную неприкосновенность своей земли»[31]. Но даже полисы, в которых победила демократия, в классический период должны были все в большей мере в связи с развитием рабства выполнять функции государства, хотя и демонстрировали при этом «слабость» и «узость» своих государственных функций, что объяснялось общинным происхождением полиса и определяющим влиянием общинных начал на весь характер полиса. «До определенного момента полису удавалось справляться с этой задачей, дальнейшее же развитие рабовладения оказалось выше возможностей его, что, видимо, в конце концов и стало одной из причин кризиса классического греческого полиса»[32].

Что касается римского полиса, то римская гражданская община, *цивитас*, представляла форму политической организации несколько иного типа, чем греческая классическая, что довольно рано проявилось в более четко выраженных чертах собственно государственной системы с концепцией особой власти сената и отдельных магистратов, особенно высших. Эта власть уже могла быть противопоставлена воле гражданства[33].

Итак, не все полисы античного мира и не на всем протяжении их истории были государствами. Значительная часть полисов на опре-

[31] Античная Греция. Т. 1. С. 32.

[32] Там же. С. 36.

[33] Античная Греция. Т. 1. С. 23, 32, 33, 36.

деленных этапах их развития являлась уникальным очагами довольно развитого, сложносоставного и в то же время безгосударственного общества, хотя тенденция к развитию государственности в них объективно всегда присутствовала и на практике все больше давала о себе знать.

2. Сельские гражданские общины и «крестьянские республики» средневековой Европы (VI–XVI вв.)

Следующим проявлением негосударственного (и в том числе безгосударственного) общества стали сельские гражданские общины и крестьянские республики периода Средних веков. В основе этих общественных образований лежала крестьянская соседская община в разных ее формах (ранняя сельская община, община-марка, община-коммуна и т.п.). Универсальность соседской общины состояла в том, что она одновременно могла являться и социальной группой, и трудовым коллективом, и территориально-административной единицей, и совпадать с религиозной общиной и быть своеобразным «крестьянским профсоюзом» по защите трудовых прав. Наконец, в случае крайней необходимости крестьянская община могла играть и не так уж редко играла роль политической и военной организации.

Большое значение в жизни крестьян имели такие плюсы общинной организации, как взаимопомощь и солидарность, социально-экономический дуализм (сочетание общественной и индивидуальной форм собственности и общежития), некоторая социальная справедливость и определенная социальная защита, гибкость и приспособляемость к разным природно-географическим и социально-политическим условиям, внутренняя автономия (в разных размерах), народная культура и народные традиции, хранителем которых выступала община. Наряду с этим имелись, несомненно, и минусы: жесткая круговая порука; способность становится придатком феодальной системы и государства; неизбежная социальная дифференциация; рутина, застой в ведении хозяйства; переделы земли (правда, не везде и не всегда).

В сельской общине не было и не могло быть полного равенства. Как правило, несколько домохозяев — чаще всего ими были богатые крестьяне, но иногда и просто потомки наиболее уважаемых родов — господствовали в общине, решая ее дела к своей выгоде. Но перед лицом сеньора община выступала как сплоченная сила. Крестьян объеди-

няла общая экономическая база: выпасы, лесные угодья и т.д. Сельские общины часто с успехом оказывали сопротивление сеньорам[34].

Община, видимо, имеет пульсирующую динамику развития. Она очень гибкий институт, то уменьшающийся, то вновь разрастающийся (и изменяющийся) под влиянием обстоятельств. Эта форма общественной негосударственной самоорганизации на протяжении тысячелетий классового общества показала, в том числе и в периоды Нового и Новейшего времени, способность наполняться новым содержанием в зависимости от обстоятельств.

Именно с общиной было связано многовековое сопротивление наступлению классического феодализма в Европе. И именно община стала социальной основой образовавшихся в ходе этого сопротивления в ряде районов Европы независимых гражданских крестьянских общин и общинных крестьянских республик, являвших собою определенную альтернативу феодальному строю и феодальной государственности.

Длительное сохранение общинных отношений при переходе к феодализму было характерно для англосаксов в Британии и для саксов на континенте. В VI–VII вв. у англосаксов еще сохранялись значительные остатки организации управления, присущие системе военной демократии. Еще медленнее общинный строй разлагался у саксов на континенте. Область их расселения между Эльбой и Рейном находилась вне сферы непосредственного влияния римского рабовладельческого государства. Поэтому их общественное развитие вплоть до VIII в. происходило без какого-либо существенного воздействия внешних факторов. Свободные общинники, не подвергавшиеся эксплуатации, составляли у саксов еще в VIII в., а у англосаксов вплоть до IX в. основную массу непосредственных производителей. В это время здесь важнейшей социальной оппозицией была оппозиция «*свободные / знатные*», но на смену ей уже шла другая: «*знатные / зависимые*». На рубеже Античности и Средних веков в Европе «главная масса населения продолжала пахать землю, обращая очень мало внимания на своих мнимых вождей, пока они не нарушали независимости деревенских общин»[35].

Классическим примером борьбы феодального государства против общинно-родового строя являются войны Карла Великого против саксов (772–804 гг.). Карл одерживал над саксами одну военную победу за другой, но, когда он отправлялся в обратный путь, сак-

[34] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 270.

[35] *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. С. 163.

сы всякий раз поднимали восстание и сбрасывали его власть. Карл предпринял восемь военных походов против саксов и ввел у них жестокие законы. В 782 г. в целях устрашения он велел казнить 4500 пленных саксов. Но одновременно Карл привлекал многих вождей саксов на свою сторону тем, что даровал им земли, принадлежавшие родовым общинам, что усиливало процесс феодализации. Таким образом, общинно-родовое общество саксов было сломлено не только иноземной силой, но и социальным расколом изнутри, поощряемым захватчиками[36].

К концу VIII — началу IX в. переворот в поземельных отношениях во Франкском государстве — крупнейшем в Западной Европе того времени — привел к полному господству феодальной земельной собственности на значительной территории западной Европы. Захват крестьянских земель крупными светскими и церковными землевладельцами сопровождался усилением различных форм внеэкономического принуждения. Захваты крупными феодалами крестьянских наделов приняли особенно массовый характер в начале IX в. Теряя землю, крестьянин часто вслед за этим терял и свою личную свободу. Но не все крестьяне и их общины механически попадали под власть феодала в период интенсивной феодализации общества в Европе. Массовое лишение крестьян собственности на землю и втягивание их в зависимость вызывали ожесточенное сопротивление как еще свободного, так и уже зависимого крестьянства. Это сопротивление принимало различные формы. Одной из них были массовые уходы и побеги крестьян. Нередко происходили и открытые крестьянские выступления[37].

Крестьянские восстания происходили в 848 и 866 гг. во владениях Майнцского епископа. Но наиболее крупное восстание закрепощаемых крестьян имело место в многострадальной Саксонии в 841–843 гг. Лозунгом этих крестьян (свободных членов саксонского племени) и полусвободных (литов), поднявшихся против саксонских и франкских феодалов, а также королевской администрации, был возврат к старым, дофеодальным порядкам: крестьяне изгнали господ и стали жить «по старине». Отсюда и название восстания — «Стеллинга», что дословно значит «дети старого закона». Восставшие после упорного сопротивления были разгромлены в кровопролитном сражении[38].

[36] История Европы. Т. 2. С. 120, 783, Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа... С. 48–49.

[37] История Средних веков. Т. I. С. 107, 109, 115.

[38] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. М., 1985. С. 476–477.

«Крестьянские движения VIII–IX вв. были направлены против самого *установления феодального способа производства*. К тому же крестьяне этого периода, как свободные, так и зависимые, продолжали оставаться членами общины-марки, которая, несмотря на рост имущественного неравенства в ее среде и частичное ее закрепощение, все еще сохранялась как *производственная организация*»[39] (и, в определенных ситуациях, как политическая организация тоже).

В X–XI вв. в Германии завершилось складывание феодального строя. В течение X в. в феодальную зависимость было втянуто подавляющее большинство ранее свободных общинников. Особенно тяжелой формой зависимости крестьян стала личная, крепостная зависимость.

Однако в некоторых (немногих) окраинных и труднодоступных местностях (Фрисландия, Дитмаршен, Тироль и в меньшей степени Саксония) сохранялся еще более-менее значительный слой свободных общинников. В 1073–1075 гг. в Саксонии произошло новое восстание против королевской власти, довольно сложное по своему социальному составу. Наряду с крестьянами-общинниками, как свободными, так и зависимыми, в восстании приняла участие саксонская знать, предавшая крестьян в решающей битве при Лангензальце. Поражение восстания низвело свободное саксонское крестьянство до положения феодально-зависимых и крепостных крестьян[40].

Одна из главных причин саксонских восстаний состояла в том, что народ хотел сбросить с себя новое и непривычное иго феодального господства. Свободные крестьяне (*liberi*) стремились к сохранению своего социального положения и своего достоинства. Именно после подавления саксонского восстания 1073–1075 гг. *свободное крестьянское сословие* в Германии, говоря словами К. Маркса, «впадает <...> в унизительную зависимость, кроме Фрисландии и немногих других мест»[41].

Обращает на себя особое внимание Нормандское восстание 997 г., которое явилось крупнейшим движением X в. в Западной Европе. Крестьяне различных графств Нормандии «решили жить согласно своей воле», чтобы пользоваться лесами и водами на основе своих законов», т.е. прав общины на альменду. Они устраивали тайные

[39] *Неусыхин А.И.* Возникновение зависимого крестьянства. С. 397. С.Д. Сказкин называет производственную организацию организацией производителей (*Сказкин С.Д.* Избранные труды по истории. М., 1973. С. 99).

[40] История Средних веков. Т. 1. С. 164–165, 167.

[41] *Неусыхин А.И.* Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974. С. 281–282.

сборища, избирали по два делегата на собрание всей страны, чтобы утвердить на нем свои наказы. Феодалы жестоко расправились с наиболее активной частью восставших. Бросается в глаза четкая организация восстания, нехарактерная для того периода и для Средневековья в целом. Идея местного и общего собрания, возможно, была отголоском еще не забытой практики областных и племенных собраний норманнов периода общинно-родового строя. Способность нормандского крестьянства к организованным действиям в масштабах герцогства, интенсивность его сопротивления не могли не сказаться на глубине и размахе процесса феодализации. Фактор реальной опасности мощных крестьянских движений наряду с другими особенностями развития Нормандии в IX–X вв. подготовил почву для полного исчезновения здесь серважа[42] уже в XI в.[43]

Заметим, что в Германии имелся значительный многовековой опыт борьбы и с рабовладельческим строем, и с Римской империей. Этим опытом, в той или иной мере неизбежно отложившемся в памяти народа, историкам не следует пренебрегать, рассматривая сопротивление феодализации на данных территориях. «“Историческая память” крестьянства хранила воспоминания о “временах свободных”»[44].

Продолжавшемуся по всей Европе процессу феодализации оказали сопротивление также крестьяне-общинники Венгрии (восстания 1046 и 1061 гг.), Англии (восстания 1069 и 1071 гг., северо-восток страны), Бретани (1024 г.), Норвегии (1028 г.) и ряда других регионов. Эти восстания происходили, как правило, под лозунгами возврата к старым дофеодальным порядкам общинного строя[45].

Позднее, уже в XII и XIII вв., восстания свободного крестьянства против попыток соседних феодалов подчинить крестьян своей власти имели место в Дитмаршене (1144 г.), Норвегии (1174 г.), на земле фризов (1153 и 1227 гг.), на земле штедингов (1232–1234 гг.), в Швейцарии (конец XIII в.). В ходе этих восстаний феодалы неоднократно терпели военные поражения от крестьян и после ожесточенной борьбы одержали верх только над штедингами[46].

[42] Серваж (от лат. servus — раб) — одна из наиболее жестких форм феодальной зависимости в Западной Европе (в основном во Франции), характеризующаяся личной несвободой крестьян и их крайней социальной приниженностью; фактически — крепостное состояние.

[43] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. С. 479.

[44] Там же. Т. 3. М., 1986. С. 445.

[45] История Европы. Т. 2. С. 269.

[46] Там же.

2. Сельские гражданские общины и «крестьянские республики» средневековой Европы (VI–XVI вв.)

В средневековых Норвегии и Швеции крестьянству в условиях феодального государства удалось не допустить победы феодализации. Основную массу населения Скандинавии в ранее средневековье составляли бонды — свободные жители. Это были земледельцы, скотоводы, охотники и рыбаки, имевшие собственное хозяйство и жившие либо в обособленных хуторах (Норвегия и некоторые районы Швеции), либо небольшими деревнями (Дания и большая часть Швеции). Таким образом, в XI–XII вв. в скандинавских странах еще существовал большой слой крестьян, сохранявших право собственности на землю, опиравшихся на общинные традиции и обязанных лишь платить налоги государству. В Норвегии вообще не сложились такие феодальные институты, как сеньория, система вассалитета и феодальной иерархии, иммунитет и вотчинный суд. Барщина не получила развития, домениальное хозяйство имело скромные размеры. Не знавшая крепостничества и иных грубых форм феодальной эксплуатации, во многом сохранившая общинные порядки и традиции, Норвегия со временем сравнительно легко вступила на путь мануфактурно-промышленного развития, хотя масштабы его еще долго оставались довольно скромными[47]. Но все же в период капитализма Норвегия никогда не была в числе последних даже в Европе, не говоря уже обо всем капиталистическом мире.

Таким образом, «не вся Западная Европа была феодализирована (например, Скандинавский полуостров, Фризия, Ирландия). Не вся феодальная часть Европы была феодализирована в равной мере: и ритм, и степень полноты этого процесса были различны»[48]. Важнейшую роль в сопротивлении феодализации продолжала играть община.

По выражению Ф. Энгельса, община давала крестьянам «даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья локальную сплоченность и средство сопротивления, чего в готовом виде не могли найти ни античные рабы, ни современные пролетарии <...>»[49]. Свидетельства организованного сопротивления крестьянских общин имеются в источниках повсеместно. Они решительно опровергают тезис сторонников «Марковой теории» о «социальной гар-

---

[47] История Средних веков. Т. I. С. 334–335, 337, 338; Т. II. С. 255, 266–267; *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 435.

[48] *Гуревич А.Я.* (Рецензия). Блок М. Феодальное общество // Проблемы феодализма. Реферативный сборник. М., 1975. С. 84.

[49] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 175.

монии» вотчины и общины[50]. Средневековой западной крестьянской общине «удалось сохранить свою *демократическую природу*, несмотря на *наличие* в ней *имущественного неравенства*. Она защищала своих членов от натиска феодалов. Ее существование закреплялось, как правило, обычным правом, правовым обычаем, но *иногда и нормативными актами государства*»[51].

В рамках общины (иногда прихода) обычно заключались тайные соглашения или заговоры, связывавшие всех участников присягой верности общему делу. Крестьяне иногда создавали значительные денежные фонды, нанимали адвокатов. Во время крестьянских движений и восстаний Средневековья отряды повстанцев обычно формировались на общинной сходке жителей одного села или деревни, к которым затем присоединялись отряды соседних общин. Слабостью таких отрядов было то, что в большинстве случаев они действовали изолированно и объединялись лишь для временного взаимодействия[52]. «Несмотря на свою субъективно-консервативную направленность против феодализационного процесса, крестьянские движения объективно внесли свой вклад в реализацию сложившихся социально-экономических тенденций созревания и прогрессивного развития феодальной формации. В то же время для самого крестьянства они могли в какой-то мере временно облегчить конкретные условия феодализации»[53]. «К каким-то полувымышленным “старому” закону, “старой” правде, “старому” обычаю настойчиво требовали вернуться крестьянские движения и раннего, и позднего средневековья»[54], и начала Нового времени. Идеал средневековых крестьян Европы — общество свободных равноправных мелких землевладельцев — формально был обращен к прошлому, имел ввиду возрождение общинных распорядков доклассового периода или раннехристианских общин. Однако вместе с тем эти идеи не только имели определенное позитивное содержание, но и были наиболее прогрессивным проявлением духовной жизни крестьянских масс, выражали значительный рост их классового самосознания, факт зарождения собственной идеологии. Диалектика обращения к прошлому была такова, что, требуя вернуться к прежним законам и обычаям

[50] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. М., 1986. С. 477.

[51] *Гомеров И.Н.* Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. С. 299.

[52] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 572, 587.

[53] Там же. Т. I. С. 482.

[54] *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. С. 399.

общинно-родового строя, крестьянские массы уходили далеко вперед по сравнению с реалиями и порядками феодализма, т.к. свобода и справедливость ранних дофеодальных времен в новых условиях, на новом уровне социально-экономического развития — это уже *новая* ступень свободы и справедливости.

В некоторых движениях и восстаниях обнаруживалось стремление их участников к разным формам крестьянского самоуправления.

Общее собрание страны из избранных делегатов пытались сформировать крестьяне Нормандии во время восстания 997 г. Мятежники Фландрии планомерно заменяли всех графских должностных лиц своими капитанами. Словенские крестьяне в 1515 г., создав крестьянский союз, считали его постоянным органом, представляющим их интересы перед императором. Одним из требований трансильванских повстанцев было создание ежегодно созываемого крестьянского собрания области. Во время восстания И. Болотникова в России повстанцы создавали в захваченных ими областях свои органы власти, в которых были представлены все социальные слои, участвовавшие в движении: крестьяне, холопы, казаки, мелкие дворяне. Во время крестьянско-казацких восстаний в России и Речи Посполитой зачастую вводилось самоуправление по образцу казачьих областей[55]. Стремление к всеобщему «показаченью» имело место во время крестьянских войн С. Разина и Е. Пугачева.

Но подлинной вершиной[56] крестьянского антифеодального движения сопротивления этого периода стали независимые и полузависимые (автономные) крестьянские республики — территории, где не только не была допущена и не состоялась (или достаточно долгое время не удавалась) феодализация, но которые еще и сумели устоять в течение длительного срока (до нескольких столетий) против подчинения какому-либо феодальному государству, а сами же при этом долгое время оставались фактически безгосударственными обществами, безгосударственными островами в море государственности.

***

Первым таким в буквальном и переносном смысле островом свободы в истории феодальной Европы стала Исландия. То, что удалось создать в Исландии эпохи народоправства (или народовластия)

[55] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма Т. 2. С. 586 и др.

[56] О казачьих и аналогичных им областях новой военной демократии речь пойдет отдельно, см. главу IV.

X–XII вв., можно считать своеобразным итогом общеевропейского крестьянского сопротивления феодальному строю и феодальной государственности. Исландия стала символом неприятия того, что происходило в это время в Европе, создала своеобразную альтернативу процесса феодализации и вообще феодализму.

Исландия — довольно большой остров в северной части Атлантического океана площадью 103 тыс. кв. км. До скандинавской колонизации, начавшейся в 870-е гг., здесь, по-видимому, с конца VIII в. жили лишь немногочисленные отшельники из Ирландии. Большинство колонистов, начавших прибывать в конце IX в., были норвежцы, но переселялись также выходцы из скандинавских колоний в Ирландии, Шотландии, а также из Швеции. Относительно мягкий климат в приморских равнинных районах и благоприятные условия для животноводства и рыболовства привлекали на остров переселенцев. Первые колонисты-норвежцы зазывали в Исландию своих соотечественников рассказами об обилии природных богатств на острове, благоприятных для развития скотоводства: там «с каждого стебля травы капает масло»[57].

Но Исландия — земля контрастов. Остров отличался, с одной стороны, обилием жизненных ресурсов, с другой — некоторой (впрочем, вполне терпимой) суровостью природы. «Пять шестых площади Исландии оказались непригодны для жизни: огромные пространства, опустошенные вулканическими извержениями, бесконечные лавовые поля, исторгнутая из кратеров порода, пепел, черные пески, скалы, морены и осыпи, трясины и топи, гейзеры и кипящие грязевые источники, безжизненные горы и непроходимые ледники. Реки, берущие свое начало где-то в недоступных центральных областях, с ревом мчали к морю бурные воды — реки яростные и неукротимые, как Тьорса, глубокие и полноводные, как северная или восточная Йокульса, — и почти на всем протяжении их нельзя было ни перейти вброд, ни перекрыть мостами. Первопоселенцам досталась во владение суровая и неприветливая страна. Огонь вырывался из подземных глубин, и временами земля корчилась в судорогах землетрясений, словно желала сбросить с себя людей. И тем не менее на острове можно было выжить и обрести убежище. На равнинах, на плоскогорьях, в ущельях и на склонах холмов, обращенных к морю, в изобилии росла трава, а в светлые летние месяцы поселенцы выгоняли овец на хейди, высокогорные пастбища. Между горами и морем рос березняк и кустарник. К осени вызревали ковры разно-

[57] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. С. 304.

цветных ягод: голубика, черника, брусника. Кроме того, во времена первопоселенцев, когда климат был мягче, на землях, пригодных для пахоты, сеяли хлеб. На берега выбрасывало много прибойного леса. Озера и реки кишели форелью и лососем, в окрестных морях ходили огромные косяки рыбы, водились тюлени и киты, на островах и прибрежных утесах гнездились бесчисленные стаи морских птиц. Добыча сама шла в руки охотников: то был край непуганых птиц и зверей, незнакомых с повадками человека. Приблизительно к 930 г. все земли в Исландии, пригодные для жизни, оказались заняты»[58].

В конце XI в. в Исландии насчитывалось более 4,5 тыс. сельских хозяйственных дворов. Пастбищное скотоводство, морской промысел стали основными занятиями населения острова; земледелие имело подсобное значение, и жители Исландии нуждались во ввозе зерна (а также леса). Значительную роль в жизни поселенцев играло мореходство[59].

В начале освоения Исландии в обществе существовало патриархальное домашнее рабство. При этом труд рабов никогда не являлся основой экономической жизни в Исландии, а их положение было значительно более сносным, чем рабов античности. Рабство в Исландии существовало в течение двух веков, постепенно уменьшаясь, и полностью исчезло примерно к 1100 г.[60]

Колонизации Исландии немало способствовала общая ситуация, сложившаяся около 900 г. Во многих странах экспансия викингов была остановлена. С другой стороны, на родине викингам теперь противостояла новая сила — король Харальд Прекрасноволосый, объединивший королевство под своей рукой. В исландских источниках XII и XIII вв. единогласно утверждается, что Исландия была заселена из-за той тирании, которую установил (в Норвегии) конунг Харальд после победы при Хаврсфьорде, и подробно описывается случившееся как в стихах, так и в прозе. Но вряд ли будет ошибкой добавить, что и обычные причины — нехватка земель, рост народонаселения, жажда приключений и славы, надежда на удачную торговлю или легкую добычу — также сыграли при колонизации Исландии немаловажную роль[61].

[58] *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. М., 2004. С. 279–280.

[59] *Гуревич А., Филатов И.* Исландия. Исторический очерк // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. С. 341–342.

[60] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 132, 133, 138.

[61] *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. С. 282–283.

«Свободные бонды, переселившиеся из Норвегии или с Британских островов в Исландию, привезли с собой идеалы того общественного строя, при котором в течение веков жили они сами и их предки. Их социальные идеалы были вполне определенными и прочно сформировавшимися, поскольку многим из них приходилось непосредственно бороться за них с узурпаторами — королями и крупной знатью. Поэтому они не могли не отдавать себе ясного отчета в том, что они теряют и какая жизнь ждет их, если они окажутся под пятой королевской власти. <...> Сам переезд из Норвегии в Исландию на примитивных, не имеющих компаса суденышках по бурному открытому морю показывает, какому огромному риску готовы были подвергнуть себя эти люди для того, чтобы сохранить общественный уклад, который рушился на их родине. <...> Первопоселенцам действительно приходилось вступать в бой с исландской природой, и эта борьба заставила их создать совсем другое общество, совсем иное объединение людей по сравнению с тем, что образовалось на европейском континенте. <...> С самого начала заселения Исландии существовал неписаный закон, согласно которому все должны были работать. Работы было так много, и она была столь насущно необходима в этой необитаемой стране, что никто не мог позволить себе сидеть сложа руки. Труд с самого начала занимал в жизни переселенцев почетное место. Хорошие работники пользовались всеобщим почетом, а бездельников и лентяев презирали. Труд у исландцев стал укоренившейся социальной привычкой, и даже тогда, когда образовался класс крупных хавдингов[62] и сделалось более заметным имущественное неравенство, существовал обычай, согласно которому сыновья состоятельных людей работали, как и все прочие <...>. Всеобщий труд привел к созданию и сохранению экономического равновесия. <...> Поэтому богатые люди — редкость в Исландии в первые века ее истории. <...> Когда началось заселение Исландии и первые поселенцы “взяли” очень много земли, они, по всей вероятности, вовсе не рассматривали занятую ими землю как свою “собственность” в современном понимании этого слова. Предводители первопоселенцев мыслили, очевидно, как своего рода родовые вожди, которые распоряжаются землей, взятой в собственность для всех членов рода, гребцов и других, кто приедет сюда позднее. В их мышлении было выражено характерное для германских родовых общин представление о собственности. Римское представление о праве собственности едва начинало у них складываться. Эти “взятые”

[62] Хавдинги (хевдинги) — родовая знать.

земли можно было бы назвать общей собственностью коллективов, занявших их, но земля эта, естественно, находилась в распоряжении вождя, хавдинга, который управлял ею, как ему подсказывала его мудрость и чувство справедливости. Так, в "Книге о взятии земли"[63] рассказывается о том, что при разделе земель не было недостатка в благородных поступках, хотя, конечно, вожди владели весьма обширными землями»[64].

Особый интерес представляет общественное устройство исландских жителей IX–XII вв. Перед исландским обществом с самого начала стояла альтернатива: либо встать на путь, по которому уже пошли европейские страны, — путь растущего гнета и классовой дифференциации, ведущий к классовому обществу и государственной власти, либо пойти по пути сохранения и развития доставшихся ему в наследство от родового строя равноправия и свободы, создав общество нового типа. Исландцы пошли по второму пути.

До 930 г. в Исландии не было ни центральной исполнительной власти, ни общенародного законодательного органа. Начало утверждения единых правовых норм совпало с окончанием «века заселения» (начался в 870-е гг. и закончился к 930 г.). Вскоре был составлен свод законов и учрежден альтинг (народное собрание)[65].

Вплоть до середины XIII в. политическая власть в Исландии не была отделена от народа. Исландские, а вслед за ними и некоторые другие историки называют этот период эпохой народоправства (*тьодвельдид*), расцвет которого пришелся на X–XI вв. «У них нет никакого короля, кроме законов», — писал Адам Бременский об исландцах в 1077 г. Общество и его доверенные лица составляли тогда еще единое целое. Исходя из идеалов общинно-родового строя, рушившегося в их европейских метрополиях, они сумели воссоздать этот строй в новых специфических условиях: на территории, не знавшей феодалов и далекой от феодальной Европы, установилась общая собственность мелких сельских коллективов (*хреппов*) или больших общин (*тинговых общин* и *четвертей*) на пастбища, озера, леса при признании возделываемых земель частной собственностью. Хрепп (аналог общины-марки) — небольшая самоуправляющаяся община в 20 и более дворов был и обществом взаимопомощи, и объединением совместного труда, и общественной ячейкой. Хреппы управлялись

[63] «Книга о взятии земли» — история заселения Исландии, сложившаяся из родовых генеалогий в XII–XIII вв.

[64] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 68, 73, 75–76, 98.

[65] *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. С. 287–288.

пятью избираемыми бондами, но основная власть принадлежала собранию хреппов. Предводители хреппов и тинговых общин — *годи* — несли обязанности и административного, и религиозного характера. Годи пользовался доверием людей, был их предводителем, а не властителем. Человека избирали на эту должность не потому, что он был богат и отважен (хотя и то и другое играло определенную роль), а потому что он пользовался авторитетом и доверием благодаря своему уму и справедливости. Годи не имел экономической власти над людьми и не принуждал их насильственными путем к подчинению (хотя со временем стало случаться и такое). Годи не являлся эксплуататором: он жил не за счет эксплуатации бондов, а за счет своего собственного хозяйства, и это хозяйство, как правило, было значительным[66].

Существует и несколько иной взгляд на роль и значение годи в жизни исландского общества. «Поскольку годи избирали законоговорителя, выносили решения в лагретте, председательствовали на местных тингах, назначали судей, заседавших в судах четвертей и в Пятом суде [апелляционном], и, кроме того, ведали отправлением религиозных обрядов, при том что сами являлись хевдингами, т.е. весьма состоятельными людьми, владевшими обширными землями в своих округах, они обладали полной и непререкаемой властью в Исландии в течение всего времени существования исландской республики, т.е. от начала заселения страны до конца “эпохи народовластия”»[67]. Но тогда неизбежно возникает вопрос: почему же годи-хавдинги, обладавшие такой властью, в течение почти 400 лет, с 870-х до 1250-х гг., не предприняли практически ни одной серьезной попытки повести Исландию по пути феодализма и стандартной европейской феодальной государственности? По нашему мнению, годи, при всей их власти, должны были считаться и считались с мнением народа, противостоявшего такому варианту развития.

Тинг — народное собрание нескольких общин, устойчивый общественный институт исландцев, собирался дважды в год (весенний и летний тинг: первый до альтинга, второй после). Высшим органом всего исландского народа являлся *альтинг* (all-thing) — народное собрание. Это была высшая законодательная и судебная инстанция исландцев, причем любой его участник — свободный бонд — имел право говорить со Скалы закона, требовать изменения закона, уча-

[66] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 95, 101–102, 106, 108–109, 210.

[67] *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. С. 290.

ствовать в суде. Исландцы периода народовластия считали все общественные дела своими собственными делами[68]. Не присутствовать на альтинге (или не участвовать в тинговом сборе для оплаты пути на альтинг доверенного лица) считалось бесчестием для свободного гражданина[69]. Кроме альтинга существовала *лагретта* — законодательный и судебный совет из 144–147 выборных членов.

Для обозначения своего общества исландцы обычно пользовались словом «*log*» — *законы*. Это слово означало в древнем исландском языке как само общество, коллектив, так и правила (законы) жизни этого общества[70]. 36 годи, возглавлявшие альтинг, каждые три года проводили выборы председателя *законоговорителя*, который был знатоком законов и в какой-то мере их воплощением. Он пользовался большим авторитетом, но не обладал никакой властью: реальная власть принадлежала годи, хотя высшей законодательной властью юридически обладал альтинг, однако годи стремились его контролировать. Законоговорителями были многие выдающиеся люди своего времени: Ульвльот, создатель исландской «конституции»; Торгейр с Льосаватна, остававшийся законоговорителем 17 лет и провозгласивший введение христианства в Исландии в 1000 г.; Скафти, сын Тородда, который был законоговорителем 27 лет и в 1005 г. основал апелляционный Пятый суд, а впоследствии провел другие важные реформы. Позднее обязанность законоговорителя исполняли прославленные историки Снорри Стурлусон и Стурла Тордарсон[71].

При всей воинственности скандинавов того времени скандинавским переселенцам в Исландии удалось создать не просто мирное общество, но общество, где мир воспринимался как одна из высших ценностей. «В соответствии со стремлением к миру в людях более всего ценились те черты характера, которые способствовали установлению мирной совместной жизни, а это как раз и были добродетели старого родового общества: искренность, верность, великодушие и уважение к людям. Умение добиваться мира и решать все вопросы мирным путем ценилось больше, чем пыл и отвага, а миролюбивые и мудрые люди чаще всего избирались на высшие должности»[72].

---

[68] Самоуправление: от теории к практике. С. 9–10; *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 106, 210.

[69] *Спенсер Г.* Сочинения. Основания социологии. СПб., 1898. Т. II. С. 283–284.

[70] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 127.

[71] *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. С. 288–289.

[72] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 76.

Интересно, что вождей общинно-родового общества Европы, Азии, Африки и Америки мы знаем прежде всего по их военным делам. «Но мирных вождей родового общества мы знаем лишь по истории Исландии»[73].

«Страна, которая превратила рабов в свободных людей, в гостеприимных хозяев, а рабынь — в энергичных хозяек и матерей дальновидных борцов за дело своего народа, — эта страна оказала влияние и на народ, заселивший ее, что привело к замечательным изменениям в его социальном устройстве. <...> Эти люди создавали повое общество (“народовластие” — своего рода родовое общество, возрожденное в самых необычных условиях), и они хотели предотвратить возникновение в Исландии власти королей и крупной знати и всего, что привело к гибели родового общества на континенте. Таково было основное стремление этих людей»[74].

«*Мы, люди нового времени, не должны думать, будто мечты этих людей были менее дерзновенными, чем наши*»[75] (курсив мой. — *А.Ш.*).

Поселенцы Исландии сумели создать новое общество, следуя структуре дофеодальной Норвегии, но учитывая также и местные условия. «Конечной ступенью в постройке общественного здания было создание коллектива, охватывающего весь народ. <...> Создание единой народности с родовой организацией было высшей ступенью социального развития, достигнутой когда-либо родовым строем». Характерные черты этого трехсотлетнего общества, согласно Э. Ольгейрсону:

Создавалось единое общество, народ, а не государство. Система и режим управления исландского народовластия не являлись государственной властью в марксистском понимании этого слова.

В этом обществе не только не было государственной власти, а с нею и королевской, но и короля; и это происходило в то самое время, когда в Европе шел захват власти королями.

Это народовластие находилось в полном противоречии с теми характеризующимися наличием государственной власти обществами, которые в то же самое время развивались на континенте, и благодаря народовластию исландское общество бондов, не имевшее государственной власти и построенное на социальных принципах родового строя, достигло высшего развития, т.е. такого развития, какого не

[73] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 176.

[74] Там же. С. 66, 74, 75.

[75] Там же. С. 67.

достигал ни один из германских народов этой ступени развития общества — да, пожалуй, и не только германские народы[76].

Любопытно и показательно, что это общество достигло довольно высокого по тем временам уровня культуры. «Следует помнить, — подчеркивает Э. Ольгейрссон, — что культура эта создавалась и формировалась в течение первых двух веков народовластия в обществе трудящихся».

«Практическая наука древней Исландии характеризуется следующими моментами:

ею занимались трудящиеся совместно с предводителями народа;

она развивалась самостоятельно, не плетясь в хвосте западноевропейской науки того времени;

ее целью было служение интересам народа».

Исландский народ в это время знал и развивал такие отрасли знания, как *астрономия* (возникла как вспомогательная наука сельского хозяйства и мореплавания; уже в те века исландцы знали, что Земля шарообразна: это открытие сделал в XII в. Одди Звездочет из Рейкьядаля), *кораблестроение и искусство кораблевождения* (о чем особенно ярко свидетельствуют экспедиции в Гренландию и Винланд) и, наконец, *литература*, поражающая своим размахом, реализмом и разнообразием жанров (саги, стихи, тексты песен, поэмы, драмы; при этом большинство саг и стихов было запечатлено на пергамене и сохранилось). Высокоразвитая, самобытная, изумительная культура исландского народовластия стала возможной только в условиях этого народовластия и не смогла развиваться также успешно в последующий период государства и иностранного угнетения[77].

Однако сила историко-материалистических законов неумолима. В дело вмешалась, выражаясь языком марксизма, беспощадная критика истории. По мере развития земледелия и скотоводства, с усилением разделения труда и увеличением имущественного неравенства присущий хреппу и обществу в целом коллективизм стал постепенно приходить в противоречие со стремлением членов хреппа к индивидуальному присвоению продуктов труда, земли, скота. Стал набирать силу и процесс отчуждения социальной деятельности, начинающей проявлять свой особый интерес[78]. Хавдинги и некоторые годи все настойчивее пытались подчинить себе островное общество.

[76] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 76. С. 114–115.

[77] Там же. С. 211–225.

[78] Самоуправление: от теории к практике. С. 10.

К концу периода народовластия держатели земли зажиточных бондов (работники, вольноотпущенники и т.д.) составляли уже большую часть населения острова (насчитывавшего от 70 до 80 тыс. чел.). Держатель не лишался личной свободы, зависимость его от собственника не приобретала четко выраженных черт феодальной зависимости. Однако сокращение числа свободных земельных собственников-тружеников (бондов) постепенно подтачивало социальную основу народовластия.

«Около 1100 года, по-видимому, девять из каждых десяти бондов платили тинговый сбор. Подавляющее большинство бондов было тогда хозяевами своих земель. Они и их семьи являлись социальной основой народовластия, опорой демократии внутри страны и ее внешнеполитической независимости. Около 1300 года свободных бондов, владеющих земельными участками, стало гораздо меньше, нежели арендаторов, причем они стали значительно беднее по сравнению с 1100 годом. А в XV веке свободные бонды почти вовсе исчезли. Это резкое изменение положения трудящегося класса, бондов и их домочадцев в области землевладения является подоплекой всего социального развития этого периода»[79].

Сыграл свою роль и внешнеполитический фактор. Океан, длительное время более-менее надежно охранявший Исландию от европейских государств и феодалов, с развитием государственности на континенте, а также с развитием европейского мореплавания (в том числе и пиратства) становился все более слабой защитой.

«Противником Исландии стало грозное норвежское государство во главе с агрессивным господствующим классом, который в результате трехвековой борьбы разрушил норвежское родовое общество и его институты. Это государство господствующего класса было для исландских крупных хавдингов немалым искушением и обладало большой притягательной силой. Исландский же народ с опаской смотрел на него: это государство было монолитным и сильным, а господствующий класс, в руках которого оно находилось, был могущественным и умным. Норвежскому государству противостояло исландское народовластие, которое в XIII веке ослабело в результате раздоров между крупными хавдингами, изменившими народу и парализовавшими его силы. Поэтому силы сторон не были равными»[80]. В 1262–1264 гг. произошло подчинение Исландии норвежскому феодальному государству, которое воспользовалось раздорами внутри родовой знати — хавдингов.

[79] *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа... С. 255.

[80] Там же. С. 254.

Так закончилась история этого уникального безгосударственного общества эпохи государственности[81]. Говоря о значении данного стихийного социального эксперимента, заметим, что Исландия X–XII вв. — это, образно выражаясь, и Новая Атлантида, и прото-Утопия, и, пользуясь образом XX в., остров свободы — реальная, хотя и несколько прозаическая, материализация давней смутной мечты людей о справедливом обществе, золотом веке и идеальной земле, фактически одна из первых в истории человечества практопий.

***

Было бы несправедливо забыть о двух островных безгосударственных общественных спутниках Исландии периода народовластия — о фарерской и гренландской общинах.

Около 800 г. на Фарерских островах впервые появились норманны, вытеснившие небольшие общины ирландских монахов-отшельников, начавших жить здесь за менее чем 100 лет до этого. В следующие полвека шло заселение островов. Основой хозяйства жителей стало овцеводство, а также охота, рыболовство и торговля, а поначалу и морской разбой. Был сохранен привычный жизненный уклад, старинные обычаи, в том числе на первых порах и кровная месть. Был учрежден тинг в Торсхавне; принято христианство (между 1000 и 1005 гг.)[82]. Население островов постепенно росло и к середине XI в. составляло приблизительно 2–3 тысячи человек[83].

Хозяйство каждой семьи образовывало особую семейную общину, в которую входили не только супруги и их малолетние дети, но и семьи взрослых детей, не получивших выдела из хозяйства, а также безземельные работники, работавшие и кормившиеся в этом хозяй-

[81] Авторы второго тома «Истории Европы», пытаясь охарактеризовать столь необычное общество, как исландское периода народовластия, пришли к следующим оценкам: генезис феодализма в Исландии «законсервировался на уровне племенной аристократической республики» (С. 194); «Исландия оставалась политически самостоятельной аристократической республикой» (С. 188). На наш взгляд, такой подход несколько упрощает существо проблемы общественного устройства Исландии эпохи народоправства, особенно на ее начальных стадиях.

[82] *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. С. 272, 274, 325.

[83] Отправной позицией для такой оценки автору (А.Ш.) служит численность населения на 1300 г.: 270 домохозяйств с примерно 4 тысячами жителей (*Анохин Г.И.* На островах дождей. М., 1966. С. 27–28).

стве. Семейная община жила отдельным хутором или двором. Распаханные угодья становились собственностью поселившейся здесь семьи и передавались по наследству, а нераспаханные (пастбища, торфяники, гнездовья, озера и реки) считались общинной собственностью всех соседских хозяйств в поселении (*алменнигюр*). Семейные общины, связанные между собой взаимными правами и обязанностями, составляли соседские общины. С первых же десятилетий жизни норманнских поселенцев на островах установились определенные традиции пользования общинными угодьями и скотом. Овцы принадлежали всем соседским хозяйствам в поселении и никому конкретно. Каждое хозяйство имело право на ту долю шерсти после стрижки овец и на ту долю мяса после убоя овец, которая была пропорциональна доле пахотного наследственного участка хозяйства. Общинная собственность порождала совместный труд, коллективное решение бытовых вопросов, совместное проведение праздников, общинную взаимопомощь (*гранналаг*). Все это служило основой общинного самоуправления, называемого *граннастевна*. В граннастевне главную роль играли главы семей — крестьяне-землевладельцы. Как и в Исландии, здесь сложился общественно-политический строй народовластия — своеобразный союз вольных сельских общин, ведущих натуральное хозяйство. Такой уклад просуществовал почти двести лет до тех пор, пока Фарерские острова не потеряли независимость: в 1035 г. они были объявлены владением норвежской короны и превращены в лен[84].

Попытки создания подобных островных крестьянских республик были предприняты также на Гебридских, Оркнейских и Шетландских островах. «Мы мало что знаем о первых норвежских поселенцах, появившихся около 780 г. на Шетландских и Оркнейских островах, а чуть позже на Гебридах, но, судя по всему, это были мирные люди: все, что им требовалось, это пастбища для скота и возможность жить так, как они привыкли»[85]. Воинственные викинги появились здесь позднее, в середине IX в.[86] Значительно большая, чем у Исландии, географическая близость к феодальной Европе предопределила неудачу создания на этих островах свободного бесфеодального крестьянского общества.

[84] *Анохин Г.И.* На островах дождей. С. 16–17. Лен — вид феодального земельного пожалования какому-либо лицу на условиях выполнения им военной или гражданской службы.

[85] *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. С. 193.

[86] Там же.

2. Сельские гражданские общины и «крестьянские республики» средневековой Европы (VI–XVI вв.)

В наибольшей удаленности от феодальной Европы, уже в Западном полушарии планеты, возникла гренландская община, отпочковавшаяся от Исландского общества и существовавшая практически самостоятельно с 985 по 1261 гг. Поначалу она считалась колонией Исландии, но вскоре стала самостоятельной общественной единицей. Эта община состояла из двух частей — так называемых Восточного и Западного поселений. Наряду с тремя сотнями хуторов здесь было 17 церквей (христианство приняли в 1001 г.), два монастыря (женский и мужской) и усадьба (резиденция) епископа. Начало этому обществу положили 450 переселенцев из Исландии, в основном норвежцев по происхождению. В период наивысшего расцвета гренландской общины в XIII в. ее население составляло 3–5 тыс. чел. Это было абсолютно самостоятельное, независимое общество, своеобразная европейская крестьянская республика в Новом Свете, на острове никому еще в Европе не известного континента, который только спустя столетия будет открыт Европой и назван Америкой. Общественные институты здесь были организованы по исландскому образцу: народная республика со своим всеобщим тингом во главе, собственным сводом законов и судом. Но в 1261 г. гренландские поселенцы в силу целого комплекса обстоятельств добровольно подчинились Норвежскому государству (что не спасло поселения от упадка; в конце XV в. колония, практически забытая Норвегией, прекратила свое существование; ее последние жители пропали без вести)[87].

После эпохального, но тогда не оцененного открытия около 1000 г. гренландцем-норвежцем Лейфом Эйриксоном новых земель в Северной Америке — Хеллуланда, Маркланда и Винланда (побережье Баффиновой Земли, Лабрадора и Ньюфаундленда) — сюда в промежутке между 1001 и 1020 гг. было предпринято еще как минимум четыре путешествия, в том числе две попытки закрепиться на новых землях, основав там поселения. Самая масштабная такая попытка — поселение в Винланде примерно в 1005–1007 гг., просуществовавшее около трех лет (от 65 (60 мужчин и 5 женщин) до 160 человек по разным данным). Однако все попытки норманнов создать на вновь открытых, богатых природными ресурсами землях устойчивую колонию потерпели неудачу. В дополнение к внутренним неурядицам вмешалась неожиданная и весьма могучая сила —

[87] *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. С. 300; *Гуляев В.И.* Доколумбовы плавания в Америку: мифы и реальность. М., 1991. С. 121–126; Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М.; СПб., 2005. С. 816.

коренные жители скрелинги (скорее всего, индейцы, но возможно, эскимосы), с которыми не сложились отношения не в последнюю очередь по вине поселенцев-норманнов[88].

***

Самобытный и довольно длительный путь безгосударственного существования прошла Ирландия.

Гэльское (ирландское) общество имеет «тот специфический интерес, что оно сохранило до нового времени архаическую социальную организацию, которая не изменилась в основных своих чертах со времен бронзового века, но тем не менее оказалась совместимой с высокой степенью культурного развития, или "цивилизацией"»[89].

Хозяйство, на котором покоилось гэльское общество, было по преимуществу натуральным. По своей структуре общество как в экономическом, так и в политическом отношении было иерархическим. Хозяйственной ячейкой была *финна*, напоминавшая римскую *фамилию*, но превосходившая ее по размерам. Политической единицей являлся клан, соответствовавший римской трибе. Промежуточным звеном между кланом и финной был род, выполнявший как политические, так и хозяйственные функции. Основным социальным различием было различие между свободными и несвободными, причем признаком свободы в данном случае было право на долю земли рода.

Кланы сохраняли коллективную собственность на свои земли, раздаваемые для обработки семьям, и веками соблюдали другие обычаи родового строя (кровная месть, круговая порука, выборы старейшин-вождей).

Гэльское общество в политическом отношении не достигло полного единства, характеризующего территориальное государство. Оно приближалось к единству и все же скорей оставалось множественным по своему строению, хотя так называемый верховный король (*ард-риаг*) правил здесь уже за целое столетие до норманнского вторжения, точно так же как и множество подчиненных, но независимых провинциальных королей[90]. При внимательном рассмотрении бесспорным представляется тот факт, что верховный король был фак-

[88] *Гуляев В.И.* Доколумбовы плавания в Америку: мифы и реальность. С. 111–114; *Джонс Г.* Викинги: Потомки Одина и Тора. С. 308–309; Эпоха крестовых походов. С. 817.

[89] *Джексон Т.А.* Борьба Ирландии за независимость. М., 1949. С. 43.

[90] Там же. С. 45.

тически верховным вождем, а провинциальные короли — вождями. Таким образом, гэльское общество являлось федерацией вождеств, а с какого-то этапа — сложным вождеством. Должность короля носила до известной степени выборный характер; его мог смещать совет вождей, санкция которого была необходима и при избрании короля. Даже когда на более поздней стадии должность короля фактически стала наследственной, это одобрение было необходимо и, случалось, совет вождей в нем отказывал.

Термин «провинциальный король» является довольно неудачным. Это не был король, к тому же он не управлял провинцией. Привычное для историков территориальное разделение Ирландии на четыре провинции первоначально было проведено церковью в целях церковного управления. Этим провинциям присвоили названия местных федераций — *кинелей* или *таутов*. Ри-мор (Ri-mor), считавшийся главой федерации, облекался властью скорее чисто церемониального характера, чем фактической. Здесь снова перед нами явно переходная форма между родовым обществом и территориальным государством. По традиции Ирландия долго была разделена между пятью такими федерациями (пятая добавилась в исторические времена). Несмотря на такую длительную политическую раздробленность, в ирландском обществе существовало сознание всеирландской общности[91].

Завоевание Ирландии, начатое норманами и продолженное англичанами, затянулось до времени Тюдоров и затем до первых Стюартов, прежде чем приблизиться к концу. В XIII–XVI вв. история Ирландии вне укрепленного английского колониального района, получившего название *Пэйл* (*Пэль*), что означает «ограда», в целом выглядела так: англо-нормандские лорды со своими собственными войсками продвигались по большой центральной равнине, по долинам больших рек вверх и вниз по течению, а ирландцы забирали скот и вместе с ним отступали в горы и леса или в потаенные места болотистого района. Территория Пэйла постепенно расширялась. Ирландцы оказывали захватчикам ожесточенное сопротивление[92].

Таким образом, с началом английского вторжения весь остров оказался разделен на две фактически самостоятельные как в экономическом, так и в политическом отношении части — Пэйл и непокоренную Ирландию (Айришри). Обе эти части практически находились в состоянии непрерывной войны[93].

[91] *Джексон Т.А.* Борьба Ирландии за независимость. М., 1949. С. 46.

[92] Там же. С. 53–54.

[93] История Ирландии. М., 1980. С. 42.

Экономическое развитие независимой части острова — Айришри — тормозилось завоевательными войнами английских колонизаторов, переходом в их руки наиболее плодородных земель, наиболее важных прибрежных районов и ремесленно-торговых центров. Большой ущерб был нанесен земледелию; преобладающей отраслью хозяйства стало скотоводство, что обусловило полукочевой образ жизни части населения. Процесс складывания феодальных отношений в Айришри был заторможен, сохранялись в силе общинное землевладение, клановые обычаи, древние (брегонские) законы. Феодальная зависимость почти отсутствовала, хотя рядовые члены кланов несли многочисленные повинности (преимущественно натуральные) в пользу клановых вождей. Постепенно, особенно с XIV–XV вв., Айришри стала втягиваться в торговый обмен с Англией, Испанией, Францией.

Брегонские законы — общее наименование свода кельтского обычного права Ирландии, сложившегося в основном в период разложения первобытнообщинного строя. Брегоны (ирл. — судьи) в древней Ирландии хранили и устно передавали эти законы. Наиболее важная часть этих законов была записана на гэльском языке комиссией из лиц при верховном короле Лэри между 432 и 441 гг. по предложению христианского миссионера Патрика, который вошел эту комиссию. Эта часть законов содержала: 1) залоговое право, 2) статьи о заложниках во время междоусобиц, 3) статьи о должниках, 4) семейное право. Брегонские законы действовали вплоть до 1605 г., когда они были отменены английским правительством[94].

Уникальность Айришри состояла в том, что это общество, на протяжении многих веков являясь безгосударственным (в политической форме предгосударственного сложного вождества) и нефеодальным (родовым), сумело противостоять крупнейшему феодальному государству мира — Англии. Попыткам англичан навязать Ирландии феодализм извне гэльское безгосударственное общество в течение нескольких веков активно сопротивлялось. Однако территория Айришри под натиском могущественных завоевателей постепенно сокращалась, и к концу XVI в. это общество потерпело окончательное поражение.

Поражению Айришри способствовала политическая межклановая раздробленность, проявлявшаяся в многочисленных раздорах и усобицах вождей, которыми пользовались английские завоеватели[95].

[94] История Ирландии. М., 1980. С. 69–70.

[95] Там же. С. 42.

Пытаясь подорвать клановый строй и подчинить себе верхушку гэльского общества, англичане действовали весьма изощренно. Вождя вначале осыпали титулами, почестями и давали ему субсидию, в ответ на что он должен был стать проводником английского влияния. Если он соглашался с этим планом, его немедленно, с помощью «магии» британского закона, делали владельцем всей территории клана; члены его клана, если они покорялись, становились его арендаторами либо пожизненно, либо на срок, либо по воле лорда. Если он принимал титул, но не вводил систему английских феодальных держаний, то объявлялся изменником, поместья его конфисковались, а условия английского феодального держания навязывались клану силой. Если кланы возмущались вместе с новым лордом-вождем или против него, то посылалась карательная экспедиция, достигавшая желаемого результата[96].

В 1605 г. клановая система в Ирландии была англичанами отменена. Захватчики ввели феодальную систему поземельных отношений, что сопровождалось обезземеливанием массы мелких крестьян. Англичане виртуозно применили принцип «разделяй и властвуй»: «крестьянам, имевшим более 60 акров земли, были пожалованы их земельные участки на правах фригольда, у остальных земли отбирались»[97]. Все попытки ирландцев вернуться к независимости и возродить свободное от англичан общество, активно предпринимавшиеся на протяжении XVII в., закончились поражением и еще большим закабалением ирландского народа.

***

Если исландское общество переселенцы создали на новой земле, вдали от феодальной Европы, а ирландское общество изначально сопротивлялось внутренней и внешней феодализации, консервируя общинно-родовые отношения, то Швейцария явила собой пример победы над уже, казалось бы, восторжествовавшими феодальным строем и феодальной государственностью. Вольная Швейцария заявила о себе тогда, когда в Исландии эпоха народовластия ушла уже в безвозвратное прошлое. Швейцария как бы подхватила во времени эстафету безгосударственности у Исландии.

Оговоримся сразу: не все районы средневековой Швейцарии и не всегда можно считать безгосударственными и бесфеодальными.

[96] *Джексон Т.А.* Борьба Ирландии за независимость. С. 61.

[97] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 61–62.

Сложность, гетерогенность социально-экономического и политического строя земель, постепенно вошедших в Швейцарский союз, очевидна. Однако здесь нашлось место и безгосударственной истории.

В I–V вв. н.э. территория современной Швейцарии находилась в составе Римского государства. В раннем Средневековье почти вся территория Швейцарии вошла в состав Франкского государства. В VI–VII вв. завершилась христианизация. В XI в. стала составной частью Священной Римской империи (за исключением небольшой части). К этому времени территория Швейцарии в политическом отношении была разделена на множество самостоятельных и полусамостоятельных графств, сеньорий, аристократических республик, церковных владений.

В XIII в. возросла роль лесных кантонов — Швица, Ури и Унтервальдена, контролировавших горные проходы. В 1231 г. Ури, а в 1240 г. Швиц получили права имперских территорий. Габсбурги, не признавшие этих прав, в 1245–1252 гг. пытались завоевать Швиц. На помощь Швицу пришли Ури и подвластный (с 1200 г.) Габсбургам Унтервальден, заключившие в 1273 г. между собой первый временный союзный договор. Габсбургам удалось подчинить Швиц. Союз трех кантонов распался[98].

В 1291 г. три кантона вновь заключили (на этот раз уже «вечный») союз для борьбы за свободу. Первую решающую победу швейцарцы одержали в 1315 г. в битве при Моргартене (южнее Цюрихского озера), где войска Габсбургов были разгромлены крестьянской пехотой[99]. «В то время, как в других частях империи <...> избиратели, герцоги, графы и духовные князья созидали государство с абсолютной властью, на берегах Люцернского озера образовывалась республика, где властвовала воля народа <...>»[100]. Так возник и утвердился Швейцарский союз, который в течение последующих двух веков упорно и успешно продолжал отстаивать свою свободу и политическую независимость, оставаясь фактически безгосударственным обществом.

По мнению авторов второго тома коллективной фундаментальной монографии «История Европы», борьбу конфедерации швейцарских кантонов против Габсбургов можно рассматривать как составную

[98] *Ван-Мюйден Б.* История швейцарского народа. СПб., 1898. Т. I. С. 64–69; *Чистозвонов А.И. и др.* Швейцария. Исторический очерк // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. С. 157–159.

[99] История Европы. Т. 2. С. 279, 303; *Крашенинников В.Л., Драгунов Г.П.* Швейцария знакомая и незнакомая. Путевые очерки. М., 1970. С. 164–166, 177.

[100] *Ван-Мюйден Б.* История швейцарского народа. С. 189.

часть крупных крестьянских восстаний западноевропейского региона. Уже во второй половине XIV в. Швейцарская Конфедерация охватила большую часть современной территории Швейцарии, составив своеобразную крестьянскую республику, соблюдавшую также интересы входивших в нее вольных городов. В 1385 г. при Земпахе Швейцарская Конфедерация вновь разбила большую армию Габсбургов, фактически окончательно утвердив свою независимость. На долгие годы она стала примером для подражания крестьянским массам региона в их борьбе с феодалами, особенно в Юго-Западной Германии[101]. «Битвы при Моргартене, Лаупене, Земпахе и Нэфельсе имели не только политическое, но и социальное значение. Дворянство, поддерживавшее Австрию, будучи разбито и разорено, потеряло свое значение; представители его были вынуждены для поддержания своего существования просить о принятии себя в число граждан соседних с ним городов. Дворяне заседали в городских советах бок о бок с разбогатевшими благодаря торговле и промышленности буржуа и образовали вместе с ними сословие патрициев. В то время как за пределами Рейна и Альп торжествует монархическая идея, в то время как на развалинах швабской лиги утвердилась власть графов Вюртембергских, в то время как итальянские города отказываются от самоуправления и предоставляют власть наследственным подестам, — республиканская идея утверждается в Швейцарии, а феодализм падает»[102].

Характеризуя первый, героический, период истории Швейцарской Конфедерации, историк Ван-Мюйден отмечал, что «четырнадцатый век был для швейцарцев периодом молодости и героизма. <...> Энергичные военачальники, ведшие первых швейцарцев к победам при Моргартене, Лаупене, Земпахе и Нефельсе, имели удивительное влияние на массы; их авторитет был непоколебим, командуемые ими воины шли с непреодолимым рвением; их не могло остановить никакое препятствие; в их рядах царствовало согласие. Дух завоевания и жадность, овладевшие начальниками лиги в пятнадцатом веке, еще не появились тогда. На заре своей независимости швейцарцы выказывают себя скромными в победах, они требуют только того, что считают принадлежащим им по праву. <...> Личность начальников не имела значения, их имена остаются часто неизвестными. Решение гнездится в воле целого народа; в Швейцарии не возникло идолопоклоннических поклонений, приведших к погибели некоторые монархии; граждане строго контролируют лиц, облеченных их доверием.

[101] История Европы. Т. 2. С. 297.

[102] *Ван-Мюйден Б.* История швейцарского народа. С. 254.

<...> Знаменитый Вальдманн, победитель при Муртене, попытался стать диктатором и поплатился головой за нарушение законов».

Но были и теневые стороны, достойные порицания. «В своих распрях с монахами Эйнзидельна швиценцы были несправедливы и жестоки; великодушные при осаде Солотурна, конфедераты выказали себя безжалостными в Раппершвиле. <...> Швейцарские города, подобно итальянским республикам, страдали от разделения на партии; они долгое время помнили кровавые ночи (Mordnacht), во время которых были в зародыше уничтожены заговоры, имевшие целью лишить их независимости»[103].

Анализируя причины устойчивости Швейцарской Конфедерации, историк Ван-Мюйден писал: «Более счастливая, чем швабская, рейнская и ломбардская лиги, просуществовавшие недолго, гельветская лига устояла против много раз возобновляемых натисков Австрийского дома. Этому, конечно, способствовало географическое положение, но главную причину этой устойчивости конфедерации Лесных кантонов следует искать в характере швейцарской нации»[104]. Особо в этой связи следует сказать о военной организации молодого швейцарского общества. «Рыцарям, военным по профессии, швейцарцы с успехом противопоставляли систему всеобщего вооружения нации; они вернулись ко всеобщей воинской повинности древних германцев, оставленной со времени Карла Великого. <...> Изучая прекрасные военные кампании швейцарцев, видишь, что они ничего не предоставляли случаю, что начальники союзных отрядов заранее распределяли роли, прежде чем приступить к военному действию, и в высшей степени обладали искусством сосредоточения в решительный момент всех сил в одном определенном месте, нанося этим решительный удар. Первые походы швейцарцев совпадают с изобретением пороха. <...> Древнейшие пушки Швейцарии были куплены городом Базелем в 1371 г.; шесть лет спустя Сен-Галлен приобрел тоже 11 пушек, а бернцы впервые воспользовались пушками в 1383 г., при осаде Бургдорфа. <...> Каждый воин должен был сам заботиться о своем вооружении и о своем пропитании и становился под знамена своего квартала или своей корпорации. Впрочем, города, вынужденные быть наготове и защищать свои ворота, имели оплаченных страж, расход на которых покрывался особой податью; кроме того, иногда образовывались группы волонтеров»[105].

[103] *Ван-Мюйден Б.* История швейцарского народа. С. 237–238.

[104] Там же. С. 238.

[105] Там же. С. 252–253.

В XV в. союз продолжал расти. В декабре 1481 г. на сейме в Станце (Штансе) было заключено соглашение 10 кантонов (Ури, Швиц, Унтервальден, Люцерн, Цюрих, Гларус, Цуг, Берн, Фрейбург, Золотурн). Стансское соглашение рассматривалось Швейцарской Конфедерацией как окончательное расторжение связей с империей. Очередной конфликт с империей (т.н. *Швейцарская* или *Швабская война*) в 1499 г. закончился победой швейцарцев и установлением независимости: империя отказалась от всяких притязаний на подати со Швейцарии. В XVI в. территория Швейцарского союза увеличилась за счет еще трех кантонов — Базеля, Шаффгаузена (1501 г.), и Аппенцеля (1513 г.), а также некоторых земель, присоединенных в ходе борьбы Берна с Савойей (Ваадт и др.). Теперь в союз входило 13 полноправных кантонов. Население страны к 1500 г. достигло примерно 850 тыс. чел.[106]

«В продолжение двух веков конфедерация одерживала <...> почти непрерывный ряд успехов, беспримерных в истории. В победах, одержанных при Моргартене, Лаупене, Земпахе, Нефельсе, Грансоне, Муртене, Нанси, Джорнико, Дорпеке и Новаре, а также в поражениях при Сен-Жаке и Мариньяно конфедераты выказали не только неукротимую храбрость, но также удивительную дисциплину и знание тактики. Победив одних за другими австрийцев, бургундцев, савойцев, миланцев, швабов и французов, они были вправе считать себя непобедимыми и, на одно мгновение, вершителями судеб Европы. Тогда как многие, похожие на швейцарскую, лиги, образовавшиеся в недрах германской империи, просуществовали весьма недолго, союз 1291 г. не только удержался, но и распространился от Рейна и Юры до Альп и итальянских озер благодаря ряду присоединений, сделанных за счет Австрии, Савойи и герцогства Миланского, и стал независимым от империи»[107].

Политический строй Швейцарского союза с момента возникновения союза представлял собой конфедерацию без постоянных органов центральной власти и без объединения вооруженных сил. Общие вопросы решались полномочными депутатами кантонов на союзных сеймах — *тагзатцунгах*. Кантоны представляли также свои союзные земли, а фогства, которые были завоеваны отдельными кантонами или конфедерацией в целом, управлялись фогтами, назначенными конфедерацией или властями кантонов. Эти земли были лишены всяких политических прав и являлись объектами эксплуатации и вымо-

[106] История Средних веков. Т. II. С. 90.

[107] Ван-Мюйден Б. История швейцарского народа. С. 396.

гательства правящей олигархии кантонов. Экономическая структура кантонов была в этот период весьма пестрой, но для значительной их части характерна неразвитость феодальных отношений, длительное сохранение общины-марки и наличие довольно большой, по сравнению с другими странами, прослойки свободного крестьянства[108].

Таким образом, в ходе освободительной борьбы XIII–XIV вв., принесшей не только территориальное (национальное) освобождение от Священной Римской империи и Габсбургов, но и, в известном смысле, освобождение социальное (был остановлен процесс феодализации на значительной территории будущей Швейцарии), большинство крестьянских общин в лесных кантонах либо захватили земли светских и духовных феодалов, либо выкупились у них, что привело к преобладанию свободного крестьянства. При этом в завоеванных фогствах феодальные порядки сохранились в полной неприкосновенности[109]. Тем не менее Швейцария в течение нескольких веков представляла собой относительно бесфеодальный и в известной мере безгосударственный остров свободы в западноевропейском море феодализма. «Любопытно отметить, что много раз пытавшееся восстать в XV–XVI вв. юго-западное немецкое крестьянство прямо заявляло устами участников этих восстаний, что их целью было “мужицкое управление”, имея, вероятнее всего, перед своими глазами организацию лесных кантонов Швейцарии, своих соседей, которым они завидовали и куда они бежали, когда их попытки кончались неудачей»[110].

Идеальный образ Швейцарии как «крестьянского царства», будораживший умы европейского крестьянства, не вполне соответствовал действительности. Значительная часть обедневших крестьян лесных кантонов, не находя применения на родине, поставляла всем европейским дворам военных наемников, что подрывало патриархальные отношения в этих кантонах[111].

В XVI в. Швейцария стала одним из центров европейской религиозной реформации. Однако протестантизм не смог одержать победу везде: Люцерн, Фрибур, Швиц, Ури, Вале, Тичино и некоторые другие кантоны так и остались католическими[112]. По численно-

[108] История Средних веков. Т. II. С. 90.

[109] Там же. С. 91.

[110] *Сказкин С.Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века. С. 362.

[111] История Европы. Т. 2. С. 303.

[112] *Крашенинников В.Л., Драгунов Г.П.* Швейцария знакомая и незнакомая. С. 178.

сти между католиками и протестантами в Швейцарии постепенно сложилось примерно равное соотношение[113].

Однако постепенно шел процесс эволюции Швейцарского союза в сторону стандартной цивилизации. На рубеже Средних веков и Нового времени швейцарское общество было уже несколько иным. В отсталых лесных кантонах ежегодно под открытым небом продолжали созываться народные собрания, которые, однако, уже стали послушным орудием замкнутой, связанной узами родства олигархии из числа богатых землевладельцев и офицерского корпуса наемнических войск. В городских кантонах безраздельно господствовали патрициат и феодальное дворянство. Эти кантоны стали маленькими аристократическими республиками.

Внутри союза шла постоянная борьба между горными (лесными) и городскими кантонами за господствующее положение в конфедерации, а также борьба между отдельными конкурирующими городами и между кантонами и фогствами. Острая социальная борьба шла и внутри кантонов, особенно в городах (между патрициатом, ремесленными цехами и нарождающейся буржуазией). Крестьяне выступали как против феодалов, так и против городов, которые эксплуатировали их в своей округе не менее феодалов. Неразрешенные социальные противоречия приводили к открытым восстаниям. В 1653 г. мощная крестьянская война охватила кантоны Базель, Берн, Люцерн, Золотурн, Цюрих и др. Затем последовали восстания против городской олигархии в Женеве (1707 г.), Цюрихе (1713 г.), Берне (1749 г.), Женеве и Фрейбурге (1781–1782 гг.)[114]. Как отмечал Ван-Мюйден, «после двухвековой славы конфедерация пребывала в продолжение трех веков в глубоком политическом упадке <...>»[115].

Вплоть до 1798 г. в Швейцарской Конфедерации отсутствовал постоянный центральный орган; периодически созывались общесоюзные сеймы — тагзатцунги, где право голоса имели только полноправные кантоны: общесоюзных администрации, войска и финансов не было. Внутренняя социально-политическая организация отдельных кантонов отличалась пестротой[116].

---

[113] Настольная книга атеиста. М., 1975. С. 72. К 70-м гг. XX в. в составе всего населения страны (включая иностранцев) протестантов было 48%, католиков — 49%. Среди собственно швейцарских граждан соотношение двух основных конфессий было несколько иное: протестанты — 55%, католики — 43% (Там же).

[114] Новая история (первый период). М., 1972. С. 688.

[115] *Ван-Мюйден Б.* История швейцарского народа. С. 396.

[116] *Чистозвонов А.Н. и др.* Швейцария. Исторический очерк. С. 162.

Была ли Швейцарская Конфедерация в XIII–XVIII вв. государством? Может ли вообще такое общество считаться государственным? Согласно авторитетному мнению А.С. Ященко, «главная особенность конфедерации с политической точки зрения может быть сведена к двум основным положениям: соединение сохраняет свободный договорный характер, и компетенция союза над своими частями очень ограничена. Из того положения, как конфедерация есть свободное договорное отношение, следует, что она не носит государственного характера и не имеет суверенной власти над составляющими ее частями. Каждая договаривающаяся часть сохраняет свою верховную власть. Суверенитет принадлежит не целому, а частям. Расширение или ограничение компетенции союза по отношению к части исключительно зависит от воли этой части»[117].

Эта характеристика вполне подходит к Швейцарии первых двух веков ее существования и, отчасти, к последующим за ними XVI–XVIII векам.

***

Настойчивых попыток пойти швейцарским путем на протяжении всего средневековья не оставляло крестьянство германоязычных земель.

После движения конца XI в. в Саксонии и Тюрингии наиболее мощным и длительным было восстание крестьян против архиепископов Бремена и графов Ольденбурга.

Уже в XI в. бременские архиепископы владели большими территориями севернее реки Хунта. Крестьянам из Нидерландов и окрестных немецких провинций, поселившихся на этих землях, были предоставлены значительные льготы: наследственность наделов, весьма низкие оброки и право самоуправления. Создав свою общинную организацию — Deichgenossenschaft (от *deich* — плотина), переселенцы долгие годы трудились над осушением болот и освоением нови.

На рубеже XII–XIII вв. архиепископ и граф стали лишать местных крестьян договорно предусмотренных льгот и развернули строительство бургов, в которых разместили своих министериалов. Однако крестьяне, основав на базе общинного объединения военную организации, в самом начале XIII в. напали на бурги и разрушили часть из них. Свою новую организацию они назвали Союз штедингов (от stedinger — береговой житель) и даже изготовили печать с этим

[117] *Ященко А.* Международный федерализм... С. 358.

названием. В начале 20-х гг. XIII в. новый архиепископ пытался силой подчинить штедингов, но крестьяне сами перешли в наступление, разгромили его войско, разрушили монастырь и захватили важнейшие бурги. Власть восставших теперь распространялась на большую территорию, к ним отовсюду стекались крестьяне. Архиепископ добился у римского папы объявления повстанцев еретиками и призыва к крестовому походу против них. Было создано войско из феодалов Бремена, Фландрии, Брабанта, Голландии, Геннегау, Гельдерна, Равенсберга, Клеве, Юлиха, Берга, Вестфалии, Липнской земли. В 1223 г. это войско обрушилось на штедингов, но потерпело сокрушительное поражение. Новое войско феодалов отважилось напасть на земли штедингов только в 1234 г., и сделало оно это только со стороны моря, где имелось меньше оборонительных сооружений С большим трудом феодалы на этот раз смогли одержать победу. Ополчение Союза штедингов было уничтожено, их земли отданы на разграбление, часть населения крестьянской республики уничтожена[118].

Во Фрисландии, в Дитмаршене и частично во Фландрии длительное время (веками) сохранялись «совершенно независимые общины, оставшиеся даже незатронутыми» (по мнению Э. Реклю, из-за благоприятной географической среды, в данном случае — болот). «Болото защищало их лучше, чем проливы океана защищали островные народности»[119].

Хотя во Фландрии рано и в завершенных формах сложились феодальные отношения, обитатели осушенных коллективным трудом болотистых «новых земель» оставались долгое время свободными людьми. Из близлежащих общин они образовывали настоящие республики — федерации общин, основанные «на общих выгодах и взаимной любви». Лишь в результате наступления феодалов эти республики прекратили свое существование в XII–XIV вв.[120]

Во Фрисландии, входившей в состав сначала империи Каролингов, затем норманнского герцогства и с 870 г. — Германского королевства, следы феодального строя на протяжении почти всего Средневековья сохранялись лишь в монастырях. Крестьянство, подвергшееся при Каролингах феодализации, в основной своей массе стало вновь лично и поземельно свободным и жило самоуправляющимися сельскими общинами по законам своих древних «правд»

[118] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 175–176.

[119] *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 10–11.

[120] *Там же*; Эпоха крестовых походов. С. 515.

(«Фризская правда»). Прослойка богатых землевладельцев складывалась медленно, и до XVI в. в Фрисландии так и не сложилось ни дворянства, ни развитого феодализма. В 1515 г. Карл Габсбург (будущий император Карл V) купил суверенные права на Фрисландию, и в 1524 г. она была включена в состав Бургундского округа империи со статусом наследственной сеньории, став одной из 17 нидерландских провинций, подвластных Испании. Актом 1532 г. во Фрисландии были созданы Штаты, где заседали по 3 делегата от дворян, городов и крестьянских общин. В 1532–1535 гг. Фрисландия стала (видимо, неслучайно) ареной деятельности революционных анабаптистов, а в 1572 г. присоединилась к восстанию против Испанской империи и в 1579 г. подписала Утрехтскую унию, войдя в состав Соединенных провинций[121].

На особое социальное устройство Фрисландии и на длительное и успешное сопротивление феодализации не в последнюю очередь повлияли, по мнению Э. Реклю, природно-географические условия: «Пути сообщения были чрезвычайно затруднены со стороны моря вследствие недостаточной глубины его у берегов и господства сильных бурь, [а] со стороны суши — вследствие обилия болот и трясин. Осушенные плодородные пространства, занимающие местность, которая лежит посередине между этими препятствиями, являются островами, коих не коснулись войны и завоевания. Люди, населявшие их, из века в век пользовались свободой, жили совершенно забытыми и разве лишь после какого-нибудь ужасного наводнения были принуждены покидать свои убежища»[122].

Наиболее удивительным островком такой свободы в феодальном окружении являлся Дитмаршен — территория на севере Германии, представлявшая собой довольно обширную низменную равнину площадью около 1,4 тыс. кв. км. В раннее средневековье Дитмаршен был заселен восточными саксами, а с XIII в. также и фризами. Находясь с конца XII в. в номинальной ленной зависимости от архиепископов Бременских, Дитмаршен в XIII в. фактически обрел независимость, превратившись в своеобразную крестьянскую республику, представляя совокупность соседских общин-марок (Kluften). Республика управлялась тремя выборными коллегиями; ежегодно в Мельдорфе происходили народные собрания (в основном это были собрания бо-

[121] *Чистозвонов А.Н.* Фрисландия // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. С. 439–440.

[122] *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. I. С. 266.

гатых родовых фамилий). «В моей земле, в Дитмаршене, не было никогда рабов», — с гордостью сказал как-то один из потомков граждан Дитмаршена, историк Нибур. Жители Дитмаршена долго отстаивали свою независимость в борьбе с Данией (победа при Хеммингштедте 17 февраля 1500 г.). Лишь в 1559 г. область была покорена датскими феодалами, в результате чего крестьянская республика прекратила свое существование[123].

В истории крестьянских восстаний в Германии с конца XIV в. и особенно с начала XV в. заметную роль стал играть швейцарский пример. В 1401 г. началась т.н. война аппенцеллов. К созданному крестьянами деревни Аппенцелла союзу присоединились крестьяне Тироля, Форальберга, Рейнталя, Тургау и Тоггенбурга. По примеру швейцарцев крестьяне создали самостоятельную федерацию «Озерная лига», которая просуществовала несколько лет. В течение ряда лет крестьяне успешно сражались и наносили поражения войскам феодалов. В ходе войны, продолжавшейся с небольшими перерывами десять лет, аппенцеллы проявили исключительную организованность и последовательность. Они создали строгую воинскую организацию швейцарского образца и пытались сформировать свои органы власти. Даже после того, как восстание было разгромлено, феодальные власти предпочли разрешить присоединение аппенцеллов к Швейцарскому союзу[124].

Под влиянием успехов восстания в Аппенцелле крестьяне соседней швабской территории Альгау образовали свой союз, упорно сражавшийся против феодалов. Крестьяне Альгау потерпели поражение, однако их выступление помогло аппенцеллам добиться успехов.

Крестьяне Штирии и Каринтии в 1572 г. пытались создать т.н. Виндскую республику. В этом движении активно участвовало около 20 тыс. человек[125].

***

В XII–XIII вв., во время освобождения сервов и после него, повсюду во Франции выросла и окрепла роль сельской общины. Этому способствовал отток рыцарей в крестовые походы на Восток,

[123] Дитмаршен // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. С. 242; Реклю Э. Человек и Земля. Т. IV. С. 10–11.

[124] История крестьянства в Европе. Эпоху феодализма. Т. 2. С. 378; История Европы. Т. 2. С. 296.

[125] История крестьянства в Европе. Эпоху феодализма. Т. 3. С. 141.

а также воздействие городских коммун. Особой формой классового сопротивления крестьян стала борьба за официальное признание сельских коммун, за деревенское самоуправление. Результатом этого было приобретение рядом общин прав на самоуправление. Мэр общины и эшевены-присяжные избирались в таких деревнях самими крестьянами. Интересы сеньора представлял специальный виллик, права которого сводились к контролю за выполнением повинностей. Это было ограниченное самоуправление[126].

Одновременно ряд сельских коммун Франции, под прямым или косвенным влиянием коммунального движения в городах, добился большего, образовав федеративные коммуны — подобие крестьянских республик, независимых от феодалов. В отдельных местностях северной Франции близлежащие сельские коммуны образовывали в XII–XIII вв. лиги, имевшие общую казну и даже свое ополчение.

«Воздействие городов на деревни — один из крупных общественных фактов XII и XIII вв.; муниципальная свобода во всех видах своих передавалась от городов деревням действием ли примера и заразительностью идей, или в силу политической опеки, принятой на себя городом над деревней, или вследствие территориального присоединения деревни к городу. Мало того, что населенные бурги стремились к вольностям и привилегиям замкнутых городов; в некоторых местностях севера [Франции] новое городское устройство, коммуна на присяге, было усвоено, удачно или нет, простыми деревнями или союзами жителей нескольких деревень»[127].

Возникавшие во Франции в XIII–XIV вв. союзы (лиги) самоуправляющихся сельских общин-коммун охватывали иногда по несколько деревень. В графстве Понтье появилось 24 сельские коммуны, в Лаонэ и Пикардии — по несколько десятков[128]. Коммунальная федерация лаонезцев (область Лаонэ), возникшая в начале XII в. и включавшая в себя 17 деревень, просуществовала 150 лет, упорно боролась за свою независимость и исчезла лишь в середине XIII в.

[126] *Керов В.Л.* Народные восстания и еретические движения во Франции в конце XIII — начале XIV века. М., 1986. С. 39; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 111.

[127] *Тьерри О.* История происхождения и успехов третьего сословия. М., 1899. С. 62.

[128] *Колесницкий Н.Д.* Феодальное государство (VI–XV вв.). М., 1967. С. 92–93.

(1256 г.)[129]. Сельским коммунам Франции не удалось упрочить свои позиции, и в XIII–XV вв. все они погибли. Этому способствовали, во-первых, процесс развития товарно-денежных отношений, который вел к расслоению крестьянства и размыванию некогда сильной общины, и, во-вторых, начавшееся в 40-е гг. XV в. укрепление центральной королевской власти.

***

Повсеместное существование сельских коммун являлось одним из наиболее примечательных фактов итальянской истории периода расцвета феодализма. Это были многочисленные достаточно независимые и самостоятельные крестьянские организации, сохранявшие свою силу и прочность на протяжении нескольких веков[130].

Процесс становления сельских коммун в Италии был длительным, сложным, наполненным беспрерывными столкновениями с духовными и светскими феодалами. XII–XIV века были периодом, когда большая часть сельских коммун северной и средней Италии, одержав победу в борьбе с феодальными сеньорами за собственность или широкое распоряжение общинными угодьями, а также приобретя политико-административную автономию, достигла высшей степени своей самостоятельности и свободы, закрепленной в статутах, которые они сами и издавали. Однако лишь немногие коммуны (главным образом в *горных районах Альп и Апеннин*) смогли сохранить свою самостоятельность на сколько-нибудь значительный срок. Высшим этапом в развитии сельских коммун в северной и средней Италии были федерации, включавшие в себя несколько десятков мелких коммун, подчинявшихся коммуне-главе федерации и имевших широкую политико-административную автономию[131].

В XIV–XV вв. начался упадок системы сельских коммун в северной и средней Италии. Господство феодалов, против которого боролись и которое в той или иной мере устраняли сельские общины и коммуны, очень часть сменялось подчинением сельской коммуны городу[132].

---

[129] Эпоха крестовых походов. С. 515; *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 21; *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. С. 212.

[130] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 142.

[131] Там же. С. 143, 145, 351.

[132] Там же. С. 351.

3. Городские общины-коммуны Западной Европы и их федерации (X–XIV вв.)

Большинство феодальных городов Западной Европы были поначалу не чем иным, как поселениями беглых крестьян. Конечно, они оказывались в некоторой зависимости от того феодала, который был верховным собственником данной местности. Но эта зависимость носила уже смягченный характер: личная крепостная зависимость, как правило, уже не распространялась на горожан-ремесленников. Опираясь на общинные порядки, перенесенные из деревни и принявшие в городе характер цехов, горожане-ремесленники оказывали сильный отпор притязаниям сеньора города, а так как они не находились в экономической, поземельной зависимости от него, то и могли одерживать победы над ним — достигать административной и юридической независимости города, самоуправления (в Западной Европе)[133]. «Не каждый "город", — отмечал М. Вебер, — в экономическом смысле и не каждая крепость, где действовало особое в политико-административном смысле право жителей, были "*общиной*". Как массовое явление городская община в полном смысле этого слова известна только Западу и лишь отчасти странам Передней Азии (Сирии, Финикии, быть может, Месопотамии), причем там лишь время от времени наблюдались начатки такого развития»[134]. И далее, подчеркивая уникальность городской общины как особого социального явления, М. Вебер уточнял: «Полностью "городскими общинами" <...> были лишь некоторые города средневекового Запада, в XVIII в. лишь очень незначительная их часть. А города Азии, насколько это в настоящее время известно, если оставить в стороне отдельные возможные исключения, вообще не были таковыми или обладали лишь ростками такого развития»[135]. «Каковы же были отличия и своеобразие Европы?» — задавал вопрос яркий представитель французской исторической школы «Аналлов» Ф. Бродель и отвечал: «*Ее города существовали под знаком не знавшей себе равных свободы; они развивались как автономные миры и по-своему*»[136] (курсив мой. — *А.Ш.*).

---

[133] *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. С. 91.

[134] *Вебер М.* Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 322–323.

[135] Там же. С. 323.

[136] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 541.

Крестьяне привнесли с собой в город старые обычаи управления по марковому (общинному) праву. На этой основе конституировались новые общины будущих городов. Марковый строй был первым строем управления городского общества. Он предшествовал сеньориальному режиму, с которым обычно буржуазные историки связывают начало политической истории города и с которого начинают эту историю.

Как видно из некоторых документов по истории западноевропейских городов, отдельные черты маркового строя сохранялись в городском управлении при сеньориальном и даже при цеховом режиме. Главным органом общины, конституировавшимся на основе цехового строя, было общее собрание ее членов. Оно решало важнейшие в жизни общины дела: тяжбы, касавшиеся пользования арендой, т.е. общинными землями, дела о мерах и весах, касавшиеся торговли, и дела по выборам должностных лиц, обязанных приводить в исполнение решения общего схода. Эти лица назывались геймбюргерами, буррихтерами, сотниками и т.д. Городское право многих немецких городов, датированное XII и XIII вв., говорит о сохранившихся в городе древних обычаях, имея ввиду общее собрание членов и др. Отчетливо выступают функции такой общины в документах VIII–IX вв., относящихся к истории итальянских городов. Народная сходка, называвшаяся собранием, происходившим перед церковью, решала вопросы об общинных землях, о ремонте дорог, мостов и укреплений, о допущении новых членов в состав граждан. Сходы участвовали в избрании епископов и архиепископов. Они назначали должностных лиц, которые приводили в исполнение их решения. Существовало общегородское ополчение (так называемое *exercitus*), которое делилось на отряды по кварталам города[137].

Постепенно в городах формировались новые «горизонтальные» отношения. Альтернативные имеющимся, они объективно противостояли традиционной стандартной феодальной вертикали (иерархической феодальной лестнице и иерархическому же феодальному государству). «Города эти были настоящими “союзами”, порожденными непосредственными потребностями, заботой об охране собственности и стремлением умножить имевшиеся у отдельных членов средства производства и средства защиты»[138].

[137] *Столицкая-Терешкович В.В.* Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М., 1960. С. 19.

[138] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. С. 49.

Говоря об общих чертах средневековых городов Европы в период их наибольшей независимости, М. Вебер выделял ряд специфических характерных черт или направлений развития этих городов:

Политическая самостоятельность и отчасти собственная внешняя политика, а также свои вооруженные силы.

Автономное судопроизводство города как такового и внутри его гильдий и цехов.

Автокефалия, т.е. исключительно собственные судебные и административные учреждения.

Свобода от повинностей и налогов извне, внутреннее самостоятельное налогообложение.

Рыночные отношения, рыночное право.

Политическое и экономическое своеобразие средневекового европейского города и, как следствие, общая противоположность социально-хозяйственной организации городов внегородским политическим, сословным и сеньориальным структурным формам[139].

Городские общины были «основаны на принципах, заставлявших трепетать весь феодальный мир» (Ж. Ле Гофф). «Коммуна — это отвратительное слово», — записал свою знаменитую формулу в начале XII в. церковный хронист Гиберт Ножанский. «В этом городском движении, продолженном в деревнях созданием сельских коммун, революционный смысл имело то, что клятва, связывающая членов первоначальной городской коммуны, в отличие от вассального договора, соединявшего высшего с низшим, была клятвой равных. Феодальной вертикальной иерархии было противопоставлено горизонтальное общество. <...> Она (коммуна. — *А.Ш.*) объединяла равных, и, хотя неравенство экономическое оставалось неискоренимым, оно должно было сочетаться с формулами и практикой, сохранявшими принципиальное равенство всех граждан. Так, в Нейсе в 1259 г. было провозглашено, что если надо будет произвести сбор на нужды коммуны, то бедные и богатые будут присягать equo modo и платить пропорционально своим возможностям»[140]. По заключению Э. Реклю, опиравшегося на значительный исторический материал Западной Европы, особенно Франции, «типичный город являлся одновременно и федерацией кварталов, и федерацией профессий, и в то же время он был и ассоциацией всех граждан»[141].

[139] *Вебер М.* Город. С. 402–409.

[140] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. С. 272–273.

[141] *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 21.

«В Средние века горожане в каждом городе вынуждены были для защиты своей жизни объединяться против сельского дворянства; расширение торговли и создание путей сообщения дали возможность отдельным городам узнать о других городах, отстаивавших те же интересы в борьбе против того же противника. Из многих местных объединений жителей отдельных городов лишь весьма постепенно возник класс горожан. Условия жизни отдельных горожан, в силу их противоположности существующим отношениям и в силу обусловленного этим способа труда, стали условиями, общими для них всех и независимыми от каждого в отдельности. Горожане создали эти условия, поскольку они вырвались из системы феодальных связей и, в свою очередь, были созданы этими условиями, поскольку сами горожане были обусловлены своей противоположностью имевшемуся налицо феодализму»[142].

Разумеется, внутри городских стен продолжали развиваться те же процессы, что и по ту сторону: росли производительные силы, обострялись экономические и социальные противоречия — но уже иного, чисто городского характера[143]. Главными, однако, поначалу являлись противоречия между городским населением в целом и феодальными сеньорами, стремившимися полностью подчинить себе в экономическом, социальном и политическом отношении разраставшиеся и богатевшие своим трудом города. Эти противоречия и вызвали в X–XIII вв. уникальнейший и на редкость драматичный по накалу в мировой истории социально-политический процесс — так называемое *коммунальное движение*, или цепь *коммунальных революций*.

Коммунальное движение было призвано разрешить прежде всего экономические и социальные задачи: ликвидировать систему феодальной эксплуатации ремесла и торговли, обеспечить условия свободного функционирования товарного производства и обращения. Введение городского права, городского войска, суда, наконец, городского самоуправления должно было юридически и политически обеспечить экономические и социальные завоевания горожан[144].

Формы коммунального движения были различны в зависимости от местных условий и конкретного соотношения классовых сил. Феодалы нигде добровольно не отказывались от своих привилегий, они

[142] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. С. 60.

[143] *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. С. 283.

[144] *Стам С.М.* Коммунальное движение // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. С. 578.

даровали горожанам вольности, либо потерпев открытое военное или политическое поражение, либо будучи вынуждены к этому экономической необходимостью. Очень часто коммунальное движение принимало характер открытых вооруженных восстаний горожан против сеньоров под лозунгом городской независимости (Милан — 980 г., Камбре — 957 г., 1024 г., 1064 г. 1076 г., 1107 г., 1127 г., Бове — 1099 г., Лан — 1109 г., 1128 г., 1191 г., Вормс — 1071 г., Кельн — 1074 г. и т.д.). Нередко (особенно в северной Франции и северной Италии) ядром восстания был тайный союз (conjuratio, conspiratio) горожан — коммуна. Коммуны вызывали лютую ненависть феодалов. Важным оружием горожан в борьбе с сеньорами служили деньги. Открытая борьба почти всюду сочеталась с выкупом у сеньоров отдельных повинностей, прав и муниципальной независимости в целом[145].

Первые успехи коммунального движения стали искрой, вызвавшей пламя по всей Западной Европе. Стремление к независимости от сеньора охватывало один город за другим. Освобожденные города служили примером: их успех ободрял других. В XII в. и в первой половине XIII в. движение достигло наибольшей силы, а затем постепенно стало ослабевать. В общей сложности оно продолжалось 200 лет. «Города получили удовлетворение; карта феодальной Европы вся от севера до юга, от востока до запада — [стала] усеяна независимыми или привилегированными общинами; общественное сознание обогатилось новым понятием — *свободный город*, а политический словарь пополнился новым словом — *коммуна*»[146].

Формы и степень коммунальной свободы городов также были различны в зависимости от степени экономического развития города, соотношения сил горожан и сеньоров, общих политических условий в стране, варьируясь от сравнительно ограниченных «вольностей» при сохранении зависимости от сеньора (французские т.н. *новые города* и города буржуазии) до более или менее полного самоуправления [северо-французская и фландрская коммуны, южно-французские консулаты и немецкие т.н. *вольные города*, сохранявшие еще некоторую зависимость от короля (а порою и от сеньора)]. Только наиболее развитые города северной и средней Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Флоренция, Сиена, Лукка, Милан, Болонья, Перуджа и др.) смогли стать совершенно независимыми городами-республиками. Городская независимость обычно приобретала формы, уже выработанные предшествующими коммунальными движениями — отсюда

[145] *Стам С.М.* Коммунальное движение. Т. 7. С. 578.

[146] Эпоха крестовых походов. С. 501.

распространение определенных типов муниципальной организации (коммуна, консулат) и городских хартий (Руанская, Лорисская, Бомонская и др.)[147].

Крупнейший исследователь коммунального движения О. Тьерри выделял два основных типа городского самоуправления и самоорганизации в Западной Европе (прежде всего в северной Италии и во Франции): консульский строй (городской консулат) и коммуну на присяге (присяжную городскую общину). Первый был характерен для северной Италии и южной Франции, второй — для северной Франции. Первый в конце концов вылился в город-государство. Второй тип являлся собственно самоуправляющейся общественной единицей, более демократической, чем консулат, и менее авторитарной. Существовали также менее развитые и оформленные формы самоуправления (в основном в центральной Франции)[148].

Первая коммуна была образована в городе Камбре в 957 г. Более ста лет ей пришлось отстаивать свое право на существование. Только в 1077 г. она стала вполне независимой. В 1112 г. завоевали права коммуны горожане Лана, в 1113–1117 гг. утвердилась коммуна в Амьене. В 1118 г. статуса коммуны добился город Нуайон, в 1146 г. — Санс. Вслед за крупными городами стали бороться за права коммуны небольшие укрепления (бурги) и местечки. Бург Эрмо создал коммуну в 1192 г., Креси — в 1194 г.

Городское самоуправление оградило свободу горожан, защитило их от сеньориального произвола, гарантировало личные и имущественные права городских жителей. Города получили значительную автономию.

Власть в городах была организована по-новому. Она принадлежала не феодальному собственнику, а коллективу лиц, связанных корпоративными узами и единством политических интересов. Отношения подданства строились в городах совершенно иначе, чем в вотчинах. Городское население подчинялось своим правителям не как господам или служащим своих господ, а как уполномоченным городской общины. Личные и имущественные права горожан были ограждены законом. Постоянные жители городов признавались, как правило, свободными людьми независимо от их прежнего состояния. Во многих городах человек, проживший год и день, будь он беглый раб или крепостной, согласно действовавшему праву навсегда стано-

[147] *Стам С.Н.* Коммунальное движение. С. 578.

[148] *Тьерри О.* История происхождения и успехов третьего сословия. С. 58–60.

вился свободным. Городское право защищало жителей от судебного произвола и гарантировало более справедливое, чем в вотчинах, правосудие[149].

Городское право представляло собой важнейший признак городского самоуправления и свободы граждан: *здесь исчезло деление на свободных и несвободных*. Городское право — это совокупность правовых обычаев и требований городских статусов, жалованных грамот, а также уставов цехов и гильдий. Это право городской общины (коммуны во Франции, тауна и сити в Англии, штадта в Германии) выбирать собственные властные учреждения, издавать законы, осуществлять суд над жителями, поддерживать порядок с помощью собственной полиции и ополчения[150].

Историческим испытанием экономической и политической жизнеспособности итальянских коммун явилась их двадцатилетняя борьба с германскими иноземными захватчиками, возглавляемыми Фридрихом Барбароссой. Одной из главных причин его побед в Италии была ее чрезвычайная политическая раздробленность, выросшая из экономических различий отдельных областей страны, управляемых различными властями, и древних традиций административного управления, сложившихся еще в лангобардский период ее истории. Раздробленности страны содействовало торговое соперничество городов, которое позволяло им объединяться ненадолго и лишь с целью борьбы с другой группой городов-конкурентов. Итальянские походы Фридриха Барбароссы поставили перед итальянскими коммунами вопрос о самом их существовании, о перспективе полной потери всех социальных завоеваний. Полчища германских феодалов несли в Италию смерть, огонь и разрушения. Они беспощадно расправились с героически сопротивлявшимися Тортоной и Кремой, разрушили Милан, выселив из него всех жителей. Эти военные потрясения дополнялись официальным провозглашением подчинения Италии императорской воле и ликвидации всего строя свободных итальянских коммун. Согласно Ронкальским постановлениям 1158 г. коммуны сохраняли за собой только те права, которые основывались на грамотах, выдаваемых императором; все права, достигнутые коммунами в борьбе с сеньорами (их политическое и экономическое самоуправление), были объявлены узурпацией. Города переходили под власть императора, назначавшего туда своих полновластных чиновников — подеста. Такой порядок отбрасывал Италию назад: идея

[149] *Колесницкий Н.Ф.* Феодальное государство (VI–XV вв.). С. 92–94.

[150] *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства. С. 319–320.

Священной Римской империи из эфемерной мечты грозила превратиться в трагическую реальность. Перед угрозой полного порабощения города объединились вокруг Милана, восстановленного буквально из пепла и руин, образовали Ломбардскую лигу и наголову разбили армию Фридриха Барбароссы, добившись затем официального отказа империи от посягательств на независимость итальянских коммун. Этот результат не был случайным: итальянские коммуны, их строй и экономика выдержали испытание огнем. Это была первая в европейской истории победа горожан над феодальным войском, победа более прогрессивного политического и хозяйственного строя коммун над чисто феодальными порядками. Победа городов-коммун в борьбе за независимость в XII в. была одним из источников их дальнейшего роста и укрепления. XIII век был периодом наивысшего процветания итальянских коммун, которые все более упрочивали свою независимость в борьбе с претензиями императоров. И хотя временное единство, сплотившее города в годы грозной опасности чужеземного порабощения, ослабело, когда только угроза миновала, коммуны успешно продолжали развиваться[151].

Похожую победу над объединенными феодалами удалось одержать городам Фландрии, которые обладали широкими правами самоуправления и значительной властью над городской округой. К началу XIV в. фламандские города оказались столь сильными, что смогли разгромить своим городским пешим ополчением в битве при Куртре (в июле 1302 г.) большое рыцарское войско французского короля Филиппа IV, пытавшегося подчинить себе Фландрию[152].

Коммунальные революции, без сомнения, относятся к числу эпохальных событий мировой истории. Их значение для дальнейшего развития человечества огромно. В соревновании города как общины с одной стороны и государства с другой в мировой истории до этого «государство обычно выигрывало, и тогда город оставался подчиненным его тяжелой руке. Чудом было то, что в первые великие века городского развития Европы полнейшую победу одержал именно город, во всяком случае, в Италии, Фландрии и Германии. Он приобрел довольно длительный опыт совершенно самостоятельной жизни — это колоссального масштаба событие, генезис которого отнюдь не удается очертить с полной достоверностью. Тем не менее

[151] *Рутенбург В.* Итальянские коммуны // Итальянские коммуны XIV–XV веков: сб. документов из архива Ленинградского отделения института истории АН СССР. М.; Л., 1965. С. 11–12.

[152] История Европы. Т. 2. С. 262.

ясно видны его огромные последствия. Основываясь на этой свободе, крупные городские общины и другие города, с которыми они были связаны, которым они служили примером, построили самобытную цивилизацию, распространявшую новую или обновленную технологию <...>. Этим городам дано было до конца проделать редкий политический, социальный и экономический эксперимент»[153].

Коммунальное движение не было однородным. Главную роль в движении играли трудовые массы, но власть в коммуне захватывали, как правило, наиболее богатые и влиятельные горожане: городские землевладельцы и домовладельцы, ростовщики, частью — богатейшие купцы (т.н. *патрициат*). Они перенимали многие поборы прежнего сеньора, вводили в свою пользу всевозможные монополии, своекорыстно пользовались городскими доходами и полуфеодальными методами эксплуатировали не только крестьян, но и массу горожан. Это вызвало в XIII–XV вв. восстания цеховых ремесленников против господства патрициата, что означало новый этап классовой борьбы в городе[154].

С точки зрения интересов народной массы, патрицианский режим был зачастую не лучше сеньориального. Правление патрициата вызывало ненависть и возмущение у ремесленной массы и порождало у нее стремление стать у власти. Это неизбежно вело к цепи восстаний. Восстания либо терпели поражения, либо устанавливался режим, основанный на компромиссе между цеховой верхушкой и частью старого патрициата. В ходе борьбы с патрициатом даже при самых благоприятных условиях в органы городского управления (главным образом в городской совет) проникали лишь богатые элементы цехов, большая же часть ремесленной массы оставалась, как правило, политически бесправной. Руководящую роль в борьбе играл цех, объединявший наиболее организованную ремесленную массу, игравшую важную роль в восстаниях против патрициата и во всех городских движениях. Вокруг цеха в значительной степени также сплачивалась масса неорганизованных трудящихся города[155]. Однако «коммунальный строй, при всех своих недостатках, имел одну неоспоримую заслугу: он пробудил в городах общественное сознание, вывел жителей из духовного оцепенения, возбудил в них ин-

[153] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. С. 544.

[154] *Стам С.М.* Коммунальное движение. С. 579.

[155] *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. С. 261, 337–338.

терес к общественным делам и развил в них чувство благородной и независимой гордости, которую свобода внушает не только тем, кто пользуется ее благами, но и тем, кто стремится достигнуть ее»[156].

Относительно свободный, иногда фактически безгосударственный строй городов-коммун, при всех своих внутренних противоречиях, конфликтах и проблемах, открывал широкие возможности для самоорганизации трудящихся, для отстаивания ими своих интересов, наконец, для относительно широкой духовной свободы и творчества. Доказательства последнего — многочисленные шедевры культуры и искусства, достижения науки, созданные в городах средневековой Европы.

В европейских средневековых городах широкое распространение получили братства (гильдии) — союзы взаимопомощи (иногда религиозные, в том числе и еретические объединения), тесно связанные с цеховыми корпорациями. Братства группировались вокруг какой-либо церкви, объединяли ремесленников определенной профессии, имели свои уставы. Братства часто становились очагами религиозного свободомыслия и ересей. Преследуемые католической церковью, такие братства нередко превращались в тайные организации.

Эти братства, «как религиозные, так и светские по своему характеру, независимо от времени их возникновения в каждом отдельном случае фактически находились часто в первоначальной унии с официальными профессиональными союзами — с купеческими гильдиями и цехами ремесленников <...>»[157].

Подобные братства получили распространение, например, на юге Франции в XIII в., в том числе и в период альбигойской ереси. В Марселе горожане в 1212 г. составили **братство**, «чтобы защитить невинных и противодействовать несправедливым насилиям». Тулуза и Байонна имели свои политические братства, которых сеньоры очень боялись. В Авиньоне в 1215 г. дворяне жаловались, что они ограблены братствами. В Арле в первой половине XIII в. архиепископу приходилось упорно бороться с этими присяжными товариществами[158].

Иногда ремесленные братства становились инициаторами открытого вооруженного антифеодального сопротивления — и не только в период коммунального движения X–XIII вв., но и в более поздние времена. Так, в 1418 г. крупное восстание городской бедноты против городской верхушки вспыхнуло в центре Силезии (в городе Вро-

[156] Эпоха крестовых походов. С. 546.

[157] *Вебер М.* Город. С. 350.

[158] Эпоха первых крестовых походов. С. 542–543.

цлав) в связи с введением новых налогов. Инициатором восстания стало братство мясников. В 1420 г. император Сигизмунд жестоко расправился с восставшими: 46 человек были осуждены на смерть. Все ремесленные братства во Вроцлаве были запрещены, а мясникам впредь вообще запрещалось жить в пределах внутреннего города[159].

Традиции братств лежали, по-видимому, в основе первых профессиональных союзов в Европе. В 1345 г. во Флоренции чесальщик шерсти Чуто Брандини пытался создать (первый в истории?) союз наемных рабочих, за что был присужден к смертной казни[160].

С развитием коммунального движения связано и первое известное в истории восстание собственно предпролетариата. Это крупнейшее восстание чесальщиков шерсти (чомпи) и других наемных рабочих, происходившее во Флоренции в июне-августе 1378 г., — первое в мировой истории политическое выступление наемных рабочих. Восставшие выдвинули требования: 1) предоставление им четвертой части мест во всех властных органах (где они ранее представлены не были) и поста главы правительства — гонфалоньера справедливости; 2) создание особого цеха наемных рабочих. Однако после первых успехов чомпи восстание было подавлено[161].

Ряд победивших в борьбе с феодалами итальянских коммун провел в законодательном порядке ликвидацию крепостного права на прилегающих сельских территориях. В 1256 г. в Болонье был обнародован знаменитый «Райский акт», в котором выдвигался антифеодальный тезис: человек — свободное творение природы, а его рабское крепостническое состояние — результат несправедливых законов. По одному лишь Болонскому декрету было освобождено около 6 тыс. крепостных, принадлежавших 400 феодальным сеньорам. Правда, вместе с освобождением от крепостничества крестьяне освобождались и от какого-либо права на землю. Это был процесс насильственного отделения непосредственного производителя от средств производства, в котором можно обнаружить некоторые элементы наиболее раннего в Европе процесса первоначального накопления[162].

Именно в средневековых городах, в той или иной мере реализовавших принципы политической и духовной свободы того времени, возникли университеты, которые затем во все времена и во всех

[159] *Озолин А.И.* О международном значении чешской крестьянской войны XV века // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 61–62.

[160] История Европы. Т. 2. С. 335.

[161] Там же. С. 335–336.

[162] Р*утенбург В.* Итальянские коммуны. С. 13.

странах так или иначе оставались (и остаются до сих пор) очагами общественной автономии и духовной свободы. «В некоторых отношениях университеты Средних веков представляли собой корпорации свободные, независимые как одна от другой, так и от государства. Они могли отстаивать самым энергичным образом свои привилегии и свои свободы от посягательств князей и их ставленников; благодаря, однако, преобладанию теологии, по отношению к которой все другие науки играли подчиненную роль, университеты считались образующими составную часть церкви, несмотря на то что до известной степени они восставали против церкви»[163].

В период позднего феодализма и сопутствовавшей ему феодальной реакции практически все самостоятельные коммуны перестали существовать: одни были подчинены феодальному государству (во Франции, германских княжествах), сохранив лишь остатки прежней автономии, другие сами превратились в феодальные города-государства (в Северной и Средней Италии).

Но лучшие традиции средневековых западноевропейских коммун — антифеодализм, свободолюбие, республиканизм, патриотизм — не были уничтожены в эпоху феодальной реакции XVI–XVIII вв.[164]

Они дали себя знать во времена Risorgimento в Италии, отчасти в Великой французской революции, а затем и в Парижской Коммуне.

***

Таким образом, мир феодальной Европы, построенный на принципах вертикального иерархического общества, знал и альтернативу: примеры горизонтальных безгосударственных обществ. Идеи и практические проявления горизонтального общества в Средние века противостояли реальному вертикальному обществу: системе феодального вассалитета и (в некоторой, меньшей, степени) системе феодального абсолютизма. По мнению М. Вебера, развитый средневековый город (как и развитый античный) являлся подобием братства, «был прежде всего союзом, конституированным или понимаемым как братство (выделено в источнике. — *А.Ш.*) <...>»[165].

После XVI в. практически нигде в Европе крестьянских общинных (коммунальных) республик — бесфеодальных и безгосударственных — не осталось. Причинами их ухода в прошлое стали, на

[163] *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 65.

[164] *Рутенбург В.* Итальянские коммуны. С. 15.

[165] *Вебер М.* Город. С. 334.

наш взгляд: 1) прогрессирующее социально-экономическое расслоение крестьянства, что привело, в свою очередь, к ослаблению общины как универсального и сплоченного органа крестьянской самоорганизации, и 2) усиление феодально-абсолютистского, а кое-где уже и буржуазного государства, не терпевшего каких бы то ни было серьезных форм социальной крестьянской автономии. Примерно такие же причины привели к утере независимости или ощутимой автономии городскими коммунами. Возраставшее государство подчиняло и унифицировало все и вся. Несколько дольше свою независимость или автономию от него удалось сохранять лишь лежавшим на относительно далекой периферии безгосударственным обществам новой военной демократии.

Глава IV. Общества «новой военной демократии»

1. Российское вольное казачество (XV–XVIII вв.)

Казачество — уникальнейшее явление не только российской и украинской, но и всей мировой истории. Круг вопросов истории казачества чрезвычайно широк. В данной главе мы предприняли попытку осветить лишь часть конкретных вопросов — тех, которые непосредственно касаются *самоорганизации, альтернативности и безгосударственности* применительно к такому явлению, как *вольное казачество*.

Поясним, что согласно нашей периодизации история российского и украинского казачества делится на три периода, два из которых приходятся именно на вольное казачество:

Ранний, или *архаический*: XIV в. — конец XV в.

Средний, или *классический*: конец XV — первая половина XVIII в.

Поздний, или *государственный*: вторая половина XVIII — начало XX в.

Этимология слова «казак» («козак») достаточно сложна. Установлено, что слово это тюркское; уже в половецком словаре (1303 г.) оно было известно в значении «сторож». У других тюркских народов примерно в это же время и чуть позже это слово стало означать «удалец», «вольный человек». В узком смысле у тюркских народов это относилось к наемным работникам, в широком — к людям, порвавшим со своей социальной средой (XIV–XVII вв.); с конца XV в. казаками стали называть вольных людей окраин Московской и Литовской Руси — Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского и Русского (в дальнейшем — Российского государства и Речи Посполитой).

Еще более сложным является вопрос о происхождении казачества: откуда, когда и почему появились казаки. По мнению россий-

ского историка начала XX в. А.А. Гордеева, казаки произошли от тюркских народов — торков, берендеев, черных клобуков, а также от горских черкесов, — союзных Киевской Руси и охранявших ее южные границы еще до монголо-татарского нашествия. Вошедшие в состав Золотой Орды, эти племена позднее, после распада Орды, вновь оказались на южных границах теперь уже Московской Руси и стали постепенно сливаться с русским народом. Тогда же и появилось название «казаки» — от якобы названия одного из союзных Руси тюркских племен. А.А. Гордеев считал, что первые казачьи поселения «были образованы вне пределов России и в условиях, от нее независимых», и лишь затем постепенно стали сближаться с Россией[1].

Украинские историки националистической ориентации считали казаков изначально свободным славянским населением Украины, которое не знало феодализма и в дальнейшем познакомилось с ним только в границах Речи Посполитой, а затем — Российской империи.

По авторитетному мнению историка Н.И. Никитина, «имеется ряд бесспорных свидетельств, что первые казаки в восточноевропейских степях являлись представителями тюркских народов», и только «с XVI в. среди казаков становятся все более заметными выходцы из русских земель. *Постепенно* (курсив мой. — *А.Ш.*) восточнославянское население стало преобладать в казачьей среде, но и в XVII в. татарский компонент составлял еще заметную часть вольного казачества»[2].

На первых порах среди казаков преобладали татары, выходцы их разных орд. В 1538 г. московские власти во время переговоров с Ногайской Ордой отметили, что «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят»[3].

Приток населения со славянских территорий со временем изменил лицо вольных станиц. Сказалось то, что земледельческое население Руси было куда более многочисленным, нежели редкое кочевое население степей. Сказалось быстрое развитие феодальных отношений и самодержавных форм власти в России, сопровождавшееся усилением гнета и насилия в отношении низов общества. Число выходцев с русских «украин» умножалось из года в год[4].

---

[1] *Гордеев А.А.* История казаков. Ч. I. Золотая Орда и зарождение казачества. М., 1992. С. 6, 16–17.

[2] *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ. (К постановке вопроса) // Феодализм в России / отв. ред.Л. Янин. М., 1987. С. 236.

[3] *Скрынников Р.Г.* Ермак. М., 1992. С. 7.

[4] Там же.

«Вольные казаки составляли единое братство на всем пространстве от Поднепровья до Яика. Черкасов (украинских казаков) можно было встретить в любой донской и волжской станице»[5]. В то же время в Запорожской Сечи существовал среди других земляческих куреней Динский (Донской) курень.

Социальному и этническому синтезу восточных славян и степных тюркских народов (половцев, монголо-татар и др.), в том числе и процессу формирования казачества в степной зоне между Днестром и Яиком, способствовало то, что в немалой своей части степняки были христианами (несторианами и православными). «Этническая принадлежность в зонах контакта [народов и цивилизаций] определяется не происхождением, а стереотипом поведения, а в то время (Средние века. — *А.Ш.*) — и исповедания»[6].

Приток монголо-татар, а также других племен тюркского происхождения и христианского вероисповедания к южным границам русских княжеств и в их пределы усилился после того, как в начале XIV в., в 1312 г.[7], хан Узбек ввел в Золотой Орде ислам в качестве единой и обязательной государственной религии. Часть монголов-христиан ушла на Русь и была с готовностью принята в служилое сословие — от мелких служилых людей-однодворцев до настоящих дворян и даже князей[8]. Другая часть осталась вольно кочевать в приграничных степных районах к югу и юго-востоку от русских княжеств, объективно став определенным щитом от набегов враждебных и им, и русским иноверных монголо-татар (мусульман).

В дальнейшем постепенное увеличение здесь славянского элемента было неизбежным. «Монголо-татарское нашествие смело с лица земли славянские поселения в степной полосе между Днепром и Волгой, на Дону и в Приазовье. Но пути вглубь степей не были забыты на Руси. Едва Золотая Орда утратила былое могущество и стала распадаться, русское население начало возвращаться в донские, приазовские и волжские степи. Медленное, но ощутимое движение происходило на всем пространстве от Киева до Нижнего Новгорода. Выходцы из Руси небольшими ватажками отправлялись вниз по течению рек на промыслы, с наступлением холодов возвращались домой либо “полевали” в степях. На окраинах находили прибежище

[5] *Скрынников Р.Г.* Ермак. М., 1992. С. 50.

[6] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. С. 398.

[7] *Абдакимов А.* Указ. соч. С. 443.

[8] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. С. 364–365; *Он же.* В поисках вымышленного царства. С. 308–309.

прежде всего те, кто искал спасения от тягла, даней и оброков. Немногочисленные [сначала] русские переселенцы очень часто присоединялись к татарским станицам, население которых по своему социальному облику мало чем отличалось от них самих. То были выходцы из татарских кочевий, беглые "черные люди" и рабы. Сами наименования, усвоенные вольным населением степей, — "казак", "есаул", "атаман" — бесспорно татарского происхождения»[9].

Древнейшее зафиксированное известие о казаках восходит к 1444 г.: казаки рязанские оказали тогда своему городу услугу в столкновении с татарами[10].

В 1492 г. хан Менгли-Гирей писал Ивану III, что войско его, возвращаясь из-под Киева с добычею, было ограблено в степи «ордынскими казаками». Об этих ордынских или «азовских» казаках (татарах-христианах?) неоднократно писали русские летописцы со времен Ивана III, характеризуя их как самых ужасных разбойников, нападавших на пограничные города и чинивших необычайные препятствия при сношениях Московского государства с Крымом[11].

Первоначальной родиной казачества, по мнению В.О. Ключевского, можно признать линию пограничных со степью русских городов, шедшую от средней Волги на Рязань и Тулу, потом переламывавшуюся круто на юг и упиравшуюся в Днепр по черте Путивля и Переяслава (речь идет о XV в.). Вскоре казачество сделало еще шаг в своем наступлении на степь. Это было время ослабления татар, распадения Орды. Городовые казаки и прежде всего, вероятно, рязанские, стали оседать промысловыми артелями в открытой степи, в области верхнего Дона. В.О. Ключевский полагал, что донских казаков можно считать «первообразом степного казачества». В его состав входили и крещеные татары. Чуть позже и примерно тем же путем, но с некоторыми отличиями, по мнению В.О. Ключевского, стало формироваться запорожское казачество[12].

Согласно данным М. Грушевского, первые сведения о казаках, где можно видеть казаков украинских, относятся к 1470 г.[13] Далее первые упоминания о казаках на Подолии, в том числе в Придне-

[9] *Скрынников Р.Г.* Ермак. С. 7.

[10] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 8 т. М., 1957. Т. III. С. 106.

[11] *Ульянов Н.* Украинский сепаратизм: идеологические истоки самостийности. М., 2004. С. 103.

[12] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. III. С. 5.

[13] *Грушевский М.* Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. С. 196.

стровье, относятся к 1489 г.; на Киевщине — к 1490-м годам (1492 и 1499 гг.)[14]. С 1499 г. в источниках встречаются сведения о поселениях казаков на лесистых островах в низовьях Днепра, за его порогами[15].

С конца XV в. известны и гребенские казаки, основу которых составили бежавшие на юг городовые казаки и крестьяне Рязанского княжества, поселившиеся в верховьях Терека, у гребня Кавказских гор[16].

В течение всего XVI в. происходила консолидация казачества и возникновение его новых очагов. Около 1540-х гг. в результате объединения возникших ранее (в 1490-е гг. и после) казачьих укрепленных городков (сечей) возникла Запорожская Сечь, названная по главной из них, расположенной на острове Томаковка[17]. В 1570 г. из многих казачьих общин Дона (сначала в основном южного) образовалось Войско Донское. Со следующего года (1571 г.) царское правительство стало целенаправленно привлекать донских казаков к охране южных рубежей Российского государства. В 1577 г. в условиях военного конфликта гребенских казаков с крымскими татарами оформилось Терское казачье войско. В конце XVI в. началось заселение территории по нижнему течению реки Яик (Урал) и формирование Яицкого казачества; в 1613 г. был основан Яицкий городок — столица Яицкого казачьего войска[18].

XVI в. стал также временем, когда казаки заявили о себе на международной арене в качестве довольно грозного и влиятельного фактора, который пришлось учитывать фактически всем близлежащим государствам: Великому княжеству Литовскому и королевству Польскому (с 1569 г. — Речи Посполитой); Российскому государству; Османской империи и ее вассалам — Крымскому ханству, княжествам Валахии, Молдавии, Трансильвании. Вот только основные из военнополитических акций русского и украинского казачества в XVI в.:

[14] История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. С. 285–286; Отечественная история. 2002. № 2. С. 190; *Грушевский М.* Очерк истории украинского народа. С. 196.

[15] *Хандорин В.Г.* Запорожская Сечь // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 2. С. 227.

[16] *Стефанов Ю.Л.* Терское казачье войско // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. С. 201.

[17] История крестьянства СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 305.

[18] *Стефанов Ю.А.* Уральское казачье войско // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. С. 858.

1552 г. — участие донских казаков в Казанском походе русских войск.

1556 г. — участие донских казаков в Астраханском походе.

1560–1670-е гг. — участие казаков в составе русских войск в Ливонской войне.

1577 г. — поход запорожцев против Османской империи в Молдову и попытка освобождения ее от турок.

1577 г. — война гребенских казаков с Крымским ханством. Оборона Терского городка от крымских татар.

1581 г. (1582 г.) — поход отряда казаков в 500 человек во главе с Ермаком в Сибирь.

1589 г. — морской поход запорожцев к побережью Крыма и налет на город Газлеви (он же Козлов, Евпатория).

1591–1593 гг. — антифеодальное национально-освободительное казацко-крестьянское восстание на Украине во главе с гетманом К. Косинским.

1594–1596 гг. — антифеодальное национально-освободительное восстание казаков и крестьян Украины под предводительством С. Наливайко. Поход казаков в Белую Русь.

И впереди еще был «бунташный» XVII век, до отказа насыщенный всевозможными внешне- и внутриполитическими событиями с участием в них казачества.

«Образование многочисленного казачества стало одним из значительных явлений в истории русского общества XVI в. Отряды служилых казаков были сформированы прежде всего в южных городах, где они несли гарнизонную и сторожевую службу. Станицы вольных казаков располагались на дальних окраинах: на Дону, в Нижнем Поволжье, на Яике и Тереке». Процесс консолидации казачества наиболее активно протекал на Дону, но и тут он не завершился к началу Смуты. В конце XVI в. в крупнейших экспедициях донских и волжских казаков участвовали отряды, численность которых не превышала 500–600 чел. Общая численность вольных казаков от Днепра до Яика (вместе с украинцами) на рубеже XVI–XVII вв. доходила, по подсчетам Р.Г. Скрынникова, до 11–14 тыс. чел.[19] Количество казачьего населения неуклонно росло.

Заметим, что выход казачества на геополитическую арену начинается во второй половины XV в., после падения Византии и резкого возрастания на границах христианского мира турецкой угрозы, а также с новым оживлением угрозы тюркских мусульманских народов Великой Степи, так или иначе связанных с Османской империей. Не

[19] *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 104.

без молчаливого согласия правителей Великого княжества Литовского и Русского и Великого княжества Московского между этими государствами и Османской империей (с ее вассалами) появились сравнительно независимые (от совершенно вольных до договорных) вооруженные группы населения, в том числе и из беглых феодально-зависимых крестьян. Эти элементы, смешавшись с христианским кочевым и тоже вольным тюркским населением Степи, в течение второй половины XV и всего XVI вв. постепенно набирали силу, создавая опорные пункты и укрепленные *черты* сопротивления туркам, татарам-мусульманам и другим мусульманским народам, а вскоре превратились еще и в очаги сопротивления польско-литовским и русским феодалам.

Обширная зона геополитической неустойчивости между двумя мирами — мусульманским и христианским — способствовала образованию своеобразных общественных аттракторов негосударственной самоорганизации — казачьих общин, а затем и федераций этих общин — т.н. *казачьих войск* как военно-территориально-административных образований от Днестра и Днепра до Волги и Яика. Интересно, что почти одновременно шел аналогичный процесс на севере Балканского полуострова, где между христианскими государствами и Османской империей возникли вольные общины ускоков и влахов, слившиеся затем, при покровительстве и под патронажем Габсбургов, в автономную область — Крайну, преобразованную со временем в т.н. *Военную Границу*[20].

Бассейн Дона интенсивно осваивался русскими казаками с конца XVI в. В 20-е гг. XVII в. туда же стали переселяться украинцы. Приток переселенцев усилился в последней четверти XVII в. в связи с тем, что часть населения Слободской Украины уходила от крепостнического гнета на юг. Уже к 70-м гг. XVII в. Донская земля была покрыта сетью казачьих городков; к началу XVIII в. их насчитывалось до 135. К концу XVII в. донское население достигало 30 тыс. чел.[21] Аналогичным образом осваивались и другие казачьи области, постепенно росло их население.

«Если на Западе бегство крепостных крестьян способствовало развитию городского ремесла, то в Восточной Европе оно привело в первую очередь к хозяйственному освоению новых районов, к развитию сельского хозяйства и промыслов. Прогрессивное значение

[20] Речь об этом отдельно пойдет в третьем параграфе данной главы.

[21] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3. С. 313; *Усенко О.* Терпи, казак // Родина. 1993. № 10. С. 23.

бегства крепостных и там и тут заключалось не только в том, что оно содействовало поступательному движению производительных сил общества. Бегство являлось признаком разложения, пусть даже самого зачаточного, феодально-крепостнического строя и выражало стремление крестьянства и мещанства освободиться от тяжкого феодального гнета. Уже одно наличие в стране такого свободного, как казачество, слоя населения (преимущественно сельского), которое самим фактом своего существования доказывало возможность обходиться без феодалов, имело большое революционизирующее влияние на закрепощенные и угнетенные массы»[22]. Добавим к этому, что и социальная форма самоорганизации казачьих общин являлась определенным вызовом как классической феодально-иерархической системе, так и государственной системе абсолютизма.

Тяга в казаки, уход в казакование в XV–XVI вв. и позднее — это протест русских людей против наступающих феодальных порядков (а на Украине еще и против национального и религиозного гнета). Для кого-то это сознательное, но для большинства инстинктивное стремление к порядкам родоплеменного вечевого строя, военной демократии, бесклассового и безгосударственного общества. Любопытно и весьма характерно, что в XV–XVIII вв. у запорожских казаков сохранились не только социальные отзвуки военной демократии древних славян и русов, но и, например, такая деталь внешности, характерная для древних русов, как оселедец — длинный чуб на гладко выбритой голове. Дорогие народу социокультурные традиции передавались через многие века.

Как показали специальные исследования, в целом общественному укладу вольных казачьих сообществ были присущи устойчивые традиции коллективизма и взаимопомощи, «начиная от защиты своих членов от врагов и совместной трудовой деятельности (артельное рыболовство, коллективная охота, совместный выгон скота, воинское казачье “односумье”, “складничество”, различные “помочи” и “спрягачество”) и кончая своеобразными проявлениями коллективизма в быту <...>», — отмечает, со ссылкой на работу Л.Б. Заседателевой, Н.И. Никитин[23].

Военной, политической и социальной формой объединения казаков являлось *войско*. В XVII в. оно упоминается применительно к Дону, Тереку и Яику, а также к Запорожью. Волжские казаки не смогли создать единой организации: оказавшись в зоне действия

[22] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. С. 48.

[23] *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ. С. 238.

сильных гарнизонов, поставленных русским правительством в 1586–1590 гг. в ряде поволжских городов, они сравнительно быстро (уже в первой половине XVII в.) сошли с исторической арены. На Дону процесс складывания войска прослежен историками наиболее полно. Вначале там независимо друг от друга действовало много отдельных групп во главе с собственными атаманами. К концу XVI в. войсковая организация сложилась у низового казачества, и лишь в начале XVII в. объединяется весь Дон.

Высшую законодательную власть в войске осуществлял *круг* — собрание полноправных казаков-воинов «всей реки»[24]. «Казачий круг, высший орган самоуправления казаков на территории России и Украины (на Украине известен под названием “коло”), предположительно вырос из обычной военной сходки накануне военных походов отдельных казачьих отрядов в XV–XVI вв. В исторических документах термин впервые зафиксирован в 1554 г. в связи с обсуждением донскими казаками вопроса об участии в походе русского царя Ивана IV Грозного на Астрахань. Существовали как общевойсковой, так и местные (станичные, куренные) казачьи круги. Войсковой круг собирался обычно один раз в род в т.н. *Главном войске*, т.е. месте расположения основных органов управления. На Дону, например, в XVI — нач. XVII в это были Раздоры, затем Черкасск. Правом участия в работе круга обладали только казаки в возрасте не моложе 16–17 лет. Другие категории населения (“работные люди”, “зажилые бурлаки” и т.п.), проживавшие на землях, считавшихся казачьими, участия в работе круга не принимали. Круг обладал весьма широкой компетенцией и решал все важнейшие вопросы отношений казаков с внешним миром и внутреннего устройства военных казачьих общин (городков, станиц, куреней и т.д.). Казачьи круги в городках и станицах ведали приемом новых членов в сообщество казаков, разрешением земельных и имущественных споров, судом над преступниками, вопросами семейного положения входивших в их состав казаков (вплоть до разрешения на свадьбы и разводы) и т.д. Войсковой круг рассматривал наиболее важные проблемы внутренней жизни казачества, а также ведал сношениями определенного казачьего войска с внешним миром — отправлял и принимал посольства в Москву и из Москвы, принимал решения об установлении посольских контактов с зарубежьем, объявлял войны и заключал мирные соглашения (до знаменитого “Азовского сидения” запорожских

[24] *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ.. С. 238–239.

и донских казаков (1637–1641 гг.)). Кроме того, на Казачьем круге избирались атаманы, их помощники-есаулы и другие должностные лица, осуществлявшие властные функции в промежутках между созывами Казачьего круга. В таком виде Казачий круг просуществовал до эпохи Петра I, при котором с новыми силами было возобновлено (и приобрело более планомерный характер) наступление на права самоуправления казачества»[25].

Из дальних городков для решения особо важных дел в столицу обычно посылали представителей; для решения текущих дел было достаточно только присутствовавших в главном городке казаков. Круг ведал дележом военной добычи и жалования, судопроизводством, посылал депутации, решал вопросы войны и мира, давал санкции на военные походы, постройку новых городков и т.д. Исполнительная власть принадлежала войсковому атаману, который избирался кругом и мог быть им же смещен в любое время. На время похода избирался походный атаман, пользующийся неограниченной властью над его участниками, а войско делилось на станицы — отряды примерно в 100 человек — во главе со станичными атаманами; станицы делились на десятки. Вторыми после атаманов лицами являлись есаулы (соответственно войсковые и станичные). Управление в отдельных городках строилось по тому же принципу: там имелись свои круги, свои атаманы и есаулы. Постановления круга были обязательны для всех. Отказ выполнить его решение влек за собой изгнание из общины или казнь. Системой суровых наказаний поддерживалась в казачьем войске и строгая дисциплина во время походов.

По имущественному положению социальная дифференциация среди казаков в XVI — первой половине XVII вв. еще не заходила далеко. Отношения между отдельными группами внутри казачьих сообществ строились пока еще не на основе эксплуатации, а скорее напоминали типичное для первобытных общин разделение их членов по возрастному и профессиональному признакам. Таким образом, как в 1592 г., так и в 1638 г. донские казаки еще имели основание заявить Москве, что «лутчих де людей у них <...> нет, все они меж себя ровны»[26]. И тем не менее весь XVII в. постепенно и довольно заметно нарастало имущественное и сословное расслоение в казачьих областях.

Казачья демократия XV–XVIII вв. своими корнями, судя по всему, уходила в еще более давнюю старину и возникла в результа-

[25] *Соловьев Э.Г.* Казачий круг // Федерализм: энциклопедия. М., 2000. С. 224.

[26] *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ. С. 239.

те синтеза с одной стороны степной кочевой военной демократии тюркских народов и с другой стороны сельских общинных традиций, ранней общинной, а также вечевой демократии славян дофеодального и раннефеодального периода. Кроме того, в условиях наступающего феодализма и феодальной государственности определенную роль в формировании казачьей демократии мог играть антифеодальный и антигосударственный настрой тех выходцев из русских и польско-литовских земель, которые бежали на окраины, постоянно пополняя казачьи сообщества.

«Русское общество первой половины XVII в. переносило на донских казаков поэтические представления из народных песен, сказок и былин. Донцы отожествлялись с богатырями киевских времен. Казачья храбрость, удаль и вольность вызывали восхищение среди крестьян, посадских и приборных людей. Казачье устройство считалось в широких народных массах достойным подражания. Сами же казаки сознавали себя сынами русского народа. Они заботились не только о "чести и славе" Войска Донского, но и о Русской земле в целом»[27]. Доказательством последнего служит непрерывная героическая охрана и оборона южных рубежей Русской земли (причем не столько государства как такового, а именно земли), в том числе и такие яркие и славные эпизоды, как, например, Азовское сидение 1637–1642 гг.

Казачьи области вплоть до конца XVII в. сохраняли автономию от России, поначалу (в XVI в.) имевшую вид полной независимости. Когда ногайцы потребовали от Ивана IV свести с Дона казаков-севрюков и всю ту «русь», которая живет на Дону, царь ответил, что казаки поселились там без его ведома, убежав из государевых владений[28]. Начиная с 80-х гг. XVI в. царское правительство упорно добивалось от атаманов войска Донского именных списков, но донцы неизменно отвергали все попытки составить такие служилые казацкие списки. В казачьих областях, присоединенных к России, имея дело со служилыми или письменными казаками, царское правительство более решительно проводило свою линию на подчинение казаков, но и тут оно должно было считаться с местными особенностями[29]. «До середины XVII в. внешняя сторона сношений русского правительства с казаками имела формы, характерные для отношений между самостоятельными государствами: в Москве казачьими делами ведает Посольский приказ; прибывающие на Дон царские послан-

[27] *Тихонов Ю.Л.* «Азовское сидение» // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 102.

[28] *Скрынников Р.Г.* Ермак. С. 7.

[29] *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». С. 105, 106.

ники должны явится в казачий “круг”, поклониться и от имени “государя” спросить “войско” “о здоровье”; в свою очередь, когда казаки приезжают в Москву, то, по свидетельству [подьячего Посольского приказа] Котошихина, “им честь бывает такова, как чюжеземским нарочитым людем”. По мнению С.И. Тхоржевского, “первоначально связи донского казачества с Московским государством строились по типу отношений последнего к различным ордам кочевников” (прежде всего вассальных, но практически независимых ногайцев). Наиболее же ярко самостоятельность казачьих областей выражалась в праве предоставления убежища всем желавшим стать казаками (“с Дона выдачи нет”, “Доном от всяких бед освобождаются”). Не менее существенным было и то, что казаки в вопросах внешних сношений (и прежде всего войны и мира) руководствовались в первую очередь собственными интересами, которые не всегда совпадали с планами московской дипломатии. Крупные неприятности ей, в частности, причиняли такие акции казаков, как предпринимаемые вопреки царским указам походы на турецкие города. Поставить под свой полный контроль внешние сношения казаков Москва полностью не могла до конца XVII в.; еще меньше возможностей было у нее для воздействия на внутренние порядки казачьих общин. Такие попытки до конца XVIII в. практически и не предпринимались»[30].

Являясь территориями, где постоянно скапливался недовольный феодальными порядками элемент, казачьи окраины стали в XVII в. очагами антифеодального и в какой-то мере антигосударственного сопротивления. На протяжении всего «бунташного века» казаки участвовали во многих социальных движениях, иногда являясь ядром широких массовых антифеодальных и антигосударственных выступлений, и почти всегда их общественное устройство становилось для социально разнородных участников этих движений общественным идеалом. В 1603–1618 гг. казаки, прежде всего донские, приняли самое активное участие в гражданской войне — Смуте, и в ряде случаев серьезно повлияли на развитие событий, причем казачье общественное устройство часто становилось примером для подражания у населения центральных областей России. В 1632–1634 гг. казаки играли важную роль в т.н. *балашовском движении* (западные регионы Российского государства), широком по социальному составу и антифеодальном, общественным идеалом участников которого было казачье устройство на Руси. Казачество стало ядром и ведущей силой восстания и крестьянской войны под предводительством

[30] *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ. С. 238.

С. Разина (1667–1671 гг.). Интересен и показателен тот факт, что, овладевая поволжскими городами, разинцы вводили в них казачье устройство — круг, сотни, десятки и выборных атаманов. Известно, что такое устройство было введено в Астрахани и Царицыне. Часть казаков приняла сторону старообрядцев во время церковного раскола, быстро переросшего чисто религиозные рамки и наполнившегося известным социальным содержанием. Известно, что раскол привел к всплеску своеобразной идейно-политической борьбы среди казаков Дона, неизбежно наложившейся на социальные противоречия и доходившей до кулачных схваток на круге, в том числе и (иногда) со смертельным исходом.

К концу XVII — началу XVIII в. ситуация в русских казачьих областях стала меняться в сторону уменьшения самостоятельности казачества и подчинения его государству. Этому способствовало как прогрессирующее имущественное и социальное расслоение в казачьей среде, так и целенаправленные меры правительства, сделавшего выводы из участия казаков в антифеодальных социальных движениях XVII в.

В XVII в., особенно ко второй его половине, на Дону сложились и развивались порядки, уже несколько отличавшиеся от первоначальных. Всей полнотой прав и обязанностей на Дону в XVII в. обладали собственно казаки. Таковыми считались лица православного вероисповедания, достигшие совершеннолетия, входившие в структуру войсковой организации (т.е. зачисленные в десяток или сотню — низшие подразделения казачьего войска) и участвовавшие в походах и кругах. Остальные жители Дона, не отвечавшие данным требованиям, во всем подчинялись казакам и зависели от них.

Внутри собственно казачества существовало множество прослоек со своими правами и обязанностями. Во-первых, донские казаки делились на низовых и верховых. Такое деление было не только территориальным, но и психологическим. Низовые казаки смотрели на верховых свысока, считали себя своеобразной гвардией Войска Донского. Это было связано с тем, что первые казачьи городски возникли в низовьях Дона; именно там располагалось историческое ядро Войска Донского.

У низовых казаков имелась элита — жители Черкасска. В документах они величались Главным войском: там находился верховный орган управления — Войсковой круг.

По своему служебному положению различались рядовые казаки; станичные атаманы и старшины; войсковые атаманы и старшины В источниках жизни Войска Донского в XVII — начале XVIII в. так-

же зафиксировано противопоставление старых казаков молодым. Под стариками чаще всего разумелись атаманы и старшины, а под молодчими людьми — рядовые казаки. Во второй половине XVII в. эта система дополнилась разделением на старожилых и новопришлых казаков. Старожилыми звались те, кто родился на Дону в казачьей семье (природные, коренные казаки) или же были казаками в первом поколении, но прожили на Дону значительный срок (не менее 10 лет, судя по источникам начала XVIII в.). Больше всего старожилых было в низовых городках.

Важнейшим фактором было и имущественное положение. Для того чтобы стать полноправным казаком, нужно было обзавестись не только конем, оружием и амуницией, но и семьей, домом, хозяйством. Казаки, отвечавшие такому имущественному цензу, назывались добрыми, справными. Во второй половине XVII в. выделилась категория домовитых казаков, которые занимались торговлей, ростовщичеством, скотоводством, добычей соли и широко использовали наемную рабочую силу. Среди них были не только представители старшины, но и формально рядовые казаки (разумеется, старые).

Неполноправное население Дона в XVII в. в основном состояло из *бурлаков*. Так звались беглые, только что осевшие на Дону. Не имея средств к существованию и крыши над головой, они нанимались к зажиточным казакам. Ни одним из трех основных казачьих прав (присутствие на кругах, постоянная служба в составе Войска, участие в походах) бурлаки не обладали. Цель жизни у них состояла в том, чтобы перейти в категорию казаков. Это зависело от срока жизни бурлака на территории Войска Донского, его материального положения и от заслуг перед Войском. Бурлаки, заимевшие коня, снаряжение и оружие, могли рассчитывать на участие в походах за зипунами. Бесконные могли воевать в пешем строю или служить матросами на судах. По возвращении из похода таким бурлакам разрешалось присутствовать на кругах, но только в качестве наблюдателей, даже без права совещательного голоса. Тем не менее это значило, что они перешли на более высокую ступень — в разряд *голутвенных* казаков (*голутвы, голытьбы*).

Внизу социальной лестницы на Дону пребывали *рабы* (*ясырь*) — пленные из числа неправославного населения. Рабство носило патриархальный характер и часто было временным — до получения казаком выкупа от родственников или друзей пленного. Как правило, невыкупленный ясырь или продавался, или оставался работать на своего господина до конца жизни.

Таким образом, в XVII в. половина донского населения вообще не имела доступа к власти. Но и в среде казачества не все было благополучно. Уже в середине XVII в. казачьи круги потеряли свой демократический характер. Именно атаман и его окружение решали, какие вопросы и в какой формулировке нужно внести на утверждение круга. Именно они (в лице старых и знатных казаков) выступали на кругах первыми, предопределяя тем самым решение казачьего собрания. На главном войсковом кругу формально могли присутствовать все казаки или представители всего Дона, но фактически этого не получалось. Постоянными участниками войсковых кругов были только черкасские казаки, большинство которых ходило в ранге знатных и домовитых. При этом на Дону действовал принцип, в соответствии с которым всякое решение, принятое войсковым крутом, считалось законным и обязательным к исполнению на всей территории Войска.

Право на Дону в XVII в. было неписаным. Толкование и применение законов находилось здесь во власти наиболее уважаемых и опытных членов общества — как правило, старшин и знатных казаков. Если говорить современным языком, «старики» на Дону контролировали все ветви власти — законодательную, исполнительную и судебную.

Равноправие казаков (в XVII в.) было во многом формальным, условным, к тому же оно базировалось на бесправии остального населения Дона (в том числе и женщин). Господство обычного права открывало простор для законного произвола. На Дону в XVII в. фактически господствовал принцип силы: кто силен, тот и прав[31].

На протяжении XVIII в. донское казачество выросло с 30 тыс. до 200 тыс. человек; одновременно, в силу ограничения доступа в ряды казачьего сословия, там быстро росло и крестьянское население»[32].

В XVI — первой половине XVII в. царское правительство еще не имело достаточных сил, чтобы подчинить своей власти вольное казачество, хотя такие попытки предпринимались. С начала XVIII в. царизм, опираясь на зажиточное казачество и старшину, повел борьбу за уничтожение автономии казачьих областей. При Петре I это наступление со стороны государства приобрело планомерный характер. Казачьи войска были лишены права организовывать собственные посольства за рубеж. В казачьих областях

[31] *Усенко О.* Терпи, казак. С. 22–25.

[32] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. М., 1986. С. 313.

усилился розыск беглых крестьян, фактически перестало действовать неписаное правило: «с Дона выдачи нет». Правительство взяло курс на назначение царскими указами т.н. *наказных атаманов* казачьих войск. С 1721 г. казаки перешли в ведение Военной коллегии. Внутри казачьих войск полномочия войскового круга все в большей степени стали переходить к войсковым канцеляриям, в состав которых на протяжении всего XVIII в. постоянно вводились новые судебные или бюрократические должности, замещаемые представителями военной и гражданской бюрократии (в т.ч. и офицерами русской армии). В Войске Донском, например, выборность атаманов фактически была упразднена в 1718 г. (юридически — в 1738 г.). В 1754 г. на Дону была упразднена выборность старшин. В 1763 г. здесь была введена обязательная пожизненная военная служба с 19 лет. В 1796 г. приписные крестьяне на Дону были лишены права переходов, а в 1798–1800 гг. старшины были приравнены к офицерам и включены в состав дворянства. При Александре I войсковой круг окончательно потерял свое былое значение, а области казачьих войск перешли под управление назначаемых российским императором атаманов и войсковых канцелярий. При этом сам царь стал считаться верховным атаманом казачьих войск России[33].

Таким образом, в течение XVIII в. произошло постепенное превращение российского казачества в замкнутое привилегированное военно-полицейское сословие. Казачество, как это ни парадоксально, из безгосударственного общества со временем превратилось в одну из главных опор российской государственности, и не просто государственности, а феодально-крепостнической монархии.

На данную социально-экономическую и политическую трансформацию российское казачество (в основном его низы) ответило в XVIII в. серией вооруженных восстаний, крупнейшими из которых были восстание донских казаков под руководством К. Булавина (1707–1708 гг.), восстание яицких казаков (1772 г.), участие яицких казаков в гражданской войне 1773–1775 гг. под руководством донского казака Е.И. Пугачева. В 1803 г. в Уральском (бывшем Яицком) казачьем войске произошли волнения в связи с введением нового «Временного положения по службе». Однако вектор социальной эволюции казачества к стандартной цивилизации Российской империи уже невозможно было изменить.

[33] *Соловьев Э.Г.* Казачий круг. С. 224–225; *Пронштейн А.П., Хмелевский К.А.* Казачество // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. С. 818.

***

Отдельно следует сказать о сибирских казаках, начало истории которых было положено вольной казачьей дружиной атамана Ермака в начале 1580-х гг. Казачество Сибири не принадлежало к числу первородных: оно стало в известном смысле производным от Донского и других. Практически с самого начала казачество Сибири формировалось как служилое (городовое, линейное). Причинами этого, как нам кажется, были несравнимо более суровые, чем на юге России, условия жизни и очень редкое русское население обширного края. Все это блокировало попытки самостоятельного существования казачества в Сибири сколько-нибудь длительное время, хотя попытки вольного, отдельного от Российского государства, существования в Сибири казаками замышлялись и предпринимались.

Героическая история казачества Сибири связана прежде всего с эпопеей освоения края, развернувшейся в конце XVI — и на протяжении всего XVII в. «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки на мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана <...>», — так, несколько образно и утрированно, но в целом верно представлялся А.И. Герцену этот грандиозный процесс. «За время, отведенное одной человеческой жизни, огромный и богатейший край коренным образом изменил и внешний облик, и ход внутренних процессов, в его экономической и социально-политической жизни произошли коренные изменения»[34]. «В освоении Сибири наблюдалось тесное переплетение государственного и вольнонародного начал. Как заметил советский историк Н.В. Устюгов, “правительственная и вольная колонизация — два параллельных процесса, взаимно обусловленных, тесно связанных, немыслимых один без другого”»[35].

При этом вольно-народная колонизация шла все же несколько впереди колонизации государственной. «Это был никем сознательно не направляемый процесс, и Москва почти не руководила им, да и не имела такой административной возможности. Правда, Казанский приказ в Москве был в 1636 г. преобразован в Сибирский приказ, но он не мог регулировать движение этой лавины в глубь Азиатского материка. Местная администрация, русские казачьи отряды прояв-

[34] *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века. М., 1987. С. 158.

[35] Там же. С. 21.

ляли собственную инициативу, обследуя и закрепляя за собой новые и новые земли. Случались военные столкновения с сибирскими народностями, однако нередко признание власти России происходило без всякого противодействия <...>. Это был грандиозный по активности, стихийности и массовости исторический процесс, интенсивно сконцентрированный в первой половине и особенно во второй четверти XVII в.»[36].

Говоря об особой роли казаков в освоении Сибири, Ю.Г. Недбай отмечал, что «казак, прибывший под командой воеводы ли, атамана ли на пустое “дикое” место, построивший здесь острог, поневоле становился и “швец, и жнец, и на дуде игрец”». И далее: «Казаки успешно справлялись со всеми видами деятельности, которые выдвигали условия колонизации: от военных побед до установления дипломатических отношений с сопредельными народами. Все, что лежало в этом промежутке — открытие новых земель, административное устройство и управление, хозяйственная деятельность, строительство и т.д. и т.п. — все это оказалось им по плечу, и никакая другая социальная группа в тогдашней России выполнить этих задач не могла. Так называемая вольно-народная, крестьянская, земледельческая колонизация просто-напросто не могла начаться без деятельности казаков, т.е. без наиболее активной, энергичной части российского народа, которая получила название “казаки”, и постепенно оформилась организационно, территориально, экономически»[37].

Таким образом, первопроходцами на огромном пространстве от Урала до Тихого океана были казаки: только им под силу оказалось пройти эту огромную, суровую, но богатую территорию, закрепиться на ней и начать освоение (правда, с помощью государства, и об этом не надо забывать). Но силу и стойкость казакам дала прежде всего их особая социальная организация, традиции, закалка, опыт, военные навыки. Кроме того, это были люди с развитым чувством свободы и справедливости, люди особого, прогрессивного (по сравнению с существовавшим тогда в крепостнической центральной России) склада.

Одной из причин относительно мирной колонизации большей части Сибири стала, на наш взгляд, взаимная социокультурная «комплиментарность» казаков (а затем и крестьян) и аборигенов:

[36] *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. С. 363.

[37] *Недбай Ю.Г.* Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. С. 148.

общинно-родовые порядки коренных жителей и общинные порядки казаков и крестьян, шедших первой волной, а также их представления о справедливости в немалой степени совпадали (в отличие, скажем, от английской колонизации Северной Америки или Австралии). Нередки были случаи включения в ряды сибирских казаков некоторых групп «инородцев». Показательно и то, что если к началу XVII в. коренное население Сибири насчитывало 200–220 тыс. чел., то в 1926–1939 гг., т.е. через 300 лет колонизации, численность сибирских народов составила 800 тыс. чел. Это стало возможным лишь в условиях сохранения и жизнеспособности хозяйства аборигенов и решительного преобладания положительного над негативными явлениями при контактах с русскими переселенцами[38]. При освоении европейцами Америки, Южной Африки, Австралии рисуется, как правило, совсем другая картина.

Присоединив Сибирь, правительство неожиданно для себя приобрело в известной мере и новый, «сибирский», Дон, привлекавший людей «наиболее активных и независимых, стремящихся уйти от тягостного гнета экономической эксплуатации и “духовного” контроля со стороны церкви», с сильно развитым сознанием собственного достоинства. Еще ермаковские казаки заявляли царским воеводам: «Мы-де вам не приказны, таковы ж-де мы, что и вы!». И впоследствии воеводы не раз писали царю, что если не унять «воровских казаков», то они всех воевод из Сибири «вышибут» и «Дон в Сибири заведут»[39].

Но даже и подчиняясь воеводской власти, сибирское служилое население (сибирское войско) и (в первую очередь) сибирское казачество вовсе не считало ее обязательным и необходимым атрибутом управления, сплошь и рядом вступая в борьбу с самой системой воеводского управления, а иногда и просто предпочитая обходиться без нее. Попытки правительства предписать сибирским воеводам не допускать кругов у служилых людей были в XVII в. совершенно безуспешны[40].

Казаки нередко выступали инициаторами и активными участниками социальных волнений в городах и поселениях Сибири в XVII в.[41] Самой серьезной попыткой «завести “Дон” в Сибири» стала почти

[38] *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVI в. С. 160.

[39] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 143.

[40] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 97.

[41] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 143–151.

сорокалетняя эпопея приамурского «Даурского вольного края» 1650–1680-х гг., в том числе и так называемой Албазинской республики 1665–1675 (1684) гг. в Приамурье.

Первые первопроходцы достигли Амура еще в начале 1640-х гг.[42], а первые партии русских переселенцев появились в Приамурье в 1650-е гг. Людей манили благоприятные природно-климатические условия. Природные богатства Амурского края (пушной зверь, рыба), благоприятный для хлебопашества климат влекли сюда переселенцев из Енисейского, Красноярского, Илимского и Якутского уездов. На протяжении 50-х гг. XVII в. на Амур ушло по меньшей мере полторы тысячи человек[43]. В середине XVII в. Приамурье стало в Сибири тем притягательным регионом, куда стремилось уйти от гнета воевод и приказных людей рядовое трудовое население. В то время Приамурье могло ассоциироваться именно с сибирским Доном. Уход, бегство «в Дауры» (Приамурье) стали в это время довольно частым явлением.

Еще в 1655–1657 гг. из Илимского уезда было совершено три крупных вооруженных побега крестьян и служилых людей в «вольный край Дауры». Так, в 1655 г. произошел бунт, неудачная осада и уход «в Дауры» «воровского полка» М. Сорокина. В 1656 г. 50 крестьян из Братского острога захватили оружие и напали на Усть-Илимскую заставу, где «ограбили» имущество крупных торговцев, а затем ушли «в Дауры»[44].

В 1665 г. в Приамурье из Илимского острога после восстания и убийства жестокого илимского воеводы Обухова бежала группа казаков, промышленных людей и крестьян во главе с казачьим начальником, выходцем из Украины Н. Черниговским. На месте развалин даурской крепости был построен Албазинский острог, который стал центром вольной общины Приамурья. В возникших вокруг острога вольных деревнях в 60–80-е гг. XVII в. стало развиваться хлебопашество, которое обеспечивало потребности в хлебе жителей этой территории. Население края росло за счет новых вольных поселенцев. К 1680-м гг. Амурский район оказался наиболее заселенным во всем Забайкалье. Большую часть его населения составляли крестьяне. Помимо них там проживало несколько сотен казаков и промыш-

[42] *Артемьев А.Р.* Воровской острог, или Казачья республика 1665–1684 гг. на верхнем Амуре // Общественная самоорганизация в мировой истории: сб. науч. статей / под ред. А.А. Штырбула. Омск, 2005. С. 72.

[43] История Сибири / ред. З.Я. Бояршинова. Томск, 1987. С. 118.

[44] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 146.

ленных людей. Все население целиком состояло из вольных поселенцев и насчитывало, по ориентировочным минимальным подсчетам, до 800 мужчин и более 300 женщин и детей. От устья Аргуни вниз по течению Амура на протяжении приблизительно в 300 верст располагалось множество деревень.

Об активном освоении района можно судить по площади засеваемых пашен: к 1685 г. местным населением было засеяно более тысячи десятин; насчитывалось несколько тысяч голов скота, несколько мельниц. Продукты хлебопроизводящего хозяйства вывозились в центр уезда Нерчинск[45].

Прецедент очень беспокоил власти, и они решили помиловать беглецов и полностью подчинить их. По данным А.Р. Артемьева, беглецы были помилованы в 1675 г., и тогда же единственный в Сибири воровской острог формально стал государственным, хотя до 1684 г. продолжал сохранять значительную общественную автономию. В 1682 г. правительство учредило на территории «вольного края» Албазинский уезд. Но территория уезда в это время (к 1684 г.) заметно сократилась в связи с продвижением маньчжуров[46]. Вольное население вынуждено было пойти навстречу властям и смириться с возвращением в лоно государства из-за крайне осложнившегося внешнеполитического положения «вольного края» — угрозы маньчжурско-китайского завоевания.

Еще в начале 50-х гг. XVII в. маньчжуры впервые попробовали приостановить распространение русской колонизации по Амуру. Отныне две великие державы — Россия и Китай — пришли в соприкосновение: «было нащупано дно вакуума»[47]. Стычки с маньчжурами в Приамурье стали частым явлением. В 1682 г. начались и до 1689 г. с перерывами продолжались военные действия между русскими и маньчжурами, в том числе и у Албазина. 27–29 августа 1689 г. был подписан Нерчинский договор с маньчжурским Китаем (империей Цин). Одним из условий договора было уничтожение Албазинского острога и всех поселений вокруг него, а русское население должно было покинуть этот край. Данная территория оставалась пока без размежевания между

[45] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 334–335.

[46] *Артемьев А.Р.* Воровской острог, или Казачья республика 1665–1684 гг. на верхнем Амуре // Общественная самоорганизация в мировой истории. Сборник научных статей. Омск, 2006. С. 80–81.

[47] *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. С. 363.

двумя государствами. Русская колонизация Приамурья и Приморья, таким образом, была приостановлена до середины XIX в.[48]

Что касается казачества Сибири и Дальнего Востока, то оно разделило судьбу всего российского казачества, став со временем частью государства и одной из его военно-полицейских опор.

§ 2. Украинское вольное казачество (XV–XVIII вв.)

Известия о днепровских казаках, как уже говорилось выше, стали эпизодически появляться в документах второй половины XV в. (1470, 1489, 1492, 1499 гг.)[49]. Их происхождение совпадает с происхождением казачества других регионов. Из Киевщины, Волыни, Подолии и даже Белой Руси в Дикое поле выходили группы добытчиков «казаковать», т.е. вольно пожить, занимаясь охотой, рыболовством, бортничеством, нападением на «бусурман» (татар-мусульман). Так же, как и в районе Дона, они смешивались здесь со степным христианским тюркским населением. «Но местные географические и политические условия осложнили судьбы украинского казачества. Оно попало в самый водоворот международных столкновений Руси, Литвы, Польши, Турции и Крыма. Роль, какую пришлось играть днепровскому казачеству в этих столкновениях, и сообщила ему историческое значение», — считал В.О. Ключевский[50]. Наряду с защитной от южных кочевников и антифеодальной по отношению к соседним северным территориям функциями (как это было и у всех других вольных казаков) у украинского казачества со временем появилась еще одна важная функция — национально-освободительная.

В течение XV в. Крымский полуостров превратился в центр, вокруг которого группировались кочевники практически всех степей, прилегающих к Черному морю. Крыму удалось оторвать от Астраханского ханства часть ногайцев и передвинуть их в соседство южных районов Великого княжества Литовского и Русского, полу-

[48] *Артемьев А.Р.* Воровской острог, или Казачья республика 1665–1684 гг. на верхнем Амуре. С. 82; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 50–51.

[49] В «Собрании историческом», составленном в 1770 г. С.В. Лукомским по более ранним книгам и летописям, «козаки литовские» упоминаются под 1299, 1307, 1325 1393, 1449, 1450 гг. (Летопись Самовидца с приложениями. Киев, 1878. С. 326–327), однако реальность этих сведений документальными аутентичными источниками пока что не была подтверждена. В летописях, скорее всего, была допущена модернизация в применении термина, по крайней мере к XIII–XIV вв.

[50] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. III. С. 106.

чивших в эго время наименование Украины. Именно эти татары, под названием татар очаковских, белгородских, буджакских, наряду с татарами собственно крымскими и играли в дальнейшем такую важную роль в кровавых страницах украинской истории. Вассальная связь Крымского ханства с Турцией придала этому государству прочность и силу. Одним из главных видов деятельности в ханстве, наряду со скотоводством, земледелием и торговлей транзитными товарами, стала торговля людьми с прилегающих территорий, в том числе и не в последнюю очередь с Украины и Дона[51].

Постепенно положение русских земель в составе Великого княжества Литовского и Русского в XV в. стало неуклонно и заметно ухудшаться. В то время как Московская Русь освобождалась от монголо-татарского ига, Русь Литовская (а в XIV–XV в. это большая часть бывшей Киевской Руси) все больше попадала под польско-литовское иго, где для большинства русских (формирующихся украинской и белорусской народностей, а также великороссов в Смоленской земле) складывался тройной гнет: национальный, феодальный и религиозный. Постепенно на смену федерации русских и литовских земель приходило полное подчинение русских земель литовским (и польским) феодалам. В 1385 г. была заключена личная (династическая) уния Великого княжества Литовского и Русского с королевством Польским. В 1387 г. в качестве государственной религии было введено католичество[52] — и началась дискриминация православных. Сближение польских и литовских феодалов продолжалось за счет ущемления интересов и прав русского населения. В 1452 г. была ликвидирована русская удельно-княжеская власть на Волыни, а в 1471 г. — в Киевской земле. В 1569 г. польские и литовские правители заключили государственную унию, образовав единое польско-литовское государство — Речь Посполитую. В довершение ко всему в 1596 г. была заключена религиозная Брестская уния, провозгласившая объединение на территории Речи Посполитой католической и православной религий под главенством первой. Р.Г. Скрынников отмечал: «После того, как Речь Посполитая навязала Украине церковную унию, симпатии православных казаков к России усилились»[53].

---

[51] *Ефименко А.* Южная Русь: очерки, исследования и заметки. СПб., 1905. Т. 1. С. 3–4.

[52] *Думин С.В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: Люди. Идеи. Решения: очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 105.

[53] Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». С. 216.

Украинское казачество к этому времени стало заметным явлением, имеющим за своими плечами уже более чем столетнюю историю.

Беглые крестьяне, обосновавшиеся в Среднем Приднепровье и в Подолии в XV в., оказались практически вне сферы действий феодальных властей. Во второй половине XV в. они стали называть себя казаками, т.е. вольными людьми. К началу XVI в. множество казацких слобод и хуторов возникло в верховьях Южного Буга, по Синюхе и Роси, на Тясмине, а на Левобережье — вдоль Трубежа, Сулы, Пела. Эти поселения постепенно заполняли всю пограничную с татарами полосу между Днестром и Средним Днепром. Население, занимавшее земли по Ворскле, Суле и Удаю, было известно под названием севрюков и по укладу жизни не отличалось от собственно казаков[54].

Вслед за вольной народной колонизацией наступали феодалы и государство. В Черкассах и Каневе оседали паны, добившиеся должностей наместников и старост, а мелкая служилая шляхта получала земли в лен. Стараясь закрепить за собой захваченные земли, превратить их в наследственную собственность, они испрашивали на них жалованные грамоты. В разное время такие грамоты были выданы королем и великим князем магнатам Язловецким, Острожским, Вишневецким, Струсям, Претвичам и др. Точные границы пожалований в грамотах не обозначались: их предоставлялось определить самим панам «посредством своих сабель». Таким образом, особенностью мелких и крупных земельных пожалований являлось отсутствие указаний о границах: феодалам предоставлялась свобода рук для расширения своих владений с помощью насилия и оружия. Казаки Среднего Приднепровья были вынуждены отступать все дальше на юг, осваивая новые земли[55] в условиях постоянной военной опасности с юга.

В конце XV в. и начале XVI в. панам удалось присвоить себе значительную часть казацких земель на Подолии, Брацлавщине, Киевщине. Казаки мужественно защищали свою свободу, а также освоенные ими земли от притязаний со стороны панов. Часть казачества, не желавшая признать над собой власть феодалов, была постепенно оттеснена к югу, в низовья днепровских притоков — Тясмина, Роси и т.д.[56]

Поселенцы южных окраин Великого княжества Литовского и Русского, т.е. Украины, не ждали от государства и привилегированного класса заботы о своей безопасности, а заботились о ней сами. Проявлением этой заботы и стало выделение из среды

[54] История крестьянства СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 284–285.

[55] Там же. С. 285–286.

[56] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. С. 49.

здешних жителей людей, для которых столкновение с крымскими татарами являлось главным содержанием жизни[57].

Трудным делом было и хозяйственное обзаведение на степных целинных землях, где сначала не могло быть большесемейных коллективов, образовавшихся за длительное время, как не было еще и отчинного права. Сюда прибывали беглые крестьяне чаще всего простыми семьями, а то и поодиночке. Объединяясь вместе, они создавали казацкие *товарищества* и *спулки* по привычному стереотипу[58].

Жизнь в дикой степи, полная опасностей и лишений, наложила особый отпечаток на этих людей, выработала из них особый тип людей. Закаленность, выносливость, отчаянное мужество, презрение к смерти, любовь к свободе — вот характерные черты казачьего характера. Не дорожа жизнью, казак не дорожил и имуществом. Дикую степь и все ее свойства казаки изучили до тонкости, и это делало их особенно опасными для татар и турок[59]. Временами военно-политическая деятельность запорожских казаков выходила далеко за пределы Дикого поля: в последней четверти XVI — первой четверти XVII в. они часто и неожиданно появлялись там, где их никто не ждал. В 1570-е гг. запорожцы во главе с И. Подковой совершили поход в Молдову и фактически временно освободили часть ее территории от турок, причем Подкова на некоторое время стал господарем (правителем) Молдавского княжества. В 1589 г. запорожцы совершили морской поход к побережью Крыма и разгромили город Газлеви (Евпаторию). В 1604 г. состоялся морской поход запорожцев против Турции и разгром города Варна на балканском побережье Черного моря. В 1606–1608 гг. — захват запорожцами Очакова и Перекопа, в 1614 г. — разгром Синопа в собственно этнической Турции. В 1616 г. та же судьба постигла Трапезунд. Было совершено не менее двух налетов на предместья столицы Османской империи — Стамбула. В 1605 г. в составе войска Лжедмитрия I, а в 1617 г. в составе польского войска Владислава часть запорожцев совершала походы на Москву[60]. В 1637 г. запорожцы совместно с донскими казаками участвовали в штурме и взятии турецкой крепости Азов, а далее — в знаменитом Азовском сидении 1637–1642 гг.

---

[57] *Ефименко А.* Южная Русь... Т. I. С. 14.

[58] История крестьянства СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 290.

[59] *Ефименко А.* Южная Русь... Т. I. С. 15.

[60] За последний поход на Москву запорожцы вскоре раскаялись, а их гетман П. Конашевич-Сагайдачный обратился к царю Михаилу Романову с просьбой о прощении.

К своим победам и удачам запорожские казаки шли десятилетиями, закаляясь в борьбе как с природой, так и с многочисленными и разнообразными недругами с юга и северо-запада.

Уходя от притеснений старост все дальше вдоль Днепра на юг, казаки продолжали осваивать степь во все более опасных широтах. Казацкие *уходы* появились у Томаковки, Базавлука и Тавани, тогда как прежние уходы на первых пяти Днепровских порогах оказались захваченными старостами. Около 1540-х гг. в результате объединения ранее существовавших (с конца XV — начала XVI в.) казачьих укрепленных городков (*сечей*) возникла собственно Запорожская Сечь, названная по имени главной сечи, расположенной на о. Томаковка[61].

Запорожским казакам угрожала опасность с двух сторон. С юга им приходилось непрерывно отражать нападения татарских феодалов, которым принадлежали низовья Днепра, где ими еще в 1482 г. у острова Тавань была воздвигнута крепость. С севера наступали польско-литовские феодалы, которые не могли мириться с казацкой вольницей, расцениваемой ими как *своеволие*[62] и опасный прецедент для государства.

Крепостничество в Речи Посполитой в XVI–XVII вв. отличалось особой жестокостью: феодал мог по своему произволу не только избить, искалечить, но и убить крепостного. Такими же правами обладал и арендатор имения (как правило, еврей). Владения некоторых феодалов-магнатов представляли собой государство в государстве. По ревизии 1629 г. 18 магнатов Брацлавского воеводства имели 80% всех дворов. В Киевском воеводстве в 1640 г. 27 магнатов владели 60% всей земли. Гетман Конецпольский в районе Южного Буга имел 740 сел и местечек. Князь Острогожский владел 2760 селами и 80 городами и местечками по всей Украине. Почти вся Полтавщина была собственностью князей Вишневецких[63]. Наряду с феодальным гнетом существовали гнет национальный и религиозный: помещики и крестьяне на Украине и в Белой Руси принадлежали, как правило, к разной нации и религии, а это неизбежно вело к еще большему ухудшению положения феодально-зависимых украинцев и белорусов — православных по вероисповеданию.

---

[61] История крестьянства СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 304–305.

[62] Там же. С. 305.

[63] История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. С. 297.

***

В XVI–XVII вв. украинские крестьяне (посполитые) и мещане улучшение своего положения зачастую связывали лишь с уходом «в казацство». Несмотря на определенные социальные противоречия в среде казаков, некоторую рознь между богатыми и бедными, Запорожская Сечь стала оплотом сил, боровшихся против социального и национального гнета. Своей героической борьбой она поддерживала в украинском народе свободолюбивый дух. В составе запорожского казачества можно было встретить, наряду с украинцами, составлявшими несомненное большинство, еще и русских, белорусов, молдаван, литовцев, поляков и др.[64] (например, татар, евреев). Пребывание («гостевание») донских казаков в Запорожье и запорожских на Дону, а также взаимодействие запорожцев и донцов в боевых предприятиях против Турции и Крыма стало в XVI–XVII вв. обычным делом.

Обряд посвящения в казаки у запорожцев был до удивления прост, но четок и неукоснителен. Человек, желавший стать казаком и не имевший к этому конкретных противопоказаний со стороны товарищества, прибывал в Сечь, подтверждал, что верует в Единого Бога по греческому православному обряду (или заявлял о переходе в православие), тут же совершал трижды крестоналожение по православному обряду и выпивал чарку горилки (даже если вообще был непьющим). После этого давалась новая фамилия (прозвание), человек вносился в войсковые списки и становился казаком со всеми возможными правами и, конечно же, обязанностями, которые должен был неукоснительно исполнять (как и вообще все казацкие законы, — как правило, неписаные, но четкие и устоявшиеся).

Верховным органом управления Запорожской Сечи была Сечевая (Войсковая) Рада, которая формально составлялась всеми запорожцами и обладала высшей административной, законодательной и судебной властью. Она созывалась от случая к случаю для решения важнейших вопросов, как, например, участие в войне, определение объема и характера повинностей, выборы войскового старшины и т.д. Право участия в Раде имели все без исключения казаки. На деле же подавляющее большинство, как, например, серома (неимущие), работавшая в разных местах Запорожского края — на зимовниках и промыслах, — а также мелкие хозяева, не имели, как правило, возможности явиться на Раду. Сечевая Рада выбирала кошевого атамана (от *кош* — войско), подотчетного раде и ежегодно избиравшегося, а также войсковую старшину (судья, есаул, писарь, обозный, подскарбий). Во-

[64] История крестьянства СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 305, 446.

йско Запорожское делилось на курени (к 70-м гг. XVIII в. их было 38) первоначально по принципу землячества (т.е. выхода казаков из той или иной местности), например: Каневский, Корсунский, Уманский, Крыловский, Переяславский, Полтавский, Ирклиевский, Батуринский, Динский (Донской) и др. Во главе куреней стояли куренные атаманы, избиравшиеся на куренных радах. Все казаки, считавшиеся свободными и формально равноправными, несли по очереди военную службу (в основном летом) за свой счет или, в случае полного отсутствия средств, на счет «коша»: находились в сечевом гарнизоне, были стражами в степи, занимались войсковой флотилией, артиллерией и т.д. В период боевых действий курени образовывали 4–5 полков. Самоуправление запорожцев регулировалось устным обычным правом. Воровство в мирных христианских селениях или у своих товарищей каралось смертью. В Запорожскую Сечь не допускались женщины, хотя вне ее территории казаки могли иметь семьи[65].

Разумеется, в течение XV–XVIII вв. порядки в Запорожье не оставались совсем неизменными: они формировались постепенно, развиваясь, корректируясь, видоизменяясь в зависимости от исторических реалий, но в основной своей части были такими, как приведено выше.

«Не все прибывшие в Сечь и вступившие в казаки беглецы могли найти применение своей рабочей силе. Волей-неволей они должны были оставаться, хотя бы некоторое время, в сетевых куренях. Однако проживать в курене можно было только при условии отбывания военной службы. В этом случае все расходы по вооружению и содержанию казака принимались на войсковой счет. Наличие сечевого гарнизона, почти целиком состоявшего из неимущей серомы, уменьшало объем служебных повинностей имущего казачества, избавляло его от частого отбывания “очереди”». Таким образом, все военные повинности (служба в гарнизоне, в степи и т.д.) ложилась почти целиком на плечи бедного казачества, серомы. И при чрезвычайных обстоятельствах — во время войны, набегов неприятеля, когда к службе старались привлечь возможно большее число казаков, — главную массу войска составляла серома и малоимущие казаки. «Громкая боевая слава, завоеванная запорожцами, принадлежит по праву не богачам, а трудовому казачеству»[66].

[65] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. С. 112–117; Страницы боевого прошлого нашей страны. М., 1972. С. 91; Хандорин В.Г. Запорожская Сечь. С. 228.

[66] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. С. 116.

***

Опираясь на принцип «разделяй и властвуй», власти польско-литовского государства попытались расколоть казачество и привлечь небольшую, но зажиточную его часть к себе на службу, в том числе и с тем, чтобы использовать эту часть против остальных казаков. «Еще в начале XVI в. составился в Варшаве план, как сделать казачество безвредным, не мешая ему быть полезным». План состоял в выделении наиболее благонадежной части казаков и взятии ее на государственную службу с жалованием и обязанностью оборонять Украину. Остальных надлежало возвратить "в прежний род жизни". Существует известие о казацких ротах, навербованных для пограничной службы уже в самом начале XVI в. Вероятно, это был один из временных опытов такого рода[67]. В середине XVI в. на службе у старост и крупных магнатов снова появляются служилые казацкие роты, надворные отряды и т.п. Чуть позднее появилась идея создания реестрового казачества под эгидой государства и короля. Часть вольных низовых казаков (в основном зажиточных) планировалось ввести в реестр, зачислив, таким образом, на службу и на жалование, чтобы остальных прочно поставить вне закона. Первый такой отряд в количестве 300 человек был навербован в 1572 г. (по другим данным, в 1570 г.). В 1578 г. реестр увеличился до 600, а в 1590 — до 1000 человек. Одновременно правительство короля Стефана Батория приказало «сгонять низовцев с Днепра», казнить и никого не выпускать «на волость», т.е. собственно на Украину, и стало натравливать на них татар. В 1625 г. реестр был увеличен до 6 тыс. и разделен на 6 территориальных полков: Белоцерковский, Корсунский, Каневский, Черкасский, Чигиринский и Переяславский[68]. По словам летописца, поляки «из 50000 козаков украинских, на войне против турок с гетманом своим Сагайдачным бывших, толко 6000 учредили, гетманское их достоинство уничтожили <...>, а прочиих всех оставшихся от реченнаго числа 44000 козаков в подданство поработили, и из тех — иних явно, а иних тайно — погубляли и их всеми добрами завлаживали <...>»[69]. В то же время росла практика подкупов в форме земельных пожалований казачьей реестровой старшине[70].

[67] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. III. С. 106.

[68] Там же. С. 104–105; История крестьянства в СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 304–305.

[69] Летопись Самовидца с приложениями. С. 371.

[70] История крестьянства в СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 304–305.

Таким образом, с конца XVI в. фактически существовало уже два украинских казачества: Войско Запорожское низовое и Войско Запорожское реестровое. «Но истинная сила казачества заключалась не в реестровых. Реестр даже в составе 6 тыс. вбирал в себя не более десятой доли того люда, который причислял себя к казачеству и присвоял себе казацкие права»[71]. Речь идет о «низовиках», значительную часть которых составляли беглые, «выписчики»[72] и т.п., в основном — беднота. Запорожский Низ стал теперь еще более антифеодальным и радикальным по настрою его обитателей. Попытки властей вернуть их в прежнее состояние вызывали лишь озлобление и еще большее сопротивление. При этом и надежды польско-литовских феодалов на реестровое казачество не вполне оправдались: к казацко-крестьянским антифеодальным и национально-освободительным движениям конца XVI — начала XVII в. иногда примыкали и реестровики.

За неполных полвека (с 1591 по 1638 гг.) на Украине произошло 7 крупных антифеодальных и национально-освободительных казацко-крестьянских восстаний (1591–1593, 1594–1596, 1625, 1630, 1635, 1637, 1638 гг.), причем в некоторых из них участвовали и реестровые казаки. Интересно, что в ходе восстания 1594–1596 гг. возник проект создания в Приднестровье, составлявшем важнейший участок казацкой обороны против турок и татар, новой «казацкой республики». Руководитель восстания С. Наливайко вынашивал планы изгнания всех татар с территории между Днестром и Южным Бугом, переселения сюда из Сечи казаков и строительства здесь столичного казацкого центра[73].

Практически все восстания закончились поражением. Особенно тяжелые последствия имели поражения 1637 и 1638 гг. Польско-литовская феодальная реакция пошла в решительное наступление с тем, чтобы фактически уничтожить казачество как явление. После разгрома восстания 1637 г. под руководством П. Бута (Павлюка) польский сейм, состоявшийся в феврале 1638 г., утвердил «Ординацию Войска Запорожского реестрового, состоящего на службе Речи Посполитой».

Ординация значительно урезала права реестровых казаков. Она уничтожила их право иметь свой суд и выбирать старшину. Реестр не должен был превышать 6 тыс. человек. Во главе реестрового войска должен был стоять старший комиссар, назначаемый на сейме из

[71] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. III. С. 114.

[72] Выписчик — исключенный из реестра казак.

[73] Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000. С. 17–18.

лиц шляхетского сословия по рекомендации польских гетманов. Есаулы и полковники также должны были назначаться их шляхтичей. Только сотники и атаманы могли избираться из казаков, доказавших верность Речи Посполитой. Полковники вместе с полками должны были по очереди нести сторожевую службу в Запорожье против татар и препятствовать сбору нереестровых казаков на островах и речках, не допускать организации ими морских походов. Ни один казак под угрозой смертной казни не должен был уходить в Запорожье без паспорта, выданного комиссаром. Ни мещане, ни их сыновья не могли записываться в казаки и не должны были выдавать дочерей замуж под угрозой конфискации их имущества. Казакам разрешалось селиться и приобретать собственность только в Черкассах, Чигирине, Корсуне и других пограничных городах, где присутствие их было необходимо для защиты края от татар. Для немедленного подавления бунтов решено было создать при комиссаре и полковниках наемную гвардию с большим, чем у реестровых казаков, жалованием, а также отстроить и укреплять разгромленную во время восстания И. Сулимы (1635 г.) крепость Кодак с гарнизоном в 700 человек[74].

Ответ на «Ординацию» не заставил себя долго ждать. В Запорожье в это время скопилось около 10 тысяч нереестровых казаков. Весной 1638 г. разразилось новое восстание под руководством Я. Острянина, К. Скидана и Д. Гуни, которое было подавлено лишь в конце июля. Гетман Я. Острянин с частью казаков и их семьями (около 3000 чел.) сумел уйти в пределы России. «Ординация» была введена в действие.

В Речи Посполитой наступило так называемое «золотое десятилетие тишины и покоя» (1638–1647 гг.). Но это было затишье перед бурей.

***

Великая освободительная война украинского и белорусского народов 1648–1654 гг. началась победоносным походом повстанческого войска под руководством Б. Хмельницкого из Запорожья, переходом на сторону повстанцев значительного числа реестровых казаков, освобождением к концу 1648 г. практически всех южнорусских земель вплоть до границ этнической Польши. И хотя в дальнейшем, после поражений украинцев под Зборовом (1649) и Берестечком (1651), положение Украины резко осложнилось, часть первоначаль-

[74] *Гуслистый К.Г.* Крестьянско-казацкие восстания на Украине в 30-х годах XVII века // Воссоединение Украины с Россией: сб. статей. М., 1954. С. 72–73.

ных успехов удалось все же сохранить (правда, только на ограниченной территории и в значительно урезанном объеме). Дальнейшее осложнение обстановки и опасность потерпеть полное поражение привела Б. Хмельницкого и руководство Украины к необходимости военно-политического союза с Россией (фактически протектората России над Украиной).

С социально-экономической и политической точки зрения великая освободительная война в определенной мере носила характер национально-освободительной революции с элементами революции социальной и политической. Вместе с минимизацией, а затем и фактической ликвидацией власти польско-литовских феодалов было ликвидировано крепостничество как крайнее проявление феодального строя, а сам строй был ослаблен и фактически сведен до минимума. На Украине во второй половине XVII в. появились ростки того пути развития, который позднее назовут американским путем развития капитализма. Правда, эти ростки не получили здесь развития в силу ряда исторических причин. К признакам политической революции следует отнести то, что восставшая Украина в середине XVII в. выработала и десятилетиями затем сохраняла политическую систему, далеко не совпадавшую с существовавшими тогда стандартными государственными политическими системами Европы и Азии. Интересно замечание современного канадского историка украинского происхождения О. Субтильного о том, что с самого начала *Великого восстания* на Украине соперничали между собой две различных концепции — эгалитарная и элитарная. На революционные изменения обращали внимание и другие авторы.

«Великое народное движение, поднятое Хмельницким, сообщило новый строй всей восточной Украине — Гетманщине. <...> Восстание Хмельницкого надолго устранило из обширных пространств восточной Украины, из воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского всякую иную (кроме казацкой гетманской, полковой и сотенной. — *А.Ш.*) власть — остались только выборные городские магистраты, остались [православные] монастырские поместья, в которых продолжали сохраняться старые порядки вотчинного управления, и вне этого было одно только свободное, в значительной степени оказаченное население. Те, кто не присоединился к казакам, записывались в мещане, безразлично, жили ли они в городах, или в селениях, и с них собирались различные доходы в казачью войсковую казну. Казачье население податей не платило и только отбывало военную службу. В этот период беспрерывных войн казачьи власти

стремились иметь этого казачьего населения возможно больше, да и само население находило более безопасным записываться в казаки, чтобы не попасть как-нибудь снова в крепостное состояние»[75].

«Крепостное право как государственное учреждение само собой, без всяких специальных законов, упразднилось. <...> Все права старой шляхты сводились на нет; следовательно, от нее осталась только тень, которой предстояло исчезнуть. И она исчезла. После Хмельницкого уже нигде в гетманских статьях не упоминается о шляхте и ее правах; не упоминается о ней и в других документах. Только позже, когда начало совсем независимо [от старого] складываться новое дворянство, старая шляхта тоже стала вытаскивать из сундуков свои залежавшиеся документы <...> Но все это дела дней грядущих <...>»[76]. Как иллюстрация новых социально-экономических отношений в высшей степени интересен универсал черниговского полковника Лизогуба (1692 г.), являющийся в некоторой степени еще и примером революционного правового творчества той поры. Этот указ юридически закреплял фактическое исчезновение старого помещичьего землевладения, аннулировал права шляхты на ее земли и оставлял за населением занятые уже (и в будущем) земельные угодья по трудовой норме (т.е. кто сколько сможет своими силами обрабатывать)[77]. Это, конечно, не защищало от возникновения здесь в будущем новой шляхты из состава казачьих верхов и возрождения крепостного строя. Но процесс этот здесь затянулся на десятилетия, в то время как в России крепостное право в середине XVII в. победило окончательно и вскоре стало принимать все более и более жесткие и жестокие формы.

Вся власть на территории т.н. *Гетманщины* (Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства, т.е. территория всей Левобережной и Правобережной Украины и части Подолии) была в руках казачьего самоуправления в лице главы этого самоуправления — гетмана (формально избираемого украинской войсковой радой). Вся территория гетманщины имела военно-территориальное административное деление (полки и сотни), где власть — административная, судебная и военная — фактически принадлежала полковникам и сотникам (формально — полковым радам). Полковая старшина была устроена по образцу войсковой, генеральной.

В середине XVII в. полков как военно-административных территориальных единиц было 16: девять на Правобережье (Чигиринский,

[75] *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913. С. 317–318.

[76] *Ефименко А.* Южная Русь... Т. I. С. 147–149.

[77] Там же.

Черкасский, Каневский, Корсунский, Белоцерковский, Уманский, Брацлавский, Кальницкий, Киевский) и семь на Левобережье (Переяславский, Кропивенский, Миргородский, Полтавский, Прилукский, Нежинский, Черниговский)[78]. В дальнейшем предпринимались попытки несколько расширить полковое устройство и соответственно территорию Гетманщины на запад (в остальную Подолию) и на север (в Полесье и Белую Русь), но успехи здесь если и были, то носили лишь временный характер.

Интересно, что в это время обозначилась определенная политическая конкуренция Гетманщины и Запорожья. Перенесение запорожских общественно-политических принципов на административное устройство Гетманщины (хотя и с известной их корректировкой в сторону уменьшения казацкой демократии) не могло не радовать собственно запорожских низовых казаков, однако стремление Гетманщины и ее правителей, начиная с Б. Хмельницкого, всецело подчинить Запорожье своей власти, неизбежно вызывало недовольство и неприятие. По мнению М. Грушевского, «со времени Хмельницкого Сечь становится прибежищем удальцов-добытчиков, передовой стражей Украины, без сколько-нибудь решающего политического значения»[79]. Мнение это отнюдь не бесспорно. Приведем еще одно мнение, тоже не во всем бесспорное, но очень важное для понимания отношений Гетманщины и Запорожья: «Запорожцы, почитая себя цветом козачества[80], хвалились, что не городовые козаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкого; что война, освободившая Русскую Землю от Польши, вышла из Запорожья. Запорожцы говорили, что поэтому и теперь не городовое, а *низовое* козачество должно преимущественно распоряжаться делами Украины, что ни выбор гетманства, ни какое другое политическое дело не может быть предпринято без согласия Сечи. Запорожские старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядок они хотели, по-видимому, распространить по всей Украине; простым козакам это нравилось, посполству, хотевшему равенства, тем более, — и поэтому Запорожье привлекало к себе простых Козаков и посполство, и всякое предприятие, начатое запорожцами, могло иметь удачу в массе украинского народа»[81].

---

[78] *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. С. 318.

[79] *Ефименко А.* Южная Русь... С. 321.

[80] Здесь и далее по тексту цитаты слово «казак» и производные от него приведены в орфографии источника («козак»).

[81] *Костомаров И.И.* Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 48.

Вопрос об общественной и административно-политической организации украинского народа в период великой освободительной войны 1648–1654 гг. и после нее вызывал и продолжает вызывать определенные дискуссии. В буржуазной украинской, российской и польской историографии, а также в советской историографии до 1960-х гг. можно встретить такие ее оценки: власть республиканского характера; гетманская монархия; демократическая республика и др. В итоге было признано, что исчерпывающую характеристику политико-правовой форме украинского общества и государственности периода 1648–1654 гг. какой-то одной формулой дать нельзя, поскольку она находилась в процессе становления. Так, в годы войны роль народных собраний исполняли войсковые рады. Но в обстановке войны надлежащих условий для развития гражданских учреждений, для ускоренной и эффективной выработки конституционных основ, понятий и норм не было. Условия войны требовали сильной военной власти. Таковой и были генеральный, полковой и сотенный «уряды», общее руководство которыми осуществляла генеральная старшина во главе с гетманом Б. Хмельницким[82].

Несколько категорично, но в целом верно звучит мнение коллектива советских историков — авторов обобщающей работы об отечественном крестьянстве: «На Украине и в Белоруссии не было постоянных традиций собственной государственности, а к середине XVII в. в целом выявилась объективная невозможность создания самостоятельных государственно-политических образований. [Поэтому в условиях ухудшения ситуации] курс на воссоединение с Россией был к этому времени поддержан и казачеством, и крестьянством, и мещанством, а также православной (как правило, мелкой) шляхтой»[83].

Обращает на себя внимание мнение канадского историка украинского происхождения О. Субтильного о *проблеме безгосударственности в истории Украины*. «Многие современные нации исторически утверждались и развивались в качестве наций-государств, но только не украинцы и не Украина. Постоянные крушения попыток украинцев достичь самостоятельности — один из ключевых аспектов их исторического опыта. Коротко говоря, история Украины — это история нации, сумевшей развиться и выжить вне рамок полнокровной государственности»[84].

[82] *Пинчук Ю.А.* Роль народных масс в Освободительной войне 1648–1654 гг. и воссоединении Украины с Россией: советская историография. Киев, 1986. С. 142.

[83] История крестьянства в СССР с древнейших времен... Т. 2. С. 444.

[84] Цит. по: История. 1996. № 8. С. 1.

Интересны и до сих пор так и не получили должного освещения проблемы отношений Украины и России после воссоединения, возникшие как раз на почве значительного различия их общественно-политического устройства.

Украинский историк Д.И. Эварницкий в трехтомной «Истории запорожских казаков» приводит письмо запорожцев: их ответ Б. Хмельницкому на запрос, согласны ли они перейти под власть русского царя. Среди других положений ответа запорожцев обращает на себя внимание следующее: «И когда будете писать вы пакты, то извольте, ваша гетманская мосць, сами усердно досматривать, чтобы в них не было чего-нибудь лишнего и отчизне нашей шкодливого, а предковечным правам и вольностям нашим противного и неполезного»[85]. Интересно, что такой лидер освободительной борьбы украинского народа, как И. Богун (руководитель самого западного полка — Брацлавского), не спешил принимать присягу московскому царю. Отказался от присяги и И. Сирко, позднее славный кошевой Запорожской Сечи[86], с именем которого предание связывает знаменитое письмо запорожцев турецкому султану. «Когда поляки узнали об оппозиции Богуна, они предложили ему гетманское достоинство, надеясь таким образом удержать за собой Побужье, если не всю правобережную Украину. Богун вел переговоры, затягивая их, но это было с его стороны лишь дипломатической сноровкой: если Богун не хотел московского протектората, то еще гораздо меньше хотел возвращения к Польше»[87].

Царское правительство так же настороженно отнеслось к общественным порядкам на присоединенной Украине: эти порядки носили либо вообще непривычные и нежеланные для России проявления (следы европейского городского самоуправления («магдебургское право»)), либо уже изжитые и неугодные ей черты общинно-вечевой демократии. Многое здесь было для великороссов не только непривычным, но и вообще непонятным. По образному выражению В.О. Ключевского, «московское правительство, присоединив Малороссию, увидело себя в тамошних отношениях, как в темном лесу»[88].

«Масла в огонь подливало соперничество из-за недавно завоеванной союзными российско-украинскими войсками Белоруссии, где население явно отдавало предпочтение казацкому укладу перед московским

[85] Цит. по: *Литов М.* Киевская Русь: Киев или Русь? // Новое время. 1991. № 24. С. 33–34.

[86] *Ефименко А.* Южная Русь... Т. I. С. 84.

[87] Там же. С. 84–85.

[88] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. III. С. 119.

и часто присягало на верность гетману, а не царю. Эта скрытая борьба "одной Руси с другой за третью" едва не привела к открытой войне. Москве понадобилось немало времени, чтобы всеми правдами и неправдами выпроводить украинских казаков из Белоруссии»[89]. В этой связи небезынтересен следующий факт. В июне 1657 г. население Пинского повета признало власть Б. Хмельницкого (а не московского царя, войска которого находились в Белоруссии) и получило от гетмана соответствующую грамоту — своеобразную «конституционную хартию»[90].

Одна из причин (*не основная, конечно, и не единственная*) Руины 1660–1680-х гг. — украинской *Смуты* — поиск украинским казачеством варианта самобытного развития. Казачество как бы вновь, как когда-то Б. Хмельницкий, перебрало все возможные союзнические комбинации Украины и в большинстве своем все же признало «российский вариант» оптимальным (идеальный вариант самостоятельного существования Украины оказался тогда невозможен), в том числе оптимальным и в смысле сохранения самобытности: для одних в этом никогда и не возникало сомнений, другим же понадобилось время и те тридцатилетние испытания Руины, которые пережила Украина. Итогом Руины, или первой гражданской войны в истории Украины, стало то, что Россия, и без того ослабленная непрерывными войнами этого периода с поляками, шведами и турками, сумела совместно с всегда существовавшей и теперь усилившейся «пророссийской партией» Украины отстоять решения Переяславской Рады лишь только для Левобережья и Запорожья, а также крохотного киевского анклава на Правобережье (условия «Вечного мира» 1686 г. с Речью Посполитой). Таким образом было закреплено в будущем многолетнее, более чем вековое раздельное существование Левобережной и Правобережной Украины между двумя государствами. Отныне украинское казачество (как и украинский народ в целом), расколотое надвое, должно было одновременно и параллельно существовать в двух совершенно разных исторических общественно-политических ситуациях. Ничего хорошего это ему не обещало.

***

Первым суждено было погибнуть как историческому явлению казачеству Правобережья, но перед гибелью ему удалось довольно громко заявить о себе.

[89] *Субтильный О.* Украина: история. Киев, 1994. С. 177.

[90] *Грушевский М.* Очерк истории украинского народа. С. 244.

Уже в начальный период Руины казачество и вообще население в Правобережной Украине численно значительно уменьшилось и ослабело. С капитуляцией протурецкого гетмана П. Дорошенко и переходом остатков казаков на левый берег, законченным «згоном Самойловича» в 1679 г., казачество на Правобережье прекратило свое существование (за исключением маленького киевского округа, принадлежащего левобережной Гетманщине). Но ненадолго.

Польские паны, вернувшись на Правобережье, стали восстанавливать там крепостнические порядки и жестокий национально-религиозный гнет. В ответ с середины 1680-х гг. на т.н. *нейтральной* территории (Брацлавщина и правобережная южная Киевщина), а также в Киевском Полесье беглые крестьяне и казаки образовали несколько полков. Этому способствовало и то, что польский король Ян Собеский стоял за использование казачества в борьбе с усилившейся турецко-татарской угрозой. Навербованные им казацкие отряды сыграли важную роль в разгроме турок под Веной в 1683 г. Стараниями Собеского в 1685 г. сейм принял конституцию, восстанавливающую казачество с обещанием возврата ему давних вольностей. Король определил для этого нового казачества земли на юг от реки Роси.

Возрождение казачества связано с выдающейся ролью С. Палия (Гурко), участника битвы австрийских, польских, украинских, баварских и саксонских войск с турками под Веной (1683 г.). Казачество Правобережья росло как за счет местных жителей, так и выходцев из Левобережья, уходивших от усиливавшегося феодального гнета в Гетманщине, а также из Запорожья. При этом возрожденное правобережное казачество стало почти сразу же выходить из-под контроля польских властей. Оно распространялось за пределы отведенной ему территории на Полесье и на запад вплоть до Подолии. Неформальной столицей правобережного казачества стал Фастов, где управлял полковник С. Палий. Будучи одним из нескольких правобережных полковников, но при этом «первым среди равных», он по объему власти и авторитету во многом напоминал гетмана. Уже в 1688 г. Палий обратился к левобережному гетману И. Мазепе с просьбой взять на себя посредничество в переговорах с московским правительством, чтобы Фастовщина перешла под протекцию России. Москва, только недавно заключившая «вечный мир» с Польшей, не желала портить с ней отношений, тем более что всех еще объединяла турецкая угроза. Палию было предложено перейти со своими казаками на левый берег, но они на это не пошли, не желая терять свою территорию. Правобережные

казаки во главе с Палием уже не скрывали своего враждебного отношения к Речи Посполитой и все более открыто противостояли ей.

Ситуация для казаков ухудшилась с заключением в 1699 г. Карловицкого мирного договора с Турцией, после которого турецкая угроза для Речи Посполитой ослабла. В 1700 г. сейм постановил упразднить казачество.

«Но невозможно было и предположить, чтоб на этой почве, пропитанной кровью, пролитой за свободу, дело могло обойтись мирно. Борьба была неизбежна»[91]. Правобережное казачество и крестьянство ответило на новое наступление панских порядков восстанием 1702–1704 гг., которое возглавили Палий и Самусь. Несмотря на решительное и жестокое польское противодействие, значительная часть Правобережья и Подолии оказалась в руках местного казачества, к тому же сюда вступили казацкие полки левобережного гетмана И.С. Мазепы. Край фактически перешел под контроль России; казачество и вообще население Правобережья вздохнуло с облегчением. Однако восставшие получили удар в спину: стараясь угодить польским панам и в то же время сохранить Правобережье под своим контролем, Мазепа арестовал народного вождя и выдал его царскому правительству, обвинив в измене (связях со шведами). Восстание было подавлено (1704 г.). В 1705 г. по приказу Петра I Палий был сослан в Сибирь (в Енисейск[92]; по другим данным, в Томск[93]).

Тем не менее Правобережная Украина продолжала частично находиться под казацким военным контролем с ориентацией на Россию. В 1709 г. после измены Мазепы Палий был возвращен из ссылки. Ожидалось, что Петр I сделает Палия гетманом[94], но этого не произошло: слишком неудобен он был для российских властей как вождь не только национально-освободительного, но и антифеодального движения[95].

В 1711 г. после неудачного Прутского похода Петр, по условиям мирного договора с турками, отказался от видов на Правобережную

---

[91] *Ефименко А.* Южная Русь... Т. I. С. 105.

[92] *Антонович В.* Содержание актов о козаках правой стороны Днепра (1679–1716) // Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Акты о козаках (1679–1716). Киев, 1868. Т. II. С 175.

[93] Сибирский календарь. Новосибирск. 1997. 3 января.

[94] *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской битвы (1709–1714). М., 1990. С. 29.

[95] Избранию Палия гетманом могли помешать также преклонный возраст (более 60 лет) и тяжелое состояние здоровья. В 1710 г. С. Палий умер.

Украину, обязался не вмешиваться в дела Речи Посполитой и вывести из нее войска. В 1711–1714 гг. воинские команды переселяли за Днепр население правобережных полков. По завершении этого в 1714 г. поляки окончательно вступили во владение правобережным Поднепровьем. По мнению составителей «Архива Юго-Западной России», казачество как самостоятельное учреждение окончательно прекратило свое существование на правой стороне Днепра в 1716 г.[96]

Почему же, несмотря на реставрацию панских порядков, усиление национально-религиозного гнета и неугасаемые казацкие традиции, казачество на Правобережье после 1716 г. уже не восстановилось? Мы видим здесь четыре основные причины. Во-первых, поляки стали очень твердо препятствовать малейшим признакам возрождения казачества на своей территории (если не считать разрешения магнатам заводить совершенно декоративную надворную «казачью милицию»). Во-вторых, значительное число казачьего населения Правобережья ушло перед возвращением поляков на Левобережье. В-третьих, являясь в XVIII веке стратегическим союзником с Речью Посполитой, феодальная Российская империя также не была заинтересована в возрождении казачества в соседнем государстве. В-четвертых, Запорожская Сечь, которая могла бы стать военно-политическим плацдармом для возрождения казачества на Правобережье, будучи разгромлена Петром I и с 1709 по 1734 гг. находясь вне Запорожья (в пределах Крымского ханства), не могла сыграть такую роль, а после возвращения стала уже более подконтрольной государству[97].

Последней более-менее заметной, но безуспешной попыткой возрождения казачества на Правобережье стало антифеодальное и национально-освободительное восстание в 1768 г. — «колиивщина». В этих событиях слились: партизанское, по сути, гайдамацкое движение; массовые протестные выступления крестьян, мещан, православного духовенства против ненавистной унии и зверств антирусской, агрессивно-католической Барской конфедерации; наконец, приход на помощь населению Правобережья групп казацкой бедноты из Запорожья. Участники восстания рассчитывали и на помощь российских войск, вступивших на территорию Речи Посполитой в целях подавления мятежа конфедератов. Украинские повстанцы были настроены не просто пророссийски — они надеялись

[96] Архив Юго-Западной России Ч. 3. Акты о козаках (1679–1716). Т. II. С. I. (Предисловие М. Юзефовича).

[97] Впрочем, с середины 1730-х гг. она все же стала базой для гайдамацкого движения на Правобережье — «исторической тени» здешнего былого казачества.

на воссоединение Правобережья с Россией. У восставших имелись планы восстановления на Правобережье казацкого правления.

Вероломное пленение повстанческих вождей М. Железняка и И. Гонты русскими войсками и совместная с поляками расправа русских над восставшими и их вождями, на первый взгляд, не поддаются логическому объяснению. Колиивщина, при всем ее классовом антифеодальном характере, была национально-освободительным движением с православной идеологией и, главное, с пророссийской ориентацией. Восставшие пытались идти по стопам Хмельницкого и Палия. Царизм, если бы захотел, мог попытаться управлять движением через лидеров. Опираясь на него, при желании можно было бы уже тогда воссоединить остальную Украину с Россией. Но Екатерина II и ее советники проявили потрясающий «дворянский интернационализм» в отношении польского дворянства (и даже в ущерб российским государственным интересам). Мотивами такого поведения могли также стать опасение возникновения на Украине еще одного очага казачества (наряду с Запорожьем и остатками Гетманщины на Левобережье), уверенность в возможности решить «русский вопрос» в Речи Посполитой «сверху» (что и было сделано в течение следующей четверти века в результате разделов Речи Посполитой).

***

Левобережная Украина (Гетманщина) в составе России развивалась иначе. На протяжении значительного отрезка времени (с середины XVII в. до начала 80-х гг. XVIII в.) она сохраняла особенности политического и административно-территориального устройства — старшинскую администрацию, деление территории на полки и сотни, местные казачьи формирования и т.д. В результате великой освободительной войны 1648–1654 гг. на Левобережье были временно ослаблены феодально-крепостнические отношения и юридическое закрепощение крестьян здесь стало возможным лишь в 1783 г.[98]

В первый период своего освобождения от Польши (т.е. примерно до начала XVIII в.) эта территория представляла собой «по типу своей социальной организации военный лагерь на демократической подкладке. Равенство прав и обязанностей было полное: каждый мог занимать из неисчерпаемого запаса свободных земель столько,

[98] Правда истории против фальсификаторов. (Критика буржуазных и буржуазно-националистических фальсификаций истории Украины). Киев, 1982. С. 94.

сколько мог захватить фактически трудовым захватом; каждый мог участвовать в выборе уряда, начиная от сельского атамана, кончая гетманом; каждый мог быть выбран на всякий уряд. Слабо намечались кое-какие общественные дифференциации <...> Самое важное, что между козаком[99] и посполитым (крестьянином. — *А.Ш.*), между которыми история в течение следующего полустолетия успела вырыть пропасть, лежала пока лишь легко стираемая черта чисто-фактического различия: кто хотел и мог отправлять казацкую службу — был козаком; кто не хотел или не мог, оставался посполитым, заменяя козацкую службу отбыванием податей и повинностей. При таком строе общества — демократическом, так сказать, до мозга костей — не было места дворянству. И однако оно явилось, и явилось не актом внешнего насилия, а естественным путем внутреннего роста»[100].

Постепенное развитие в недрах этого общества феодальных отношений становится вполне заметным с гетманства Самойловича и Мазепы. «Конечно, среди народной массы, сохранявшей живую память о великом движении, “скасовавшем” шляхетский режим, этот процесс нового закрепощения вызывал сильнейшее неудовольствие»[101]. Наиболее ярким проявлением этого недовольства стало движение и попытка восстания бедноты 1692–1696 гг. под руководством П. Иваненко (Петрика).

В первой половине XVIII в. царским правительством и гетманским правлением было официально отменено большинство давних привилегий рядовых казаков (относительно свободное распоряжение собственной землей, освобождение от государственных повинностей и поборов), а также значительно ограничено их право заниматься промыслами, ремеслами, торговлей. Постепенное обезземенивание и обнищание большей части казаков обусловило появление, а затем и быстрый рост таких групп, как «мало грунтовые», «нищетные» и «крайне нищетные».

Среди социальных групп населения Левобережной Украины в первой половине XVIII в. господствующее положение занимала казацкая старшина, захватившая ключевые позиции в экономике и управлении края. Она широко пользовалась правом наследственной земельной собственности, свободного занятия промышленной и торговой деятельностью, «отбирания послушенства» у посполитых.

[99] Слово «казак» здесь дается в орфографии источника — «козак».

[100] Ефименко А. Южная Русь... Т. I. С. 149–150.

[101] Грушевский М. Очерк истории украинского народа. С. 288.

Старшина освобождалась практически от всех видов повинностей и поборов. Ее единственной обязанностью являлось несение воинской службы, которая в большинстве случаев тяжелым бременем ложилась на плечи рядового казачества. К старшине в экономическом и социально-правовом отношении тесно примыкала украинская шляхта, которая занимала административные и военные должности. Подобно старшине и шляхте привилегированное положение занимало и высшее православное духовенство.

В целом в ходе развития производственных отношений на Левобережье наблюдались сложные процессы: с одной стороны, имело место стремление господствующего класса к установлению сословной замкнутости и строгой иерархии, с другой — углубление капиталистических тенденций в социально-экономической сфере (формирование частной собственности на землю, концентрация капитала, увеличение доли вольнонаемного труда и т.д.)[102].

В то время как в России господствовало жестокое крепостное право, напоминавшее рабство, и похожее крепостное право было восстановлено поляками к середине XVIII в. на Правобережье, на российской Украине (Малороссии, или Гетманщине) вольный крестьянский переход существовал до 80-х гг. XVIII в. (в России отменен в конце XVI в.). Казацкая старшина и местная шляхта издавна стремились прекратить эти переходы, мечтая о закрепощении не только посполитых, но и вольных казаков. Особенно содействовал этому К. Разумовский, гетман Малороссии с 1750 по 1764 гг. Он первым начал раздавать казенные земли с посполитыми в полную наследственную собственность вместо временного владения. Это происходило в таких размерах, что вскоре после правления Разумовского во всех областях российской Украины было не более 2 тыс. крестьянских дворов, не розданных в частное владение[103].

Екатерина II с самого начала своего царствования стала принимать меры к прекращению вольного перехода крестьян на Украине. По указу 1763 г. переход был затруднен. По окончании IV ревизии 3 мая 1783 г. был издан закон, по которому крестьяне должны были остаться на тех местах и за теми владельцами, где их застала ревизия. Таким образом, более миллиона крестьян оказались в частном владении и скоро сравнялись по правовому положению с велико-

[102] *Гуржий А.И.* Эволюция феодальных отношений на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. Киев, 1986. С. 84–85, 98.

[103] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 8 т. Т. V. М., 1958. С. 142–143.

русскими крепостными. Успеху этого закрепощения способствовало и то, что Екатерина распространила на казацкую старшину и украинскую шляхту права русского дворянства (1785 г.)[104]

Реставрации феодализма и возвращению Украины в лоно стандартной государственной цивилизации способствовало и наступление царизма на автономию и самобытность общественно-политического устройства. После предательства И.С. Мазепы гетман фактически назначался правительством. В 1722 г. царским правительством была учреждена т.н. *Малороссийская коллегия*, и гетманская власть, таким образом, оказалась ограничена, причем с 1722 по 1727 гг. место гетмана пустовало. После смерти гетмана Д. Апостола в 1734 г. гетманство вновь де-факто перестало существовать (под воздействием царской власти выборы нового гетмана не состоялись). По указу императрицы Анны Иоанновны до избрания нового гетмана, «пока кто к оному знатному уряду достойний сищется, определенно править Малую Россию шести персонам: тром великороссийским, а тром малороссийским, — в том числе во первих и князю Шаховскому да обозному генералному господину Якову Лизогубу с прочими»[105]. «Достойний» сыскался лишь в 1750 г., но возобновленное гетманское правление теперь мало чем напоминало гетманство второй половины XVII — начала XVIII вв. С точки зрения украинской самобытности оно все более носило декоративный характер. К. Разумовский, гетман с 1750 по 1764 гг., фактически являлся царским наместником Украины (со всеми вытекающими отсюда последствиями). После упразднения гетманства в 1764 г. порядки Гетманщины еще некоторое время сохранялись в урезанном виде. История Гетманщины закончилась в 1783 г. с установлением крепостного права на Левобережье, отменой казачьей службы, полкового деления и упразднением украинского казачества.

***

Почти одновременно завершилась судьба запорожской вольницы. Запорожье, будучи генетически связано с Гетманщиной и сообщив ей в середине XVII в. форму общественно-политического устройства, со времен Б. Хмельницкого также существовало в условиях российского протектората, но было более свободной территорией и обладало большей, чем Гетманщина, степенью общественно-политической автономии.

[104] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 8 т. Т. V. М., 1958. С. 143.

[105] Летопись Самовидца с приложениями. С. 318–319.

Продолжая выполнять роль заслона от крымско-татарской и турецкой угрозы, Запорожье оставалось одним из самых главных очагов антифеодального сопротивления в Восточной Европе. Из Запорожья в 1692–1696 г. была предпринята попытка поднять восстание против наступления феодальных порядков на Левобережье. В 1707–1708 гг. часть запорожских казаков поддержали восстание К. Булавина на Дону. Недовольство наступлением Петра I на казачьи порядки стало одной из причин перехода части запорожцев на сторону шведов.

В последовавший после этого разгром войсками Петра I Запорожской Сечи, а также объявление всех запорожцев изменниками заставило их уйти в пределы Крымского ханства и принять подданство у своих заклятых врагов. История т.н. *Алешковской Сечи* продолжалась до 1734 г., когда запорожцам в ответ на их просьбы было позволено вернуться в пределы Запорожья. Сечь вновь стала, хотя уже и не в такой мере, как раньше, центром антифеодального сопротивления — местом побегов крепостных с российского Левобережья и вообще с юга России, а также с польской Украины. В 1751 г. указом императрицы Елизаветы Запорожская Сечь была подчинена гетману Украины, но это лишь в некоторой степени могло повлиять на неприятную для власти ситуацию. В Запорожье к середине 1770-х гг. укрывалось до 50 тыс. беглых крестьян[106]. Кроме того, Запорожье явилось базой антифеодального движения гайдамаков на Правобережье. Весной 1768 г. из Сечи группы казацкой бедноты ушли на Правобережье, чтобы принять участие в «колиивщине». В декабре того же года восстание казацкой бедноты произошло в самой Сечи. Все это не могло не беспокоить царское правительство. После разгрома пугачевщины (во время которой в Сечи тоже происходили волнения), а также в условиях изменения геополитической обстановки в Северном Причерноморье в пользу России царское правительство приняло решение о ликвидации Запорожской Сечи и особого устройства Запорожья. В начале июня 1775 г. царские войска окружили Запорожскую Сечь, принудили казаков к сдаче и разрушили крепостные сооружения. Войско Запорожское, насчитывавшее в это время 26–30 тыс. человек, перестало существовать. Основная масса запорожцев была обречена на неминуемое закрепощение. Стремясь избежать этого, часть их покинула пределы империи и поселилась на Дунае, создав здесь, в пределах владений Османской империи, т.н. *Задунайскую Сечь*[107]. Ничего хорошего здесь запорожцев не ожидало:

[106] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. С. 422.

[107] Там же.

турки пытались использовать их в карательных экспедициях при подавлении национально-освободительного движения православных балканских народов — болгар, греков, сербов. Это вызывало недовольство казаков. Некоторая часть казаков, по данным М. Грушевского, не желая оставаться в Османской империи, вскоре обратилась к императору Австрии Иосифу II с просьбой принять их под свою власть; их приняли, разрешили основать Сечь в австрийских владениях (Банат, низовья Тиссы), и в 1785 г. 8 тыс. запорожцев перешло туда. Однако долго они там не остались и скоро снова снялись с места. Куда они направились, точно неизвестно. М. Грушевский предполагал, что одни вернулись в Турцию, другие ушли в Россию[108].

Оставшиеся находились в Османской империи довольно длительное время, но их недовольство своим положением там росло. В 1828 г. в условиях начавшейся русско-турецкой войны 1500 казаков во главе с кошевым атаманом О. Гладким перешли под Измаилом на сторону русской армии[109].

В Российской империи власти вскоре поняли, что несколько поторопились с разгромом Сечи и ликвидацией Запорожского войска. Через 12 лет после разрушения Сечи (то есть в 1787 г.) в условиях обострения российско-турецких отношений и назревания новой войны по распоряжению царского правительства из бывших запорожцев, остававшихся на территории Российской империи, было образовано новое казачье войско под названием Войско верных казаков. Принявшее активное участие в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., оно было переименовано в Черноморское казачье войско и получило земли к югу от бывшего Запорожья — между Бугом и Днепром. В 1792 г. правительство в целях закрепления территории на Северном Кавказе решило переселить черноморских казаков на Кубань. Хотя в Черноморском войске сохранились некоторые внешние признаки Запорожской Сечи, реально в основу его организации были положены начала, соответствовавшие политике царизма и интересам имущих слоев запорожского казачества[110]. От порядков былого вольного казачества здесь уже почти ничего не оставалось.

«Хотя Запорожская Сечь и перестала существовать, она оставила неизгладимый след в памяти народа. Это объясняется прежде всего

[108] *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. С. 469.

[109] *Голобуцкий В.А.* Сечь Задунайская // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. С. 816–817.

[110] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. С. 423; Он же. Черноморское казачье войско // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. С. 864.

тем, что даже в самые мрачные времена крепостничества Запорожье продолжало оставаться областью, не знавшей ни крепостного права, ни тех тяжких форм феодальной эксплуатации, которые развились и упрочились в центральных районах страны. Запорожье в течение более чем двух веков привлекало к себе угнетенные элементы феодального общества, в первую очередь крепостных крестьян, перспективой освобождения от цепей крепостничества и превращения в свободных производителей. Запорожские казаки вели героическую борьбу против социального и национального гнета. Все это определило то почетное место, которое по праву заняло запорожское казачество в истории украинского народа»[111].

***

Можно, конечно, с разных идейных, методологических и других позиций оценивать значение украинского казачества, великой освободительной войны и того социально-политического строя, что был установлен в середине XVII в. на Украине по еще более раннему образцу Запорожья. Но фактом является то, что на более чем 100 лет Восточная Украина оказалась вырванной из феодального строя в его крайних формах: жесточайшее польско-литовское крепостное право было навсегда устранено, а российское сумело утвердиться здесь лишь во второй половине XVIII в. И даже на Правобережной Украине, возвращенной под власть Речи Посполитой и полностью лишенной вскоре после этого казачества, реставрация польско-литовского крепостного права заняла десятилетия, окончательно завершившись лишь к середине XVIII в. Что касается Запорожья, то его территория на протяжении почти трех веков была социальным убежищем, очагом антифеодального сопротивления и негосударственной самоорганизации угнетенных слоев украинского народа.

***

Вольное казачество на протяжении столетий влияло на жизнь в обширном регионе Восточной Европы, в том числе и в России, самым разным образом. «Идеализированное представление о вольной казацкой жизни питало стремление к всеобщему “показаченью”, ярко проявившееся и в ходе крестьянско-казацких восстаний на Украине

[111] *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. С. 423.

в XVII в., и особенно во время крестьянской войны Пугачева, когда оно приобрело характер программного требования восставших»[112].

Следует в целом согласиться с выводом И.Г. Рознера: «Несмотря на стремление казачества возглавить борьбу всех антифеодальных элементов, повести их на решительный штурм крепостнических порядков, оно не могло подняться до политической и организационной роли буржуазии на заре ее развития. Казаки, в отличие от бюргерства, не представляли такие передовые отрасли производства, как ремесло и мануфактура, а были связаны с промыслами и сами в недавнем прошлом являлись крестьянами. В силу этого ни казачество, ни казацкие "республики" оказались не в состоянии распространить свое влияние на всю страну»[113].

Нельзя отрицать определенной социальной дифференциации и некоторого социального противостояния в казачьих областях России «вольного периода», а также на Украине (в Запорожье и Гетманщине периода ее существования). Но, несомненно, что в условиях казачьей демократии трудовому народу в это время было легче, сподручнее отстаивать свои социальные права.

Однако XVIII век в истории казачества повсеместно стал временем социально-экономической и политической «стандартизации» казачьих областей, их огосударствления.

3. Аналоги в Европе: Крайна (XVI–XVIII вв.)

Существовавшая столетиями обширная зона геополитической неустойчивости между христианским и мусульманским мирами от юга России до Пиренейского полуострова неизбежно должна была вызвать сходные явления новой военной демократии. Наряду с российским и украинским казачеством сюда следует также отнести испанские бегетрии XI–XIV вв. (с большими оговорками), в некоторой степени военные пограничные поселения гайдуков и секеев в Трансильвании, союзы общин хорватско-далматинских ускоков XVI в., а также возникшую на основе последних югославянскую (по составу в основном хорватскую и сербскую) Крайну — автономную военную область во владениях австрийских Габсбургов на границе с турецкими владениями, получившую в дальнейшем название Военной границы.

[112] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. М., 1986. С. 445.

[113] *Рознер И.Г.* Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XV–XVIII вв. С. 55.

На «социально-генетическое» сходство не только украинских и российских (донских, уральских, сибирских) казаков, но и балканских ускоков обратил внимание еще в XIX в. профессор М.О. Кояло-вич. Сюда же он не вполне справедливо отнес и черногорские общины и племена: вся Черногория, по его мнению, «справедливо может быть названа казачеством». Общими причинами возникновения казачества и родственных ему явлений, по мнению Кояловича, являлась защита родины и борьба «с азиатским миром крайними мерами, когда обыкновенные, государственные средства оказывались недостаточными»[114]. В более поздних исследованиях также отмечалось известное сходство этих явлений[115].

Ускоки (в переводе с сербско-хорватского — беглецы, перебежчики) — военные поселенцы в Хорватии XVI–XVII вв., в большинстве своем беженцы из находившихся под властью турок югославянских земель. Главными центрами размещения ускоков были города-крепости Клис и Сень (День, Ценг) на Адриатическом побережье и Жумберка на хорватско-словенской границе. Основным источником существования ускоков являлось собственное хозяйство. Во время военных действий ускоки получали от бана денежное вознаграждение и имели право на ⅔ военной добычи.

Османское наступление в XVI в. продолжалось. В 20-х гг. XVI в. туркам удалось овладеть важнейшими хорватскими крепостями в Далмации — Обровацем, Книном и Синем, а в 1537 г. пало последнее хорватское укрепление в Далмации — Клис, которое в течение многих лет героически обороняли ускоки. Еще в 1521 г., после падения Белграда, и далее поток сербских, боснийских и восточно-хорватских беглецов стал переселяться на австрийскую территорию под названием влахов, сербов, рашчан, краишников, ускоков. Последнее наименование закрепилось за краишниками Жумберацкой и Сеньской капитаний. Основное ядро военных поселений Сеня составили ускоки, переселившиеся сюда из Клиса после его падения в 1537 г.[116]

Сеньские (ценгские) ускоки на приморской границе снискали особую славу. Более столетия они были грозой Адриатики и наносили из своей неприступной крепости чувствительные потери как Османской империи, так и Венецианской республике[117].

[114] *Коялович М.О.* Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. С. 217.

[115] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 392.

[116] История Югославии. Т. I. С. 229, 237.

[117] История человечества. (Всемирная история) / под ред. Г. Гельмольта. СПб., б.г. Т. V. С. 159–160.

Уже в 1535 г. поселенцам были дарованы большие привилегии и свобода от податей[118]. Таким образом, в XVI в. в пограничных районах империи Габсбургов постепенно сложилась укрепленная пограничная полоса, так называемая Хорватско-Славонская Крайна (или Военная Граница)[119], имевшая определенную автономию и практически безгосударственное внутреннее устройство.

Крайна была заселена полусвободным населением — «краишниками», «граничарами» и т.д. Сходство с Украиной проявлялось не только в названии Крайна. Сложившееся здесь крестьянское население очень напоминало украинское (и южнорусское) казачество, выполнявшее очень сходные военно-политические функции[120].

Поселенцы (прежде всего хорваты) вели героическую борьбу против турецкого наступления, не ослабевавшего до конца XVI в. Хорватию в это время именовали форпостом христианского мира[121].

После окончания австро-турецкой войны 1593–1606 гг., в которой ускоки приняли активное участие, они самовольно нападали на венецианские суда, что привело к конфликту Габсбургов с Венецией. Стремясь сгладить конфликт, австрийцы в начале XVII в. приняли против ускоков репрессивные меры вплоть до смертной казни. Ускоки ответили сопротивлением, и в 1615–1617 гг. дело дошло до так называемой Ускокской войны, после которой ускоки были выдворены с побережья. Но поселенцев использовали в Крайне (Военной Границе), которая в более-менее законченном виде сложилась к началу 1630-х гг.[122] К этому времени за вольными поселенцами Крайны закрепилось наименование граничар.

С начала XVII в. светскими и духовными феодалами стали предприниматься попытки подчинить своей власти граничар-влахов Славонско-Хорватской Крайны. Подобного рода намерения проявились уже в связи с переселением влахов из турецких владений на хорватскую территорию, освобожденную в ходе войны 1593–1606 гг. Основанием феодальных притязаний являлось то, что граничары селились на землях, некогда входивших в состав феодальных владений. Граничары решительно выступили против подобных притязаний, заявляя, что готовы скорее умереть, чем подчиниться господам.

[118] История человечества. (Всемирная история)... / под ред. Г. Гельмольта. СПб., б.г. Т. V. С. 159–160.

[119] История южных и западных славян. М., 1969. С. 117–118.

[120] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 392.

[121] История Югославии. Т. I. С. 238.

[122] История южных и западных славян. М., 2001. Т. 1. С. 97–98.

Заинтересованный в охране границы, Фердинанд II в 1630 г. издал специальный статут, регламентировавший положение влахов Славонской Крайны, согласно которому им было предоставлено право внутреннего самоуправления: они могли выбирать своих «кнезов», исполнявших административные и судебные функции в селах, а также верховных судей с восемью присяжными для каждой капитании. Вместе с тем статут подчеркивал обязанность всех влахов-мужчин с 18-летнего возраста нести военную службу. Хотя статут 1630 г. непосредственно относился лишь к Славонской Крайне, его влияние сказалось также и на положении граничар в Хорватской Крайне[123].

Наступление на права граничар (изъятие, нередко полностью, военной добычи; запрет собраний, кроме выборных; удержание военными властями части жалования и т.п.) вызывало сопротивление, перераставшее иногда в вооруженную борьбу. В течение XVII в. это происходило неоднократно: в 1665–1666 гг. в Вараждинском генералате; в Лике в 1692 г.; в Вараждинском генералате в 1697 г.[124]

Назвать краишника крестьянином значило тяжело оскорбить его, за это могли и убить. И тем не менее в XVIII в. граничары все больше сближались по своему социальному положению с зависимым крестьянством[125], хотя и сохраняли ряд особенностей своего менталитета и остатки автономии.

Из свидетельств исследователя-очевидца А.Д. Эванса, относящихся к более позднему времени (XIX в.), когда огосударствление Крайны уже окончательно завершилось, можно составить некоторое мнение об уникальном и самобытном характере ее жителей, выкованном тремя столетиями борьбы с турками и отстаивания социальной справедливости, свободы в противостоянии с австрийскими, венгерскими и хорватскими феодалами. «Помимо наклонности к единению, — пишет А.Д. Эванс, — в этом коммунистическом обществе была еще одна хорошая сторона, в особенности поражавшая свежего человека, только что прибывшего сюда из страны грубоватых и скупых нижне-саксонцев, — а именно: какая-то жизнерадостность, щедрость, готовность угостить. <...> Население Границы <...> отличается столь же веселым характером, как и яркими цветами одежды; здешние люди гостеприимны, общительны, напоминают обитателей счастливой Аркадии, о которых поэт говорит, что “не было у них ни запоров у дверей, ни засовов у окон; их

[123] История Югославии. Т. 1. С. 247–248.

[124] Там же. С. 248.

[125] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 392.

жилища были открыты настежь, как сердца их хозяев". <...> Кроме того, общинная система препятствует увеличению уже имеющегося пролетариата; подобострастная услужливость отсутствует там, где все равны, все одинаково помогают друг другу и господствуют друг над другом; если кто-нибудь из братьев оказывается чрезмерно ленивым, остальные члены общины стараются влиять на него путем нравственного убеждения. Здесь мы имеем нечто вроде промышленной полицейской организации». И в то же время «побудительные причины к труду и сбережению ослаблены здесь отсутствием личного интереса, т.к. все добытое делится между членами общины. <...> Правда, по закону каждый имеет право откладывать свою часть барышей; но кто станет это делать? Это значило бы колоть глаза другим и идти наперекор общественному мнению»[126].

Характерно, что Военная граница с ее уникальным общественным устройством являлась притягательным примером в борьбе помещичьих крестьян соседних гражданских областей. Так, в первой половине XVIII в., в период обострения классовой борьбы в Банской Хорватии и Славонии, крестьяне бежали от помещиков, становились гайдуками и скрывались на территории Военной Границы. В связи с тем, что в первой половине XVIII в. граничары все еще пользовались определенными свободами во владении землей, были лично свободными и имели самоуправление, антифеодальные устремления хорватских кметов часто выражались в требованиях присоединения их края к Военной Границе, а подчас и в насильственных попытках установления в селах граничарских свобод. Были случаи, когда кметы присоединялись к восставшим по соседству граничарам[127].

В XVIII в. наступление на права граничар продолжалось. С конца 1730-х гг. Габсбурги приступили к последовательному реформированию внутреннего устройства Военной Границы, целью которого стало: унифицировать общественно-экономический и политический строй отдельных частей Военной Границы; превратить граничарское ополчение в регулярную армию с максимальным охватом мужского населения военной службой; возложить на Границу финансовое содержание ее войсковых частей. Реорганизация свелась в основном к замене самоуправления централизованным военным управлением, ограничению прав граничар на земельные участки, стеснению их свободы передвижения, созданию полковых округов, установлению

[126] Цит. по: *Спенсер Г.* Сочинения. Основания социологии. СПб., 1898. Т II. С. 688.

[127] История Югославии. Т. I. С. 258.

воинской повинности с 16 лет до 60, введением новых платежей и повинностей, заменой местных офицеров австрийцами, введением в качестве официального австрийского языка. Серия реформ 1730–1740-х гг. завершилась в 1754 г. изданием для двух генералатов законодательных правил, которыми было окончательно унифицировано устройство этих генералатов и одновременно ликвидированы последние остатки граничарского самоуправления. Позднее эти законодательные правила были распространены и на другие части Военной Границы[128].

Таким образом, во второй половине XVIII в. в основном завершилось складывание особой военно-феодальной системы Границы. Подобно казачеству России и Украины, потерявшему во второй половине XVIII в. свою общественную самостоятельность и уникальность, Военная Граница в империи Габсбургов примерно в тот же период была стандартизирована так, как это было угодно и удобно феодально-абсолютистскому государству, стремившемуся поставить под контроль все и вся.

К этому следует добавить, что граничары, как и казаки России и Украины, активно сопротивлялись феодально-государственной социально-политической экспансии.

Оказывая сопротивление наступающему военно-феодальному строю, граничары на протяжении XVIII в. неоднократно поднимали восстания: в Банской Границе в 1706 г.; там же в 1730–1731 гг., причем тогда к граничарам присоединились и местные кметы. в Славонской Посавинев 1735 г; на театрах боевых действий во время войны за австрийское наследство; в Банской Границе в 1751 г; наконец, в Вараждинском генералате в 1755 г.[129]

Восстание 1755 г. стало реакцией граничар на дальнейшее наступление феодально-государственных порядков, а поводом явился приказ вносить деньги на новую униформу. Повстанцы сделались хозяевами почти всей Вараждинской Границы. Вскоре они собрались на 20-тысячную скупщину в Северине и провозгласили создание Северинской общины как общественно-политической организации повстанцев. Восстание было жестоко подавлено, хотя некоторые второстепенные требования граничар и были удовлетворены. Это восстание стало последним крупным вооруженным выступлением граничар в XVIII в.[130]

[128] История Югославии. Т. I. С. 253.

[129] Там же. С. 258.

[130] Там же.

4. Аналоги в Америке: береговые братства (XVII в.)

Феномен береговых братств — сообществ флибустьеров, буканьеров, земледельцев, торговцев на островах Карибского моря и его побережье в XVII в. — еще одно, довольно своеобразное и специфическое, проявление новой военной демократии. То, что пиратство здесь вышло за свои привычные рамки только лишь морского грабежа (рамки, известные на протяжении тысячелетий), некоторые историки время от времени отмечали, но делали это фрагментарно, эпизодически. «Являясь деклассированным элементом и не подчиняясь обычному действовавшему в европейских странах законодательству, — отмечалось в первом издании БСЭ, — Ф[либустьеры] создали свою самоуправляющуюся организацию, центр которой находился на захваченных ими островах: на о-ве Св. Христофера, а затем, после изгнания их оттуда, — на о-ве Сан Доминго (Гаити). Особый расцвет флибустьерства падает на 70-е гг. 17 в., когда морские разбойники, завоевав Панаму, фактически распространили свое влияние на все побережье Америки и торговые пути к ней. <...> Пираты были грабителями, но тем не менее иногда вызывали симпатии у своих соотечественников. В их действиях нередко видели протест против несправедливых общественных порядков, а в них самих, как и в разбойниках на суше, — бунтарей. Несправедливое устройство общества создавало социальную почву для пиратства. Неслучайно во время допросов и пираты, и разбойники нередко оправдывали свой бунт притеснениями, беззаконием, нищетой. И хотя, кажется, никто из пиратов не достиг популярности Робина Гуда, все-таки простые люди нередко смотрели на них как на мстителей сильным мира сего. Да и у просвещенных современников пираты нередко вызывали восхищение. И отчаянно дерзкими атаками, и введением новых приемов боя — этот опыт изучали и заимствовали адмиралы европейских держав. И размахом своих действий — ведь пираты создавали большие объединения, пиратские республики. И разрывом с обычными для своего времени представлениями — пиратам приходилось снимать шоры тех традиций, привычек, которые ограничивали тогда кругозор людей, ломать многие барьеры в сознании. А ведь нарушить верность королю, отказаться от привычных форм государственного устройства и общественного порядка было непросто. Человеку во все времена трудно разорвать общественные связи, освободиться от них»[131].

[131] *Давидсон А.* Предисловие // *Нойкирхен Х.* Пираты: Морской разбой на всех морях. М., 1980. С. 8.

По мнению И. Можейко, в XVII — начале XVIII в. «пиратские общества, как и родственные им разбойничьи и казачьи вольницы, были несомненными генераторами уравнительных идей»[132]. Немецкий историк Пфлуг-Гартунг отмечал, что флибустьеры Карибского моря «образовали правильное сообщество и имели даже нечто вроде законов, которых честно придерживались»[133]. Некоторая информация по социальному устройству и функционированию береговых братств содержится в книге французского исследователя Ж. Блона[134]. Отдельная глава, посвященная пиратским центрам и государствам XVII–XIX вв., в том числе и карибским, имеется в книге В.Ф. Сидорченко[135]. Однако попытки карибских флибустьеров, буканьеров и других поселенцев создать свое общество, отличное от стандартного, до сих пор так и не получили систематического освещения историков.

***

Ж. Блон в целом верно определил срок расцвета флибустьерства эпохи береговых братств Антильских островов в «каких-нибудь семьдесят пять лет, не более»[136], т.е. примерно с середины 1620-х до конца 1690-х гг. Периодизация этой эпохи и эпопеи представляется нам следующим образом:

Конец 1620-х — середина 1650-х гг. — «период Тортуги» — время возникновения, формирования и относительной автономии флибустьеров и береговых братств.

Середина 1650-х — конец 1670-х гг. — «период Ямайки» — время «завинчивания гаек», превращения части Антильских островов в «заморские провинции» Франции, Англии, Голландии и постепенное наступление на автономию береговых братств.

Начало 1680-х — конец 1690-х гг. — «период чистки» — процесс полной ликвидация автономии береговых братств и курс на полное искоренение флибустьерства на Антильских островах.

---

[132] *Можейко И.* Пираты, корсары, рейдеры: очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XVI–XX века). СПб., 1994. С. 179.

[133] *Пфлуг-Гартунг и др.* Всемирная история. СПб., 1911. Т. V (III). Ч. 1. (1500–1650). С. 99.

[134] *Блон Ж.* Великий час океанов. Т. I. Флибустьерское море. Средиземное море. Индийский океан. М., 1993. С. 149.

[135] *Сидорченко В.Ф.* Морское пиратство. СПб., 2004.

[136] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 149.

Первая четверть XVIII в. — период «исторического эха» эпохи береговых братств — отдельные эпизодические проявления активности флибустьеров, в том числе (очень редко) и в социальной сфере.

Для того чтобы территория Антильских островов превратилась в место естественного социального эксперимента, понадобилось сочетание многих факторов. Трансформация обыкновенного морского разбоя в попытки создания альтернативного общества в западной Атлантике XVII века имела целый комплекс причин — исторических, географических, геополитических.

Акватория Карибского моря (другие названия: Антильское, Вест-Индское, Испанское Американское Средиземное, Флибустьерское) — удивительный по красоте природы регион планеты. По своей величине и конфигурации берегов и островов Карибское море и Мексиканский залив — самые западные уголки Атлантики — вполне сопоставимы с европейским Средиземным морем.

В начале XVII в. Антильские острова считались испанскими, однако общий упадок Испанской колониальной империи привел к тому, что она уже не могла эффективно контролировать все свои владения в Южной и Центральной Америке[137]. В этих условиях на островах все чаще и чаще стали появляться и устраиваться англичане и французы.

«Едва ли какая-нибудь другая область в свете действовала на предприимчивых людей более чарующе, чем Антильские острова. Мягкий климат, плодородная почва и кроткое, наивное [коренное] население привлекали сюда колонистов <...>»[138].

«Большие и Малые Антильские острова представляют чрезвычайное разнообразие форм и, соответственно с тем, и разнообразие природных условий, делающих из острова или из той или другой его части местность, в которой пребывание человека крайне тягостно или же, наоборот, чрезвычайно приятно. Большая часть этих островов представляет собою настоящий рай по красоте своих пейзажей, по обилию вод и богатству растительности; при виде некоторых из Антильских островов невольно спрашиваешь себя, не развертывается ли перед глазами зрелище, самое красивое и замечательное на всей земной поверхности? Кроме красоты очертаний и обилия солнечного света и тепла, на Антильских островах человек располагает еще морем, очень часто спокойным и подвергающемся действию пра-

[137] *Пфлуг-Гартунг и др.* Всемирная история. Т. V (III). Ч. 1. С. 118; *Селиванов В.Н.* Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984. С. 75–77.

[138] *Пфлуг-Гартунг и др.* Всемирная история. Т. V (III). Ч 1. С. 97.

вильно чередующихся ветров, — таким образом, безо всякого труда можно передвигаться с острова на остров <...>»[139]. К тому же эти острова изобиловали множеством укромных и неприступных заливов, которые могли служить и десятилетиями служили укрытиями для всех, у кого имелись основания скрываться от закона — испанского, французского, английского, голландского.

В то же время в Англии, Франции и Нидерландах жизнь основной части населения оставляла желать лучшего: эти страны были поражены целым букетом социально-экономических, политических, национальных, религиозных и иных проблем. «Первоначальное накопление капитала» (в том числе и в форме огораживаний); жестокие кровавые законы против бродяжничества; конфликты в верхах общества; первые буржуазные революции в Нидерландах и Англии; войны, в том числе и гражданские; тяжелая Тридцатилетняя европейская война 1618–1648 гг.; религиозные конфликты и преследования диссидентов; крестьянские восстания и голодные бунты горожан; первые забастовки пролетариев; бедность и нищета значительного числа жителей — вот обстановка в основных метрополиях XVI–XVII вв. В предисловии к «Всеобщей истории пиратства» сказано: «У безработных английских моряков есть только один выбор: подыхать с голоду или воровать»[140]. Неудивительно, что многие обездоленные отправлялась в заморские земли и часть из них становилась морскими разбойниками.

Уже в XVI в. пираты и контрабандисты конкурентов Испании — Англии, Франции и Нидерландов — развернули оживленную контрабандную торговлю, а в XVII в. они основали ряд собственных колоний в Карибском бассейне, которые стали базами для непрестанного расширения нелегальной торговой деятельности вдоль испанских берегов. Испания пыталась патрулировать свои колониальные воды, но она никогда не располагала достаточными военно-морскими силами, чтобы воспрепятствовать контрабанде[141].

«Богатая островная область [Вест-Индии] была только частью занята испанцами. Положение ее особенно благоприятствовало торговле с испанскими колониями на материке. Таким образом, Вест-Индия сделалась опорным пунктом и притоном контрабанды, которая развилась во время войн испанцев с нидерландцами и англичанами

[139] *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 408.

[140] Цит. по: *Давидсон А.* Предисловие // Нойкирхен Х. Пираты: Морской разбой на всех морях. С. 15.

[141] *Томас А.Б.* История Латинской Америки. М., 1960. С. 98.

и не прекращалась в наступившее затем мирное время. От контрабанды, промышлявшей также торговлей неграми, было недалеко до морского разбоя, и таким образом в Вест-Индских водах развились флибустьеры и буканьеры, которые создали им к концу XVII столетия славу самого разбойничьего моря в мире. Почти все европейские народы-мореплаватели повинны в этой славе»[142].

Английские, французские и нидерландские пираты XVI — начала XVII в., бороздя воды Атлантики и Карибского моря и наводя ужас на испанцев, были, однако, еще не способны удерживать длительное время какие-либо территории на испанских Антильских островах и образовывать там свои поселения. Для этого не хватало людей, да и особой необходимости пока еще не было. Понадобилась людская волна колонизации 1620–1630-х гг. и более позднего времени, чтобы для пиратов стало возможным и, в известном смысле, необходимым занимать «плацдармы» и удерживать, осваивать их. Государственная колонизация, как в это же самое время и в далекой Сибири, шла вослед негосударственной чуть позади. Вот в этом-то зазоре и появилась возможность возникновения самоуправляющихся и относительно свободных автономных сообществ.

Существуя в зоне значительной геополитической неустойчивости, флибустьеры, буканьеры и другие обитатели береговых братств неизбежно нуждались в некоторой поддержке метрополии, хотя и избегали чрезмерного вмешательства, тяготившего их. Метрополия же, будь то Франция, Англия или Нидерланды, в свою очередь нуждалась в военной силе флибустьеров для осуществления своих внешнеполитических планов в Карибском регионе. В Карибском море существовало три типа пиратов: 1) имевшие жалованную грамоту или поручительство и числившиеся капитанами королевского флота с разрешением «добывать» торговые суда противника (каперы); 2) действовавшие от имени и по поручению торговых кампаний; 3) вольные, не подчиненные никому пираты[143]. Каперы платили королям определенный процент от своей добычи[144].

Совершенно открытой и официальной поддержкой королевы и правительства пользовались английские пираты 1590-х гг. Если в 70-е и 80-е гг. XVI в. пиратство против Испании было запрещено (правда, только формально), то после разгрома Армады достаточно было любому купцу привести какие-либо доказательства о том, что

[142] *Шефер Д.* История колоний. СПб., 1913. С. 61–62.

[143] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 26–27.

[144] *Бродский Б.* Пираты. М., 1965. С. 37.

он в свое время пострадал от Испании, — и ему выдавалась грамота на 6 месяцев для возмещения убытков. Никаких особых усилий не требовалось, чтобы эту грамоту впоследствии возобновить. Разрешение на каперство давалось иногда от имени королевы, но в подавляющем большинстве случаев — от имени лорда-адмирала. Это была обоюдовыгодная финансовая операция. Если в предшествующие годы пираты отдавали часть добычи королеве и ее сановникам негласно, то теперь это делалось вполне официально. Пираты обязаны были десятую часть добычи по возвращении из экспедиции отдавать в пользу лорда-адмирала. Если капитаны отказывались платить эту десятину, то лорд-адмирал мог возбудить против них судебное дело и, надо отметить, он довольно часто вынужден был прибегать к вмешательству Верховного суда Адмиралтейства[145].

Грань между капером и пиратом была крайне туманна. По представлениям того времени, пиратом являлся лишь тот из морских разбойников, который грабил корабли своего короля и его союзников. Время от времени в портах Англии и ее колоний объявлялись списки каперов, которые «неправильно» воспользовались своими свидетельствами и должны были отныне считаться пиратами. После такого объявления вчерашний капер мог быть повешен без суда[146].

Со временем и французские флибустьеры все чаще стали получать право на звание корсара, которое считалось почетным. Они выходили в море с поручительством, подписанным от имени короля Людовика XIV губернатором Сент-Кристофера или Тортуги. Десятую часть добычи пираты Тортуги передавали губернатору острова[147].

Таким образом, с конца XVI до XVII вв. между колониальными властями и флибустьерами возник некий баланс интересов, который, неизбежно являясь временным, существовал до тех пор, пока метрополии не укрепились в регионе (1680-е гг.).

***

Людская волна из Европы, — вторая после XVI в., но более крупная и уже из других стран — накатилась на острова Карибского моря в 1620-е гг. Как и в первый раз, большинство прибывших составляли авантюристы, откровенные преступники, дезертиры, неудачники. Од-

[145] Яброва М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966. С. 85–86.

[146] *Бродский Б.* Пираты. С. 36–37.

[147] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 158.

нако кроме них тут было немало и людей способных, честных, благородных: романтики и мечтатели; религиозные диссиденты (гугеноты Франции, католики и пуритане Англии); младшие сыновья земельных собственников, лишенные наследства; английские крестьяне, согнанные с земли; разорившиеся валлийцы и лишенные земель ирландцы; политические преступники[148]. Среди последних могли встретиться отдельные представители или даже группы оппозиционных радикальных религиозно-политических, социальных и национальных движений и течений Европы: гугенотов, левеллеров, диггеров, квакеров, ирландских повстанцев, французских и английских крестьян-бунтовщиков. Они не могли не влиять на формирование определенного общественного настроения и устройства в новых землях и поселениях, в т.ч. в складывавшихся береговых братствах Сент-Кристофера, Тортуги, Эспаньолы, Марго, Санта-Каталины, Ямайки (Порт-Рояля) и др. Но преувеличивать это влияние не стоит: кроме религиозных диссидентов и людей, пострадавших за справедливость, здесь «не было недостатка и в элементах самого худшего сорта <...>»[149].

В 1623 г. на острове Сент-Кристофер было основано практически первое в регионе поселение колонистов-англичан, а вскоре здесь решили обосноваться французские пираты во главе с Б. д'Эснамбюком. Обе группы поладили, и возникло совместное управление островом — кондоминиум. Это сообщество явилось прообразом будущих береговых братств.

В 1628 г. голландским пиратам во главе с П. Хейном удалось захватить «серебряную флотилию» испанцев, вывозившую из Америки годовую добычу[150]. Испанцы усилили борьбу за порядок в регионе. В 1630 году им удалось вытеснить англичан и французов с Сент-Кристофера: после предъявленного испанцами ультиматума поселенцы покинули остров. Пираты во главе с д'Эснамбюком обосновались на Тортуге — островке к северо-западу от Эспаньолы (он же Сан-Доминго, Гаити)[151].

В конце 1620-х гг. на Эспаньоле появились первые французские и английские буканьеры — относительно мирные поселенцы-охотники на диких буйволов и кабанов, заготовлявшие на продажу копченое мясо — букан[152].

[148] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 24.

[149] История человечества (Всемирная история). СПб., 1904. Т. I. С. 415–416.

[150] *Можейко И.* Пираты, корсары, рейдеры... С. 8.

[151] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 23–29.

[152] Там же. С. 24.

В девственных тропических лесах богатейшего по природе, но почти заброшенного испанцами острова Гаити (Эспаньола) приютилось своеобразное общество — люди, жаждавшие свободы и ненавидевшие всякую законность, нередко дикие, но вполне честные. Все народности имели там своих представителей; больше же всего там было французских матросов из Нормандии. Главнейшим их занятием было буканирование — охота и копчение мяса диких животных. Букан продавали плантаторам и командам кораблей[153].

Буканьеры жили группами по 5–6 человек, по существу небольшими артелями, в грубых хижинах. В каждой группе все скудное добро (за исключением оружия и нескольких котелков) считалось общим владением. Крохотные буканьерские общины назывались *матлонтажами* (корабельными командами), т.к. буканьеры именовали себя матлотами (матросами) и, реже, компаньонами. С какого-то времени они стали называть себя береговыми братьями, желая подчеркнуть узы братства не только внутри каждой группы, но и между всеми охотниками острова. Двери хижин не закрывались: замков на Тортуге и Эспаньоле не знали[154]. Общее количество буканьеров на острове в 1630-е гг. составляло 500–600 человек[155].

В 1630 г. на западном побережье Эспаньолы появились и первые французские пираты-флибустьеры, высадившиеся здесь, вероятно, с соседней Тортуги. В 1635 г. отряд флибустьеров во главе с французом Пьером Леграном захватил большой испанский галион. В ответ на активизацию пиратства в Карибском море испанцы предприняли карательные действия на Эспаньоле против флибустьеров и буканьеров: на них началась настоящая охота с целью истребления. Береговые братья ответили на действия испанцев партизанской войной. Они действовали мелкими мобильными группами; испанские плантации и фермы были сожжены и разрушены, испанские жители небольших поселков в глубине острова истреблены. Тогда испанцы, в целях подрыва экономической основы буканьерства, стали истреблять живность на острове и за два года преуспели в этом настолько, что части буканьеров пришлось покинуть остров. В результате этих событий их количество на Эспаньоле сократилось примерно вдвое

[153] *Пфлуг-Гартунг и др.* Всемирная история. Т. V (III). Ч. 1. С. 98.

[154] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 29–30.

[155] *Эксквемелин А.* Пираты Америки. [Подробные и правдивые повествования обо всех знаменитых грабежах и нечеловеческих жестокостях, учиненных английскими и французскими разбойниками над испанским населением Америки, состоящие из трех частей...]. М., 1968. С. 47.

и в дальнейшем составило около 300 человек. Но радость испанцев была недолгой: многие из бывших буканьеров влились в ряды своих постоянных заказчиков — флибустьеров[156].

В 1638 г. испанцам удалось захватить гнездо флибустьеров Тортугу, однако в следующем году англичане изгнали испанцев и совместно с французами превратили остров в опорный пункт пиратства в Карибском море. В 1640 г. Тортуга перешла под контроль французских флибустьеров во главе с дворянином-гугенотом Левассером. В этом же году на острове стараниями Левассера было узаконено равноправие католической и протестантской религии (во Франции в это время, несмотря на действие Нантского эдикта, наступление на права гугенотов нарастало[157]; в Европе в самом разгаре была (в известной мере религиозная) Тридцатилетняя война). Появились часовни католиков и протестантов. Тогда же на острове возникла торговая фактория Левассера, получившего монопольную концессию. Был выстроен форт-поселение в гавани Бас-Тер. Сюда свозилась военная добыча, и здесь осели прибывшие из Европы негоцианты и ростовщики, скупавшие трофеи и продававшие необходимые товары.

1640-е гг. стали временем социально-экономического расцвета берегового братства на Тортуге: на торговле остров богател и процветал. В нескольких местах острова выросли городки (небольшие поселения): Кайон, Ла-Монтань, Ле-Мильплантаж, Ле-Ринго, Ла-Пуэнт-о-Масон. Численность населения этого крохотного островка постепенно росла и в последнюю треть века достигла 10 тысяч человек, из которых три тысячи были флибустьерами, три — профессиональными или полупрофессиональными буканьерами (охота производилась на Эспаньоле), а четыре тысячи — обывателями (колонистами, занятыми сельским хозяйством) или вербованными (подписавшими обязательство отработать 3 года у хозяина в уплату за свой переезд из Европы)[158]. Одновременно флибустьеры продолжали осваивать Эспаньолу.

В 1645 г. испанцы попытались отбить Тортугу, подойдя к острову на пяти талионах с 600 солдатами на борту, но получили отпор и отступили с большими потерями[159].

---

[156] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 32; *Эксквемелин А.* Пираты Америки... С. 47.

[157] Несколько позднее, в 1685 г., Нантский эдикт был отменен, что вызвало исход части протестантского населения из Франции (История человечества (Всемирная история). Т. VII. С. 115).

[158] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 34–35.

[159] Там же. С. 35.

В 1640-е гг. пираты в союзе с москитами и другими индейскими племенами взяли под свой контроль обширную часть побережья Центральной Америки (Новой Испании), которая тогда слабо контролировалась испанцами. Затем они обратили свои взоры на процветающие испанские поселения, расположенные западнее. Первые сообщения о пиратских набегах внутрь материка на город Матагальпа в западной части центрального Никарагуа датированы 1643 г.[160] Но серьезно закрепляться на побережье Новой Испании и создавать здесь долговременные поселения пираты не стали.

Тем временем на Тортуге назревал конфликт между населением и Левассером, получившим от правительства должность губернатора. Последний сосредоточил в своих руках большую власть и богатство, относился к жителям острова как к бесправным подданным, жестоко расправлялся с неугодными, стал преследовать католиков, нарушал флибустьерские законы, в частности по разделу добычи. В 1652 г. на острове произошел политический переворот: двое сподвижников Левассера, не поделившие с ним добычи, к радости населения острова, убили тирана.

В 1654 г. испанцам удалось выбить обитателей Тортуги с острова. Те переселились на маленький островок Марго и западное побережье Эспаньолы, где построили несколько причалов и деревень и продолжали жить по законам береговых братств. *Эти поселения образовали вкупе подобие независимой республики без верховной власти и писаного закона*. Одну из гаваней жители, видимо с иронией, назвали Пор-де-Пэ (Мирный порт), а всю территорию республики — Кю-де-Сак (Тупик)[161].

Еще одним пиратским центром являлся с 1636 по 1641 гг. остров Санта-Каталина (или Провиденс), расположенный недалеко от берегов Центральной Америки. В 1641 г. испанцы, сломив ожесточенное сопротивление пиратов и английских колонистов, заняли остров. В 1670 г. остров вновь был захвачен пиратами во главе с Морганом[162].

Хозяйственной, экономической основой береговых братств были: промысловая охота на диких животных (буйволов, кабанов и т.д.) и заготовка мяса на продажу; рыболовство; производство сельскохозяйственных культур (в том числе на продажу) — сахарного тростника и сахара, табака, фасоли, маниоки, картофеля и др.; торговля,

[160] *Герхард П.* Пираты Новой Испании (1575–1742). М., 2004. С. 131.

[161] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 45.

[162] *Эксквемелин А.* Пираты Америки... С. 165–170.

в том числе контрабандная; ремесло; морской разбой (главным образом против испанских владений и кораблей).

Со временем отношения в среде буканьеров и колонистов изменились далеко не в лучшую сторону: в 1660-е гг., по свидетельству А. Эксквемелина, некоторые буканьеры и значительная часть колонистов на Тортуге и Эспаньоле использовали труд кабальных слуг (белых рабов) из числа новых переселенцев, эксплуатация которых была значительной, иногда — чудовищной[163]. Однако у флибустьеров лучшие традиции берегового братства все еще продолжали сохраняться.

Торговля африканскими рабами в это время у карибских пиратов считалась позорным делом и если имела место, то только на уровне отдельных эксцессов. Случалось, что флибустьеры освобождали черных рабов и даже принимали некоторых из них в свои ряды.

Военный разбой в те времена был обычным делом — достаточно вспомнить социальный разбой и т.н. *благородных разбойников* во всех концах света, военные походы казаков «за зипунами» против Турции, Крыма, Персии, действия ускоков против Турции и Венеции, набеги вольных горцев на соседние племена и государства. Военный разбой в этих случаях являлся еще и неизбежным проявлением экзоэксплуатации, столь характерной для всех безгосударственных обществ военного типа — от первобытных военно-демократических (племен и их союзов) и военно-иерархических (вождеств и сложных вождеств) до вольных горных, казачьих и подобных обществ.

Каждую весну испанцы посылали в Америку сильную военную флотилию, которая раз в год перевозила добытое золото и серебро в мадридскую казну. Пираты, разумеется, напасть на эту мощную армаду не смели. Они рыскали в поисках отдельных, потрепанных бурей и отставших от флотилии кораблей или совершали нападения на испанские города, как правило, хорошо укрепленные, но охраняемые небольшими гарнизонами. Для таких нападений нужны были базы вблизи испанских владений в Южной и Центральной Америке. Многочисленные острова в теплых водах Карибского моря были словно нарочно созданы для этого самой природой[164].

Пиратские сообщества на кораблях и в береговых поселениях существовали по своим неписаным и, реже, фиксированным, довольно четким законам, традициям и обычаям. Ценнейший материал об этом оставил очевидец и вынужденный участник флибустьерского промыс-

[163] *Эксквемелин А.* Пираты Америки... С. 165–170.

[164] *Бродский Б.* Пираты. С. 38.

ла рубежа 1660–1670-х гг., врач А. Эксквемелин. «Когда корабль полностью оказывается подготовленным к отплытию и все ремонтные работы заканчиваются, — пишет он, — пираты собираются и обсуждают, куда держать путь и на кого нападать. При этом они заключают особое соглашение, которое называется шасс-парти. В нем указывается, какую долю получает капитан и команда корабля. В таких соглашениях обычно отмечается, что, собрав всю захваченную добычу, должно прежде всего выделить долю егерю (как правило, двести реалов), затем вознаграждение плотнику <...>. Затем следует доля лекаря (на больших кораблях ему выделяют на медикаменты двести или двести пятьдесят реалов). Из оставшейся суммы выделяют деньги на возмещение ущерба раненым. (Далее довольно подробно и скрупулезно расписано, за какое ранение или увечье сколько положено выплатить пострадавшему. — *А.Ш.*) Все оставшееся делится между командой, но капитан получает от четырех до пяти долей. Остальные же делят все поровну. Юнги получают половинную долю. Если среди пиратов есть такие, которые вышли в плаванье вообще впервые, то им выделяется совсем небольшая часть, а остаток идет в общую казну»[165].

Перед дележом добычи все захваченное в ходе боя следовало сдать в общий котел, и при получении своей доли каждый клялся на Библии, что не взял ни на грош больше, чем полагалось при дележе. За ложную клятву нарушителя закона изгоняли с корабля без права возвращения[166]. Очень часто в договоре оговаривались особые условия оплаты (своеобразные премии). Например, за срыв неприятельского флага и водружение своего — 50 пиастров; за захват пленника, давшего ценную информацию о противнике — 100 пиастров и т.д. В договоре, подписанном всеми пиратами Г. Лоузера на борту корабля «Избавление», был пункт о запрете игры на деньги. В случае нарушений пунктов договора следовало наказание, назначаемое капитаном и большинством команды[167]. *На пиратских кораблях в период походов и боевых действий существовала строгая дисциплина, продиктованная условиями жизни и признаваемая командой как необходимость.* При этом не только капитан, но и рядовые пираты имели определенные права.

Налицо, таким образом, четкая организация жизни сообществ, справедливое (но при этом не уравнительное) артельное вознаграж-

[165] *Эксквемелин А.* Пираты Америки. М., 1968. С. 62–63.

[166] Там же. С. 63–64.

[167] *Гребельский П.Х., Мирвис А.Б.* Эдвард Тич и другие // Человек и стихия. СПб., 1992. С. 173.

дение по итогам похода и, что особенно интересно, довольно четкая (и, видимо, одна из первых в истории) система социального страхования. Не забудем, однако, что все это базировалось в значительной мере на экзоэксплуатации.

«Пираты очень дружны и во всем друг другу помогают. Тому, у кого ничего нет, сразу же выделяется какое-либо имущество, причем с уплатой ждут до тех пор, пока у неимущего не заведутся деньги. Пираты придерживаются своих собственных законов и сами вершат суд над теми, кто совершил вероломное убийство. Виновного в таких случаях привязывают к дереву, и он сам должен выбрать человека, который его умертвит. Если же окажется, что пират отправил своего врага на тот свет вполне заслуженно, т.е. дал ему возможность зарядить ружье и не нападал на него сзади, товарищи убийцу прощают. Среди пиратов дуэли завязываются довольно легко. Захватив корабль, пленных высаживают при первой же возможности. Но двоих или троих оставляют, чтобы впоследствии продать или заставить делать все, что не хотят исполнять сами. После двух-трех лет добросовестной службы их иногда отпускают»[168].

На Тортуге поначалу (в 1630–1640-е гг.) практически не было женщин (за редким исключением)[169]. Вопрос вынужденного воздержания в это время решался иногда не лучшим способом: пираты похищали индейских женщин, жили с ними, а затем отпускали. «Судя по намекам современников, буканьеры брали себе индейских женщин в качестве наложниц, но в принципе семейная жизнь на Эспаньоле была не в фаворе». Первое судно со значительным числом женщин из Европы прибыло на Тортугу только в 1665 г.[170] На пиратские корабли женщины, как правило, не допускались. Так, в уставе пиратского сообщества Б. Робертса (начало XVIII в.) был пункт: «Запрещается пребывание на борту женщин и детей. Приведшему на корабль переодетую женщину полагается смертная казнь»[171]. Во время взятия испанских городов на американском побережье случалось, что флибустьеры в пылу боя и в худших традициях войны (подтвержденных, к сожалению, и некоторыми войнами XX в.) относились к женщинам как к военной добыче и допускали насилие. Но в то же время было немало случаев, когда флибустьеры не позволяли себе лишнего в отношении пленниц, а в некоторых случаях даже демонстрировали

[168] *Экскемелин А.* Пираты Америки. М., 1968. С. 64.

[169] Там же. С. 27.

[170] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 30, 49.

[171] *Нойкирхен Х.* Пираты: Морской разбой на всех морях. С. 249.

галантное поведение. Все зависело в конечном счете от конкретного человека, его воспитания, личных качеств и от психологической обстановки в сообществе, а эта обстановка, в свою очередь, во многом зависела от личности капитана[172].

Национальный состав береговых братств и судовых команд флибустьеров представлял собой своеобразный интернационал. Преобладали англичане и французы, встречались голландцы, шотландцы, ирландцы, датчане и, реже, мулаты, негры, индейцы.

Для флибустьерских экипажей и береговых братств была характерна веротерпимость — довольно редкое явление для западноевропейской цивилизации и ее колониальных анклавов в Средневековье и раннее Новое время. Среди береговых братьев были протестанты разных направлений (англикане, кальвинисты, лютеране), католики и даже атеисты. Так, «откровенным вольнодумцем» и атеистом, по данным Ж. Блона, был Грамон. Но большинство флибустьеров было верующими и, более того, считавшими «обязательным после грабительских походов и смертоубийств каяться в грехах и просить небесного прощения»[173]. Как и большинство моряков того времени, пираты были чрезвычайно суеверны и набожны. Любопытно, что, подписывая между собой договор (соглашение), флибустьеры клялись на Библии соблюдать его[174]. На Библии перед разделом добычи клялись в том, что не утаили ничего и все сдали в общий котел[175].

Во всех флибустьерских «гнездах» и «республиках» (существовавших в XVII в. в разное время на островах Сент-Кристофер, Тортуга, Эспаньола (Гаити), Марго, Ямайка, Невис, Санта-Каталина (Провиденс), а также на побережье Центральной Америки) во вто-

[172] Широкую известность получила история ухаживаний Генри Моргана, далеко не лучшего представителя и предводителя флибустьерской вольницы, за очаровательной знатной испанкой, попавшей к нему в плен во время знаменитого панамского похода пиратов (1671 г.). История эта, впервые поведенная А. Эксквемелином, сохранилась в нескольких вариациях, но все рассказчики сходятся в главном: безымянная героиня, находясь в полной власти пиратского вожака, решительно отвергла все домогательства Моргана, угрожая даже самоубийством, после чего он, так и не посмев взять ее грубой силой, решил отпустить женщину за значительный выкуп; когда этот выкуп, уже подготовленный и посланный Моргану, сорвался по не зависящим от пленницы и ее спасателей причинам (посредники-монахи, получившие деньги, выкупили вместо пленницы своего собрата), Морган отпустил женщину на свободу с теми из пленников, за кого выкуп был уплачен.

[173] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 155.

[174] *Гребельский П.Х., Мирвис А.Б.* Эдвард Тич и другие. С. 173.

[175] *Эксквемелин А.* Пираты Америки. М., 1968. С. 63.

рой половине XVII в., по оценке исследователя Я. Света, обитало 20–30 тысяч жителей, и приток новых поселенцев возрастал на протяжении всей эпохи[176]. Общая же численность населения названных республик на протяжении почти всего XVII в. (начиная с 1620-х гг. и до конца века) могла составлять несколько большую цифру. Все эти люди так или иначе являлись участниками своеобразного стихийного социального эксперимента.

В 1655 г. английский правительственный флот предпринял безуспешную попытку захватить у испанцев Эспаньолу. В том же году англичанам удалось овладеть Ямайкой (официально остров уступлен Англии в 1670 г.). В 1655 г. возник город Порт-Ройяль, который вскоре стал второй столицей флибустьеров Карибского моря и оставался таковой до 1675 г.

К началу 1690-х гг. Порт-Ройяль насчитывал свыше 8 тысяч жителей и стал одним из центров ремесла и торговли. Десятая часть добычи пиратов поступала городским властям в качестве налога[177]. На узких улочках города, в угрюмых каменных домах с зарешеченными дверьми и окнами можно было продать и купить все: от бриллиантов до человеческой жизни. В этом гигантском «чреве грабительской торговли», городе ростовщиков, продавцов краденого, работорговцев, проституток, убийц и бандитов человеческая жизнь ценилась, пожалуй, дешевле всего[178]. Явно идеализируя степень либертарности и духовности данного флибустьерского сообщества, анархо-социалист Ф. Брубахер считал Порт-Ройяль духовным очагом XVII века, ставя его в один ряд с Энциклопедией XVIII в. и Федералистским (бакунистским) Интернационалом XIX в.[179]

Береговое братство на Ямайке с самого начала располагалось на территории государственного владения Англии, что делало флибустьерскую автономию достаточно призрачной, а характер местного флибустьерства более «служивым». Флибустьеры на Ямайке были пока еще нужны властям, но власти здесь пытались держать флибустьеров в более жестких рамках, чем на Тортуге.

В 1659 г. флибустьеры, буканьеры и колонисты сумели вернуть себе Тортугу, но их относительно вольная жизнь уже подходила к концу. В 1662 г. Кольбер, министр финансов Людовика XIV, по-

[176] *Свет Я.* Предисловие // Эксквемелин А. Пираты Америки... С. 13.

[177] Латинская Америка: Энциклопедический справочник. Т. 2. С. 364.

[178] *Бродский Б.* Пираты. С. 40.

[179] Приведено по: Анархо-синдикализм: исторический и теоретический очерк // Синдикалист (Северск). 1995. № 7. С. 1.

ставил французские островные колонии под жесткий контроль короны[180]. В 1664 г. декретом французского короля создавалась Вест-Индская компания с монополией торговли во всем Новом Свете. Тортуга перешла во владение этой компании. Власть метрополии на острове значительно усилилась. Однако поначалу в монопольном праве существовало множество лазеек, т.к. Тортуга с молчаливого согласия властей пользовалась особым статусом[181]. Власти пока еще терпели флибустьеров, учитывая доходы, приносимые ими, а также сохранявшуюся определенную военную надобность в них. В 1667 г. новая попытка испанцев покончить с вольницей на Тортуге и вообще с французским присутствием здесь закончилась неудачей: семь испанских военных кораблей были уничтожены флибустьерами.

В 1670 г. французские колонии были отданы в управление министерству флота, а во главе каждой из них поставлен губернатор или генерал-лейтенант. Таким образом устанавливалась прямая форма колониального правления, а колонии превращались в своего рода заморские провинции Франции[182].

В этом же году вышел указ короля Франции о запрете фрахтовать голландские суда, поскольку Франция намеревалась начать с Голландией войну. Для жителей Тортуги и западного побережья Эспаньолы это было ударом и означало дальнейшее ухудшение социально-экономического положения и условий жизни (они вели с голландцами самую оживленную торговлю: не менее 60–80 кораблей с товарами в год в обмен на колониальные товары). Произошли волнения колонистов в Кю-де-Саке и Леогане, подавленные колониальной властью. В 1680 г. вспыхнули волнения жителей Тортуги против ужесточения режима метрополии и в связи со слухами о передаче острова в ведение Сенегальской компании. В 1681 г. французское правительство предприняло меры по дальнейшему ужесточению деятельности флибустьеров в Карибском море. В 1681–1682 г. вследствие жесткой и односторонней социально-экономической политики метрополии жизнь на Тортуге и западном побережье Эспаньолы пришла в упадок. Значительная часть жителей — земледельцев-«плантаторов», охотников, моряков, торговцев и флибустьеров — переселилась на английскую Ямайку и нидерландский Кюросао. Своеобразной реакцией протеста стало усиление пиратства в регионе. Среди ряда проявлений пиратства в это время особо вы-

[180] *Томас А.Б.* История Латинской Америки. С. 135.

[181] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 152.

[182] *Черкасов П.П.* Судьба империи. М., 1983. С. 17.

деляются четыре похода предводителя Грамона: в Маракайбо (1678), Куману (1680), Веракрус (1683) и Кампече (1686)[183]. В этот период флибустьеры все чаще действовали на свой страх и риск, не имея уже поддержки метрополии в форме королевских патентов и благосклонности местных губернаторов. Пираты продолжали оставаться серьезной проблемой, особенно в Карибском бассейне, в связи с чем в 1684 г. было подписано Рэтисбонское соглашение, согласно которому даже традиционные враги Испании согласились не использовать пиратство как средство войны. Теперь карибских флибустьеров во многих родных портах вместо традиционного радушного приема ждала виселица[184]. В середине 1680-х гг. французское правительство, стремясь покончить с уже ненужным ему пиратством, предложило всем флибустьерам-французам пойти на королевский флот. Большинство флибустьеров отреагировало на это отрицательно. Продолжавших свое ремесло ждали серьезные кары. В 1680 г. бывший пиратский предводитель, а теперь вице-губернатор Ямайки Г. Морган предпринял в английских владениях суровые карательные акции против своих бывших сподвижников, продолжавших промышлять пиратством[185].

В 1692 г. флибустьеров Карибского моря постиг еще один, совершенно неожиданный удар: 7 июня у побережья Ямайки произошло сильное землетрясение, в результате которого Порт-Рояль был почти полностью уничтожен: около 90% территории города оказалось под водой (в настоящее время развалины города находятся на глубине до 15 м); было разрушено свыше 1800 зданий, погибло около 2 тысяч человек[186].

К концу XVII в. Франции и Англии удалось закрепить за собой ряд владений в Карибском море. Флибустьеры были больше не нужны. Более того, они превратились в угрозу мирному существованию колоний. В конце 1690-х гг. английскими и французскими властями совместно была предпринята очередная, на этот раз генеральная, чистка своих владений в Карибском море от флибустьеров. К тому же между флибустьерами к этому времени «возникли раздоры, интернациональность этого сообщества утратилась <...>»[187].

[183] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 151–155, 179.

[184] *Герхард П.* Пираты Новой Испании... С. 149, 189.

[185] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 149. В этот момент Г. Морган временно являлся и.о. губернатора Ямайки.

[186] Латинская Америка: Энциклопедический справочник. Т. 2. С. 364.

[187] *Пфлуг-Гартунг и др.* Всемирная история. V (III). Ч. 1. С. 99.

Угасание под воздействием запретительных и карательных действий флибустьерства в Карибском море «напоминало тушение большого пожара. Пламя сникало, порой исчезало совсем, оставались лишь раскаленные угли; казалось, все уже прогорело. Но вот проносился ветер, и пламя вновь с треском вспыхивало над пепелищем пуще прежнего, освещая все вокруг алым заревом»[188].

Последние сполохи продолжались до 1720-х гг. Но это в основном был уже заурядный, знакомый с древности морской разбой. Из проявлений социально значимых действий пиратов назовем лишь несколько: попытка создания пиратской республики на острове Нью-Провиденс (Багамские острова) в 1716 г., где находилось тогда около 2 тысяч пиратов, в основном английских[189]; небольшие пиратские поселения на острове Мадагаскар, куда после «чисток» 1690-х гг. переселилась часть пиратов Карибского моря[190]; полулегендарная (или вообще легендарная? — *А.Ш.*) Либерталия на северо-восточном побережье Мадагаскара в конце XVII — начале XVIII в.[191]

***

Не следует, разумеется, преувеличивать степень альтернативности, эгалитарности и безгосударственности береговых братств XVII в. Реалии западноевропейской колониальной государственной экспансии, соседство колониальных государственных владений, реалии эпохи первоначального накопления капитала (в том числе и в форме работорговли) и т.п. не могли не отразиться, в конце концов, на характере отношений внутри береговых братств и на внешней их деятельности. Однако сам факт возникновения и более чем полувекового существования этих обществ с альтернативными, эгалитарными и безгосударственными, чертами новой военной демократии (хотя и с бросающимися в глаза «родимыми пятнами» стандартной цивилизации) в условиях начала глобального мирового наступления капиталистической формации и государственных цивилизаций Запада не может не вызывать интереса.

[188] *Блон Ж.* Великий час океанов. С. 149.

[189] *Нойкирхен Х.* Пираты: Морской разбой на всех морях. С. 203–209.

[190] *Можейко И.* Пираты, корсары, рейдеры... С. 153–154.

[191] *Johnson Ch.* The General History of the Piracy. London, 1724. P. 79–92; *Можейко И.* Пираты, корсары, рейдеры... С. 178–184.

***

Обращает на себя внимание то, что безгосударственные очаги новой военной демократии, где бы они ни возникали — явление в основном более позднее, чем коммунальные движения и коммунальные очаги в Европе. Относительно мирные способы создания естественно-социального альтернативного и независимого общества были в Европе к концу Средневековья уже исчерпаны. Важно отметить и то, что новая военная демократия — *явление действительно новое по отношению к первичной военной демократии и довольно слабо связанное с ней исторически*, хотя некоторая преемственность между ними все же прослеживается в виде отдельных традиций. Интересно и то, что расцвет новой военной демократии пришелся на переломную эпоху позднего Средневековья и начала Нового времени (XVI–XVII вв.), когда человечество в немалой своей части оказалось в своеобразной точке глобальной планетарной бифуркации: практически во всем мире, осознанно и еще чаще неосознанно, шел поиск дальнейшего оптимального пути развития человечества в новых, меняющихся условиях.

Глава V. Социально-утопические общества на религиозной основе (I—II тысячелетия н.э.)

Поиски новых путей развития общества шли и по линии более-менее сознательных социальных экспериментов, в идейной основе которых лежали религиозные и религиозно-политические теории.

В социальной основе этих экспериментов находилась религиозная община — первичная ячейка практически всякого религиозного объединения периода Средних веков и Нового времени. Для религиозной общины были характерны следующие признаки: религиозная деятельность, культовая и некультовая; чувство общности; субординация, разделение позиций и ролей.

Структура той или иной религиозной общины определялась традицией и обычаем, а также правом (уставом, правилами и т.п.). В рамках религиозной общины на основе специальных критериев выделялась система формальных и неформальных групп: совет общины, клирики, прихожане, проповедники, пророки, целители и т.п. В докапиталистических формациях, а кое-где и в начале капитализма религиозная община, как правило, совпадала с родовой, сельской или соседской (а кое-где и с городской) и становилась религиозно-территориальной общиной. По мере развития капитализма и буржуазного общества религиозная община стала приобретать самостоятельное значение и, как правило, не совпадать с территориальной[1].

В течение последних столетий Древнего мира и всего Средневековья религиозная община играла одну из главных ролей в общественной жизни населения. Она, как и собственно община, часто становилась бастионом духовного и социально-политического сопротивления существующему строю — чаще пассивного, но иногда и активного. «Революционная оппозиция феодализму проходит через все

[1] *Вебер М.* Социология религии (типы религиозных сообществ) // *Вебер М.* Указ. соч. С. 123–128 (5. Община); Атеистический словарь. М., 1983. С. 317.

Средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»[2]. Иногда эта борьба выливалась в попытки создания мирным путем (самоизоляции, переселения в труднодоступные районы и новые земли) или же в результате вооруженной борьбы альтернативных обществ — государственных, парагосударственных и негосударственных.

В отличие от обществ новой военной демократии, горных вольных обществ и тому подобных общественных образований, где война, военная добыча, грабеж, экзоэксплуатация были обычным явлением, религиозно-территориальные сообщества формировались на мирных (насколько это было возможно) принципах. Более того, часто, хотя и не всегда, члены этих сообществ отрицали насилие, в первую очередь вооруженное, и старались не применять оружие (и вообще не брать его в руки). Только под давлением обстоятельств (как правило, исключительно для самозащиты) некоторые из них вооружались, а иногда и давали вооруженный отпор врагу.

***

В IX–XV вв. в Европе и Азии распространились т.н. *дуалистические* ереси — манихейцы, павликиане, богомилы, катары и некоторые другие, более мелкие. Л.Н. Гумилев назвал их идеологическими антисистемами. С религиозно-философских позиций они отрицали мир зла, в том числе и тот социально-экономический, политический и культурный миропорядок, который существовал в Европе и Передней Азии в это время. Вместе с этим миропорядком отрицалось, конечно же, и государство, а также официальная религия, семья и т.д. В этом отношении мы можем говорить о наличии в антисистемах ростков протоанархизма. Иногда приверженцы антисистем приходили к сатанизму как наиболее радикальной и ясной идеологической форме неприятия существующего порядка вещей. Но, отрицая в качестве зла весь материальный мир (в том числе и собственное тело), наиболее последовательные дуалисты лишали свой протест перспективы, в том числе и социальной, в то время как трудовым массам хотелось именно справедливого общества. Поэтому часть дуалистов все же пыталась создать такое общество, но из-за скудости документов, уничтоженных инквизицией и другими противниками

[2] *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 7. С. 361.

еретиков после разгрома этих обществ, мы с трудом и далеко не всегда можем судить об их социально-политическом устройстве.

В IX в. в Византии было распространено павликианство — крестьянско-плебейская ересь, с которой были связаны крупные народные движения в империи. Данное учение зародилось еще в VII в. и к IX в. получило широкое распространение в Малой Азии, а позднее и в европейских владениях Византии. Павликиане, воспринимая земной материальный мир как царство сатаны, выступали и против власти земных правителей, а также и против церкви с ее богатствами. Их лозунгом было положение апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, то и не ешь!» Последователи павликиан имелись в разных слоях общества, но основное их ядро составляли крестьяне. Социальной основой для попыток крестьянства Византии добиться самоуправления во время движения павликиан стала община — митрокомия, которая в значительной степени сложилась благодаря влиянию славянской общины, принесенной в империю незадолго до этого, в VII в., славянским потоком. После разгрома восстания Фомы Славянина (821–825 гг.), в котором многие павликиане участвовали, они с частью разбитых повстанцев построили на берегу Евфрата сильную крепость Тефрику и создали вокруг нее свое *независимое от Византии и Халифата объединение*, куда стекались массы беглых крестьян. Отсюда они делали успешные набеги на Византию. Только после ряда походов императору Василию I удалось в 872 году захватить Тефрику и разгромить павликиан. При этом часть из них была уничтожена, а часть насильственно переселена на Балканы[3].

На смену павликианству пришло возникшее в X в. богомильство. Родившееся в Болгарии, оно проникло также в Сербию, Византию, Боснию. Часто это учение переплеталось с антифеодальной и национально-освободительной борьбой. Считая земной мир порождением дьявола, павликиане и богомилы в XI–XII вв. выступали не только против церкви, но и против представителей светской власти, в т.ч. и царской: «Царя ненавидят, поносят старейшин, укоряют бояр, работающих на царя считают презренными»[4].

В XII в. в Южной Франции возникли два массовых еретических движения. Первое из них, ересь катаров (от греч. *katharos* — чистые), охватившее большую часть юга Франции, носило, подобно павликианству и богомильству, дуалистический характер. Ересь, возникшая в южных городах Франции, быстро увлекла крестьян-

[3] История Европы. Т. 2. С. 103–104.

[4] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 618.

ско-плебейские массы. Катары, как и богомилы, считали земной мир, католическую церковь и государство творением дьявола, а папу — его наместником. Они отвергали установления общества, государство и особенно церковь, а также собственность и брак, провозгласив своими целями чистоту жизни, духовное совершенствование, одоление плотских желаний и страстей. Во главе общин стояли «совершенные», обязанные вести аскетический образ жизни и всецело посвятившие себя служению идее. Массе простых верующих разрешалось вести обычный образ жизни. Требование катаров конфисковать церковные земли привлекло к этому движению и часть местных феодалов. Но основную массу катаров составляли трудящиеся города и деревни[5].

Другая ересь, возникшая в конце XII в. в Лионе — вальденсы (по имени лионского купца Петра Вальда — основателя секты), или лионские бедняки, носила больше евангелистский характер, но была близка и к дуалистам-катарам. В конце XII — начале XIII вв. обе секты часто действовали совместно, получив у современников общее название альбигойцев (по названию южнофранцузского города Альби, ставшего центром еретической деятельности в регионе). Тактика катаров в общем носила пацифистский характер: они были противниками всякого насилия и внешнего принуждения; считали крестовые походы человеческой бойней. Лишь в крайнем случае, когда им угрожала опасность полного уничтожения, они брались за оружие. Все они надеялись на конечную победу добра, которая должна была быть одержана силою духа, человеколюбия и истины[6]. Зло (жадность, несправедливость, социальное неравенство, государство, войны, официальная церковь, церковный брак) должно было полностью исчезнуть. Впрочем, социальное неравенство в среде катаров и альбигойцев существовало: в их рядах были не только бедные (которые составляли большинство), но и богатые. «Они [катары, альбигойцы. — *А.Ш.*], естественно, должны были казаться современникам опасными людьми, грозившими существованию не только Западной церкви, но и самого общества. Альбигойство было не только религиозной, но и социальной ересью; этим отчасти и объясняется та беспощадность, с которой оно было подавлено»[7].

Постепенно тайные сообщества альбигойцев стали пускать в ход насилие: несколько епископов было свергнуто, несколько аббатов

[5] История Европы. Т. 2. С. 280–281.

[6] *Беер М.* Всеобщая история социализма и социальной борьбы. С. 174–175.

[7] Эпоха крестовых походов. С. 318.

изгнано из монастырей, несколько священников убито. Одновременно в городах юга Франции продолжалось возникшее еще до ереси коммунальное движение за автономию городских общин. Широкое распространение в это время здесь получили тайные общества горожан — братства[8].

В конце XII — начале XIII вв. ересь альбигойцев получила такое распространение на юге Франции (Лангедок: главным образом области Прованс и Тулуза), что к ней, вслед за многими городскими и крестьянскими общинами, примкнули многие феодалы этого региона. Явными и тайными покровителями катаров было большинство сеньоров южной Франции, одни из которых искренне увлеклись учением, другие увидели возможность завладеть имуществом церквей и монастырей, а также сохранить и укрепить независимость своих владений от набиравшего силу государства. Между этими сеньорами особо выделялись граф Раймонд VI Тулузский и Раймонд Рожер, виконт Безье[9]. Возникла своеобразная конфедерация городских общин и феодальных владений. Юг Франции фактически превратился в независимый от французского короля и католической церкви децентрализованный самоуправляющийся процветающий регион — один из самых процветающих в экономическом и культурном отношении в Европе того времени. Фактическая независимость юга Франции от короля и от церкви заставила Римского Папу организовать против них крестовый поход. Иннокентий III призвал к крестовому походу против альбигойцев феодалов Северной Франции и других европейских регионов, пообещав, что в награду им достанется имущество уничтоженных еретиков. С 1209 по 1229 гг. шли альбигойские войны — завоевание крестоносцами южной Франции. Успехам крестоносцев способствовали такие факторы, как феодальная раздробленность данного региона, социальное расслоение и постоянные раздоры среди альбигойцев, разобщенность действий городов и феодалов-еретиков. Расправа над альбигойцами была неслыханно жестокой. Цветущий край Прованс превратился в пустыню. Кроме того, борьба ортодоксальной церкви и французских феодалов с альбигойцами послужила поводом для завоевания большей части южной Франции французским королем. В 1229 г. большая ее часть (Лангедок) была присоединена к королевскому домену[10].

[8] Эпоха крестовых походов. С. 319, 496–500, 542.

[9] Там же. С. 319.

[10] История Европы. Т. 2. С. 275, 281, 578, 784.

Из южной Франции катары под названием вальденсов и ломбардских бедняков (pauperes de Lombardia) распространили свое влияние на север Италии, где их общины утвердились в Альпах[11]. Благодаря альпийскому горному ландшафту в глубине ряда горных долин эти независимые сельские общины веками сохранялись почти незатронутыми внешним влиянием. «Они были бы даже забыты совершенно, если бы необходимость снискивать себе средства к существованию не заставила их ежегодно спускаться с высот, чтобы выполнять различные работы или вести торговлю в городах окрестных равнин»[12].

В XV в. на смену дуализму стали приходить другие религиозно-политические ереси.

***

Большой прорыв в религиозно-политическом сопротивлении существующим феодальным и католическим порядкам был сделан в Чехии в начале XV в. Гуситы и их левое крыло — табориты, в отличие от катаров, очень быстро поняли, что без серьезной вооруженной борьбы им не отстоять своих идей и своей общественной автономии, а фактически — независимости. Возникшее после казни Я. Гуса (1415 г.), это движение шло по восходящей и через несколько лет перешло к вооруженной борьбе, следствием чего стало освобождение значительной части Чехии и создание независимой территориально-религиозной общины (а затем и группы общин) — Табора.

Весной и летом 1419 г. десятки тысяч паломников-еретиков, сторонников учения Я. Гуса предприняли «хождение на горы». Самый большой из паломнических лагерей в южной Чехии — Табор, по словам хрониста, притягивал крестьян, как магнит притягивает железо. В июне 1419 г. в Таборе собралось около 40 тыс. гуситов со всех концов Чехии и Моравии. Крестьянский и городской плебс поначалу количественно и качественно определили облик возникшего весной 1420 г. города Табора, который стал оплотом радикального крыла в гуситском движении[13]. Вскоре табориты контролировали на юге Чехии значительную территорию, включавшую 5 городов и сотни деревень. Табориты обращались к населению Чехии с призывом бежать в горы или в те пять чешских городов, где табориты одержали победу. «Бегите в горы!», «Бегите к верным!» — требовали они

[11] *Деларю О.* Реформаторы // Историческая библиотека. Б.м., 1878. С. 63.

[12] *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 12.

[13] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 385.

и грозили, что все жители деревень и местечек, которые останутся у себя, совершат смертный грех. Чешские крестьяне огромными массами покидали насиженные места и уходили в лагери таборитов с семьями и пожитками[14].

Таборитский хилиазм[15] был революционной антифеодальной идеологией, которая, по мнению таборитов, должна была распространиться и победить во всем мире[16]. В полном соответствии с требованием установления равенства всех людей, переживших гибель старого мира и страшный суд, в учении хилиастов особенно подчеркивалась необходимость свержения короля. Речь шла не только о свержении Сигизмунда Люксембургского, но и об уничтожении королевской власти во всем мире. Проповедники разъясняли, что с королевской властью теснейшим образом связан весь несправедливый строй, и требовали упразднить все троны, чтобы царствовал один Христос. «Ни одного короля не следует избирать на земле, ибо один Христос должен царствовать». Однако все это должно быть лишь прелюдией к установлению власти народа. Проповедники-хилиасты не предполагали, что Христос будет править миром как король в феодальном обществе. Они говорили, что «царствовать будет один Господь, а *царство будет вверено народу страны*». В обществе, где не будет панов и крепостных, где все люди будут равны, власть должна быть передана всему народу — трудящемуся люду[17].

Табориты были исполнены решимости создать Царство Божье на земле, немедленно установив полное равенство. «Пусть на Таборе не будет ничего моего и ничего твоего, но пусть всего у всех будет поровну; отныне все у всех и всегда должно быть общим»; «все должны быть братьями, а господ чтобы не было <...>. Не будет ни податей, ни оброков, ни тех, кто принуждает их платить»[18]. Согласно таборитскому учению, не подобает впредь ни иметь короля, ни выбирать себе такового, «теперь сам Бог хочет быть королем над людьми, и правление должно быть передано в руки народа»[19].

---

[14] *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. С. 286.

[15] Хилиазм (греч. chilioi — тысяча) — религиозно-политическое учение о втором пришествии Христа и тысячелетнем «Царстве Божьем» на Земле, которое должно предшествовать концу света.

[16] *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. М., 1959. Т. II. С. 165.

[17] Там же. С. 95.

[18] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. С. 385.

[19] Там же. С. 618.

Это был своеобразный «теократический анархизм», который время от времени проявлялся в Средние века. Жизнь таборитов отличалась глубокой набожностью и радостным, восторженным состоянием души, заполнялась трудом на благо общины, народными собраниями и празднествами под открытым небом[20]. Каждая семья, владея орудиями своего ремесла, работала для себя, отчисляя установленные излишки в общую кассу — куфу.

Соответственно программе, провозглашенной в проповедях весной и летом 1420 г., «Табор стал первым в мировой истории городом, где с самого начала в результате успешного революционного движения было установлено равенство всех граждан»[21]. «В Городище, или в Таборе, нет ничего моего и твоего, а все вместе одинаково имеют: у всех все всегда должно быть общим, и никто не должен иметь ничего отдельно, тот же, кто имеет отдельно, смертельно грешит». В Таборе, таким образом, было основано общество на совершенно иных принципах, чем на всей Земле. Там частная собственность была не только ликвидирована, но и объявлена грехом. Имущество, с которым табориты пришли в Городище на горе Табор, перестало быть их частной собственностью и превратилось в собственность всей общины. Однако необходимо отметить, что под имуществом подразумевалась не всякая собственность, а прежде всего и главным образом деньги и драгоценности. При этом таборитам было, по-видимому, дозволено сохранять в личной собственности определенное количество денег[22].

Табор не являлся единственным городом, где была сделана попытка обобществления собственности. Имеются достоверные сведения, что для революционных надобностей были заведены общественные кассы-кади в Писеке и Воднянах. Общая казна в Таборе, Писеке и Воднянах являлась одним из факторов нового общественного строя. Народ избрал распорядителей при кадях. Есть основания считать, что полномочия этих распорядителей были весьма широкими и распространялись не только на финансовые и хозяйственные дела, но и на политическую жизнь таборитской общины[23].

Табориты действовали в условиях враждебного окружения и постоянных попыток уничтожения республики. В условиях войны против войск германского императора и католической реакции,

[20] *Беер М.* Всеобщая история социализма и социальной борьбы. С. 247.

[21] *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. Т. IV. С. 99.

[22] Там же. С. 99–101.

[23] Там же. С. 101, 104.

вдохновляемых Римским Папой, табориты вынуждены были приспосабливать свое общество к чрезвычайным условиям. Они разделили все население республики на две общины: домашнюю и военную. Последняя вела боевые действия, в то время как первая несла заботу по обеспечению жизненных ресурсов общества.

Вскоре таборитам удалось создать довольно многочисленную и на редкость боеспособную, преимущественно крестьянско-плебейскую по составу армию, во главу которой избирался гетман. В то время как в феодальном обществе такой сравнительно новый, только недавно появившийся вид оружия, как артиллерия[24], был часто недоступен даже крупным феодалам, и только центральная королевская власть могла широко располагать им, табориты сумели не только оценить значение артиллерии, но и широко воспользоваться ей. Она неизменно сопровождала их в походах. Известно, например, что по крепости Карлштейн табориты выпустили около 11 тысяч снарядов[25].

Император Сигизмунд I и феодалы при содействии Римского Папы сумели организовать пять походов против гуситов, но все они закончились поражением крестоносцев. Исходя из того, что лучшая оборона — это наступление, гуситы совершили ряд походов за пределы Чехии и Моравии — в Германию, Польшу, Венгрию.

Однако в гуситском движении зрели внутренние идейно-политические конфликты, в основе которых лежали разные социально-экономические интересы участников гуситского движения. Зрели такие конфликты и в наиболее решительной его части — таборитской. В Таборе это выразилось в нарастании противоречий, а затем и в открытых политических конфликтах между разными социальными группами, из которых состояло общество Табора: городской и крестьянской беднотой, с одной стороны, и бюргерством и дворянством — с другой.

Руководство войском, а следовательно, в какой-то мере и всем движением находилось в руках представителей мелкого рыцарства, отнюдь не стремившихся к ниспровержению всего существующего строя (крупнейший из гуситских гетманов Ян Жижка был посвящен в рыцари и построил себе замок). В укрепленных поселениях (даже таких, как Табор) быстро устанавливались формы организации и управления, характерные для средневековых городов (что было

[24] Первое в истории массовое использование пушек отмечено источниками в 1308 г., когда Фердинанд IV. Кастильский осаждал арабский Гибралтар (История Европы. Т. 2. С. 50).

[25] *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. С. 353.

по тем временам довольно прогрессивно, но в общем не выходило за пределы прогрессивных социальных возможностей средневековья). Более того, с течением времени эти города превращались в своеобразных сеньоров, взимавших в свою пользу налоги с оказавшихся под их властью территорий. Переселившиеся в эти города крестьяне становились полноправными членами новых городских общин. Улучшили свое положение и крестьяне, вошедшие в состав гуситского войска, ставшего в обстановке непрерывных войн постоянным. Однако историкам ничего не известно о каких-либо мерах, принятых гуситами для облегчения положения тех крестьян, которые продолжали сидеть на земле[26].

В городах, перешедших под власть гуситов, произошли, напротив, серьезные изменения. Господство патрициата (немецкого по происхождению) было ликвидировано, его имущество конфисковано. В управлении городом стала принимать участие масса рядовых членов общины, в полной зависимости от которой оказались городские магистраты. Своеобразной проекцией такого положения на все общественное устройство гуситской территории стало воплощенное в так называемых четырех пражских артикулах положение, что община должна наказывать за «смертные грехи» всех, «в каком бы сословии они ни наблюдались». Такую программу можно было бы охарактеризовать как своеобразную утопию демократического самоуправления в условиях сохранения сословного строя. Не у всех жителей такая программа вызывала удовлетворение. На этой почве наметилось сближение зажиточной верхушки горожан с гуситским панством. Сторонники этого политического лагеря получили название *чашников*. Чаша как обозначение требования причастия под обоими видами (т.е. и хлебом, и вином) не только для духовных лиц, но и для мирян была символом умеренной программы ликвидации особых привилегий церкви. Требования общественных реформ, выдвигавшихся таборитами, были им чужды, что приводило к военным конфликтам между двумя политическими лагерями[27].

Играя на этих противоречиях и привлекая к компромиссу умеренную часть гуситов, феодально-католическая реакция в союзе с гуситами-чашниками сумела, наконец, нанести наиболее радикальным и последовательным гуситам — таборитам и сиротам — военное поражение в 1434 г. под Липанами. Отдельные отряды таборитов и сирот продолжали борьбу до 1437 г., когда пала их последняя крепость Сион.

[26] История Европы. Т. 2. С. 402.

[27] Там же. С. 402–403.

Согласно фундаментальному исследованию И. Мацека, периодизация истории (и эволюции) таборитской республики — уникального общества, возникшего в ходе гуситского движения, выглядит так:

1420–1421 гг. — *первый период*, который прошел под знаком преобладания деревенской бедноты; основой социального порядка была общность имущества и общность потребления; преобладающей идеологией был хилиазм — вера в скорое наступление тысячелетнего Царства Божьего на Земле.

1421–1434 гг. — *второй период*. На первый план в это время выступила бюргерская оппозиция (зажиточные горожане и дворянство). Она стала гегемоном, но движущей силой по-прежнему была городская и деревенская беднота.

1434–1452 гг. — *третий период*. Поворот бюргерской оппозиции вправо, разрыв с трудовым народом и присоединение к лагерю феодалов[28].

«Если Табор возник в 1420 г. как революционный центр деревенской и городской бедноты, в период Липан (1434 г.) он в экономическом и политическом отношении был уже обычным городом, подобным другим королевским городам. Завершением этого процесса эволюции города, примирившегося с феодальным общественным строем, был 1452 год, когда Табор покорно присоединился к рыцарско-городскому союзу Иржи Подебрада»[29].

***

После разгрома таборитов часть из них в 1457 г. образовала секту богемских и моравских братьев. Отказавшись от революционной вооруженной борьбы, братья строили свои общины на принципах реформизма и пацифизма, взаимопомощи и известной общности имущества. Эти общины отличались трудолюбием и добродетелью. «Десятки тысяч людей вступали в Моравии в коммунистические братства, жертвуя в пользу братств все свое имущество и создавая многочисленные и цветущие поселения, основанные на началах [общинного] коммунизма», — отмечал П.А. Кропоткин[30], опираясь на значительную исследовательскую литературу, накопившуюся к концу XIX в. по этому вопросу. Некоторое время движение существо-

[28] *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. Т. I. С. 23.

[29] Там же. С. 22–23.

[30] *Голобуцкий В.А.* Сечь Задунайская // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. С. 816–817.

вало в глубоком подполье. Со временем эти общины объединились в единую и разветвленную религиозно-территориальную организацию, «глубоко захватывающую», по выражению немецкого историка Пфлуга-Гартунга, «коммунистическую систему»[31].

Основная часть братьев состояла из крестьян и городских низов. На формирование их социально-религиозных взглядов большое влияние оказало антифеодальное утопическое учение чешского мыслителя Петра Хелчицкого (ок. 1390 — ок. 1460).

П. Хелчицкий протестовал против применения какого бы то ни было насилия. Он клеймил войну как отвратительнейшее из всех зол. Солдаты, по его словам, нисколько не лучше убийц и грабителей. Хелчицкий был сторонником уравнительного коммунизма в древнехристианском смысле слова. Но всеобщее равенство в обществе должно быть основано не войной и не государственным принуждением, а осуществлено вне государства и существующего общества. Истинно верующие не должны принимать никакого участия в государстве, т.к. оно суть греховное явление. Социальное неравенство, имущество, классы и ранги созданы государством и могут только с ним исчезнуть. Однако единственное христианское средство уничтожить государство состоит в том, чтобы его игнорировать. Истинно верующим не только возбраняется принимать государственную должность, — ему возбраняется даже призывать не помощь государственную власть. Полиция и суды существуют не для него. Всякое принуждение — зло[32].

Отвергая вслед за Хелчицким феодальные представления о социальном делении общества, братья призывали к единению всех людей, проповедовали бедность, непротивление злу насилием, пытались восстановить порядки раннехристианских общин, не признавали государственную службу. Состав братьев был интернациональным. Основу составляли чехи, но было также немало выходцев из германских земель. Встречались итальянцы и другие.

После разгрома Великой крестьянской войны в Германии, Мюнстерской коммуны[33] и других проявлений революционного анабаптизма часть его приверженцев устремилась в Чехию и Моравию, где слилась с братьями и частично растворилась среди них. Так, часть анабаптистов, после неудачной попытки устроиться в Тироле, осела в 1529 г. под предводительством шляпника Иакова на землях

[31] *Пфлуг-Гартунг и др.* Всемирная история. Т. V (III). Ч. 1. С. 7.

[32] Цит. по: *Ященко А.* Международный федерализм... С. 271.

[33] См. далее.

моравских помещиков под наименованием *гутеровских братьев* (от нем. *huter* — шляпник). Став фактически частью моравских братьев, но сохранив при этом некоторые свои особенности, гутеровские братья положили в основу своей организации общность имущества и выборность начальства. Они были враждебны к любой войне и отказывались платить подати на покрытие военных издержек даже в случае воины с врагами христианства — турками[34].

Габсбурги, владевшие Чехией с 1526 г. и по ряду причин мирившиеся с существованием на своих землях этой автономной религиозно-территориальной организации (не обладавшей, впрочем, почти никаким общественным суверенитетом), в конце концов решили с` ней покончить. Удобный случай представился в начале Тридцатилетней войны. После поражения Чешского восстания 1618–1620 гг. общины чешских и моравских братьев были разгромлены, а их религиозно-общественная структура искоренена. В 1622 г. кардинал Дидрихштейн с ведома и по поручению императора Фердинанда II издал указ, изгоняющий братьев из пределов Моравии, после чего часть из них переселилась в Венгрию, где еще с 1546 г. также существовал (на помещичьих землях) ряд селений моравских братьев[35]. Часть братьев, рассеявшись, эмигрировала в Польшу и германские государства, а позднее — в Северную Америку.

Чешские и моравские братья попытались создать мирное полуавтономное безгосударственное общество на компактной территории в центре Европы, в феодально-государственном окружении. Эта идея изначально была обречена на поражение, но братья пытались осуществить ее с удивительной настойчивостью: их системе удалось продержаться более 150 лет. Причинами столь длительного существования могли быть: 1) социально-политическая гетерогенность феодального общества, допускающая при определенных условиях некоторую автономию отдельных районов; 2) сокращение населения Чехии и Моравии в результате многолетнего военно-политического катаклизма (гуситских войн) и вытекающее из этого стремление феодалов любой ценой привлечь новое население; 3) стремление формирующейся империи Габсбургов в условиях геополитической неустойчивости (опасность со стороны Османской империи) любой ценой умножить количество населения и вызванная этим относительная временная веротерпимость.

---

[34] *Ковалевский М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906. Т. IV. С. 81–82.

[35] Там же.

В 1722 г. часть представителей объединения переместилась в Саксонию, где сочувствующий им пиетист[36], граф Н. Людвиг Цинцендорф (1700–1760), предоставил братьям для жительства свои земли. На этих землях мигрантами было основано поселение Гернгут (*Владение господне*). Под влиянием Цинцендорфа в церкви произошло духовное возрождение и появились сильные пиетические элементы. Объединение стало теперь также называться гернгутерами, а Цинцендорф в 1737 г. был посвящен в сан епископа[37].

***

Идеи безгосударственности пытались развивать и осуществлять анабаптисты (перекрещенцы). Они начали с требования, чтобы каждый человек подвергался крещению только в сознательном возрасте. Их движение под религиозной оболочкой по существу представляло социальный протест масс против феодального строя. Как и табориты, они были хилиастами, т.е. верили во второе пришествие Христа, Страшный Суд и тысячелетнее справедливое Царство Божье на Земле. В такой мистической форме анабаптисты представляли себе социальный переворот, к которому стремились. В этом случае *верховная власть переставала быть государственной, т.к. она передавалась Богу, а значит, с исчезновением старого государства государство исчезало вообще.*

Сначала анабаптисты шли мирным, пассивным путем религиозных проповедей, непротивления и ожидания. Учение анабаптистов быстро распространилось в Германии, Нидерландах и Швейцарии. Анабаптистский манифест, изданный в Цоликоне, гласил: «Власти бесполезны в обществе истинно верующих, и христианину не дозволяется делаться должностным лицом; единственное наказание, которое должно применяться в христианском обществе к преступникам есть отлучение; не дозволяется христианам вербоваться в ряды солдат, чтобы участвовать в войне»[38].

Но поскольку второе пришествие Христа все не наступало, а положение народных масс Европы все более и более ухудшалось, часть анабаптистов, не дожидаясь второго пришествия, перешла к активным радикальным действиям по осуществлению Царства Божьего, решив «спустить небо на землю» (выражение Э. Реклю).

---

[36] Пиетизм — мистическое учение в протестантизме, придававшее первенствующее значение личному благочестию.

[37] Религии и народы мира. С. 774.

[38] Цит. по *Ященко А.* Международный федерализм... С. 271–272.

Еще в 1476 г. на юге Германии произошло восстание под руководством Ганса Бехайма из Никласгаузена. Вокруг него собралось несколько тысяч крестьян, в основном из бедноты. Бехайм призывал бороться с церковью, добиваться возвращения альменды, установления всеобщего равенства и даже ликвидации частной собственности («пусть все будет общим»). Он считал, что так «исполнится воля Бога», а народу говорил, что это поручила провозгласить Богоматерь, которая якобы ему явилась. Восстание, однако, было быстро подавлено, а его вождь казнен[39].

В 1520–1521 гг., в условиях нарастающей активности народных масс и под влиянием Т. Мюнцера, часть анабаптистов активизировалась и в 1524–1525 гг. приняла участие в Великой крестьянской войне в Германии, после поражения в которой анабаптисты подверглись жестоким репрессиям. Анабаптизм был объявлен вне закона, второе крещение или же крещение в позднем возрасте были запрещены под страхом смертной казни. Но это не остановило анабаптистов, в том числе и радикальных. К середине 1530-х гг. наступил новый подъем движения. В ряде городов произошли волнения и восстания, которые были подавлены. Наиболее ярким и весьма показательным эпизодом движения этого периода явилась т.н. *Мюнстерская коммуна* (самоназвания: *Новый Сион*; *Христова община*). Опыт социального эксперимента в Мюнстере, начавшегося как безгосударственный и осуществлявшегося более года (16 месяцев), весьма показателен и поучителен.

Мюнстерская коммуна сложилась в результате вооруженной борьбы местного плебса, бюргерства и анабаптистов (в том числе и пришедших из соседних городов и Нидерландов) против сеньора города князя-епископа Ф. фон Вальдека. 23 февраля 1534 г. анабаптисты, опиравшиеся на плебейские массы Мюнстера, получили большинство в магистрате. 26 февраля из города были изгнаны все, кто отказался принять сторону и веру анабаптистов. Хотя власть формально принадлежала магистрату, она фактически все больше и больше сосредоточивалась в руках «главного пророка» — Яна Матиса, а после его гибели — Иоанна Лейденского, который в мае 1534 г. распустил магистрат, заменив его советом «12 апостолов»[40].

Мюнстер осадили войска епископа и феодалов. Большая часть населения была готова к испытаниям и начала героическое сопротивление. Количественно анабаптистская община города составляла

[39] История Европы. Т. 2. С. 297; *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 350.

[40] *Чистозвонов А.Н.* Мюнстерская коммуна // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. С. 850.

около 8000 человек, в том числе почти 5000 женщин и 400 стариков и детей. Надежда на спасение основывалась на ожидании нового всплеска движения в разных районах Германии, подобного 1524–1525 гг. Во все стороны были разосланы гонцы — в Везель, Девентер, Амстердам и Голландию, в Брабант вплоть до Страсбурга. Анабаптисты пытались возбудить народ и в окрестностях Мюнстера, причем население и даже нередко ландскнехты шли в Мюнстер. Усилия кое-где оправдывались, в некоторых городах происходили волнения: в Девентре на Рождество, в январе 1635 г. на западе Фрисландии, в Лейдене, Амстердаме и Безеле. За ними следовали расправы. В Лейдене, где анабаптисты пытались сжечь город, было казнено 15 человек, утоплено 5 женщин. В конце марта 300 анабаптистов захватили Альтмюнстерский монастырь и назначили его сборным местом для остальных, но 7 апреля монастырь был взят[41].

Тем временем (видимо, в сентябре 1534 г.) молодой пророк и один из наиболее радикальных лидеров движения Иоанн Лейденский был провозглашен королем Нового Сиона (Мюнстера), будущим владыкой всего мира и установил жесточайшую кровавую диктатуру, подвергая казни всех недовольных. Из своих вернейших и преданнейших приверженцев он назначил 12 герцогов и поручил им надзор за отдельными частями города. Каждому из них было дано по 3 советника и 24 драбанта. Всем им король якобы обещал значительные поместья в Германии и Нидерландах. Еще раньше было узаконено многоженство, причем король первый обзавелся гаремом из 15, а по другим данным, из 17 красивейших женщин города[42].

Анабаптистские власти провели в Мюнстере ряд уравнительных мероприятий. Имущество церквей, монастырей, бежавших и изгнанных горожан, драгоценные металлы были конфискованы в общую пользу, деньги упразднены, торговля и обмен с целью наживы сначала ограничивались, а затем были запрещены; подати и проценты отменены. Все жители обязаны были трудиться по специальности на общее благо и участвовать в обороне города, не получая за это особой платы; продовольствие и все предметы потребления и обихода подлежали обобществлению и распределению по строго установленным нормам под контролем анабаптистских властей, но орудия труда, мастерские и земельные участки оставались, видимо, в личном владении их собственников. Двери домов должны были

[41] *Шеллер-Михайлов А.К.* Революционный анабаптизм // *Шеллер-Михайлов А.К.* Полное собрание сочинений в 16 томах. СПб., 1905. Т. 16. С. 654, 657–658.

[42] Там же. С. 643, 646–647, 659.

оставаться открытыми днем и ночью. Моногамная семья, построенная на имущественной основе, была заменена догматически заимствованной из библейских текстов ветхозаветной полигамией. Нарушения общественного порядка, пьянство, всякого рода аморальные поступки, трусость в бою наказывались вплоть до смертной казни. В осажденном городе царила железная дисциплина, а блестящая организация его обороны вызывала удивление даже у врагов. Мюнстер был объявлен единой общиной (коммуной) «истинных христиан», избранным Богом городом, долженствующим стать оплотом грядущего тысячелетнего «царства Христова», под которым подразумевалось наступление идеального мистического царства социального равенства[43].

Попытка заговора и восстания недовольных против «пророков» была предпринята еще 30 июля 1534 г., но закончилась неудачей, и десятки участников были казнены. В дальнейшем казни всех недовольных и подозрительных стали обычным явлением в осажденном городе. В среде осажденных нарастало недовольство лидерами анабаптистов. Усиливался голод, росли тяготы осады, люди были истощены и обессилены, в то время как И. Лейденский и его окружение позволяли себе жить в роскоши. В конце июня 1535 г. Мюнстер был взят, началась жестокая расправа как над лидерами движения, так и над рядовыми его участниками[44].

После этой кровавой расправы движение анабаптистов уже не могло набрать прежней силы: их добивали, где только было возможно; они рассеялись, притихли, скрывались от дальнейших преследований, и только постепенно из их остатков образовались чисто религиозные секты (например, менониты), уже никогда не рисковавшие играть социальные и политические роли[45].

Идеи анабаптистов оказали влияние на индепендентов в Англии и на моравских братьев в Чехии. Часть разгромленных анабаптистов присоединилась к моравским братьям: одни влились в эти общины, другие существовали рядом самостоятельно. Интересно, что общины анабаптистов в Моравии разнились между собой не только толкованием ряда богословских постулатов и стремлением иметь собственные катехизисы, но и общественной организацией жизни. Самыми преуспевающими были гуттеры (гутеры), жившие большими коллек-

[43] *Чистозвонов А.Н.* Мюнстерская коммуна. С. 850; *Шеллер-Михайлов А.К.* Революционный анабаптизм. С. 638, 641–642.

[44] *Шеллер-Михайлов А.К.* Революционный анабаптизм. С. 643–665.

[45] Там же. С. 669.

тивами в одном доме и ведшие совместное хозяйство. Их общины, включавшие много немцев, оказались наиболее устойчивыми. Другая часть сект (по крайней мере, итальянцы-самосатены) объединяла лиц, избравших индивидуальное хозяйство, имевших частные дома и земельные угодья. Они не пренебрегали жизненными удобствами и богатством. Их организации воспроизводили, как видно, общинные порядки, традиции которых в Италии с ее городскими и сельскими коммунами в XVI в. были еще сильны. Отрицание государства, призыв к равенству (так и не достигнутому анабаптистами в полной мере) на практике означали если не попытку учредить «чистую» «мужицкую демократию», поскольку в составе общин преобладали горожане, ремесленники, то, во всяком случае, утвердить независимое (вне подчинения государству) самоуправление трудового люда и мелких собственников и обеспечить им свободу хозяйственной деятельности[46].

Эволюция анабаптистов, таким образом, напоминала эволюцию таборитов: от радикализма и вооруженной борьбы до умеренности и реформизма после военного разгрома радикального движения; от смутных планов создания безгосударственного справедливого общества через централизацию и, временами, диктатуру — к попыткам приспособления к феодальному государству и сосуществования с ним, сохраняя при этом минимальные черты общественной автономии. Все это — в течение нескольких десятилетий.

***

Идея федеративного договора, положенная в основу церковного и политического учения кальвинизма, была развита английскими пуританами и особенно индепендентами, а в дальнейшем была предпринята попытка реализовать это на практике в Северной Америке.

Пуритане (английские кальвинисты, не чуждые некоторых идей анабаптизма) к концу XVI в. разделились на умеренных, консервативных пресвитериан и сравнительно радикальных конгрегационалистов (они же сепаратисты, броунисты, индепенденты). В дальнейшем, в условиях нарастания кризиса в английском обществе в первой половине XVII в., из индепендентов выделятся более радикальные и последовательные левеллеры (уравнители),

[46] *Чиколини Л.С.* Идеи безгосударственности в Италии накануне Нового времени // Анархия и власть. С. 27.

а в ходе революционных событий середины XVII в. — еще более радикальные религиозно-политические группы диггеров (копателей, или истинных уравнителей) и квакеров. У всех этих религиозно-политических течений имелся свой общественный идеал, в котором идеи безгосударственности занимали поначалу довольно заметное место.

В идейной борьбе против авторитарной централистической позиции пресвитериан важный шаг в направлении к анархо-конфедерализму сделал Роберт Броун, отринувший всякую государственную церковь, восставший против всякого безусловного авторитета в общине и занявший враждебную позицию по отношению к пресвитерианству. Необходимо, проповедовал Броун, возвращение к первобытному христианству, восстановление царства Христа на Земле. «От светской власти ведет свое начало антихристова церковь; истинная же церковь отожествляется с общиной и состоит из общения верующих, соединившихся в силу свободного договора с Богом»[47].

Продолжателем Броуна был Джон Робинзон, который развил его учение в конгрегационализм. Основной принцип конгрегационализма, а впоследствии индепендентства заключался в автономии всякой отдельной религиозной общины (конгрегации), в уничтожении союза церкви и государства и в независимости каждой общины от всякого светского влияния. Эта автономия исключала лишь подчинение одной общины другой, но никак не общение их для взаимного обсуждения разных дел. В этом смысле индепендентство допускало национальные синоды, но решительно отвергало всякое тесное объединение общин в единую организацию типа национальной церкви. Именно в отрицании подобной церковной организации и заключалось одно из главных отличий индепендентов от других реформистских церквей[48].

«Идеи конгрегационалистов оказали сильное влияние на политический строй первых колоний в Северной Америке и на создание последующих конфедераций и федераций на Американском континенте»[49]. В колониях, где существовала конгрегациональная церковь, конгрегацией называлась самоуправляющаяся религиозная община, объединявшая все население данного церковного прихода или селения. Конгрегационалисты в первый период существования этого те-

[47] *Ященко А.* Международный федерализм... С. 285.

[48] Там же. С. 286.

[49] Там же. С. 356.

чения отстаивали церковную автономию местных общин, выступали против какой-либо централизации церкви[50]. Зачастую эти принципы переносились и на социальную организацию.

Религиозные воззрения индепендентов были в тесном родстве с их политическими идеями. В основе того и другого лежала идея договора как условие создания человеческих союзов. Каждая религиозная конгрегация была независима. Всякая высшая организация могла возникнуть лишь из свободного договора независимых конгрегаций. Когда индепенденты желали создать более обширный союз, они заключали между собой *ковенант* (covenant) — свободное соглашение. Они торжественно обязывались жить во взаимной солидарности, быть соединенными друг с другом, как члены единого тела, в братской любви и благоговении перед Христом. Эти идеи они переносили и на политический строй. Исходили они при этом из смутных пока еще принципов естественного права и общественного договора. Протестантскому федерализму, таким образом, была свойственна независимость отдельных (религиозных и религиозно-территориальных) общин и их свободных союзов. Эти принципы как в религиозной, так и в общественно-политической жизни нашли себе применение особенно успешно в Северной Америке в XVII–XVIII вв.[51]

Америка манила многих, в том числе и религиозных диссидентов. «Старую Европу волновали самые чудесные слухи о вновь открытом материке и о разных диковинках и людях, там находящихся. Воображение людей, одним словом, было настроено, подготовлено и расположено верить там всему чудесному, и Америка с ее неисследованными странами [землями] сделалась не только любимым местом, куда текли со всех сторон авантюристы, но и любимой сценой для всякого рода [социальных] фантазий»[52]. Первые английские колонисты были убеждены в том, что отправляются в благодатную страну, где деревья сами даруют пищу и где они станут жить беспечно, словно в современном Эдеме[53]. С самого начала Америка считалась землей свободы. В одной из пьес, поставленных в Лондоне в 1605 г. («Eastward Ho»), Америка изображалась, несколько сатирически, именно такой землей: «Там можешь жить без всякой полиции

[50] *Аптекер Г.* История американского народа. Колониальная эпоха. М., 1961. С. 143 (Примечание).

[51] *Яценко В.* Указ. соч. С. 286–287, 289.

[52] *Янжул И.И.* В поисках лучшего будущего. С. 120.

[53] *Азимов А.* История США: освоение Северной Америки. С. 116.

и без помещиков, без адвокатов и без журналистов. Там ты можешь сделаться городским советником, не будучи мошенником, и можешь быть чиновником без всякого подслуживания. Там законов не больше, чем совести, да и того и другого не слишком много[54]». Стремление к получению гражданских прав с самого начала воодушевляло лиц, переселявшихся в Америку: в их договорах обуславливалось самоуправление и народное представительство. Еще одной характерной и в то же время необычной вначале чертой новой земли был поразительный интернациональный состав переселенцев. Так, в голландском Новом Амстердаме вскоре после его основания жили бывшие подданные не менее 18 различных государств[55]. Именно в те времена голландский индепендент Петр Корнелиус предлагал отмену всех национальностей на Земле и создание центральной магистратуры, которая должна была бы заботиться об управлении общими делами человеческих групп, соединенных в многочисленные общества[56].

Начиная с 1607 г. на Атлантическом побережье Северной Америки стали возникать поселения, вскоре разросшиеся в несколько самоуправляющихся территорий (колоний), подчиненных английской короне. В их образовании религиозный компонент играл довольно заметную роль. Появились: протестантская (англиканская) Виргиния, католическо-протестантский Мэриленд, пуританские (со смешанным составом пуритан-пресвитериан и пуритан-сепаратистов) Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд и, наконец, квакерская Пенсильвания.

Однако на практике общественно-политические безгосударственные идеи конгрегационалистов (сепаратистов) и квакеров были осуществлены лишь отчасти. То же касается и их социально-утопических эгалитарных проектов. По меткому и едкому замечанию Э. Реклю, «религиозные стремления пуритан [в Новой Англии] изменили феодальный режим общества таким образом, что авторитет вассалов владетельных особ был заменен авторитетом духовных лиц и церковных советов. Правительственная власть преобразовалась, таким образом, во власть теократическую, иерархия которой заменила собою иерархию феодального режима»[57]. Не следует также забывать, что эти внутренне автономные общины и колонии были жестко подчинены английскому правительству и входили в государ-

[54] *Пфлуг-Гартунг и др.* Всемирная история. Т. V (III). Ч. I. С. 121.

[55] Там же.

[56] *Ященко А.* Международный федерализм... С. 287.

[57] *Реклю Э.* Человек и Земля. Т. IV. С. 460–461.

ство — Английскую (с начала XVIII в. — в Британскую) колониальную империю. Тем не менее данные колонии в XVII в. сумели пойти по оптимальному в тех условиях пути коммунализма — сочетания центральной государственной власти с широким внутренним негосударственным самоуправлением, а также по пути федерализма как принципа отношений между собой.

***

В России опыты создания безгосударственных обществ на религиозной основе были связаны прежде всего с движением раскола — сложного культурно-религиозного явления, начавшегося в середине XVII в. и вскоре наполнившегося значительным социально-политическим содержанием. Раскольничество (старообрядчество) очень скоро стало своеобразным знаменем широких народных масс, недовольных усилением феодальной эксплуатации и государственного гнета. Старообрядцы участвовали в крестьянской войне С.Т. Разина. Детищем радикального старообрядчества стали Соловецкое восстание и «сидение» («Соловецкая республика») 1668–1676 гг., когда восставшим в количестве до 500 человек (монахам, работным людям, стрельцам) при широкой поддержке крестьян и работных людей округи удавалось довольно успешно в течение более 7 лет выдерживать осаду, заявляя, что «никакого указа» им «от великого государя не надобно» и что они не служат «ни по-новому, ни по-старому», а делают «по-своему»[58].

С самого начала раскола часть старообрядцев пыталась обособиться, самоизолироваться — сначала на территории Европейской России (главным образом на севере и северо-востоке этого региона), а затем и за Уралом — в Сибири и на Дальнем Востоке. Позднее старообрядцы уходили и за границу империи — в Речь Посполитую, Турцию, Швецию.

Четко выраженная тенденция реализации крестьянского социально-утопического идеала на основе христианской идеологии в ее старообрядческом варианте прослеживается в истории Выгорецкого (Выго-Лексинского) общежительства, возникшего в конце XVII в. в Олонецкой губернии. Организация Выга восприняла традиции общин государственной деревни и мирских крестьянских монастырей, но создала в XVIII в. свои уставы и соборные постановления

[58] *Барсуков Н.А.* Соловецкое восстание // Советская историческая энциклопедия. Т. 13. С. 326–327.

по уставным вопросам (более 60 документов), в которых делалась попытка сочетать демократизм с задачами разделения труда в хозяйственно-религиозной общине. Дальнейшая эволюция идеологии и организационных форм старообрядческой крестьянской общины на Выге сопровождалась отходом от эсхатологических мотивов, отступлением от аскетизма в быту, отходом от монашеских форм общежительства. Выго-Лексинский мир, будучи включен феодальным государством в систему фиска, постепенно вошел и в систему социально-экономических отношений региона[59].

Аналогичный Выге путь (но с некоторыми отличиями) прошли крестьянские старообрядческие общества двух типов: скит-селение, где жили семьями, и скит на общежительском уставе с раздельным пребыванием мужчин и женщин. Наиболее живучими оказались те селения, где уставы не предъявляли жестких требований и не ущемляли интересов крестьянской семьи. В то же время как реакция на обмирщение скитов родилось новое радикальное согласие — филипповское, возродившее на какое-то время социально-утопические и религиозные идеалы раннего Выга. Подобные попытки провозглашения и частичной реализации социальных идеалов в поселениях старообрядцев разных толков имели место в XVIII — первой половине XIX в. и в других районах страны: в Ярославской, Псковской, Костромской и в некоторых других губерниях. Однако мистицизм, фанатизм, отчужденность от остальной массы крестьян и вообще населения сводили на нет положительные моменты в идеологии сектантов-старообрядцев[60].

В конце XVII — начале XVIII вв. местом интенсивного и массового ухода старообрядцев из европейской части России становится Сибирь. Этот процесс органически переплелся здесь с вольнонародной колонизацией региона.

Хотя старообрядчество проникло в Сибирь в первые же годы своего существования, а страстная проповедь Аввакума звучала здесь уже в 1650-е гг., начало массового распространения раскола на востоке страны правильнее датировать последней четвертью XVII в. С этого времени две важнейшие взаимосвязанные группы идей возникавшей старообрядческой идеологии начинают оказывать влияние на давние процессы вольнонародной колонизации и побега. Это комплексы эсхатологических и пустынножительских теорий, всегда присутствовавших в православии, но приобретших теперь исключительное значе-

[59] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 536–537.

[60] Там же. С. 537.

ние. Прочно вошедшее в старообрядческую идеологию представление об антихристовой сущности царской власти не только повлияло на традиционное отношение части сибиряков к главе государства, но и дало важную мотивацию практике побега, тесно связанной с ходом вольнонародной колонизации. Идеалы пустынножительства, ухода от греховного мира и шумных «мирских плищей» в безмолвный храм природы отражали извечные поиски человечеством высшего смысла жизни. Конкретизация же этих идеалов как нельзя более подходила и для традиционной практики вольнонародной колонизации Сибири, и для реалий полной опасностей жизни тайных старообрядческих общин в лесах и горах востока страны. Бегущий от мира подвижник не должен был (да и не мог) вести жизнь праздную и ленивую: он был обязан трудиться. Эти принципы, в соединении с тяжелой социально-политической обстановкой в стране, способствовали оживленным народным миграциям на востоке страны, появлению все новых тайных заимок-скитов, так хорошо вписывавшихся в традиции сибирского заимочно-захватного землепользования. Постепенно старообрядцы создали на Урале и в Сибири целую сеть неизвестных властям убежищ, помогавших беглецам на их многоверстных путях[61].

В XVII в. сведения о численности населения лесных старообрядческих тайников приводились в источниках лишь в тех случаях, когда значительные скопления беглецов обнаруживались посланными для их поимки воинскими командами.

Острота противостояния была такова, что обычно собравшиеся предпочитали смерть в огне насильственному возвращению в антихристов мир. В 1679 г. в Тобольском уезде произошло первое известное в Сибири массовое самосожжение не менее 1700 обитателей пустыни. В 1682 г. в Тобольском же уезде самосожжение, вызванное опасностью возвращения под гнет государства, унесло 104 жизни. В 1687 г. произошли сразу три самосожжения: два в Тюменском уезде и одно в уезде Тобольском, унесшие около 800 человек. В следующем году самосожжением покончили жизнь 30 человек в Красноярском уезде. Подобные факты встречались в Сибири и позднее. Следует отметить, что не все факты самосожжений историкам известны[62].

Во время чудовищного по жестокости тарского розыска, последовавшего после Тарского бунта 1722 г. и продолжавшегося до середины XVIII столетия, по Сибири вновь прокатилась волна «гарей» (историки

[61] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 339–343.

[62] Там же. С. 343–347, 350.

насчитали их более 50), в каждой из которых гибли от нескольких человек до нескольких сотен. В 1722 г. во время самосожжения на реке Пышме погибли около 400 тюменских и ялуторовских крестьян. В марте 1723 г. «гарь» унесла до 600 жизней в Белоярской слободе. Около 600 человек сгорело в мае 1725 г. на Алтае в Елунской пустыни[63].

В старообрядческих документах, полученных властями в ходе розыска 1722–1724 гг. на просторах от Зауралья до Алтая (191 печатная книга, 73 рукописные книги и 48 рукописных тетрадей и писем), упоминается 12 тайных скитских центров, но это далеко не все пустыни, обнаруженные розыском и тем более далеко не все существовавшие и так и не найденные. Однако обнаруженные источники свидетельствуют как о значительном скоплении беглецов во многих пустынях, так и о важной роли этих лесных убежищ в распространении народных социально-политических идей старообрядчества. Заложенные во второй половине XVII в. особенности старообрядческого политического сознания продолжали развиваться и в XVIII в., когда идеи бегства из антихристова мира и идеи пустынножительства все теснее смыкались с традициями вольнонародной колонизации[64].

Определенное место в духовной жизни крестьянства России второй половины XVII — первой половины XIX в. занимали социально-утопические воззрения, выражавшиеся в распространении различных слухов об обетованных землях, в формировании на основе этих слухов легенд и появлении соответствующих текстов, а также в практике миграций в поисках этих земель и в создании на новых землях крестьянских общин, жизнь которых представляла на определенном этапе попытку реализовать крестьянский социально-утопический идеал. Существование таких общин, в свою очередь, питало рассказы и легенды о землях и селениях с идеальным социальным устройством, природными богатствами и экономическим процветанием[65].

Наиболее последовательными в этом отношении были приверженцы старообрядческого толка бегунов (странников). В конце XVIII в. они выделились из крупного раскольнического направления — беспоповцев — как радикальное его крыло, недовольное своими зажиточными верхами. Бегунство (странничество) получило широкое распространение в Сибири.

---

[63] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 350; История Сибири: учебное пособие. С. 222.

[64] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 349–350.

[65] История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. С. 536.

Бегуны не признавали частную собственность, сословность, жизнь в городе, соглашение и сотрудничество с властями. Проповедники бегунства призывали крестьян не платить казенную подушную подать, отказаться от регистрации в переписях (ревизиях) населения, не исполнять рекрутскую, почтовую, заводскую и другие повинности. Ревизия, как утверждали они, есть «сеть, уловляющая в царство антихриста, средство, прикрепляющее к антихристу». Под последним подразумевалось государство. Сам император (он же одновременно и алтайский помещик), с точки зрения бегунов, являлся антихристом, а его чиновники и офицеры — «антихристовыми слугами»[66].

Важно отметить, что у российских и сибирских бегунов существовала отработанная система конспирации — сеть связей, пристаней (тайных прибежищ), описания маршрутов следования на Алтай и далее (так называемые «путники», «путешественники»)[67].

В значительной мере с деятельностью бегунов была связана более чем столетняя эпопея поисков крестьянами Беловодья — легендарной земли, население которой, согласно представлениям старообрядцев, сохранило старую веру без искажений и жило в условиях братства и справедливости. В легенде о Беловодье мечталось об уходе за пределы нарастающей власти Антихриста и его слуг (царей, глав послениконовской церкви, царской администрации и войска). Речь шла о вольном праве на землю, которую сам обрабатываешь, на семью, которая верна древнему благочестию, — и все это при полном отсутствии государства («суда светского не имеют»). Эта легенда, по мнению К.В. Чистова, — прямое продолжение древнего представления об островах рая на Земле, а не на небе, что предлагало официальное христианство[68]. Народная традиция помещала Беловодье чаще всего в Сибирь, в район Алтая и прилегающих к нему территорий[69].

К середине XVIII в. часть гонимых старообрядцев разных толков стала проникать в район верхнего течения реки Бухтармы, правого притока Иртыша. Это была труднодоступная горная мест-

[66] *Должиков В.А., Сухотина Л.Г.* Об источниках «анархистских» воззрений М.А. Бакунина // Проблемы политической истории и политологии. Барнаул, 1992. С. 22.

[67] *Должиков В.А.* «Сибирский» фактор в эволюции политических воззрений М.А. Бакунина (1857–1861 гг.) // Там же. С. 6–7.

[68] *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 485.

[69] Имелись и другие «адреса» Беловодья: Дальний Восток, Китай, Тибет, «Опоньское царство».

ность, находившаяся фактически на нейтральной территории, возникшей между тремя гигантами: Россией, империей Цин (Китаем) и Джунгарским ханством. В середине XVIII в. здесь для беглецов сложилась, выражаясь современным языком, благоприятная геополитическая ситуация, особенно после того, как джунгарские власти, не желавшие, чтобы их подданные платили дань России, приказали племенам алтайцев откочевать в сторону территории нынешней Монголии[70].

Во второй половине XVIII в. беглецы (мастеровые, беглые солдаты, крестьяне алтайских заводов) основали в долинах рек Бухтарма и Уймон 30 мелких поселков в 2–3 двора. Район расселения беглецов получил наименование *Камень* (в местной терминологии *камни* означало «горы»). Основными видами хозяйственной деятельности каменщиков (или бухтарминцев) являлись земледелие, скотоводство, пчеловодство и охота. Большинство каменщиков были старообрядцами разных толков, поэтому можно лишь частично говорить о религии как основе возникшего сообщества. Таким образом, у обитателей Камня сложилась своеобразное самоуправляющееся безгосударственное общество.

В религиозных и мирских делах бухтарминцами руководили старики и наставники. Житейские конфликты, возникавшие среди членов общины, рассматривались «лучшими людьми», которые избирались на мирском сходе. Процедура судопроизводства носила оперативный характер, в ней соблюдались принципы коллегиальности и гласности. Общественный порядок в этом сообществе основывался на артельном ведении хозяйства, товарищеской солидарности, взаимопомощи и самоуправлении[71].

Однако к концу XVIII в. бухтарминцы стали испытывать значительные трудности. К ним все ближе подходили «киргизы» (казахи), теснимые русской колонизацией Степного края. Плодородные долины Бухтармы и Уймона постиг трехлетний неурожай, преодолеть последствия которого при хозяйственной изолированности бухтарминцев было крайне затруднительно. Все это привело к крушению идеи изолированной и вольной жизни на вольной земле[72].

---

[70] *Кривоносов Я.* Беловодье — земля непокорства и духовных исканий // Барнаул. 1995. № 2. С. 159.

[71] *Ипатов А.Н.* Бухтарминцы // Отечественная история с древнейших времен до конца XIX в.: энциклопедия. Т. I. С. 325; История Сибири: учебное пособие. Томск, 1987. С. 221.

[72] *Чистов К.В.* Русская народная утопия... С. 308.

Немногочисленное общество бухтарминцев, насчитывавшее несколько сот человек (в самый свой расцвет оно, видимо, так и не достигло тысячи), существовало во враждебном окружении и было объективно обречено либо на социальное уничтожение одной из соседних феодальных цивилизаций, либо на присоединение и приспособление к одной из них. Произошло последнее, причем на максимально выгодных в то время для бухтарминцев условиях. Просуществовав самостоятельно около 30 лет, бухтарминцы обратились к российским властям с просьбой принять их обратно в русское подданство (до этого некоторая часть бухтарминцев безуспешно пыталась перейти в подданство китайское). В 1792 г. именным указом Екатерины II русское подданство бухтарминцам было возвращено, причем на льготных условиях инородцев. При этом было даровано прощение, сохранено общинное самоуправление и право общинного суда, предоставлена свобода вероисповедания. Статус инородцев означал уплату ясака, но освобождал от других налогов и рекрутчины (на военную службу бухтарминцев стали брать только с 1878 г.)[73].

Екатерина II пошла на столь парадоксальное решение вопроса для того, чтобы удержать за Россией Южный Алтай, освоенный уже русскими крестьянами. Правительство, по-видимому, рассчитывало, что такая уступка беглым мужикам в связи с отдаленностью Бухтармы не скажется заметно на настроениях крестьянской массы. Дальнейшая история показала, что оно ошиблось[74].

Своеобразная жизнь бухтарминских каменщиков, слившись с легендами и слухами о Беловодье, стала заманчивым примером для русских, в первую очередь сибирских, крестьян, немало способствуя дальнейшему распространению в их среде социально-утопических легенд о далеких землях справедливости и свободы[75]. Пример алтайских беловодцев вызвал в XIX в. несколько десятков попыток подражания. Вот лишь некоторые из них. В 1825 г. в поисках Беловодья бежали 13 алтайских горнорабочих; в 1826 г. — 38 крестьян Бухтарминской волости; в 1828 г. — 79 человек (большинство их них — крестьяне Бийского округа). В конце 1830-х гг. был предотвращен массовый побег крестьян Алтайской волости. В 1840 г. за пределы Сибири ушла большая группа русских «инородцев» — бухтарминцев. В конце 1850-х гг. 47 семей бегунов из Ишимского и Ялуторовско-

[73] *Ипатов А.Н.* Бухтарминцы. С. 325.

[74] *Чистов К.В.* Русская народная утопия... С. 308.

[75] Там же. С. 307; Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 329.

го уездов Тобольской губернии проникли в Усинский (Засаянский) край и поселились в долине реки Ус, основав село Верхне-Усинское. Летом 1861 г. из Бийского округа под влиянием рассказов братьев Бобровых о Беловодье в поисках этой земли бежало 149 крестьян и инородцев. В 1862 г. слух повторился, но властям удалось предотвратить новый коллективный побег[76]. Поиски и уходы «в Беловодье», правда, уже не такие интенсивные и массовые, продолжались и дальше, вплоть до начала XX в.

Важно отметить, что и на протяжении XX в. практика пустынножительства в Сибири кое-где продолжалась вопреки, казалось бы, всем обстоятельствам. Обнаружение в конце 1970-х гг. в глухой тайге семьи Лыковых, на протяжении десятилетий почти не имевшей контактов с внешним миром, обострило интерес к проблеме самоизолированных (или почти самоизолированных) старообрядческих сообществ в Сибири. Подтвердилось, что старообрядческие общины-скиты существовали и продолжают существовать на исходе XX в.

Так, в глухих таежных районах Прикетья и Причулымья (Томская область) такие общины существовали почти в полной самоизоляции вплоть до 1980-х гг. Данные общины организовывались в самодостаточный автономный мир представителей одного (старообрядческого) согласия. Налицо ситуация самодостаточности и самоуправления, в одном случае общинного уровня (Прикетье), в другом — межобщинного взаимодействия (Причулымье).

«Опыт староверов Заимочного района и общины северного Прикетья доказывает реальность успешных попыток создания “почти изолированного” мира. Устойчивое существование “текучего” самодостаточного мира было обеспечено действием таких факторов самоорганизации, как корпоративная и конфессионально-клановая общность, “соборность” в принятии решений, длительная информационная связь как с местом выхода, так и с ушедшими дальше филиациями. Налицо также осознанное стремление к самостоятельному развитию, самоизоляции от мира, устранению контактов с миром иноверцев»[77].

[76] *Мамсик Т.С.* Крестьянское движение в Сибири (вторая четверть XVIII в.). Новосибирск, 1987. С. 179–182; Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 141; Сибирская советская энциклопедия. Т. I. С. 271.

[77] *Приль Л.Н.* Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в конце XIX — 80-х гг. XX века (опыт реконструкции жизнедеятельности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. С. 12.

***

Еще один российский опыт подобного рода — упорные попытки духоборческих общин создать самостоятельное общество. Духоборы (духоборцы) — приверженцы сектантского учения из разряда так называемых рационалистических христианских сект, возникшего во второй половине XVIII в. на юге России, быстро распространившегося в ряде районов Европейской России и отчасти в Сибири. В 1804 г. правительственным указом желающие были переселены на плодородные земли, расположенные по течению реки Молочной в Таврической губернии с центром в селе Терпение. Однако в 1817 г. начались репрессии, а в 1830 г. духоборчество было причислено к «особо вредным сектам», поскольку духоборы решительно и неизменно отказывались от военной службы и не исполняли некоторые другие государственные законы, противоречившие их убеждениям. По указу 1839 г. духоборы были вскоре переселены в Закавказье (в количестве около 20 тыс. человек), из них наибольшая часть — в Карскую область.

Расчет царя и правительства был гениален и одновременно прост: поставить духоборов в условия, когда им волей-неволей (в целях самозащиты) в условиях Кавказской войны и соседства враждебной Турции придется отказаться от своих принципов непротивления и взять в руки оружие, что к тому же заставит других отказаться от вступления в ряды духоборов.

В селе Горелое Карской области был основан т.н. Сиротс*кий дом*, который являлся главной резиденцией руководителя духоборов, центром духовной и хозяйственной жизни *Духобории*. Здесь находилась общественная касса, пополнявшаяся за счет добровольных пожертвований. Эпизодически собирался совещательный орган, состоявший из наиболее влиятельных духоборов — старичков (название не было связано с возрастным цензом). Для управления хозяйственно-административной деятельностью избирался т.н. *атаман*; внешние связи *Сиротского дома* с уездной и губернской администрацией осуществлял *старшина*. Во главе общины стоял общепризнанный *пророк*. При *Сиротском доме* была и особого рода военная организация — духоборческие *казачки* под общей командой *генерального урядника*: они охраняли имущество и угодья. Духоборы занимались земледелием, скотоводством (преимущественно тонкорунным овцеводством), огородничеством, вели торговлю[78].

[78] *Малахова И.А.* Духоборы // Отечественная история с древнейших времен до конца XIX в. Т. 2. С. 100.

Из-за непрекращающихся жестоких репрессий со стороны царизма, вызванных непризнанием духоборами законов государства и отказом от военной службы, духоборы, опираясь на содействие Л. Толстого и других сочувствующих влиятельных деятелей, стали вынашивать план массовой эмиграции из России с целью создания свободного безгосударственного общества *в каком-нибудь удаленном и относительно свободном уголке Земли*. В качестве такого «уголка» первоначально рассматривались Гавайи, но этот вариант так и не был реализован[79]. В 1898–1899 гг. около 7500 духоборов, спасаясь от преследований властей, при помощи толстовцев переселились в Канаду. Здесь им отвели необработанную землю. На самом большом участке образовалось свыше 30 селений, на втором — 13, на третьем — 12[80]. Селились теми же селами, что и в России: и сегодня в Британской Колумбии — районе окончательного поселения духоборов — существуют деревни с русскими названиями Фруктовая, Прекрасная, Плодородная, Утешение, Бриллиант[81]. Землю обрабатывали сообща, и через несколько лет заброшенная территория зазеленела и зацвела. Трудности были преодолены благодаря усиленному труду и общинному строю. К началу 1903 г., т.е. через три года после переселения в Канаду, духоборы обустроились довольно сносно. К концу 1906 г. Христианская Община (официальное наименование духоборского сообщества) уже достаточно окрепла и представляла собой могущественное общество, маленькое государство в государстве. В течение неполных десяти лет духоборы смогли разработать тысячи акров девственной земли, обзавелись постройками, машинами, паровыми лесопилками, консервными фабриками, многомиллионным имуществом. Однако в 1908 г. под давлением канадского правительства духоборы, оставив имущество на семь миллионов долларов (в т.ч. свыше 280 тыс. акров уже возделанной земли), ушли в Британскую Колумбию — «дикий запад Канады», где на новых пустырях стали вновь налаживать жизнь[82].

[79] Духовное возрождение России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1993. Секция 2. С. 179.

[80] *Неттлау М.* Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам / Пер. с англ. Тусон, 1991. С. 12.

[81] *Тоноян В.* Заветная мечта русских духоборцев // Московские новости. 1987. 26 апреля. С. 16.

[82] *Неттлау М.* Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам / Пер. с англ. Тусон, 1991. С. 14; *Тоноян В.* Заветная мечта русских духоборцев. С. 16.

Конфликт духоборов с канадскими властями развивался постепенно и на первых порах незаметно. Прибыв в Канаду, духоборы делали все, чтобы изолировать себя от всяких внешних влияний. По объему свободы и прав Канада заметно превосходила Россию. Но от требований государства им и здесь не удалось уйти. Правда, воинской повинности в привычном смысле здесь практически не было. Но зато канадские законы не только не допускали отрицания собственности, но и не признавали коллективного, общественного землевладения. Далее возник вопрос о налогах, правильной регистрации браков, рождений и смертей. «Всебратья» решили *просить канадское правительство освободить их от действия общих законов* и разрешить общинную собственность на землю, обосновывая все это ссылками на свои священные догмы. Канадское правительство ответило на это отрицательно и указало духоборам, что они *не должны рассчитывать ни на освобождение себя от действующих законов, ни на издание каких-либо специальных законов для себя*. Духоборы стали обсуждать вариант переселения из Канады в другую страну, где они могли бы жить по своим традициям и законам, и просили канадское правительство оставить их в Канаде до тех пор, пока такая страна не будет найдена. «Так естественным ходом вещей духоборы были поставлены лицом к лицу с основным противоречием всего мировоззрения христианского анархизма. Теоретики “непротивления” принципиально отрицали закон и государство, но их социальная утопия могла быть осуществлена только при покровительстве государства и защите закона. И даже осуществление такой утопии “среди” какого-либо существующего общества и благодаря его “терпимости” не только не было бы разрешением задачи, какую ставит себе “Всемирное братство”, но не было бы даже и доказательством возможности такого разрешения — вне рамок того или другого политического строя, без помощи тех или других юридических норм. В своем письме к канадским духоборцам, поддерживая их и убеждая остаться верными отрицанию собственности, Л.Н. Толстой доказывал им, что если признать собственность, то нельзя будет отказаться и от признания необходимости организованной защиты собственности государством, — т.е. организованного насилия»[83].

По данным П.Н. Милюкова, уже через год после переселения в Канаду только в двух-трех обществах из 34 сохранилась общность

[83] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. Церковь. Религия. Культура. М., 1994. С. 142.

хозяйства и имущества. По сведениям «Миссионерского обозрения», около 1500 зажиточных духоборов уже согласились записать отведенные им участки на имя отдельных собственников и вести записи браков. Остальные — «вся голь» — продолжали стоять на принципиальной точке зрения и удивлять канадцев своими попытками разорвать связи с государством и обществом[84]. Постепенно духоборы приспособились к политико-правовым нормам и социально-экономическим реалиям Канады.

***

С начала XVII в., как говорилось выше, Северная Америка стала прибежищем многих религиозных диссидентов, в том числе и тех, кто стремился к социальным безгосударственным экспериментам. XVIII–XIX вв. явились временем продолжения таких опытов. Наиболее масштабной и впечатляющей (а также поучительной с точки зрения эволюции подобных опытов) стала «мормонская эпопея» 1840–1890-х гг.

Мормоны, одна из крупнейших групп маргинальных протестантов, возникла в 1830 г. в штате Нью-Йорк в небольшом городке Фейетт. Основателем его был Дж. Смит-младший (1805–1844), выходец из бедной семьи. Он обвинил все современные ему христианские церкви в отходе от тех положений, которыми руководствовались ранние христиане. Впрочем, вероучение самих мормонов настолько отдалилось от традиционного христианства, что многие религиоведы затрудняются отнести его к числу христианских. Боговдохновенными мормоны считали и считают не только Библию, но и ряд других книг, прежде всего книгу Мормона, якобы написанную неким пророком Мормоном на какой-то разновидности коптского языка и переведенную Дж. Смитом чудесным путем[85].

Мормоны являлись сторонниками тысячелетнего царства Христа, что означало их веру во второе пришествие. Они видели целью тысячелетнего царства Христа возрождение Сиона на Западе. Мормоны разработали новую социальную систему общественных институтов, в которую, в частности, вошли коллективная собственность (позже ее сменила система церковной десятины) и полигамия, приверженцем коей был сам Смит и большинство лидеров

[84] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры... С. 143.

[85] Религии и народы мира. С. 774–775.

учения[86]. В оправдание полигамии мормоны выдвигали тот аргумент, что они таким образом покончили с проституцией[87].

Политическим идеалом мормонов была теократия по типу древнеизраильской. Во главе всей конфессии (и мегаобщины) стоял «богом избранный» президент и совет из 12 апостолов. Социальную основу общин составляла беднота и мелкая буржуазия деревни. Для мормонов характерна апология труда (неслучайно на их гербе изображена пчела — символ трудолюбия). Теократические притязания Смита, практика полигамии, отмененная лишь в 1890 г. (но, кажется, полностью не искорененная и до сих пор. — *А.Ш.*), вызвали недовольство со стороны населения и властей, и Смит был убит толпой[88].

После долгих скитаний по территории США (штаты Огайо, Миссури, Иллинойс, Айова) мормоны удалились в почти необитаемую Большую Соляную пустыню (первые партии переселенцев-мармонов появились там в 1846–1847 гг.), где основали ряд поселений и столицу — Грейт-Солт-Лейк-Сити (город Великого Соленого озера). Мормоны сознательно избрали место, «которое *не являлось собственностью ненавистного американского правительства и находилось вне его юрисдикции*» (курсив источника. — *А.Ш.*). В 1849 г. они образовали «свободное и независимое» правительство и объявили себя штатом Дезерт, а нового лидера общины — Б. Юнга (Янга) — своим президентом. Но вскоре данная территория перешла к США, и в 1850 году конгресс США превратил самозваный штат в «территорию Юта», но при этом все же утвердил Б. Юнга ее губернатором[89].

Приверженцы конфессии стали стекаться сюда со всех концов США — передвигаясь на фургонах или пешком, везя с собой тележки.

Особенно много мормонов прибыли в Юту после Гражданской войны, в 1868 г. (до 80000 чел.), когда в США были построены новые железные дороги и путь к городу стал намного легче. Споры между Юнгом и федеральными властями по поводу предоставле-

[86] Всемирная энциклопедия: христианство / гл. ред. В.В. Адамчик. Минск, 2004. С. 463.

[87] *Ковалевский М.М.* Мормоны // Христианство: энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 2. С. 181.

[88] *Кислова А.А.* Мормоны // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. С.695.

[89] *Твен М.* Краткий очерк истории мормонов // *Твен М.* Собрание сочинений в 8 т. М., 1980. Т. 2. С. 414–415.

ния мормонам земли Юты в собственность и установления там теократического правительства братства продолжались на протяжении 1850-х гг.[90]

Нужно отдать должное трудолюбию и упорству мормонов: вскоре пустынная территория Юта и город Грейт-Солт-Лейк-Сити стали процветать, а церковь — богатеть и крепнуть. Но вместе с этим поднималась и росла ненависть ко всем «язычникам» (т.е. к немормонам). Б. Юнг в качестве губернатора территории недвусмысленно дал всем понять, что Мормония существует для мормонов. Мормонам приписывали убийства религиозных и политических противников и просто неугодных их лидерам людей. Делом их рук считается «резня на Горном лугу» — жестокое массовое убийство 10 сентября 1857 г. около 120 (по другим данным — около 150) переселенцев из Миссури и Арканзаса, следовавших на запад через Юту. Мотивами этого чудовищного преступления могли стать, как полагают, ненависть к чужакам, в частности к жителям штата Миссури (где ранее мормонов преследовали), а также стремление поживиться имуществом переселенцев[91].

США пытались поправить ситуацию назначением правительственных чиновников, но Юнг значительно осложнил их въезд в Юту. Президенту США Бьюкенену пришлось применить трехтысячную армию, чтобы навести конституционный порядок и водворить чиновников на посты. Мормоны прибегли к довольно единодушному пассивному сопротивлению. Деятельность назначенных должностных лиц продолжала встречать затруднения в виде саботажа основной массы населения Юты, и часть чиновников, не выдержав трудностей и запугиваний, покидала территорию, а другая часть фактически сдалась, подчинившись мормонам и смирившись с их порядками. По свидетельству М. Твена, побывавшего в Юте, «управление территорией проявляло позорную беспомощность, и единственной реальной силой там был Бригем Юнг». Он вел себя как абсолютный монарх, не считавшийся с президентом США и игнорировавший законы федерального правительства, в частности закон о признании многоженства в Юте недопустимым. Многоженство здесь продолжало процветать, причем сам Юнг служил в этом отношении для других ярчайшим примером для подражания[92].

[90] Всемирная энциклопедия: христианство. С. 463.

[91] *Твен М.* Краткий очерк истории мормонов. С. 417–418.

[92] Там же. С. 415–417.

Только в 1896 г., после многолетних мероприятий по приведению ситуации в Юте в конституционное русло, правительство США пошло на то, чтобы признать Юту штатом и дать ей все соответствующие права[93]. Но и после этого преимущественно мормонский по составу населения штат Юта еще долго выделялся из всей федерации штатов[94].

***

В чем-то похожие события, но с южноамериканской спецификой и с гораздо менее благополучным (а точнее — неблагополучным) концом для их участников произошли в 1890-е гг. в Бразилии.

На северо-востоке страны, в засушливых степях (сертанах[95]) сложилась самобытное общество из смешанного местного и пришлого населения, главным образом скотоводов. Самобытная культура жителей Сертана представляла собой, по словам историка А.Б. Томаса, «странную мешанину религиозных верований, суеверий и социальных обычаев, заимствованных у смешанного населения индейцев, негров и португальцев». Во времена рабства сюда в поисках свободы бежали негры. К концу столетия здесь скопились многие тысячи безземельных крестьянских семей. Полунищее население Сертана — сертанежус — отличалось свободолюбием, независимым характером и фанатичной преданностью своему краю[96].

Бурное развитие добычи каучука в Бразилии привело к попыткам каучуковых кампаний вторгнуться в этот район и поработить его обитателей. Обездоленная крестьянская масса стала сопротивляться, что привело к крупнейшему в истории Бразилии крестьянскому восстанию (фактически к крестьянской войне)[97]. Эти события выдвинули и вождя, с именем которого связаны как вооруженное сопротивление, так и попытка создать независимое общество на религиозной основе.

Антонио Масиел по прозвищу Конселейро (Консельейру) (порт. — советчик, утешитель) /ок. 1850–1897 гг./ родился в бедной крестьянской семье. В течение 20 лет скитался по сертанам севе-

[93] Всемирная энциклопедия: христианство. С. 463–464.

[94] В середине XX в. мормоны составляли более 70% населения штата Юта — слова А.А. (Указ. соч. С. 696).

[95] В буквальном переводе *сертан* означает «глушь».

[96] *Томас А.Б.* История Латинской Америки. С. 321, 330.

[97] *Фако Р.* Бразилия XX столетия. М., 1962. С. 76–78.

ро-востока, был каменщиком, затем крестьянским проповедником. Он выступал за ликвидацию латифундий и церковного землевладения, проповедовал идеи христианского равенства и крестьянской демократии[98].

В 1893 г. Масиел и его последователи создали город-общину Канудус, ставший центром сопротивления в сертанах. Сюда стекались все недовольные из среды бывших рабов, вакейру (пастухов), безземельных и обезземеливаемых крестьян. К 1896 г. в Канудусе насчитывалось 25–30 тысяч жителей. Город стал центром своеобразного крестьянского общества, в котором земля, леса, пастбища и воды были общественным достоянием. Главными принципами общины являлись совместный труд, общая земля, равенство членов. Частная собственность признавалась незаконной и преступной. Идеи примитивного коммунизма, который пытались воплотить в жизнь жители Канудуса и Сертана, существовали под оболочкой своеобразной религиозной ереси А. Конселейро.

В 1896 г. против Канудуса были направлены регулярные войска, но сертанежус разбили несколько карательных экспедиций. В 1897 г. в одном из сражений погиб А. Конселейро. Восстание было подавлено с неимоверной жестокостью. 5 октября 1897 г. Канудус был захвачен правительственными войсками, и почти все его защитники были истреблены. Власти не разрешали упоминать в печати о Канудусе в течение 5 лет. Самобытная культура Сертана была разрушена[99].

***

В данной главе были рассмотрены масштабные (от нескольких сот человек до нескольких десятков тысяч) и при этом относительно длительные по периоду существования (от нескольких лет до нескольких десятков лет) общества на религиозной основе с достаточно выраженным (стихийным или же более-менее сознательным) стремлением уйти от государственного устройства и создать самостоятельное альтернативное безгосударственное общество.

Для религиозных сообществ, стоявших на позициях отрицания государства и возникших как безгосударственные, было характерно три варианта бытования:

[98] Латинская Америка: Энциклопедический справочник. Т. 1. С. 548; Т. 2. С. 40.

[99] *Томас А.Б.* История Латинской Америки. С. 330; *Фако Р.* Бразилия XX столетия. С. 79.

— отвоевание собственной независимой территории в борьбе с государством;

— уход от государства в новые, свободные, «ничейные» и, как правило, труднодоступные земли;

— попытка ужиться с государством, оставаясь при этом автономным безгосударственным анклавом на его территории.

Имели место и комбинированные варианты: сосуществование отдельных черт трех названных вариантов, а также смена вариантов под влиянием обстоятельств.

Несмотря на традиционное декларирование мирного ненасильственного пути развития и существования своего общества, религиозно-территориальные общественные образования не раз демонстрировали готовность и способность к применению оружия против своих врагов.

Примечательно и то, что некоторые из этих обществ под давлением обстоятельств были склонны эволюционировать (в разной мере каждое) к авторитарной, жесткой, иерархической и иногда жестко диктаторской общественной системе, хотя возникли как безгосударственные и даже как антигосударственные.

Глава VI. Попытки создания анархического общества (вторая половина XIX — первая половина XX в.)

1. Теория и практика анархистской социальной революции (60–70-е гг. XIX в.)

Анархизм как одно из нескольких мировых идейно-политических движений — явление сложное и неоднозначное, несмотря на кажущуюся порой упрощенность и прямолинейность. Возникнув в середине XIX в. в Западной Европе, он в последней трети XIX — начале XX в. получил довольно широкое распространение в зонах трех крупнейших мировых цивилизаций — Западной (Западная Европа и Северная Америка), Латиноамериканской и Российско-Евразийской, оказав определенное влияние и на мировые политические процессы конца XIX — начала XX вв.

Название этого идейно-политического движения происходит от греческого слова *анархия* — безвластие, безначалие. Анархисты провозгласили своей целью уничтожение государства и всякой политической власти, рассматриваемых исключительно как органы насилия, стоящие над народом. Они поставили задачу освобождения от всех форм политической, экономической и духовной зависимости посредством объединения людей в свободные, добровольные и независимые ассоциации граждан, а при наличии благоприятных условий — задачу создания безгосударственного общества на основе таких ассоциаций.

В понимании идейных анархистов анархия вовсе не означает хаоса, как зачастую считается в обыденном сознании. Вместо государства — добровольный союз общин, коммун, ассоциаций и других хозяйственных объединений трудящихся; вместо политического

принуждения — самодисциплина и самоорганизация на основе революционной сознательности и хозяйственной необходимости; вместо частной собственности — собственность общественная (коллективная). Такова была и есть общая платформа анархизма, хотя существовали и существуют некоторые вариации: часть анархистов выступала за индивидуализм вместо коллективизма; часть допускала наряду с коллективной собственностью или вместо нее собственность частную. Существовали противоречия и разногласия по вопросу о путях достижения целей: мирные и немирные и методы стоит применять? Но общим знаменателем для разнообразных направлений анархизма являлось и является неприятие и отрицание государства в любой его форме, будь то монархия, буржуазная республика или республика социалистическая. Фактически большинство анархистов выступало за немедленный переход к коммунистическому безгосударственному строю — «за отмену государства с сегодня на завтра», как иронизировали марксисты.

Как представляли себе анархисты это новое общество? Из трудов П.-Ж. Прудона, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина и других анархистов видно, что его образ был у них довольно смутным. Не отличались ясностью и представления о путях достижения этого общества. Являясь признанными мастерами критики капиталистического (а позднее и социалистического) общества и государства, анархисты обнаруживали как теоретическую, так и практическую слабость и беспомощность в конструировании будущего анархистского общественного устройства. Уделяя значительное внимание (как в теории, так и на практике) разрушению существующего капиталистического общества, анархисты в своем большинстве были согласны с М.А. Бакуниным в том, что «дух разрушения есть одновременно и дух созидания», т.е. надеялись, что после краха капитализма новое общество на его развалинах сложится в значительной мере стихийно.

Один из первых анархистов, П.-Ж. Прудон (1809–1865 гг.), не был принципиальным противником революционной борьбы, но в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс, хорошо знавшие Прудона и его работы, отнесли его творчество к направлению консервативного или буржуазного социализма. В дальнейшем эволюция взглядов и учения Прудона шла по направлению к мелкобуржуазному социализму, и характеристика Марксом и Энгельсом в «Манифесте...» этого направления как нельзя лучше подходит к прудонизму 50–60-х гг. XIX в., хотя некоторые черты буржуазного или консервативного социализма оставались у

Прудона и ряда его последователей всегда. Отрицая крупную собственность и называя ее кражей, Прудон не имел ничего против мелкой частной собственности, именуя ее владением[1]. Исходя из этого, он выступал не только против капитализма, но и коммунизма. В результате определенных условий его буржуазные и мелкобуржуазные взгляды воспринимались одно время французскими (и не только французскими) рабочими как социалистические[2]. По сути, П.-Ж. Прудон был анархо-либералом с чертами консерватора. Наиболее крупной проверкой его теории и практики стало участие его последователей — французских прудонистов — в революционных событиях 1870–1871 гг. во Франции и в Парижской Коммуне.

Общественным идеалом прудонистов было безгосударственное общество, состоящее из коммун, объединенных в федерации. Успех распространения этой идеи в широких массах рабочих и средних слоев Франции в 1860-е гг. был обусловлен в первую очередь реакцией на бюрократизм и централизм империи Наполеона III. Кроме того, в общественной памяти были живы традиции коммунальной автономии средневековых городов и сел. Поэтому, после буржуазной революции 1870 г. часть прудонистов стала активно пропагандировать переход к коммунальному безгосударственному строю.

В идейном отношении члены парижских секций Интернационала причисляли себя преимущественно к прудонистам, хотя по ряду важнейших вопросов уже отошли от прудонистских догм: вчерашним днем для них уже стали отказ от стачек и профессиональных союзов, воздержание от политической борьбы и неприятие коллективной собственности. Левые прудонисты Варлен, Малой, Комбо, Делаэ, Авриаль, Тейс — вдохновители и активисты синдикального движения, организаторы массовых стачек и выступлений против империи, принявшие социалистическую программу Интернационала в 1868 г., — сохраняли при этом от прежнего увлечения Прудоном отрицание роли государства и всякой централизованной власти, придерживаясь федералистских взглядов, а также были полны веры во всеисцеляющую силу дарового кредита, исповедуя, реформистские иллюзии.

Идейный разрыв левых прудонистов с группой правоверных прудонистов не был закреплен организационно, в чем проявилась анархистская недооценка первыми организационного фактора. *От-*

[1] *Прудон П.-Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время. М., 1998. С. 14–17, 35, 200.

[2] *Кан С.Б.* История социалистических идей. М., 1963. С. 223–224, 227.

дельные правые прудонисты перешли на откровенно реакционные позиции и проводили политику соглашательства с буржуазией, а то и прямого классового предательства. Так, Мюра, помощник мэра X округа, во время осады Парижа поддерживал контрреволюционные мероприятия правительства; Шодэ, мэр IX округа, во время восстания 22 января 1871 г. дал войскам приказ стрелять в толпу; Толен, избранный парижскими рабочими в Национальное собрание, отрекся от Коммуны и перешел на сторону Версаля[3].

Политический состав Парижской Коммуны, сформировавшийся в результате выборов 26 марта 1871 г., был довольно разнообразен: буржуазные республиканцы (либералы и радикалы), мелкобуржуазные демократы (неоякобинцы), мелкобуржуазные социалисты (прудонисты, бакунисты), революционные социалисты (левые прудонисты, бланкисты, марксисты и близкие к марксизму). Это было отражением социального состава: 26 рабочих, более 30 служащих, несколько мелких предпринимателей, лица интеллектуального труда (педагоги, врачи, журналисты, адвокаты)[4].

В основе политической программы Парижской Коммуны лежала идея коммунальной автономии и превращения Франции в федерацию самоуправляющихся коммун. Особенно решительными сторонниками политической децентрализации выступали прудонисты. Некоторые из них мечтали о сведении до минимума прав центральной власти и о превращении Парижа в «вольный город», сохраняющий свое положение индустриального, торгового, экономического и умственного центра всей Франции, но перестающий быть ее политической столицей[5].

Неоднородность состава Парижской Коммуны создавала почву для острых разногласий между представителями разных политических направлений. Разногласия возникали при обсуждении как программных, так и тактических вопросов. Долгие споры вызвал вопрос о гласности заседаний Коммуны и о публикации отчетов об этих заседаниях. Прудонисты возражали против каких-либо ограничений свободы мнений, против всяких секретных обсуждений независимо от существующей обстановки. Большинство прудонистов требовало также отмены секретного заключения. «Мы, республиканцы, демократы, социалисты, не должны пользоваться теми средствами, ко-

[3] Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. В 7 т. Т. 2. М., 1976. С. 115–116.

[4] Парижская Коммуна 1871 года. М., 1970. С. 26.

[5] Там же. С. 30.

торые употребляли деспоты», — доказывал А. Арну. В отношении нападок буржуазной прессы наиболее ошибочную позицию занимали прудонисты правого крыла, которые рекомендовали не обращать внимания на «мух журнализма» и на их «жужжание, быть может, надоедливое, но безобидное». Прудонисты правого крыла выступали против решительных мер в отношении буржуазной частной собственности, на которых настаивали бланкисты, левые прудонисты и люди, близкие к марксизму. Прудонист Рулье выражал недовольство декретом об отмене ночного труда в пекарнях; прудонист Журд выступал против предложения о ликвидации частных ломбардов. Под влиянием прудонистов — решительных противников всякого посягательства на частную собственность буржуазии, Коммуна допустила серьезнейший просчет: она отказалась от захвата Французского банка, в котором хранились деньги и ценности на общую сумму почти в 3 млрд франков. За весь период существования Коммуны Французский банк выдал ей только 15 млн франков (на нужды коммунального хозяйства); за это же время он перевел версальскому правительству более 257 млн франков. Попытка группы решительных революционеров занять банк отрядом национальной гвардии, предпринятая 12 мая, была расстроена решительным вмешательством прудониста Белэ (делегата Коммуны при банке)[6].

В конце апреля тяжелое положение, сложившееся на фронте, заставило многих членов Коммуны поставить вопрос о необходимости принятия чрезвычайных мер для спасения революции и создания полновластного Комитета общественного спасения. Прудонисты возражали против создания такого комитета, утверждая, что это приведет к опасной для революции диктатуре нескольких лиц. Декрет об образовании Комитета общественного спасения был принят 1 мая 45 голосами против 23. Прудонисты и левые прудонисты выступили против декрета. Разногласия привели к образованию в Коммуне бланкистско-неоякобинского большинства и прудонистского меньшинства. К последнему примкнули также бланкист Тридон и два марксиста — Серрайе и Франкель[7].

14 мая «меньшинство» выступило с декларацией, а 15 мая опубликовало ее в печати. В этом документе, подписанном 21 членом Коммуны, утверждалось, что Коммуна «отреклась от своей власти, передав ее диктатуре, которую она назвала Комитетом общественно-

[6] Парижская Коммуна 1871 года. С. 36, 52–53.

[7] *Молок А.И.* Хрестоматия по истории Парижской Коммуны. М., 1986. С.128–130.

го спасения». Опубликование декларации произвело сильное впечатление в Париже. Буржуазные газеты, расценившие декларацию как предвестник скорой гибели Коммуны, не скрывали своего удовлетворения. Политические столкновения между двумя группировками продолжались вплоть до 20 мая, когда Федеральный совет парижских секций Интернационала на своем заседании поддержал требования «меньшинства» об ограничении прав Комитета общественного спасения, но вместе с тем призвал к сохранению единства Коммуны. К единству призывало членов Коммуны и многолюдное собрание избирателей IV округа, состоявшееся в тот же день. Раскола в Коммуне удалось избежать, но происходившая в ней и резко обострившаяся в середине мая борьба течений подрывала авторитет революционного органа, что пагубно отразилось и на обороне Парижа[8].

Дальнейшие разногласия прервал и общий враг: 21 мая версальцы вступили в Париж, и на его улицах в течение недели шли кровопролитные бои, закончившиеся поражением коммунаров и жестокой расправой над ними. В условиях кризиса прудонистской теории и практики на первый план в конце 1860-х — начале 1870-х гг. в анархистском движении стал выдвигаться бакунизм[9]. Идеология бакунизма формировалась постепенно и вобрала в себя много исходных идейных и политических компонентов: идеалистическую философию Гегеля; многие (но не все) положения Прудона; опыт революционных событий 1848–1849 гг. в Европе; значительные элементы панславизма; традиции разбойничества и бунтарства, прежде всего российские, а также опыт российского радикального сектантства — бегунства, с которым М.А. Бакунин познакомился во время своего пребывания в Сибири. Сам М.А. Бакунин не сразу стал анархистом. Только к середине 1860-х гг., пройдя к этому времени долгий путь

[8] Парижская Коммуна 1871 года. С. 54–55.

[9] Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), из дворян Тверской губернии, философ, выдающийся деятель международного революционного движения, создатель первой системной концепции анархизма. С 1840 г. в эмиграции. Участник революционных событий 1848 г. в Париже, Пражского восстания (Австрийская империя, 1848 г.) и восстания в Дрездене (Саксония, 1849 г.). В 1850 г. приговорен саксонским, а затем австрийским судами к смертной казни, в 1851 г. выдан царскому правительству, находился в заключении до 1857 г., затем пребывал в сибирской ссылке (Томск, Иркутск) до 1861 г., откуда бежал через Японию и Америку в Англию. В 1864 г. вступил в Интернационал, но в 1872 г. за раскольническую деятельность был исключен. Основал альтернативный (антиавторитарный, федералистский, бакунистский) Интернационал. Один из организаторов и участник восстаний в Лионе (Франция, 1870 г.) и Болонье (Италия, 1874 г.). Умер в Швейцарии.

(левый гегельянец, левый буржуазный республиканец и почти одновременно панславист, затем революционный демократ), он пришел к анархизму. Оставаясь отчасти революционным демократом, Бакунин одновременно разработал фактически первую в мировой истории более-менее целостную анархистскую систему и приступил к ее практической реализации.

Международной политической организацией, по замыслу М.А. Бакунина, должен был стать Альянс социалистической демократии, созданный в сентябре 1868 г. в Женеве. М.А. Бакунин и его сторонники, являясь членами Первого Интернационала, пытались добиться принятия Альянса социалистической демократии в эту авторитетную международную организацию. После отказа Генерального совета Интернационала в приеме Альянса (март 1869 г.) бакунисты заявили о роспуске своей организации, хотя фактически ее сохранили. В марте 1869 г. Бакунин и его сторонники ввели эту тайную организацию в Первый Интернационал под видом Женевской секции Интернационала. Альянс социалистической демократии строился по принципу безусловного подчинения рядовых членов, не знакомых ни с целями, ни со строением этой организации, незначительному числу «посвященных» — т.н. *интернациональных братьев*. Альянс имел свои тайные организации в Италии, Испании, Швейцарии и на юге Франции. Используя авторитет Интернационала и опираясь на свою тайную организацию, сторонники Альянса стремились к возможно более широкому распространению анархистских идей. Блокируясь с антимарксистскими элементами внутри Интернационала (лассальянцами, оппортунистическими лидерами английских тред-юнионов и др.), они стремились захватить в свои руки Генеральный совет и рабочее движение в целом[10]. Ради достижения этих целей Альянс социалистической демократии не отступал «ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все этот свойственно ему в равной мере»[11].

К ущербу для общего дела борьбы с капиталом (и к радости власть предержащих) обе стороны в этом конфликте — и бакунисты, и марксисты — допустили во взаимоотношениях ложь, интриги, оскорбления и инсинуации, лишний раз подтвердив, что политики

[10] *Фостер У.З.* История трех Интернационалов. М., 1959. С. 77–80, 102–103.

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению Гаагского конгресса Интернационала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 18. С. 329.

без грязи не бывает. Но было бы все же неправильным забыть, что зачинщиками всей этой неприятной для мирового революционного движения истории являлись бакунисты.

В 1872 г. на Гаагском конгрессе М.А. Бакунин и его ближайшие соратники были исключены из Интернационала, однако отказались подчиниться решениям конгресса и начали создавать свою международную организацию, выдавая ее за действительное Международное товарищество рабочих. На протяжении нескольких последующих лет существовало два Интернационала, при этом они имели одинаковое название и оба выступали как выразители интересов рабочих мира[12]. Позднее бакунистский Интернационал вошел в историю как федералистский и антиавторитарный Интернационал.

Бакунистам удалось организовать пять международных конгрессов своего Интернационала: в Сент-Имье, Швейцария (1872), в Женеве (1873), Брюсселе (1874), в Берне (1876) и в Вервье, Бельгия (1877). Последний номер их официального органа «Бюллетень Юрской федерации» вышел 15 марта 1878 г. Бакунистский Интернационал реально действовал с 1872 по 1877 гг.[13] В основном именно на эти годы пришлись попытки бакунистов организовать всеобщую социальную революцию в Европе.

В заключении своей программной книги «Государственность и Анархия», характеризуя ситуацию начала 1870-х гг. в Европе, М.А. Бакунин провозглашал: «Единая поборница освобождения народов, миллионов чернорабочих всех стран, подымает свою голову социальная революция. Покамест она сосредоточила свои силы только на юге Европы: в Италии, Испании, Франции; но вскоре, надеемся, под ее знамя встанут и северо-западные народы: Бельгия, Голландия и, главным образом, Англия, а там, наконец, и все славянские племена»[14].

Считая Германию главным оплотом реакции и врагом социальной революции в Европе, М.А. Бакунин писал в завершении книги: «На пангерманском знамени написано: *удержание и усиление государства во что бы то ни стало*[15]; на социально-революционном же, на на-

[12] *Фостер У.З.* История трех Интернационалов. С. 102–103, 106.

[13] Там же. С. 106–108.

[14] *Бакунин М.А.* Избранные сочинения. Т. I. Государственность и Анархия. Пг., 1919. С. 319.

[15] Нужно признать, что в книге «Государственность и Анархия» М.А. Бакунин предсказал на более чем полстолетия вперед и обосновал ту *чрезвычайную опасность*, которую несет в себе объединенная Германия (с ее реакционным прусским военным духом и идеологией пангерманизма) международным отношениям и движению социального освобождения трудящихся в Европе.

шем знамени, напротив, огненными кровавыми буквами начертано: *разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов — организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира*»[16].

В вопросе об устройстве послереволюционного анархического общества М.А. Бакунин и его ближайшие сподвижники демонстрировали крайнюю непоследовательность: они то заявляли, что главное суть разрушение старого общества и что новое общество сложится на его развалинах само собой, то выступали с идеями и проектами регламентации, в том числе и довольно жесткой, этого нового общества.

В совместной статье М.А. Бакунина и С.Г. Нечаева «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание дела» провозглашалось: «Мы беремся сломать гнилое общественное здание <...> Мы имеем только один отрицательный неизменный план — беспощадного разрушения. Мы прямо отказываемся от выработки будущих жизненных условий как несовместной с нашей деятельностью и потому считаем бесплодной всякую исключительно теоретическую работу ума <...> мы берем на себя исключительно разрушение существующего общественного строя»[17]. Здесь же эта позиция несколько конкретизировалась: «Конечно, мужики никогда не занимались измышлением форм будущего общественного порядка, но тем не менее они по устранении всего мешающего им (т.е. после всеразрушительной революции, первого дела, а потому для нас самого главного) сумеют устроиться гораздо осмысленней и лучше, чем то может выйти по всем теориям и проектам, писанным доктринерами-социалистами, навязывающимися народу в учителя, а главное, в распорядители. <...> В казацком кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани, по выходе оттуда Стеньки Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского»[18].

Опубликованная М.А. Бакуниным в 1868 г. «Наша программа» (в журнале «Народное дело», № 1) была более конкретной, но весьма краткой. В числе практических требований выдвигались: 1) упразднe-

[16] *Бакунин М.А.* Избранные сочинения. Т. I. Государственность и Анархия. С. 320.

[17] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. С. 397.

[18] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. С. 396.

ние права наследственной собственности; 2) уравнение прав мужчины и женщины; 3) уничтожение семейного права и брака; 4) передача воспитания детей «на попечение свободного общества»; 5) водворение «экономической правды» или реализация двух коренных положений, согласно которым «земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда — работникам, рабочим ассоциациям»; 6) уничтожение государства и создание свободной федерации «вольных рабочих» как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций); 7) соединение русского народа с федерациями других народов Европы и всего мира[19].

В отношении планов будущего анархического общества весьма интересны совместные программные принципы Бакунина и Нечаева, изложенные после бегства уже скандально знаменитого Нечаева за границу в совместной статье «Главные основы будущего общественного строя», помещенной во втором номере «Изданий общества “Народная расправа”». Здесь было изложено их представление об общественной жизни после революции. По их планам, «все средства для существования общественного» сосредоточиваются «в руках нашего комитета» и объявляются «обязательной для всех физической работой». «Каждый индивидуум должен примкнуть к той или другой рабочей артели». «Все оставшиеся» вне рабочей артели «не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни, ни в какие-либо другие здания, предназначенные для удовлетворения <...> потребностей работников-братьев», для них «останется только один выход: или к труду, или к смерти». Нечаевско-бакунинская программа выдвигала принцип «производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше» и излагала подробную регламентацию воспитания, рабочего времени, кормления детей, освобождения от физической работы изобретателей и т.д.[20]

Известный авторитаризм бакунистских программных и тактических установок в отношении социальной революции и будущего общества просматривался уже в теории, не говоря о практике. Марксисты подметили это практически сразу. Организация Альянса носила довольно авторитарный характер и имела три жестких иерархических степени: 1. Интернациональные братья. 2. Национальные братья. 3. Полутайная, полуоткрытая организация Международного

[19] Цит. по: История русской экономической мысли. Т. II. Ч. I. С. 374.

[20] Цит. по: *Канев С.Н.* Революция и анархизм. С. 153–154.

альянса социалистической демократии[21]. Маркс и Энгельс характеризовали Альянс как «деспотическую и иерархическую тайную организацию». Бакунину, отмечали они, для совершения социальной революции «требуется только тайная организация сотни людей, привилегированных представителей *революционной идеи*, находящийся в резерве генеральный штаб, сам себя назначающий и состоящий под командой перманентного "гражданина Б.". Единство мысли и действия означает не что иное, как догматизм и слепое повиновение. <...> Перед нами настоящий иезуитский орден»[22].

М.А. Бакунин торопил начало европейской (а подразумевалось, что и мировой) социальной революции. Его по-человечески можно понять: жизнь, большую часть которой он без остатка посвятил созданию теории социального освобождения человечества и практической борьбе за это освобождение, подходила к концу. От этого еще сильнее давал себя знать свойственный Бакунину и ранее «синдром революционного нетерпения»: ему хотелось увидеть, наконец, практические плоды своей теории. Тем более что в этом отношении у него было немало сторонников в ряде стран Европы — Италии, Испании, Швейцарии, Франции, России.

Первой вспышкой бакунистской социальной революции, причем с участием самого М.А. Бакунина, стали события в Лионе, втором после Парижа городе страны, где бакунисты после буржуазно-демократической революции 4 сентября 1870 г. развернули активную деятельность. Здесь и вообще на юге Франции сторонники М.А. Бакунина имели определенные позиции. Овладев рядом лионских секций Интернационала, бакунисты удерживали их от участия в политической борьбе. Сторонники Бакунина восприняли весть о падении империи как сигнал к осуществлению анархистской «социальной ликвидации»[23]. По свидетельству М.П. Сажина, «весь тогдашний Интернационал юга Франции, хотя по размерам и незначительный, находился тогда под влиянием Бакунина, и поэтому к его приезду в Лион собрались несколько видных интернационалистов из Марселя, Сент-Этьена и других южных городов»[24]. В середине сентября в Лион прибыл М.А. Бакунин. 17 сентября на

[21] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. С. 439.

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. С. 337, 342.

[23] Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. Т. 2. С. 122–123.

[24] Цит. по: *Пирумова Н.* Бакунин. М., 1970. С. 335.

митинге в присутствии делегатов из Марселя и других городов юга страны был торжественно учрежден Комитет спасения Франции. Наряду с ядром бакунистов — участников Альянса, в него вошли многие члены Интернационала, лишь частично посвященные в планы М.А. Бакунина[25].

Рабочие Лиона волновались, но открытых выступлений пока не происходило. 27 сентября Центральный комитет спасения Франции объявил свои заседания беспрерывными. Ночью на заседании впервые выступил М.А. Бакунин, который высказался за вооруженное восстание. На стенах домов появилась афиша с программой революционной федерации коммун. В ней декларировалось упразднение правительственного и административного аппарата как доказавшего свою несостоятельность, замена уголовных и гражданских судов «судом народа», созыв Революционного конвента в Лионе. Главная статья воззвания гласила: «Административная и правительственная машина государства, ставшая совершенно непригодной, упраздняется»[26]. 28 сентября, около 12 часов дня, Бакунин в сопровождении ближайших сподвижников (Сень, Парратон, Ришар) и генерала Клюзере, назначенного командиром лионских волонтерских частей, занял ратушу. Оглашенная с балкона программа и патриотическая речь Клюзере вызвали аплодисменты рабочих национальных мастерских и отрядов новобранцев, однако поддержки основной массы собравшихся на площади рабочих анархистские лозунги не получили. Большинство считало важным прогнать немцев с французской земли. Два батальона буржуазной национальной гвардии, явившиеся, чтобы «навести порядок», были встречены одобрением большинства присутствующих. Толпа начала рассеиваться, а М.А. Бакунин был арестован, но через час освобожден батальоном вольных стрелков и спустя два дня покинул Лион[27].

«И вот наступил критический момент, который ждали столько лет, — иронизировали К. Маркс и Ф. Энгельс по поводу бакунистского выступления в Лионе, — момент, когда Бакунин получил возможность совершить самый революционный акт, который когда-либо видел мир, — он декретировал *Отмену Государства* (курсив мой. — *А.Ш.*). Но государство в образе двух рот буржуазных национальных гвардейцев вошло в дверь, перед которой забыли поставить охрану,

[25] Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. Т. 2. С. 123–124.

[26] Цит. по: Парижская Коммуна 1871 года. Москва, 1964. С. 333.

[27] Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. Т. 2. С. 123–124; *Пирумова Н.* Бакунин. С. 337.

очистило зал и заставило Бакунина спешно ретироваться в Женеву»[28].

Бакунистское выступление, совершенное от имени Интернационала в Лионе, нанесло моральный урон местным секциям этой организации, поставило под удар революционные элементы, оттолкнуло от революционного движения буржуазных радикалов, укрепило позиции контрреволюционного центрального правительства[29].

По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, «наиболее очевидным результатом деятельности Альянса была дискредитация в глазах лионских и марсельских рабочих того Интернационала, представителем которого он как всегда и повсюду якобы являлся»[30].

Авантюризм и неразборчивость в средствах поборников бакунистской социальной революции проявилась и в Португалии в 1871–1872 гг. В Лиссабоне активист Альянса из Барселоны Мораго «вовлек в Альянс несколько португальцев, членов Интернационала. Считая, однако, что эти новички не дают ему достаточных гарантий, он без их ведома основал другую альянсистскую группу из наихудших буржуазных и рабочих элементов, навербованных в рядах франкмасонов. Эта новая группа, в которую входил бывший кюре Бонаса, попыталась организовать Интернационал в виде секций, по десять человек в каждой, которые должны были под ее руководством служить планам графа де Пенише и которых этому политическому интригану удалось вовлечь в рискованное предприятие, имевшее единственной целью поставить его у власти. Ввиду интриг Альянса в Португалии и Испании, португальские члены Интернационала вышли из этого тайного общества и на Гаагском конгрессе потребовали в интересах общего дела исключения его из Интернационала»[31].

Показательными и в известной мере хрестоматийными стали попытки бакунистов совершить социальную революцию в Испании в рамках разразившейся там очередной буржуазной революции (1868–1874 гг.). Анархистские историки не любят вспоминать об этой далеко не лучшей странице истории анархизма. Весьма характерно, что автор объемной и подробной работы об анархизме в Испании Дж. Пейрэт, начиная свое исследование с даты 1869 г. (образование Испанской секции I Интернационала), в материале

[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. С. 348–349.

[29] Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. Т. 2. С. 124.

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. С. 377.

[31] Там же. С. 359.

о первых годах и десятилетиях анархистского движения в Испании совершенно обходит исторический сюжет о революционных событиях 1868–1874 гг. и роли в них анархистов-бакунистов[32]: уж очень в неприглядном свете они предстают в этих событиях. Не затрагивает этот вопрос и А. Скирда в своей объемной и довольно емкой по содержанию книге, посвященной исследованию «либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г.»[33]

В течение XIX столетия в Испании произошла целая серия политических переворотов и революций. Все они в той или иной степени и форме отражали процесс борьбы между силами феодализма и капитализма — борьбы, которая вследствие экономической и политической отсталости страны в XIX в. не привела к полной победе буржуазии. Слабость испанской буржуазии и сила феодальных пережитков обусловили половинчатость, незавершенность буржуазных революций, которые никогда не принимали буржуазно-демократического характера.

События 1854–1856 гг. не решили объективных исторических задач, стоявших перед буржуазной революцией. Следовательно, не устранили они и почвы, способной вызвать к жизни новую революцию. Сигналом к ней явились события 18 сентября 1868 г. в Кадисе, когда стоявшая здесь эскадра под командой адмирала Топето начала восстание под лозунгом «Да здравствует народный суверенитет!» Восстание очень быстро охватило всю Испанию. Вскоре Мадрид оказался в руках инсургентов. Изабелла II, осознав бесперспективность дальнейшего сопротивления, бежала за границу.

Первые успехи революции вызвали бурю восторга во всей Испании. Однако в стане победителей тотчас же возникли трения. Одна часть стремилась провозгласить республику, другая хотела ограничиться заменой династии. 16 ноября 1869 г. кортесы избрали королем Амадея — сына итальянского короля. Он пытался управлять, опираясь на конституцию, но, встретив сильную оппозицию с разных флангов, счел за благо отречься от власти (в феврале 1873 г.).

В бурные революционные дни конца 1868 г. в Мадриде появился один из ближайших сторонников Бакунина — активный деятель Альянса Джузеппе Фанелли. Вскоре ему удалось создать в Мадриде первую секцию Интернационала в составе 21 человека, из которых лишь трое были посвящены в дела тайного Альянса. В январе 1869 г.

[32] *Peirats J.* Anarchists in the Spanish Revolution. P. 21–24.

[33] *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила: обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж., 2002.

усилиями Фанелли была образована секция в Барселоне, которая затем стала самой сильной и влиятельной организацией Интернационала в Испании. Во главе ее оказались члены тайного Альянса. В середине 1869 г. в Барселоне была создана первая испанская секция Альянса, которая повела энергичную пропаганду анархизма в стране, используя для этого печатный орган секций Товарищества «Ля Федерасьон де Барселона».

29 июня 1870 г. в Барселоне состоялся I конгресс испанских организаций Интернационала, который прошел под знаком полного идеологического господства бакунизма. Конгресс избрал Федеративный совет, который разделял принципы бакунизма, заявив в своей программной декларации, что в вопросах религии придерживается атеизма, в политике — анархии, в вопросах экономики — коллективизма. Таким образом, в Испании друзья и приверженцы Бакунина имели сильное влияние на рабочих. Это с горечью признавал и Энгельс: «Как известно, в Испании к моменту раскола Интернационала имели перевес члены тайного Альянса; значительное большинство испанских рабочих пошло за ними»[34].

1870–1873 гг. прошли в упорной борьбе между марксистским и бакунистским крылом Интернационала, в том числе и в Испании, причем здесь исход борьбы был явно не в пользу марксистов.

Тем временем события в Испании продолжали развиваться. Политическая ситуация обострялась и требовала от всех политических сил, в том числе и анархистов, максимума решительности и одновременно четкости и определенности в тактике. Однако «испанские альянсисты оказались в очень затруднительном положении»[35]. Они участвовали в революции, имея на вооружении теорию М.А. Бакунина, из которой заимствовали главным образом следующие постулаты:

— политическая борьба не нужна, если она немедленно не приводит к конечной цели — полному освобождению пролетариата;

— политическое движение отвлекает народные массы от бунтарства и приобщает их к буржуазной государственности;

— форма политического правления пролетариату безразлична, ему все равно, монархия или республика;

— промежуточные этапы достижения цели не являются неизбежными и необходимыми. Таков, в частности, этап буржуазно-демократических преобразований;

[34] *Энгельс Ф.* Бакунисты за работой: Записки о восстании в Испании летом 1873 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: второе издание. Т. 18. С. 457.

[35] Там же. С. 457.

— необходимы немедленное и полное уничтожение государства со всеми его институтами и создание анархического антиавторитарного режима[36].

Три дня спустя после отречения короля Амадея, 12 февраля 1873 г., кортесы провозгласили республику. Во главе правительства, составленного из радикалов и республиканцев, был поставлен адвокат Н. Фигерас. Это было правительство промышленной буржуазии. 10 апреля состоялись выборы в учредительные кортесы. Во время выборов анархисты отказались выдвинуть самостоятельные кандидатуры, рабочие голосовали за буржуазных республиканцев, большинство которых были федералистами. Кортесы провозгласили Испанию федеративной республикой, президентом был избран известный публицист, переводчик сочинений Прудона Пи-и-Маргаль. 3 июля была опубликована новая конституция Испании, предоставлявшая широкое самоуправление ее провинциям. В программу Пи-и-Маргаля входили требования об упрочении федеративной республики, регулировании детского труда, продажи госземель крестьянам, отделении церкви от государства, уничтожении рабства на Кубе. Проведение в жизнь этой программы не только улучшило бы экономическое и политическое положение трудящихся, но и создало бы благоприятные условия для их дальнейшей борьбы за социальное освобождение. Самым разумным для рабочей организации была бы поддержка правительства Пи-и-Маргаля. Но бакунисты не поддержали его программу и сумели побудить некоторые слои испанского пролетариата принять участие в восстании крайних буржуазных федералистов — «непримиримых», которые требовали немедленного превращения Испании в федерацию отдельных кантонов на основе полной автономии последних по образцу Швейцарии.

Авантюризм непримиримых федералистов и бакунистов дорого обошелся испанской революции: своими действиями они фактически раскололи (вернее, так и не дали создать) буржуазно-демократический блок левых и центристских сил. Анархисты мотивировали это необходимостью углубления революции. Но и углубить ее они так и не сумели, а только нанесли ей ущерб, поскольку оказались неспособны действовать адекватно обстановке и совершили много политических ошибок.

В начале июля 1873 г. в ряде районов страны вспыхнули кантональные восстания (т.н. *кантональные революции*). В Гренаде, Севи-

[36] *Михайлов М.И.* Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма. М., 1988. С. 218.

лье, Кордове, Малаге, Валенсии, Кадисе, Мурсии, Картахене, Алькое были учреждены хунты (фактически это были кантональные правительства), отказавшиеся подчиняться центральному правительству в Мадриде. Воспользовавшись расколом в революционном лагере, на севере страны активизировались реакционные силы. Республиканская буржуазия правела. Происходило изменение в расстановке социально-политических сил. В этих условиях 18 июля Пи-и-Маргаль подал в отставку; его место занял Сальмерон — буржуазный республиканец, враг федерализма и сторонник централизации. Он начал с того, что направил войска против повстанцев. Большая часть буржуазии, напуганная участием в восстании рабочих, активно поддержала реакцию.

Анархисты, увидевшие в сепаратизме «непримиримых» близость к своим идеалам (децентрализация, автономия и т.д.), принимали участие в их органах власти, но повсюду оставались в меньшинстве и большой роли не играли. Кроме требования полной автономии, которое, казалось, было близко к осуществлению, они заявляли о необходимости «немедленного и полного освобождения рабочего класса», но на это требование «непримиримые» не обращали внимания[37].

«Федерализм интрансижентов[38] и их бакунистского охвостья, — возмущался Ф. Энгельс, — в том-то и заключался, что каждый город действовал на собственный страх, объявив самым важным делом не совместные действия с другими городами, а отделение от других городов, и исключив тем самым всякую возможность всеобщего наступления. То, что было неизбежным злом в эпоху немецкой Крестьянской войны и во время майских восстаний в Германии в 1849 г., именно раздробленность и обособленность революционных сил, позволившие одним и тем же правительственным войскам подавлять одно отдельное восстание за другим, — то было здесь провозглашено принципом наивысшей революционной мудрости[39]. К середине августа 1873 г. все кантональные революции были подавлены.

Подводя итоги деятельности бакунистов в Испанской революции, Ф. Энгельс[40] отмечал следующие характерные их позиции: «1. Баку-

[37] *Михайлов М.И.* Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма. М., 1988. С. 220.

[38] Интрансиженты — радикальные буржуазные республиканцы-федералисты («непримиримые»).

[39] *Энгельс Ф.* Бакунисты за работой. С. 468.

[40] Ф. Энгельс являлся признанным теоретиком революционной и военно-политической стратегии. Кроме того, он имел личный практический военно-политический опыт: был командиром отряда в восставшем Эльберфельде (Рейнская провинция Пруссии, май 1849); в июне-июле 1849 г. участвовал в боевых дей-

нисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу. Прежде всего они пожертвовали своей доктриной об обязательном воздержании от политической деятельности и, в особенности, воздержании от участия в выборах. Затем подверглась той же участи анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они пытались, напротив, создать множество новых, мелких государств. Затем они выбросили за борт тот принцип, что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, которая не преследует цели немедленного и полного освобождения пролетариата, они участвовали сами в движении заведомо чисто буржуазном. Наконец, они попирали только что провозглашенный ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу, — они попирали его, преспокойно заседая в правительственных комитетах отдельных городов и притом почти везде как бессильное меньшинство, майоризируемое господами буржуа и политически эксплуатируемое ими.

2. Это отречение от проповедовавшихся до тех пор принципов выразилось, однако, в самой трусливой, самой лживой форме и под давлением нечистой совести, так что ни сами бакунисты, ни руководимые ими массы, вступая в движение, не имели никакой программы или вообще не знали, чего они хотят. Каков же был естественный результат этого? — Тот, что бакунисты либо препятствовали всякому движению, как в Барселоне, либо вовлекались в разрозненные, лишенные плана, нелепые восстания, как в Алькое и в Санлукар-де-Баррамеда; либо же руководство восстанием попадало в руки буржуа-интрансижентов, как это было в большинстве восстаний. Таким образом, как только дошло до дела, ультрареволюционные выкрики бакунистов превратились или в отлынивание, или в заведомо безнадежные восстания, или же в присоединение к буржуазной партии, которая постыднейшим образом политически эксплуатировала рабочих и вдобавок награждала их пинками.

3. От так называемых принципов анархии, свободной федерации независимых групп и т.п. не остается ничего, кроме безмерного и бессмысленного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству с помощью горстки солдат покорить почти без сопротивления один город за другим.

ствиях в составе Пфальцской и объединенной Баденско-Пфальцской революционных армий во время вооруженной борьбы за общегерманскую конституцию.

4. Все это привело не только к тому, что хорошо организованные и сильные своей численностью испанские секции Интернационала — как мнимого, так и настоящего — полетели в пропасть вслед за интрансижентами и ныне фактически не существуют, но вдобавок еще к тому, что им приписывается множество вымышленных бесчинств, без которых филистеры всех стран не могут себе даже и представить рабочего восстания. А вследствие этого, может быть, на целые годы стала невозможной новая организация Интернационала среди испанского пролетариата.

5. Одним словом, бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию»[41].

После разгрома кантональных революций Испанская революция резко пошла по нисходящей линии. 3 января 1874 г. генерал Павиа и маршал Серрано возглавили государственный переворот. В стране была установлена военная диктатура. Кортесы были разогнаны, рабочие организации, в том числе секции и федерации Интернационала, объявлены вне закона. 29 декабря 1874 г. представитель крупной буржуазии и землевладельцев генерал Кампос произвел новый переворот, в результате которого сын Изабеллы II был провозглашен королем Испании Альфонсом XII.

Следующим звеном социальной революции М.А. Бакунина стали события в Италии.

В течение второй половины 1860-х гг. мадзинистские организации с их проповедью сотрудничества классов постепенно уступали место новым организациям — секциям I Интернационала, число которых быстро возрастало: к 1872 г. их насчитывалось уже свыше 100. Однако они на первых порах оказались в плену анархистских идей. Разорившиеся крестьяне, ремесленники, деклассированная интеллигенция — все эти выбитые из обычной колеи социальные элементы привносили в ряды рабочего движения бунтарские настроения. Бушевавшая в стране крестьянская стихия не могла не усилить их. Наконец, анархисты продолжали и некоторые идейные традиции, возникшие в бурную эпоху Рисорджименто, когда заговоры и стихийный бунт, «пропаганда действием» и жертвенный подвиг «избранных» представлялись наилучшими путями в борьбе за свободу. «Не следует недооценивать того успеха, который Бакунин в более поздний период (конец 1860-х — начало 1870-хгг. — *А.Ш.*) имел (в Италии. — *А.Ш.*) на Юге и в Романье», — отмечал лидер итальянских марксистов А. Грамши[42].

[41] *Энгельс Ф.* Бакунисты за работой. С. 473–474.

[42] *Грамши А.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. Тюремные тетради. М., 1959. С. 405.

По данным У. Фостера, в Италии в период неустойчивой политической ситуации начала 1870-х гг. анархисты попытались поднять не менее 60 местных путчей, наиболее серьезным из которых стали события в Болонье в июле 1874 г.[43]

Историк Т.Р. Равиндранатан назвал события 1873–1874 гг. в Италии «инсуррекционной [мятежной, путчистской] лихорадкой»[44]. Полагая, что времена созрели для «восстаний и баррикад», бакунисты в 1874 г. перешли к прямым действиям. Создав заговорщический «Итальянский комитет социальной революции», они стали непосредственно готовить восстание, которое, вспыхнув в цитадели анархизма Романье, должно было охватить Умбрию, Тоскану и перекинуться затем на юг. Однако реальность оказалась иной. Аресты заговорщиков, о действиях которых власти были заблаговременно предупреждены, начались еще до начала выступления. Был арестован и А. Коста, один из руководителей заговора. Когда же, невзирая на колебания и сомнения заговорщиков, все же было решено начать восстание (таково было мнение М.А. Бакунина, который прибыл в Болонью «для личного участия в восстании, надеясь не столько на его успех, сколько на возможность смерти на баррикадах»[45]), оказалось, что повстанческую колонну романьольцев уже успели окружить правительственные вооруженные силы. Этим был предрешен провал всей операции в Романье. Через несколько дней М.А. Бакунин в костюме деревенского священника покинул Болонью. За неудачей восстания последовали жестокие репрессии. Лишь к началу 1876 г. бакунистское движение в Италии сумело несколько оправиться[46].

Однако тем временем анархистское движение постигла невосполнимая утрата: М.А. Бакунин, состояние которого стало резко ухудшаться, умер в Берне 1 июля 1876 г. Социалисты разных стран: немцы, русские, швейцарцы, французы в количестве около 50 человек (все, кто мог собраться) — хоронили апостола анархии 3 июля. Мировое анархистское движение в буквальном смысле осиротело: в движении не было никого, кто бы мог сравниться с Бакуниным как вдохновителем, теоретиком и лидером такого масштаба.

Новый тяжелый удар нанесло итальянскому и мировому анархизму поражение второго восстания, организованного бакунистами в 1877 г. на юге Италии. 5 апреля 1877 г. небольшой отряд анар-

[43] *Фостер У.З.* История трех Интернационалов. С. 109.

[44] *Pavindranatan T.R.* Bakunin and the Italians. Kingston; Montreal, 1988. P. 182.

[45] *Пирумова Н.* Бакунин. С. 383.

[46] История Второго Интернационала. М., 1965. Т. 1. С. 91.

хистов (около 20 человек) стычкой с патрулями карабинеров открыл боевые действия около местечка Сан-Лупо (провинция Беневенто). Вынужденные спасаться от преследования, заговорщики двинулись в горный район Матезе и попытались привлечь на свою сторону население двух деревень, провозгласив низложение короля Виктора-Эммануила II и отмену всех налогов. Но крестьяне отнеслись к пришельцам с недоверием, и никто из местных жителей не присоединился к ним. Против отряда были брошены значительные воинские силы. Проблуждав несколько дней в горах, заговорщики 12 апреля были окружены солдатами и арестованы[47]. Вновь были распущены секции Интернационала, произведены массовые аресты социалистов, организованы показательные процессы. Это было последнее предприятие итальянских бакунистов, и им завершился целый период в истории итальянского рабочего движения[48].

Слово специалисту по итальянской бакуниане Т.Р. Равиндранатану: «Бакунистские восстания 1874–77 гг. были обречены на поражение. Они были очень плохо организованы. Революционеры оказались не в состоянии вдохновить, воодушевить массы на действия. Анархистский расчет заговора и восстания накануне событий был в том, что, находясь под господствующим в Италии несчастьем и угнетением, массам не остается ничего иного, как подняться против авторитарного государства. Тем не менее пока итальянские интернационалисты готовились к попытке свергнуть государство, власть воспринимала их менее серьезно, чем республиканцев. В этом проявилась характерная для итальянской бюрократии неспособность различать эти два движения. С повстанческими усилиями 1874 г. и с изменением обстановки в правящем лагере в связи электоральной победой т.н. *Левой* в 1876 г. ситуация круто изменилась. Анархисты теперь, заменив республиканцев, стали для правительства основной мишенью преследований. Но в любом случае итальянские сторонники Интернационала были теперь близки и готовы к тому, чтобы отбросить рассуждения и предосторожность прочь. Так как их движение шло на убыль по причине полицейских репрессий и внутренних раздоров, некоторые анархистские лидеры спланировали заговор на 1877 г., надеясь организовать вспышку восстания, которое воспламенит, выжжет и очистит волной насилия дорогу к мирному, толерантному, децентрализованному и гуманному обществу. Интер-

[47] *Григорьева И.В.* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966. С. 299.

[48] История Второго Интернационала. Т. I. С. 91.

националисты [анархисты] хорошо отдавали себе отчет в том, что массы не способны подняться спонтанно и что весь замысел может обернуться провалом. Но не без влияния бакунинского учения они были убеждены, что такие инсуррекционные "ударные волны" нужны для того, чтобы высвободить массы из их апатии»[49].

Весьма своеобразный оборот приняло бакунистское движение и соответствующие попытки разжечь социальную революцию в России.

Не успела еще уйти в прошлое чудовищная нечаевская авантюра, к которой косвенным образом оказался причастен и М.А. Бакунин (введенный Нечаевым в заблуждение, он сотрудничал с ним в надежде выйти через него на широкое русское революционное движение), как последовала самая громкая попытка бакунистов осуществить социальную революцию в России. Речь о печально знаменитом *Чигиринском заговоре*.

Народничество 1870-х гг. в значительной своей части, хотя и в разной мере, восприняло все главные политические идеи Бакунина, и в первую очередь антигосударственную идею, идею революционного уничтожения российского самодержавия и утверждения свободы личности и общества, самоуправления народа на основе крестьянского землевладения и собственности рабочих ассоциаций. Была принята и бакунистская программа подготовки народной революции. Наиболее распространенным учение Бакунина было на юге России. Распространение на юге течения революционного бунтарства было обусловлено историческими особенностями народной борьбы в этом регионе. Здесь зарождались и происходили крупнейшие в истории России крестьянские войны и сложились довольно устойчивые бунтарские традиции[50].

Начало складывания революционного бунтарства на юге России относится к первому периоду хождения в народ (1873–1874 гг.). Об этом свидетельствует то, что наряду с распространением антигосударственной идеи на юге уже в 1874 г. большинством народнических кружков («Киевской коммуной», частью киевских чайковцев, харьковским революционным кружком, основанным С. Коваликом, черниговским революционным кружком и т.д.) была признана бакунинская программа подготовки народной революции в России. Значительная часть южан вела бунтарскую агитацию в народе и пыталась на практике вызвать бунт, поднять восстание. Бунтари юга

[49] *Ravindranatan T.R.* Bakunin and the Italians. P. 236.

[50] *Кислицина И.Л.* Бакунизм на Юге России (70-е гг. XIX в.). Владивосток, 1992. С. 170.

ставили своей задачей организацию местных бунтов, которые со временем должны были соединиться во всеобщее восстание народа[51].

После провала хождения в народ 1874 г. и попыток поднять бунты оставшаяся на воле часть бакунистов приступила к подготовке новых мероприятий. В конце 1874 — начале 1875 г. в кружке В.К. Дебогория-Мокриевича возник замысел организовать крестьянское восстание, используя царистские иллюзии крестьян. Для того чтобы вовлечь крестьян в осуществление задуманного, было решено изготовить подложные царские манифесты, призывающие крестьян к восстанию против помещиков, и запастись возможно большим количеством оружия. Бакунистские заговорщики сосредоточили свои усилия в пределах Чигиринского уезда Киевской губернии, где накануне происходили крестьянские волнения на почве землепользования, охватившие 19 волостей с населением до 50 тыс. человек. Часть крестьян требовала передела земли по душам, а администрация обязала их подписать акты, закрепляющие подворные наделы. Крестьяне отказались поставить свои подписи, последовали жестокие массовые расправы властей и, кроме того, 11 человек, признанных зачинщиками, были арестованы и препровождены в Киев для суда[52].

Бакунистам удалось выйти на крестьян: Я.В. Стефанович, выдавая себя за крестьянского ходока Херсонской губернии Дмитрия Найду, побудил Чигиринских крестьян отправить жалобу царю. В конце 1876 г. Стефанович привез крестьянам «ответ царя» — «Высочайшую тайную грамоту», устав крестьянского общества «Тайная дружина» и текст «Обряда святой присяги». В тайной грамоте царь якобы объявлял всем крестьянам, что освободил крестьян с землей без всякого выкупа и облегчил их повинности, но дворяне и чиновники отказались выполнить царскую волю, и потому он призывает крестьян России объединяться в тайные дружины для подготовки восстания против дворян и ждать его сигнала, который будет передан через комиссаров. Крестьяне, будучи уверены, что «Тайная дружина» образуется с согласия царя и что подобное происходит во всей стране, охотно вступали в тайное общество. К середине 1877 г. в организации

[51] *Кислицина И.Л.* Бакунизм на Юге России (70-е гг. XIX в.). Владивосток, 1992. С. 170-171.

[52] Данный район был выбран бакунистами еще и потому, что являлся историческим эпицентром казацких традиций; в XVII в. он являлся территорией одного из казацких полков и «гнездом хмельнитчины», а город Чигирин одно время был столицей Гетманщины. В XVIII в. здесь был очаг гайдамацкого движения, и отсюда вспыхнула знаменитая «колиивщина» 1768 г. Казацкие традиции были сильны в Чигиринском уезде и в XIX в.

насчитывалось около 2 тыс. человек. Члены тайного общества делились на группы по 25 человек, каждая из которых избирала старосту. Совет старост избирал атамана (гетмана). Им стал отставной унтерофицер Е.А. Олейник, подчинявшийся «назначенному царем» комиссару Найде (Стефановичу). В конце апреля 1877 г. состоялась встреча «царского комиссара» с 28 старшинами и атаманом. Выяснилось, что старшины хорошо усвоили устав и позаботились о приобретении оружия. Они имели свою агентуру в волостном правлении. Старшины пожаловались на недостаток средств, и «царский комиссар» передал им тысячу рублей, якобы полученную у соседнего тайного общества крестьян. Движение продолжало разрастаться.

Восстание намечалось на 1 октября 1877 г., но из-за конспиративной неопытности одного из членов дружины тайную организацию раскрыла полиция. Начались аресты, к следствию привлекли свыше тысячи крестьян. Затем арестовали Стефановича, Дейча и Боховского, но до суда им удалось бежать из Киевской тюрьмы. Десятки крестьян были осуждены на каторгу на различные сроки, причем наиболее активные руководители дружины получили по 12 лет каторги.

Примечательно, что М. А. Бакунин, на которого представитель заговорщиков Анна Макаревич вышла с момент подготовки восстания (незадолго до смерти «апостола анархии»), неодобрительно отнесся к мистификации. Сообщение об этом привело членов кружка в уныние. Выслушав ответ Бакунина, Дебогорий-Мокриевич «почувствовал себя несколько смущенным», но, помолчав немного, сказал: «Видимо, старик уже плох <...> потерял свой революционный пыл». Как видим, у М.А. Бакунина нашлось достаточно благоразумия, чтобы предостеречь своих молодых последователей от опрометчивого шага, но, увлеченные авантюрной затеей, они не вняли советам своего учителя[53].

Склонные поддерживать и использовать любое массовое революционное движение в целях приведения его в русло социальной революции, бакунисты не остались в стороне и от бурных событий на Балканах.

Летом 1875 г. в Герцеговине началось национально-освободительное восстание против турецкого ига, вскоре перебросившееся и на Боснию. В России развернулась кампания солидарности с балканскими славянами, в рамках которой родилось добровольческое движение. Вскоре на Балканы выехали десятки российских добровольцев, среди которых было немало революционеров-народников, в том числе и сторонников бунтарского направления в народничестве —

[53] *Канев С.Н.* Революция и анархизм. С. 163.

бакунистов. К последним (с разной степенью идейно-политической последовательности) принадлежали М.П. Сажин (Росс), С.М. Степняк-Кравчинский, В. Дебогорий-Мокриевич, О.М. Габель, Д.А. Клеменц, П. Енкуватов, В.П. Лепешинский, Емельянов и некоторые другие[54]. Бакунисты могли быть также и среди прибывших на Балканы добровольцев из Италии.

Собираясь на Балканы, С.М. Степняк-Кравчинский, живший тогда в Париже, писал П.Л. Лаврову: «Это все-таки дело служения народу, хотя и очень маленькое. <...> Что же касается до служения социальной революции, то я глубоко убежден, что мы послужим ей несравненно больше, чем всякими своими пропагандами»[55].

Балканские славяне-повстанцы сражались храбро. Храбро воевали в их рядах и русские революционеры-добровольцы. Но надежды на социальную революцию на Балканах не оправдались. «Социализма тут нет и тени <...>, — признавал С. Степняк-Кравчинский. — Народ хочет только одного — освободиться от турок. Но я ни на минуту не раскаиваюсь, что приехал <...>»[56].

Одним из последних отчаянных актов драмы бакунистской социальной революции 1870-х гг. стало вооруженное выступление в районе Галло (Франция) в апреле 1878 г. 8 апреля группа вооруженных анархистов захватила в местечке Галло кассу сборщика налогов, подожгла административное (коммунальное) здание, а затем отправилась в местечко Летино, где сожгла архивы. Попытка распространить свои действия на другие населенные пункты была пресечена солдатами. В ночь с 11 на 12 апреля 1878 г. участники выступления были арестованы[57].

2. Анархистская общественно-политическая практика в период империализма (конец XIX — начало XX в.) и в мировой революционной ситуации 1917–1923 гг.

В первые годы после смерти М.А. Бакунина, когда объективно встал вопрос о лидере анархизма, в движении принимало участие немало видных деятелей, в том числе А. Швицгебель (Швейцария),

[54] *Виноградов В.И.* Они сражались вдали от Родины. М., 1968. С. 92–93.

[55] Там же. С. 93.

[56] Там же. С. 94.

[57] *Михайлов М.И.* Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма. С. 260.

Э. Малатеста (Италия), Д. Ньювенгуйс (Нидерланды), Д. Гильом и Э. Реклю (Франция), Ц. де Пап (Бельгия), И. Мост (Германия), П. Кропоткин (Франция). Роль руководителя досталась последнему.

П.А. Кропоткин (1842–1921 гг.) по происхождению был князем, представителем одного из самых знатных родов царской России. Он являлся известным ученым-географом, а также социологом и историком. Участвуя с 1872 г. в российском и международном революционном движении, неоднократно подвергался преследованиям, в том числе тюремному заключению в России и Франции. Постепенно Кропоткин стал одним из самых известных и признанных теоретиков анархизма, создав, опираясь на идейно-теоретические достижения предшественников, новую доктрину — анархо-коммунистическую. Заметное место в ней отводилось и образу нового, анархического общества, которое должно было возникнуть в результате грядущей социальной революции.

«Свергните иго Государства — и федерация (общин и коммун. — *А.Ш.*) начнет возникать на его развалинах, и мало-помалу она создаст союз, действительно прочный и вместе с тем свободный и все более спаиваемый самою свободою», — писал на рубеже 70–80-х гг. XIX в. П.А. Кропоткин[58]. «Общество свободное, — продолжал он развивать этот идеал в начале 1890-х гг., — взявшее в свои руки общее наследие — землю, фабрики, капиталы, — должно будет искать новой политической организации, соответствующей новой хозяйственной жизни — организации, основанной на свободном союзе и вольной федерации»[59]. О роли самих анархистов в создании подобного общества П.А. Кропоткин говорил, как правило, кратко: «Мы займемся анархо-коммунистическим обществом, обществом, признающим за индивидуумом полную, ничем не ограниченную свободу, обществом, не допускающим никакого правительства, не употребляющим никакого принуждения, чтобы заставить человека работать»[60]. П.А. Кропоткин был глубоко уверен в скором крахе капитализма и торжестве нового общества. Во время «своего процесса в Лионе в 1883 году, — пишет А. Скирда, — Кропоткин пророчил буржуазному обществу всего десять лет существования!»[61]

---

[58] *Кропоткин П.А.* Речи бунтовщика. X. Что такое Коммуна // *Кропоткин П.А.* Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М., 1999. С. 70–71.

[59] *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Пг.; М., 1922. С. 47.

[60] *Кропоткин П.А.* Завоевание хлеба // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. М., 1994. С. 34–341.

[61] *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила... С. 52.

В качестве социальной территориальной ячейки будущего анархического общества П.А. Кропоткин рассматривал территориальную коммуну типа французской, которая в ходе революции должна соответствующим образом видоизмениться, чтобы отвечать задачам этого общества. «Коммуна, подготовляющаяся теперь, не признает над собой никакого владыки, — писал Кропоткин в конце 1870-х гг. — Выше ее может стоять только Федерация, в которую Коммуна вступает по соглашению с другими Коммунами. Среднего пути быть не может: либо Коммуна будет иметь полное право вводить у себя какие захочет учреждения и совершать какие найдет нужным реформы или революции; или же она останется тем, что она есть теперь, т.е. она будет просто отделение государства, связанное во всех своих действиях <...>»[62].

Другие идейные направления анархизма тоже довольно расплывчато представляли себе будущее анархическое общество. Основоположник ассоциационного анархизма (своеобразного синтеза анархизма-индивидуализма и анархизма-коллективизма) П.Д. Турчанинов (Лев Черный) в 1907 г. рисовал общество будущего так: «С уничтожением капитализма и классового строения общества города должны будут рассосаться. Ассоциационное производство уничтожает классы и антагонизм, уничтожает эксплуататоров... а потому при нем города неизбежно исчезнут, а вместе с ними, конечно, и деревни — юдоли печали и скорби. Центром, около которого будут группироваться будущие люди, явится *место* работы каждого. Громадные, построенные по последнему слову науки фабрики будут тянуть к себе население; около них и будут скапливаться люди. Деревни исчезнут, ибо сельская работа как отдельное занятие, вероятно, исчезнет и земли будут обрабатываться фабричными рабочими. Вся страна разобьется на ряд фабричных центров... Дома, весьма вероятно, будут группироваться кругом фабрики в форме *шестиугольника*, наиболее экономичной формы поселения для страны. Из общественных построек придется отметить *почту-склад*, быть может, отделение бюро, училища, театры и т.д. Весьма вероятно, что в каждом городе будет ассоционная *гостиница*, содержимая за счет путешественников. Дома ради удобства будут расположены отдельно, так, чтобы каждый дом можно было обойти с четырех сторон. Широта улиц будет зависеть от способа передвижения — воздухоплавание, может быть, и совсем их уничтожит. Освещение, мощение, канализация будут делом ассоциационным; кто не хочет — может и не примыкать к ним. В каждом поселке могут быть разные улицы — мощеные, немощеные и т.д. При образовании

[62] *Кропоткин П.А.* Речи бунтовщика. X. Что такое Коммуна. С. 64.

промышленной ассоциации может быть договор относительно освещения, чтобы группы разбились на кварталы. Дома, наверное, будут ассоциационной собственностью, ибо это облегчит передвижение, переселение. Но дома могут быть и частной собственностью»[63].

Любопытный штрих к представлениям анархистов о будущем приводил в своих мемуарах Л.Д. Троцкий, вспоминая об общении в сибирской ссылке с анархистом, народным учителем Лузиным. «В теоретические рассуждения пускался неохотно, — пишет Троцкий. — Лишь однажды, когда я стал сильно наседать на него с вопросом о том, как при автономных общинах будут управляться железные дороги, Лузин ответил: "А какого черта я стану при анархизме разъезжать по железным дорогам?" Этого ответа было для меня вполне достаточно»[64].

Несколько отличалась в сторону конструирования нового общества программа близкого к анархизму революционного синдикализма, сложившегося во Франции в 1890-е гг. и распространившегося в начале XX в. на некоторые страны Европы и Америки.

После крушения международной революционной атаки бакунистов в 70-е гг. XIX в. наступил период относительного спада анархистского движения. Движение продолжалось, но приняло другие формы. Признаки кризиса и упадка переплетались с обнадеживающими симптомами.

В июле 1881 г. на конгрессе в Лондоне анархисты предприняли попытку оживить свое движение в международном масштабе. В результате появился *Черный Интернационал* — Международная ассоциация трудящихся. Однако ожидаемых роста и активизации движения в 1880-е гг. не произошло. Только в США оно шло в гору в течение нескольких лет (до майских событий 1886 г.). Международные конгрессы анархистов происходили и далее, в 1891, 1893 и 1896 гг., но теперь они носили характер небольших собраний[65].

С конца 1870-х гг. шел, хотя и медленно, процесс дальнейшего распространения анархизма вширь: если до этого анархизм был известен в основном только в Европе, то в 1880—1890-е гг. он распространился в некоторых странах Латинской Америки (Мексике, Аргентине, Уругвае, Бразилии, Кубе), в США и в Японии.

---

[63] *Черный Л.* Новое направление в анархизме: Ассоциационный анархизм // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. С. 395—396.

[64] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 136.

[65] *Фостер У.З.* История трех Интернационалов. С. 108—109.

В США отдельные ростки анархизма, в том числе и автохтонного[66] происхождения, появились еще в середине XIX в. и в первую очередь были связаны с деятельностью Д. Уоррена. Дальнейшее развитие анархистского движения было сопряжено с деятельностью некоторых американских секций I Интернационала. Большинство коренных американцев, образовавших первые секции, представляли средние слои и практически не имели отношения к наемному труду. Они сразу же выступили с проектами различных реформ, грозивших превратить Интернационал в конгломерат политических шарлатанов и проповедников различных утопий. Среди них были приверженцы Прудона, анархисты типа Д. Уоррена, сторонники свободной любви, подобно сестрам В. Вудхалл и Т. Клафлин. Под руководством последней была образована секция № 12. Секцию № 9 возглавила Вудхалл. Поклонницы этих двух проповедниц «свободной любви» создали еще ряд секций. Сестрам удалось уговорить миллионера К. Вандербильта финансировать издание их еженедельника «Вудхалл и Клафлин», со страниц которого стали исходить самые фантастические идеи[67]. Начало собственно анархистского движения в США было положено бостонским купцом Э. Натаном-Ганцем, который начал издавать в 1881 г. журнал «Анархист». Его пропаганда имела успех. Другим проводником идей анархизма в США стал В. Тукер. Движение шло по нарастающей вплоть до трагических событий мая 1886 г.[68]

В Бразилии первые рабочие организации в конце 1880-х — начале 1890-х гг. были слабы и носили мелкобуржуазный анархический характер. Позднее было создано несколько рабочих и ремесленных организаций взаимопомощи. Интересен опыт колонии «Цецилия» в Южной Бразилии, основанной в 1890-е гг. итальянскими анархистами-эмигрантами. В течение трех лет ее существования колонисты тяжелым трудом вырабатывали только самое необходимое для жизни. «Цецилия» известна также практикой свободной любви, процветавшей в колонии[69].

Шла дальнейшая разработка теории: в 90-е гг. XIX в. во Франции постепенно стало оформляться новое ответвление анархо-соци-

---

[66] Автохтонный — местного происхождения.

[67] *Валюженич А.В.* Социалистическая мысль и движение в США: от утопических общин до образования Коммунистической партии. М., 1983. С. 131.

[68] *Адлер Г.* Анархизм. Анархистские теории и анархистские движения с древнейших времен. СПб., 1906. С. 56.

[69] Там же. С. 75–76.

ализма, с самого начала претендовавшее на идейно-политическую самостоятельность — революционный синдикализм (анархо-синдикализм). Продолжалась разработка П.А. Кропоткиным доктрины анархизма-коммунизма. Шел поиск новых тактических форм: 1880-е и особенно 1890-е гг. стали в анархистском движении временем пропаганды действием: делом рук анархистских террористов были два вооруженных нападения на кайзера Германии (1878); покушение на Фрика во время забастовки сталелитейщиков в США (1892); взрывы бомб во французской палате депутатов (1893); убийства президента Франции Карно (1894), премьер-министра Испании Кановаса дель Кастильо (1897), австрийской императрицы Елизаветы (1898), короля Италии Умберто (1900), президента США Мак-Кинли (1901), бывшего губернатора штата Айдахо Стейненберга (1905)[70]. Появились случаи *безмотивного* (безадресного) террора (Франция): взрыв в ресторане, где проводили время богатые люди, и т.п. Десятки террористических актов против представителей власти и капитала, а также актов безмотивного террора осуществили российские анархисты в ходе Первой российской революции 1905—1907 гг. и в последующий после нее период реакции (1907—1910 гг.). Ответом властей было усиление репрессий, в том числе и издание в ряде стран исключительных законов против анархистов и социалистов. Подпольные анархистские организации наводнили тайные агенты полиции[71].

В это время анархизм начал становиться модой у людей, далеких от него и от проблем борьбы трудящихся. У декадентской богемы Европы анархизм был, в сущности, художественной позой, духовным кокетством. Эти люди становились «анархистами», как другие из их круга становились буддистами, йезидами, каббалистами, сатанистами, магами, друидами, парсами и т.д.[72]

В условиях провала тактики пропаганды действием наиболее деятельные анархисты в 1890-е гг. усилили поиск новых форм и методов борьбы. Они постепенно стали уделять больше внимания идейно-политической и организационной работе среди рабочего класса. Классовые бои весной 1886 г. в США за 8-часовой рабочий день, руководимые социалистами и анархистами, потрясли весь мир, как

[70] *Фостер У.З.* История трех Интернационалов. С. 113—114; История Второго Интернационала. Т. II. С. 161; *Михайлов М.И.* Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма. С. 260.

[71] *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила... С. 59—60; 70—72.

[72] *Адлер Г.* Анархизм. Анархистские теории и анархистские движения с древнейших времен. С. 60.

и смертная расправа американских властей над руководителями стачечного движения рабочих Чикаго. Наиболее заметно работа анархистов в рабочем движении проявлялась в это время в Испании, Италии, Франции, Швейцарии.

Анархизм стал распространяться также в рабочем движении и низших социальных слоях Германии, Австро-Венгрии, Великобритании (метрополия), хотя и не так заметно, как в т.н. *романских* странах Европы.

Анархисты Испании и Италии начали вести работу также в сельской местности среди крестьян и батраков, что стало шагом вперед в практике анархистского движения. В начале 1880-х гг. среди крестьян Испании активно действовала тайная анархистская организация «Mano negra» («Черная рука»). В 1882–1883 гг. в связи с деятельностью этой организации было арестовано (главным образом в Андалузии) 300 человек и вынесено 15 смертных приговоров; на следствии широко применялись пытки[73]. В 1892 г. под руководством анархистов в Андалузии произошел бунт крестьян и батраков с вооруженным нападением на город Херес-де-ла-Фронтера[74]. В Сицилии в начале 1890-х гг. итальянские анархисты совместно с социалистами и левыми буржуазными радикалами приняли участие в широком революционно-демократическом рабоче-крестьянском движении «фаши», направленном против крупных капиталистов, властей и засилия помещиков[75].

На исходе XIX в. в ряде регионов анархисты приняли участие в национально-освободительном движении (славянская провинция Македония в Османской империи; испанская Куба).

XX век мировой анархизм встретил в общем уверенно, хотя, вопреки ожиданиям его теоретиков и практиков, ощутимых, желанных и масштабных с точки зрения анархизма результатов пока что не было: победоносная анархистская социальная революция все не наступала и, по всем признакам, была далека. Хватало у анархизма и идейно-политических противников, утверждавших свою и только свою правоту, боровшихся за массы и пытавшихся делать революцию каждый по-своему: социал-демократов и социалистов, революционных демократов, национальных демократов и левых либералов.

---

[73] *Peirats J.* Anarchists in the Spanish Revolution. P. 21–22; История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1939. Т. 7. С. 331, 333–334; *Адлер Г.* Анархизм. Анархистские теории и анархистские движения с древнейших времен. С. 55.

[74] История Второго Интернационала. Т. I. С. 213.

[75] Там же. С. 210–211.

Именно в это время (1901 г.) В.И. Ленин, подводя некоторый итог предшествующей деятельности анархистов, дал довольно жесткую, безжалостную и, видимо, не во всем справедливую характеристику результатов движения: «Анархизм за 35–40 лет (Бакунин и Интернационал 1866) своего существования (а со Штирнера много больше лет) не дал ничего, кроме общих фраз против *эксплуатации*. <...> Анархизм — вывороченный наизнанку буржуазный *индивидуализм*. Индивидуализм как основа всего мировоззрения анархизма. <...> (Анархизм — порождение *отчаяния*. Психология выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария)»[76].

Но все же начало XX в., казалось бы, обнадеживало. На рубеже веков во Франции сложилась обновленная доктрина анархизма, тесно и неразрывно связанная с рабочим движением — революционный синдикализм или анархо-синдикализм. Принципы революционного синдикализма были окончательно оформлены на съезде Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) Франции в Амьене в 1906 г. в знаменитой «Амьенской хартии». Эти принципы, изложенные в «Амьенской хартии» и других документах и работах лидеров движения, сводились, в общем, к следующему:

— организационная и политическая автономия профсоюзов от каких-либо политических партий (при праве членов любых партий и приверженцев любых идейно-политических и религиозных убеждений входить в синдикалистские профсоюзы, но при этом не вносить в них идейно-политическую борьбу);

— федеративный принцип формирования профсоюзных организаций;

— неучастие профсоюзов в политической борьбе за обладание государственной властью;

— прямые действия как единственный принцип классовой борьбы за права пролетариата (формы: саботаж, стачки и как высшая форма — всеобщая (а в теории даже международная) стачка, долженствующая привести к падению капитализма и замене его справедливым бесклассовым обществом);

— социально-экономическую основу нового общества (органы производства, распределения и управления) должны составить независимые профсоюзы-синдикаты.

«Синдикализм взывает лишь к собственным силам рабочего класса, к его творческим способностям. Он сводит всю социалистиче-

[76] *Ленин В.И.* Анархизм и социализм. Тезисы // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 377–378.

скую работу к созданию пролетариатом независимых учреждений, которые не только ничего не заимствуют у буржуазных учреждений, но прямо им противоположны. Цель, к которой они стремятся, не использование государства, — этого искусственного и паразитного органа, являющегося наслоением над обществом, которое он подавляет, — но полное его разрушение и замена его механизмом, сложившимся *внутри* пролетариата, каковым и представляются синдикаты, биржи труда и всяческие учреждения, созданные самими рабочими», — писал в своей программной работе «Пролетариат и демократия» один из основоположников синдикализма Г. Лягардель[77].

«Разработка *нового права* и *анти-государственности* сосредоточивается в синдикатах, одушевленных этим революционным (анархо-синдикалистским) духом. Благодаря своей практической деятельности им постоянно приходится бороться за изгнание и хозяйской, и государственной власти. Мало-помалу они отнимают у хозяев их функции внутри фабрики, а у государства его функции внутри общества. В особенности их деятельность внутри государства заставляет понять, каким образом в старом мире они создают новый. *Они не пытаются подобно политическим партиям завоевать его, но, согласно идеям Прудона и Маркса, хотят уничтожить и поглотить его в экономическом обществе.* Они желают получить в свои руки то, что государство требует как свою принадлежность: профессиональное образование, фабричную инспекцию, организацию помощи рабочих. Они стремятся сделать государство таким же пустым внутри, как яйцо, у которого осталась одна лишь скорлупа. *Всеобщая стачка* должна быть, по их мнению, последним актом этой борьбы. Под этим они понимают *всеобщее восстание всех производителей*, достигших достаточной степени *организованности* и *единства* для того, чтобы свергнуть капитализм и продолжить самим дело его. Они думают не о *перемене личностей в правительстве* в целях политической революции, но о полном уничтожении всякого правительства. Этот переход из одного общественного строя в другой не будет *прыжком в пустоту*, он осуществится при помощи моста, который созидается долгой экономической работой. Синдикаты знают, что на их долю выпадает дело организации производства и обмена и что для этой трудной задачи им необходима *зрелая подготовка* и проч-

[77] Социальное движение в современной Франции: сб. статей Э. Берта, Г. Лягарделя, Э. Пуже, Ж. Сореля и Г. Эрве / под ред. Л. Козловского. М., 1908. С 57–58.

ная опора в виде рабочих учреждений. Всеобщая стачка может быть лишь последним драматическим моментом, который позволит им занять место рухнувшего капитализма и дать миру новое право»[78].

Французским анархо-синдикалистам вторили их российские (относительно немногочисленные) сторонники: «Зародышем будущей Свободной Всемирной Рабочей Ассоциации в современном капиталистическом обществе являются профессиональные союзы рабочих»[79].

Но и эта доктрина оставляла много вопросов к анархо-синдикалистам о конкретных путях перехода к новому обществу и о его формах. Отчасти прав известный либеральный философ-обществовед начала XX в. П.И. Новгородцев, считавший, что, «всматриваясь в то будущее, которое обещает дать человечеству синдикализм, мы видим лишь полную неопределенность»[80]. Но только лишь отчасти. Доктрина анархо-синдикализма была все же несколько ближе к реальности, чем доктрина бакунинского анархо-коллективизма и кропоткинского анархо-коммунизма.

Наиболее серьезные корни революционный синдикализм пустил в начале XX в. во Франции, в Испании, Португалии, Италии, Мексике, Аргентине, Уругвае, Чили, Бразилии, США.

Второй после Франции страной, где революционный синдикализм, а затем анархо-синдикализм был особенно влиятелен, стала Испания: ее рабочее и анархистское движения с давних пор были тесно связаны. «Временами открыто, временами в подполье, рабочее движение существовало в Испании с образования в 1868 г. Испанской секции I Интернационала. Оно начиналось как Испанская региональная федерация, объявленная вне закона с 1872 по 1874 гг., но проявлявшаяся в подпольной деятельности до распада и роспуска Интернационала. Движение было известно поочередно как Федерация рабочих испанского региона (1881–1889 гг.), Пакт объединения и солидарности (1889–1896 гг.), Рабочая солидарность (1904–1909 гг.) и с 1910 г. как Национальная конфедерация труда, CNT (La Confederaciyn Nacional del Trabajo)»[81]. Последняя твердо встала на позиции анархо-синдикализма.

---

[78] Социальное движение в современной Франции... С. 83–85.

[79] *Новомирский Я.* Из программы синдикального анархизма // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. С. 358.

[80] *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 436.

[81] *Peirats J.* Anarchists in the Spanish Revolution. P. 21.

В начале XX в. заявило о себе анархистское движение в России. В 1870–1880-е гг. анархизм здесь являлся составным компонентом революционно-демократического народнического движения и в 1880–1890-е гг. вместе с этим движением пережил период упадка, но в начале XX в., в условиях общего революционного подъема и накала классовой борьбы, анархизм в России окончательно оформился как самостоятельное общественно-политическое движение, объединившее наиболее активных представителей леворадикальных, люмпенизированных, маргинальных и полумаргинальных слоев. Возрождение оформленного российского анархистского движения произошло за границей, в условиях эмиграции. В 1900 г. в Женеве возникла «Группа русских анархистов за границей» во главе с М. Дайновым. В 1903 г. там же начинается работа группы анархистов-коммунистов «Хлеб и Воля» под руководством Г.И. Гогелия и др. В 1900–1904 гг. группы анархистов-россиян появились во Франции, Германии, Болгарии, США[82].

Вопрос о возникновении оформленного анархистского движения на территории России, т.е. о появлении здесь первых анархистских групп, в современной историографии остается пока дискуссионным. Хотя разные авторы и сходятся на том, что такие группы возникли в начале XX в., споры продолжает вызывать дата (с точностью до года) возникновения этих первых групп. Так, В.В. Кривенький считает, что первые анархистские группы в России были созданы в 1903 г. в городах Белостоке Гродненской Губернии и Нежине Черниговской губернии[83]. С ним не согласен другой исследователь российского анархизма, В.Д. Ермаков, который утверждает, что уже в 1902 г. существовали группы анархистов в пяти городах: Белостоке, Кишиневе, Одессе, Каменец-Подольске, Белой Церкви. При этом он приводит свидетельство о том, что первая анархистская группа в России возникла в Кишиневе в 1901 г.[84]

Однако оба автора согласны в том, что канун Первой российской революции и ее начало были временем бурного роста анархистского движения. И хотя авторы дают несколько разные цифры количества анархистских организаций по годам и населенным пунктам, в которых они имелись, динамика анархистского движения в России

[82] *Кривенький В.В.* Анархисты // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996. С. 32.

[83] Там же.

[84] *Ермаков В.Д.* Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX — конец XX веков). СПб., 1996. С. 83.

бесспорна: оно шло по нарастающей до 1907 г. включительно (по данным В.В. Кривенького, 255 объединений в 180 городах и населенных пунктах империи). Регионами наибольшей анархистской активности в обширной Российской империи стали в это время Юг и Юго-Запад (в основном, Украина), Северо-Запад (российская часть Польши, Белоруссия, Литва, отчасти Петербург), Северный Кавказ, Закавказье, Среднее Поволжье. Более слабым, но все же заметным движение было на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Совершенно незначительно анархисты проявили себя в Средней Азии и практически отсутствовали в Великом княжестве Финляндском и ряде северных губерний страны. Крупнейшими и общепризнанными центрами российского анархизма в 1905–1907 гг. являлись Белосток, Екатеринослав и Одесса[85]. Анархисты как самостоятельная политическая сила приняли активное участие в Первой русской революции. При этом они во многом разошлись с остальным революционным лагерем, поскольку основная часть этого лагеря (большевики, меньшевики, социалисты-революционеры, трудовики, национальные неонароднические и национальные социал-демократические организации) стояли на позициях революционной демократии. Анархисты же отвергали любую форму государственной власти, в том числе и революционную демократию. Поэтому они, примыкая к революционно-демократическому лагерю, в него не входили и при всякой возможности идейно громили революционных демократов. Революционно-демократический лагерь платил им тем же. В.И. Ленин, например, в 1905 г. категорически возражал против вхождения анархистов в Советы рабочих депутатов (ничего не имея против социалистов-революционеров, беспартийных и т.д.). Отталкивающе действовала на общество тактика анархистов, часто сводившаяся к экспроприациям казенных и частных средств с сопровождающими эти акты жертвами. После 1907 г. наступил спад движения, переросший в годы Первой мировой войны в тяжелый идейный и организационный кризис.

Вслед за Россией анархизм, несколько неожиданно для многих европейцев, стал в начале XX в. довольно успешно распространяться в Китае[86]. Но подлинным политическим полигоном для испытания

[85] *Кривенький В.В.* Анархисты в революции 1905–1907 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 21.

[86] *Стабурова Е.Д.* Анархизм в Китае. 1900–1921. М., 1983. С. 163; Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. Т. 4. С. 434; История Второго Интернационала. Т. 2. С. 191.

социально-политических возможностей анархизма, казалось, обещала стать Мексика, где с конца 1890-х гг. назревала и в 1910 г. разразилась буржуазно-демократическая революция.

Мексика была одной из первых стран в Латинской Америке и вообще в Новом Свете, где (на рубеже 1870–1880-х гг.) было поднято знамя анархизма[87]. Накануне и в период Мексиканской революции анархисты действовали довольно активно. К началу революции история анархистского движения в Мексике насчитывала уже 30 лет. Пожалуй, ни одна политическая сила не сделала здесь столько для классовой самоорганизации трудящихся и подготовки революции, как анархисты (собственно анархисты, а также левые анархо-либералы).

В 1900 г. братья Р. и Х. Флорес Магоны начали издавать леволиберальную газету Рехенерасьон («Возрождение»), выступая против диктатуры П. Диаса и в то же время отвергая революционный путь. Однако очень скоро под влиянием логики борьбы, репрессий и т.д. они стали склоняться к вооруженному пути борьбы и к анархизму как идеологии. В 1904 г. после освобождения из-под ареста братья убыли в США, где совместно с другими революционерами, в том числе и анархистами, создали в 1905 г. Либеральную революционную партию, программа которой предусматривала борьбу против капитализма в интересах пролетариата и организацию в будущем бесклассового общества[88]. Тогда же была создана Организационная Хунта Мексиканской либеральной партии. К 1906 г. Хунтой было подготовлено 44 повстанческие группы. В 1906–1908 гг. магонисты организовали ряд вооруженных выступлений на территории Мексики, закончившихся неудачей. После ареста Р. Флорес Магона и трех других членов Хунты руководство перешло в руки Э. Флорес Магона и П. Герреро, и хунта практически полностью перешла на анархистские позиции. Среди руководителей магонистов Герреро считался одним из «самых активных организаторов и пропагандистов анархизма, очень умным и опасным». 28 декабря 1910 г. группа Герреро атаковала гарнизон местечка Ханое, но вскоре к гарнизону прибыло подкрепление. Магонисты были разгромлены, П. Герреро погиб[89].

Накануне и в условиях начавшейся революции организация магонистов заняла раскольническую и враждебную позицию по отно-

[87] *Адлер Г.* Анархизм. Анархистские теории и анархистские движения с древнейших времен. С. 55.

[88] История Второго Интернационала. Т. II. С. 310.

[89] *Лавров Н.М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 40–42, 59–63, 96–98.

шению к союзу с несомненным лидером буржуазно-либерального крыла Ф. Мадеро, которого в то время поддерживало большинство населения страны, в том числе и популярнейшие народные вожаки Э. Сапата, Ф. Вилья, П. Ороско[90].

С Мексикой связан фактически один из первых в истории анархизма конкретных проектов практического создания на определенной территории безгосударственного анархического общества. Попытка создания республики анархического коммунизма была предпринята магонистами во главе с Р. Флорес Магоном в 1910–1911 гг. на географически почти изолированном от остальной территории Мексики полуострове Нижняя Калифорния. О серьезности этих намерений свидетельствует один из томов многотомного документального издания «Источники истории Мексиканской революции», который посвящен деятельности мексиканских анархистов и их лидеров — братьев Флорес Магонов, причем большая часть документов освещает попытку магонистов установить на полуострове в 1910–1911 гг. анархический коммунизм. Отдаленность провинции и малочисленность там правительственных войск могла, по расчетам анархистов, благоприятствовать им. Это и было учтено Р. Флорес Магоном, который дал указание овладеть Нижней Калифорнией. 29 января 1911 г. боевая группа магонистов атаковала город Мехикали, но не достигла успеха: анархисты столкнулись с силами североамериканских флибустьеров-«хищников», за спиной которых стояли местные латифундисты и банкиры США, мечтавшие отторгнуть от Мексики эту отдаленную территорию. В итоге малочисленные магонисты были оттеснены флибустьерами[91].

Падение диктатуры П. Диаса потребовало выработки новой политической линии левых либералов, но часть руководства во главе с Р. и Э. Флорес Магонами выступила за продолжение вооруженной борьбы вплоть до победы анархии, пока в Мексике не будет ни закона, ни власти, ни правительства. Другая часть решительно встала против анархистских установок магонистов и за сплочение всех демократических сил в стране[92].

Лидеры анархистов-магонистов упорно утверждали, что рабочий класс не должен участвовать в такой революции, в которой не ставится вопрос об уничтожении государства, правительства, капитала и об установлении анархического коммунизма. Отсюда их оши-

[90] *Лавров Н.М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 99.

[91] Там же. С. 6–7, 102–103.

[92] Там же. С. 110

бочная тактика отрицания компромиссов и союзов с мадеристами, а также их призыв к борьбе с Мадеро, когда так необходим был единый фронт всех демократических и антиимпериалистических сил. В дальнейшем эта тактика была распространена и на крестьянских вождей Э. Сапату и Ф. Вилью, которых анархистские лидеры клеймили как врагов революции. Несомненно, что такая крайне левая позиция вредила революции[93].

Другим очагом анархизма было мексиканское анархо-синдикалистское движение. После падения диктатуры П. Диаса начался период оживления рабочего движения. Оно развивалось под влиянием анархо-синдикалистов, создавших в 1912 г. в Мехико профсоюзное объединение «Дом рабочих мира». Анархо-синдикалисты выступали за беспартийность, отрицали политическую борьбу, проповедовали саботаж и всеобщую стачку. В 1913–1914 гг. реакционное правительство генерала Уэрты запретило деятельность профсоюзных организаций, закрыло «Дом рабочих мира»[94].

После свержения диктатуры Уэрты анархо-синдикалисты несколько изменили линию поведения, перейдя от отрицания политики к участию в ней в союзе с национальной буржуазией, либеральными помещиками и их властью. Заняв в марте 1915 г. столицу, генерал Обрегон установил связь с анархо-синдикалистскими лидерами «Дома рабочих мира». Он отдал им здание монастыря Святой Бригиты и типографию клерикальной газеты «Ла Трибуна». Кроме того, руководителям профсоюзов была передана крупная сумма денег. Благодаря этому Обрегону удалось уговорить рабочих лидеров заключить соглашение с правительством Каррансы. Карранса обещал выполнить буржуазно-демократическую программу, предусмотренную декретом от 12 декабря 1914 г. (и вырванную, не в последнюю очередь, упорной борьбой крестьянских армий Сапаты и Вильи. — *А.Ш.*), а «Дом рабочих мира» обязался мобилизовать рабочих «для борьбы с реакцией». Так как пропаганда каррансистов изображала Вилью и Сапату агентами реакции, разбойниками и бандитами, такое обязательство было равносильно участию рабочих в вооруженной борьбе, в том числе и против крестьянских повстанцев Вильи и Сапаты. Вслед за соглашением были сформированы 6 рабочих «красных» батальонов, которые вошли в армию Каррансы и участвовали в подавлении революционного крестьянского движения. По справедливому мнению И. Лаврецкого, участие рабочих в борьбе на стороне Каррансы про-

[93] *Лавров Н.М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972. С. 266.

[94] История Второго Интернационала. Т. II. С. 310.

тив крестьян-повстанцев было трагедией мексиканской революции[95]. С помощью «красных батальонов» была разгромлена Северная дивизия Ф. Вильи, а затем Освободительная армия Юга Э. Сапаты. Тем временем экономическое положение рабочего класса продолжало ухудшаться, что вызвало подъем стачечного движения, которое жестоко подавлялось правительством. В начале января 1916 г. Карранса издал приказ о роспуске «красных батальонов». 2 августа 1916 г. по распоряжению Каррансы «Дом рабочих мира» был закрыт[96].

Лишь незначительная часть мексиканских анархо-синдикалистов поддержала революционное повстанческое движение крестьян-пеонов за землю и приняла в нем участие. К наиболее известным относится А. Диас Сото-и-Гама (1874–1967), один из основателей «Дома рабочих мира». В ходе революции он примкнул к сапатистскому движению, был одним из секретарей Э. Сапаты и делегатом сапатистов на конвенте в г. Агуаскальентес в 1914–1915 гг.[97]

В начале XX в. анархисты и анархо-синдикалисты активно проявили себя в рабочем движении Испании, Италии, Франции. Анархо-синдикализм проник в рабочее движение Скандинавии: в 1910 г. после ряда поражений стачечного движения, из Центрального объединения профсоюзов Швеции вышло 30000 трудящихся которые, в ответ на хроническую реформистскую позицию лидеров СДШ и профбюрократов, создали самостоятельные профсоюзы, объединившиеся в том же году в анархо-синдикалистское профсоюзное объединение SAC (Центральная организация шведских рабочих)[98]. В США в противовес правореформистскому профсоюзному объединению АФТ в 1904–1905 гг. возникло левое революционное анархо-синдикалистское объединение IWW (ИРМ — Индустриальные рабочие мира)[99].

---

[95] *Лаврецкий И.* Панчо Вилья. М., 1962. С. 159–161.

[96] *Альперович М., Руденко Б.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 227–229, 234–236; *Лавров Н.М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. С. 223–232.

[97] Латинская Америка: Энциклопедический справочник. Т. 1. С. 491.

А. Диас Сото-и-Гама после гибели Э. Сапаты (1919) стал отходить от революционно-демократического движения, основал Аграристскую партию, поддерживавшую ставленника национальной буржуазии президента Обрегона и оказавшую значительное влияние на его относительно прогрессивную аграрную политику. На президентских выборах 1934 и 1940 гг. он выступил сторонником кандидатов правых сил.

[98] *Hjet A.* The ideology... // Without borders (Stockholm). 1990. November. P. 6–7; SAC: an independent Swedish Trade Union. Stockholm. P. 2–5; История Второго Интернационала. Т. II. С. 296–297.

[99] *Валюженич А.В.* Указ. соч. С. 213–215; История Второго Интернационала. Т. II. С. 160.

Крупнейшие протестные акции пролетариата Европы с участием анархистов этого периода — всеобщая забастовка и «кровавая неделя» в Каталонии (Испания, июль 1909 г.); всеобщая стачка и «красная неделя» в Италии (июнь 1914 г.). Эти события приняли характер открытых восстаний, но восстаний стихийных, неорганизованных, фактически бунтов по-анархистски.

Несмотря на состоявшийся в 1907 г. в Амстердаме Международный Конгресс анархистов, мировое анархистское движение не сумело выработать единых, приемлемых для всех принципов стратегии и тактики. Анархисты хронически уступали социал-демократам и социалистам в большинстве стран Европы. Они так и не сумели выработать единой и четкой линии сопротивления милитаризму и надвигавшейся мировой войне. Более того, когда война началась, в рядах анархистов нашлось немало социал-патриотов, в том числе и такие известные деятели анархистского движения, как П. Кропоткин, Ж. Грав, Малато, П. Реклю, М. Пьерро, Корнелиссен, Черкесов[100].

1917 год стал началом революционных событий мирового масштаба, которые можно рассматривать как *первую и пока что единственную в своем роде Мировую антиимпериалистическую революцию 1917–1923 гг.* Анархистам и анархо-синдикалистам как идейно-политической силе суждено было сыграть в ней не первую, но и не последнюю политическую роль[101].

[100] *Скирда А.* Индивидуальная автономия и коллективная сила... С. 129.

[101] В этом первом в истории мировом антиглобалистском движении политическое руководство, наряду с *анархистами* и *анархо-синдикалистами*, осуществляли в первую очередь *коммунисты* (прежде всего в России и Европе) и революционные демократы (прежде всего в Азии), а также *левые социалисты* и *левые социал-демократы* (в некоторых странах Европы и Америки), кое-где *левые либералы* (ряд стран Латинской Америки) и *буржуазные национальные демократы* (особенно активно в Ирландии, Галиции, Турции, Египте, Индии) и, кроме того, в порядке исключения, *патриотические феодально-монархические силы* (Афганистан, Эфиопия) плюс *патриотическая племенная верхушка* (в ряде районов колониальной Африки).

Отдавая дань ретроальтернативистике, можно предположить, что мировая антиимпериалистическая (и социалистическая как ее основная часть) революция 1917–1923 гг. в принципе могла победить, что означало бы слом и ликвидацию наиболее одиозных проявлений мирового капитализма, но еще далеко не полную ликвидацию капитализма как формации в мировом масштабе. Решающими для этой победы могли бы стать: планировавшийся, но не удавшийся из-за наступления Деникина и выступления Григорьева поход российско-украинской Красной армии в Советскую Венгрию и соединение с венгерской Красной армией не позднее июня 1919 г.; взятие Варшавы в августе 1920 г. (а не жестокое поражение красных на подступах к ней); возможная, но так и не достигнутая победа рабочей революции в Италии в сентябре 1920 г. При таком развитии событий с капита-

События Февральской революции 1917 г., застав российских анархистов врасплох, оживили тем не менее их движение, пробудили от политической спячки и вместе с другими революционными партиями вовлекли в довольно активную деятельность. Февраль открыл перед анархистами России новые, невиданные ранее возможности реализации своих установок и целей, в том числе и общественного идеала. Уже в первые месяцы после революции анархисты, главным образом в Москве и Петербурге, пытались захватывать особняки бывших царских сановников, свозить туда всевозможные материальные ценности и продукты и организовывать там коммуны. Неудивительно, что вслед за идейными анархистами в них стали вступать и деклассированные элементы, зачислявшие себя в анархисты.

Рост анархистского движения и анархистских настроений в обществе проявлялся в двух направлениях. Первое — рост количества организаций и их состава. Весной и летом 1917 г. анархистские организации (группы, лиги, коммуны, федерации и т.д.) были воссозданы или возникли впервые во многих населенных пунктах России. Накануне Октябрьской революции анархистские организации, по данным В. Кривенького, имелись почти в 40 городах (в некоторых по две и более групп). Рост движения продолжался и после Октября, вплоть до лета 1918 г. Согласно данным Н. Канева, всего в 1918 г. было 130 населенных пунктов, в которых существовали анархистские организации[102]. Однако эти данные в свете последних исследований представляются несколько неполными.

Второе направление анархизма в России — нарастание стихийных анархо-бунтарских настроений и выступлений — разгромного движения, массового дезертирства, солдатских бунтов, продовольственных и спиртовых беспорядков, уголовного бандитизма. Неуправляемый социальный взрыв в форме русского бунта отчетливо замаячил на политическом горизонте России осени 1917 г. Наряду с вариантами «Буржуазная демократия», «Буржуазная диктатура», «Советская власть» вполне реальным мог стать вариант «Анархия», который был гораздо шире собственно анархистского движения, более-менее оформленного. Одной из причин, по которой В.И. Ленин торопил РСДРП(б) и большевистско-левоэсеровские Советы со взятием вла-

лизмом в Европе могло быть покончено в начале 1920-х гг., что давало шансы всему миру совсем для другого развития. В частности, приход фашистов к власти в Италии и Германии оказался бы просто невозможен, а Советскому Союзу удалось бы избежать жесткой тоталитарной сталинской модели социализма.

[102] *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. Приложение: таблица 1.

сти, было опасение, что этот бунт опередит их и сметет на своем пути не только буржуазное Временное правительство, но и демократические структуры: Советы, солдатские комитеты, фабзавкомы и т.п. В начале октября 1917 г. Ленин предостерегал: «“Все” единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс как близкое к отчаянию и указывают на факт нарастания анархизма именно на этой почве»; «<...> волна настоящей анархии может стать сильнее, *чем мы*»; голодные и измученные политикой Временного правительства массы «разнесут все, размозжат все даже по-анархически»[103].

Окунувшись в родную стихию борьбы, значительная часть российских анархистов участвовала в Октябрьской революции — Петроградском вооруженном восстании и «Триумфальном шествии Советской власти». Анархисты понимали Советы как негосударственные органы общественного самоуправления независимых ассоциаций (общин, коммун, артелей и т.д.) тружеников, действующие автономно и входящие в федеративные соглашения друг с другом только добровольно. 6 анархистов входили в Военно-революционный комитет Петроградского Совета, некоторые командовали отрядами солдат и матросов. Анархисты были представлены во многих Советах страны, но в большинстве случаев это представительство было символическим. Так, в Московском Совете в течение 1917–1921 гг. число анархистов колебалось от 6 до 1 (от 0,6 до 0,3% общего состава)[104]. Были и исключения: в ряде Советов на юге Украины, а также в Кронштадте и некоторых других местах страны анархисты играли заметную роль. Октябрьская революция расколола анархистов по отношению к Советам и советской власти, но большая часть российских анархистов в первые месяцы после революции поддерживала Советы. В.И. Ленин, отмечая это, заявлял, что «теперь, в эпоху коренной ломки буржуазного строя, понятия об анархизме принимают, наконец, жизненные очертания. <...> И в то время, когда одни анархисты с боязнью говорят о Советах, все еще находясь под влиянием устарелых взглядов, новое, свежее течение анархизма определенно стоит на стороне Советов, в которых видит жизненность и способность вызвать в массах сочувствие и творческую силу»[105].

---

[103] *Ленин В.И.* Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 340; Письмо к товарищам // *Там же.* С. 412, 413.

[104] *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. С. 442.

[105] *Ленин В.И.* Третий Всероссийский Съезд Советов. Заключительное слово по докладу Совета народных комиссаров 12 (25) января // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 282.

Зимой 1917–1918 гг. анархисты приступили к формированию своих «партийных» вооруженных отрядов — «черной гвардии». Усилилась практика захвата особняков и организации там анархистских коммун (во многих случаях фактически — гнезд произвола и уголовщины). По данным А.В. Шубина, в марте 1918 г. в руках анархистов Москвы находилось 25 особняков[106]. В апреле и мае 1918 г. конфликт советской власти с анархистами закончился разгромом и разоружением «черной гвардии» и других анархистских и проанархистских отрядов в Москве, Петрограде, Вологде, Витебске, Воронеже, Екатеринбурге, Екатеринославе, Елабуге, Иркутске, Курске, Ростове-на-Дону, Мелитополе, Орле, Саратове, Смоленске, Самаре, Сызрани, Тамбове, Царицыне[107]. Однако это не помешало значительной части анархистов принять участие в Гражданской войне, оказав большевикам и советской власти определенную поддержку. Это отряды Мокроусова, Никифоровой, братьев Железняковых, Чередника, Черняка, Петренко и др. на юге России (в т.ч. на Украине); Пережогина, Каландаришвили, Третьякова, Орлова и др. в Сибири. Неспособные к размеренной организованной работе и борьбе, к революционной государственной дисциплине, анархистские вооруженные формирования тем не менее в момент военных успехов представляли собой в общей массе советских войск определенную силу, увеличивая, иногда значительно, антибелогвардейский фронт. Но в моменты трудностей и поражений обнажались и выходили на передний план далеко не лучшие черты анархистов: индивидуализм, авантюризм, недисциплинированность, безответственность, что в военных условиях могло граничить и иногда реально граничило с предательством. В результате они ослабляли фронт, объективно содействуя белым, хотя субъективно оставались их решительными противниками. Некоторая часть анархистов России пала на полях сражений Гражданской войны, защищая интересы трудового народа. В 1918–1919 гг. часть анархистских отрядов была влита в Красную армию и лишена анархистской автономии, часть разгромлена красными и ликвидирована, часть перешла к партизанско-повстанческим методам борьбы на территориях белых и красных, превратившись в зеленых.

До сих пор еще не выявлена истинная роль анархистов в широком и многочисленном, хотя и разрозненном, всероссийском партизанско-повстанческом движении зеленых. Исследователи, как правило, ограничиваются изучением влияния анархизма только на Революци-

[106] *Шубин А.В.* Анархия — мать порядка... С. 94.

[107] *Ермаков В.Д.* Российский анархизм и анархисты... С. 108–109.

онную повстанческую армию Н.И. Махно и на Гуляйпольскую партизанско-повстанческую республику. При этом другие факты разнообразного влияния анархистов на партизанское и повстанческое движение остаются, как правило, вне поля зрения историков. Между тем вслед за Махно выстраивается целый ряд, хотя и меньших калибром, атаманов-предводителей партизанско-повстанческой вольницы (анархистов и беспартийных с более-менее выраженной анархистской позицией), подобных Ивану Черноярову — собирательному образу левой революционной атаманщины, так ярко изображенному А. Веселым в романе «Россия, кровью умытая»: Григорьев, Зеленый и другие «батьки» на Украине; Рогов, Лубков, Новоселов в Западной Сибири; Жиляев на северо-западе Степного края; Калашников в Семиречье; Тряпицин на Дальнем Востоке; сотни более мелких атаманов по всей России. Все они сочетали в себе готовность борьбы с белыми и настороженность, а то и враждебность к коммунистам. Их наиболее распространенные лозунги: «Власть народу, а не партиям!»; «Свободные Советы!»; «Вольные Советы!»; «Советы без коммунистов!»; «Свобода торговли!»; «Свободный человек на свободной земле!»; «Анархия — мать порядка!». Общественным идеалом зеленых было невмешательство государства и города в дела деревни (радикальный вариант — уничтожение государства и городов). При попытках советской власти поставить их под контроль (вернуть дезертиров — основу зеленых — или, переформировав, включить их отряды в состав Красной армии) некоторые из них зачастую поворачивали штыки против нее. «Гениальный» лозунг батьки Ангела «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют» (из известного кинофильма[108]) верно отражает сущность программных установок зеленых, но несколько упрощает их. Для большей части зеленых белые все же были более неприемлемы, чем красные. Ярким примером может служить Н.И. Махно, который трижды шел на союз с советской властью и Красной армией, и когда этот союз рушился, воевал одновременно и против красных, и против белых. Но никогда Махно не воевал в союзе с белыми против красных, хотя такой союз белые предлагали ему как минимум дважды[109]. Сегодня высвечивается то обстоятельство, что значительная часть зеленых, в том

[108] Художественный фильм «Адъютант его превосходительства» (1970, режиссер Е.И. Ташков) — первый советский телевизионный сериал (5 серий), один из лучших фильмов советского кинематографа о Гражданской войне в России.

[109] Подробнее о Махно, махновщине и связанных с ними социальных опытах см. следующий параграф данной главы.

числе находившиеся в их рядах анархисты и анархосочувствующие, явилась той переменной политической и военной величиной, которая в конечном счете решила исход гражданской войны не в пользу белых. Несомненно, что многим в рядах зеленых явно не нравились красные, но белые их не устраивали еще больше. Фактический союз красных с частью зеленых, хотя и непрочный, но вполне реальный, был одним из тех решающих факторов, которые обеспечили победу трудящихся России над белогвардейцами и интервентами.

Анархистское движение в России продолжалось и после гражданской войны, проявив себя в деятельности организаций, расколовшихся на антисоветские и просоветские. Проявили себя анархисты и в партизанско-повстанческом движении 1920–1922 гг., направленном теперь против победившей новой власти (роговское движение (Алтай); Кронштадтское, Сорокинское (Алтай) восстание; новый, последний виток махновщины). Довольно активно заявили о себе анархисты на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. как левая оппозиция буржуазно-демократическому «буферу» — ДВР. К середине 1920-х гг. под влиянием ряда факторов организованное анархистское движение в СССР фактически перестало существовать и сменилось слабым «шевелением», отдельные проявления которого продолжались до конца 1930-х гг., пока анархизм не разделил судьбу всех оппозиционных советскому режиму партий и движений.

***

Ноябрьская революция в Германии оживила деятельность анархо-синдикалистов в Германии, где ранее они были маловлиятельны.

Революционный подъем в сочетании с возросшей ненавистью к государству, ввергшему народ в страшную войну, а также разочарование в германской социал-демократии несколько подняли здесь рейтинг анархистов и анархо-синдикалистов.

После Ноябрьской революции для синдикалистов временно наступила полоса бурного роста: их союзы насчитывали в 1918–1919 гг. около 100 тыс. человек. На съезде в 1919 г. «Свободное объединение» было переименовано в «Союз свободных рабочих Германии» (Freire Arbeiter Union Deutschlands). Идеологически синдикалистское профдвижение Германии разделяло идеи анархистов, которые преобладали в объединении. «Свободный Унион» отвергал всякую политическую борьбу и выдвигал в качестве программы установление коммунистического строя путем постепенного объединения сни-

зу производителей в определенные производственные организации, которые возьмут в руки всю экономику. При этом Унион твердо стоял на антикоммунистических и антисоветских позициях.

В апреле 1919 г. известные в Германии и за ее пределами анархисты-коммунисты Г. Ландауэр и Э. Мюзам приняли активное участие в событиях, связанных с героической эпопеей Баварской Советской республики, участвуя в ее советском оргстроительстве. За ними шли и рядовые анархисты-рабочие. Во время обороны республики в конце апреля — начале мая бок о бок сражались против войск реакции рабочие разных политических убеждений: коммунисты, анархисты, социал-демократы-независимцы и беспартийные. Во время белого террора, последовавшего после разгрома Баварской Советской республики в начале мая, был арестован, жестоко избит и расстрелян Г. Ландауэр; Э. Мюзама приговорили к 15 годам заключения[110].

В этот период анархо-синдикалисты принимали активное участие в забастовочном движении Франции, Италии, Испании, Португалии, Германии, Дании, Швеции, Аргентины, Бразилии. В ряде стран они участвовали в движении «Руки прочь от Советской России», хотя далеко не все разделяли идеалы Октябрьской революции и революционную практику российских коммунистов.

В конце 1918 — начале 1919 г. революционные настроения охватили личный состав французских сухопутных частей на юге России и военных кораблей на рейдах Одессы и Севастополя. На многих кораблях были созданы революционные комитеты, велась агитация, в том числе и служившими в армии и на флоте социалистами, анархо-синдикалистами и анархистами. Слившись с подпольной деятельностью большевиков, в особенности Одесского подпольного комитета и «Иностранной коллегии» при нем, такая работа вскоре дала свои плоды: в апреле 1919 г. на трех военных кораблях французской эскадры произошли вооруженные восстания матросов. К 1 мая 1919 г. весь французский флот покинул Черное море[111].

В Испании летом 1917 г. наступил заметный подъем революционного движения, в котором активное участие принимало анархо-синдикалистское профобъединение НКТ. Вслед за крупными забастовками Северного профсоюза (железнодорожников) и всеобщих забастовок в Вальядолиде и Валенсии 13 августа разразилась все-

[110] *Полтавский М.А.* Баварская Советская республика. М., 1959. С. 25, 31–32, 46–47, 99–100.

[111] *Кожевникова Л.П.* Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917–1920 гг. М., 1959. С. 123–124, 126–127.

общая политическая стачка, которая охватила все города Испании. Произошли крупные столкновения между стачечниками и армией в Мадриде, Барселоне, Бильбао, Астурии, Виго, Сарагосе и в других местах. С помощью армии правительство жестоко подавило стачку к 19 августа. Результатом столкновений стали 80 убитых, около 600 раненых и 2 тысячи арестованных. 20 августа с работы были уволены тысячи рабочих[112].

1918–1920 гг. стали периодом продолжения активной борьбы рабочего класса и крестьянства. Под напором борьбы пролетариата испанское правительство 1 октября 1919 г. вынуждено было издать декрет о введении восьмичасового рабочего дня[113].

Число членов НКТ в эти годы быстро росло. В 1920 г. оно достигло уже 1200000 против 100000 в 1914 г., в то время как просоциалистическое профобъединение ВСТ насчитывало в своем составе только лишь 211300 членов. Особенно большое распространение анархо-синдикалистские идеи получили в Каталонии, которая являлась главной опорной территорией НКТ, а также в андалузских провинциях, где многие крестьяне-бедняки и сельскохозяйственные рабочие входили в состав созданных в 1913 г. сельскохозяйственных анархо-синдикалистских федераций Кадиса, Севильи и Кордовы[114].

Массовые выступления испанских крестьян за землю начались в 1918 г. с забастовок в Андалузии, и наибольших масштабов крестьянское движение достигло в период со второй половины 1918 г. до конца 1920 г. Главной ареной крестьянского движения Испании стала вся Андалузия и особенно провинция Кордова. Острые столкновения развернулись также в Леванте и Эстремадуре. Формы и содержание крестьянского движения были самыми разнообразными. Высшие формы движения проявились опять-таки в Андалузии, где борьба крестьян и батраков под руководством НКТ выражалась нередко в захвате помещичьих земель, образовании крестьянских комитетов, поджогах урожаев и создании вооруженных отрядов. Как и в предыдущих разрозненных выступлениях анархистов, здесь поджигались и разрушались помещичьи дома и церкви. Это движение, носившее черты восстания, вскоре было подавлено[115].

---

[112] *Галан Х.М.* Крушение монархии в Испании (1917–1931 гг.). М., 1959. С. 27–28.

[113] Там же. С. 30–33.

[114] Там же. С. 25–26.

[115] Там же. С. 33; *Гарсиа Х.* Диктатура Примо де Ривера. М., 1963. С. 59; *Випперман В.* Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982. Новосибирск, 2000. С. 99.

В ответ на рост борьбы трудящихся в условиях кризиса монархического режима правящие круги Испании в сентябре 1923 г. пошли на установление открытой правоавторитарной военной диктатуры, которую возглавил генерал М. Прима де Ривера.

Высшей точкой революционного синдикализма в Европе в этот период явились события 1920 г. в Италии. Революционная волна в этой стране нарастала с 1917 г. В сентябре 1920 г. порой казалось, что трудящиеся Италии близки к победе и взятию власти в стране. Хотя в этих событиях участвовали не только анархо-синдикалисты, ситуация во многом развивалась по анархо-синдикалистскому сценарию. В августе и сентябре 1920 г. во время конфликта, возникшего между профсоюзом рабочих металлургической промышленности и ассоциацией промышленников Италии, рабочие-металлисты по инициативе профсоюзной организации стали занимать предприятия. Движение, начавшееся в Турине и Милане, распространилось по всему Пьемонту, захватило северную Италию, а затем и всю страну: вслед за металлургическими и механическими предприятиями оно распространилось на другие отрасли промышленности; крестьяне Сицилии и других мест стали занимать земли. Движение приняло большой размах, угрожающий самому существованию капиталистического строя в Италии. Однако реформистское руководство Итальянской социалистической партии и профсоюзов сделало все, чтобы ограничить движение рамками экономической борьбы, и начало переговоры с промышленниками. Коммунистические элементы были еще слабы, а революционные синдикалисты считали, что действия следует ограничить захватом предприятий. Захват же политической власти и борьбу с государством они считали излишними. Так полагали и многие беспартийные революционно настроенные рабочие. В итоге массовое движение не сумело закрепить достигнутые результаты: захват заводов и фабрик не был подкреплен захватом политической власти. Государство же вскоре подавило это движение.

В Ирландии в период антиимпериалистической национально-демократической революции лидеры буржуазной партии Шинн Фейн, используя поддержку масс и в первую очередь рабочего класса, стали на защиту священного принципа частной собственности. Анархо-синдикалистские и оппортунистические лидеры профсоюзного движения пытались приспособить его к нуждам национальной буржуазии и лишить рабочее движение самостоятельной политической роли. Руководство Исполкома Ирландско-

го конгресса тред-юнионов — ирландской лейбористской партии (ИКТЮ-ИЛП) пыталось создать анархо-синдикалистский т.н. *Один большой союз*, способный якобы подготовить и осуществить кульминацию «прямого действия» — общенациональную экономическую стачку, которая ликвидирует капитализм. В условиях нарастания национально-освободительной борьбы это привело к переходу значительной части организованных в профсоюзы рабочих в Шинн Фейн, где они не получили представительства в дойле (ирландском парламенте). Поскольку руководство ИКТЮ-ИЛП не поддерживало возникавшие в городах Советы, они образовывались и действовали стихийно и, как правило, не выходили за рамки стачечных комитетов[116].

В Латинской Америке в этот период наиболее активно деятельность анархистов и анархо-синдикалистов проявилась в Бразилии и Аргентине, где революционное движение под их руководством приняло форму революционного взрыва и вооруженной борьбы против власти и капитала с целью их свержения и создания нового общества.

В Бразилии среди трудящихся ведущую роль играли анархо-синдикалисты, создавшие в 1908 г. Бразильскую рабочую конфедерацию. Все свои надежды они возлагали на «прямое действие» масс и в основном придерживались идей П. Кропоткина о «безвластном коммунизме», отрицали традиционные, политические, особенно парламентские формы деятельности, выступали против государственного социализма. Воодушевленные известием о Февральской революции Воодушевленные известием о Февральской революции в России, анархо-синдикалисты и левые социалисты в июне-июле 1917 г. организовали в крупнейшем промышленном центре — Сан-Паулу, всеобщую забастовку, в которой участвовало более половины всего промышленного пролетариата страны. Лидеры рабочего движения Бразилии, в том числе и анархо-синдикалисты, выдвигали идеи «власти Советов», центрального «комисссариата труда» и учреждения «коммунистической республики». Искреннее стремление совершить «свой Октябрь» привело анархо-синдикалистов в 1918 г. к идее вооруженного восстания. План предусматривал организацию всеобщей стачки рабочих с переводом ее в вооруженное восстание и штурм правительственного дворца с целью ареста президента. Другие группы рабочих должны были атаковать

[116] Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. Т. 4. С. 639–640.

военные склады, захватить оружие, боеприпасы, обмундирование. С помощью провокатора полиция узнала о плане и приняла меры по «предотвращению анархистского бунта»; в результате движение и восстание во многом развивались стихийно, без прочного руководства. 18 ноября иа текстильных предприятиях в Рио-де-Жанейро, Нитероя, Петрополиса и Маже начались стачки и столкновения с полицией и войсками, переросшие в вооруженную борьбу, в которой активно участвовали текстильщики, металлурги, строители, а также студенты. На сторону восставших перешла и небольшая группа солдат. Однако в течение суток большинство очагов восстания было подавлено. Лишь в районе поселка Маже восставшие держались четверо суток и успели провозгласить «Рабочую республику». Поражение ноябрьского восстания вызвало окончательный раскол в лагере анархо-синдикалистов. Одни разуверились в силе рабочего класса и скатились к оппортунизму, другие (А. Перейра, О. Брандао и др.), напротив, пошли по пути усиления политической организованности[117].

В Аргентине забастовочная волна конца 1918 — начала 1919 г. вылилась в события «трагической недели» 7-15 января 1919 г., когда всеобщая стачка, в которой под руководством анархистского профобъединения ФОРА-V и Интернациональной социалистической партии участвовало 200 тыс. человек, стихийно переросла в столкновения и баррикадные бои с полицией и войсками в Буэнос-Айресе. Рабочим удалось овладеть арсеналом. Лидеры синдикалистского профобъединения ФОРА-IX, тоже пытавшиеся руководить движением, пошли на переговоры с правительством. В результате боев «трагической недели» погибло около 2 000 рабочих, более 3 000 были ранены[118].

В США осенью 1917 г. были разгромлены союзы ИРМ, которые мужественно заявили о своей антивоенной позиции и руководили рядом стачек. Суд над 101 руководителем ИРМ во главе с У. Хейвудом шел почти пять месяцев. Их обвиняли в заговоре, саботаже военных усилий государства, сопротивлению мобилизации. Главных «виновников» приговорили к 20 годам тюрьмы каждого[119].

---

[117] *Коваль Б.И.* Революционный опыт XX века. М., 1987. С. 134—137.

[118] *Искаро Р.* Возникновение и развитие профсоюзного движения в Аргентине / Пер с исп М., 1962. С. 102—104; Всемирная история. Даты и события М., 1968. С 104; Международное рабочее движение... Т. 4. С. 419—420; *Ермолаев В.* // «Трагическая неделя» Латинская Америка Т. 2. С. 486.

[119] Международное рабочее движение. Т. 4. С. 159.

Под руководством ИРМ и Социалистической партии весь 1919 г. прошел в условиях небывалого подъема забастовочного движения: 3 630 стачек с числом участников 4 160 000. В 1920 г. забастовочная волна несколько снизилась, но, тем не менее, продолжала оставаться довольно значительной: в 3411 трудовых конфликтах участвовали 1460 тыс. рабочих[120].

В 1921 г. руководство ИРМ выступило с инициативой создания на территории Советской России американской производственной автономной колонии, ядром которой должны были стать рабочие ИРМ, вынужденные или желающие покинуть США. Инициатива была поддержана советским руководством и лично В.И. Лениным, и в 1922 г. в Западной Сибири, на территории Кузбасса возникла (и до конца 1926 г. просуществовала) Автономная индустриальная колония «Кузбасс» (АИК-Кузбасс), в деятельности которой приняли участие не менее 635 американских и других иностранных рабочих, из них около трети — члены ИРМ[121].

В первые 20 лет XX в. анархистские теории были весьма популярны в прогрессивных кругах Китая. В 1919 г., в период подъема анти-империалистической борьбы, анархизм в Китае тоже был на подъеме. В анархистских лозунгах о свободе, равенстве, взаимопомощи искала ответы на волновавшие ее вопросы китайская молодежь периода антиимпериалистического «движения 4 мая». Вместе с тем анархисты не могли ответить на важнейшие вопросы китайского общества. Они сознательно отказывались от политических методов борьбы, заранее уменьшая тем самым свое значение. Важнейшей ошибкой, закрывавшей им путь к широким народным массам, являлся фактический отказ от решения национальных задач тогда, когда лозунг национального возрождения имел прогрессивное содержание и поднимал на борьбу самые различные слои китайского общества. Кроме того, будучи чрезвычайно революционными на словах, они на деле чаще всего проявляли осторожность и умеренность. Их организации были небольшими, разбросанными по разным городам, почти постоянно отягощенными финансовыми проблемами. С середины 1920-х гг. китайский анархизм вступил в затяжной период упадка[122].

---

[120] Международное рабочее движение. Т. 4. С. 238—240; 355.

[121] Подробнее об этом см.: *Штырбул А.А.* Автономная индустриальная колония «Кузбасс»: Опыт производственного самоуправления и международной солидарности трудящихся (1922—1926 гг.) // От кризиса к модернизации: Экономические и сониально-политические проблемы М . 2000. Ч 2. С. 147—153.

[122] *Стабурова Е.Ю.* Указ. соч. С. 163—164.

В начале 1920-х гг. идеи анархизма и анархо-синдикализма проникли и в другие регионы Китайско-Дальневосточной цивилизации: Вьетнам[123] и Корею[124].

Революционные события 1917–1923 гг. стали для разных политических сил, в том числе анархистов и анархо-синдикалистов, серьезной проверкой их доктрин. Далеко не все в их теориях прошло успешную проверку практикой. Этот факт, а также рост влияния коммунистического движения в мире, заставили часть анархистов серьезно пересмотреть свои принципы, а некоторых — отказаться от анархизма. Немало анархистов и анархо-синдикалистов ушло в ряды коммунистического движения. Особенно заметны были бывшие анархо-синдикалисты в 1920-е гг. в компартиях Франции, Италии, Испании, Португалии, Бразилии, Аргентины, Мексики и бывшие анархисты в компартии Китая[125]. Среди тех, кто остался верен анархизму, произошло размежевание на антисоветских и просоветских анархистов. «Очень многие рабочие анархисты становятся теперь, — отмечал В.И. Ленин в 1919 г., — искренними сторонниками Советской власти, а раз так, то это доказывает, что они наши лучшие товарищи и друзья, лучшие революционеры, которые были врагами марксизма лишь по недоразумению, или, вернее, не по недоразумению, а в силу того, что господствующий официальный социализм эпохи II Интернационала (1889–1914) изменил марксизму, впал в оппортунизм, исказил революционное учение Маркса вообще и его

[123] *Мхитарян С.А.* Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885—1930). М., 1967. С. 152, 193.

[124] *Solman L.* Anarchy in Korea? // Without borders (Stockholm). 1990. November. P. 17.

[125] К их числу можно, в известной мере, отнести и будущего лидера КПК и КНР Мао Цзэдуна, который за несколько лет до своего вступления в ряды КПК серьезно увлекся идеями анархизма и некоторое время примыкал к анархистскому движению, хотя активно в нем себя и не проявил (*Владимиров О.Е., Рязанцев В.И.* Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М., 1980. С. 31; *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун и его наследники. М., 1979. С. 13). Созданное Мао Цзэдуном идейно-политическое учение *маоизма* стало результатом эклектического соединения различных составляющих: народничества (китайского крестьянского утопического социализма), отчасти анархизма, китайского национализма, отдельных элементов марксизма. В социально-политической практике это вылилось в создание жесткого государственного общества «казарменного социализма», в том числе и в массовое государственное и стихийное (но при этом вполне управляемое) политическое насилие по отношению ко всем несогласным с политической линией Мао. Анархистские историки и публицисты, зачисляющие в анархисты разных исторических деятелей даже по малейшему признаку (У. Годвина, Д. Гарибальди, Пи-и-Маргаля, М. Ганди, М. Каддафи и т.д.) о Мао Цзэдуне по известным причинам предпочитают не упоминать.

учение об уроках Парижской Коммуны 1871 года в особенности»[126]. По-другому оценивал это явление известный анархистский историк М. Неттлау: «Победа большевиков <...> внесла раскол в анархическое движение. Одни из анархистов соблазнились, другие сохранили ясность мысли. <...> Было время, <...> когда некоторые товарищи, одушевленные самими лучшими намерениями, пытались, как это делается в цирках, ехать одновременно на двух лошадях, поставив одну ногу на седло одной лошади, а другую на седло другой. Я имею здесь ввиду анархо-большевиков. Мне кажется, что все они были рано или поздно сброшены со своих лошадей, ибо их лошади скакали совершенно в разных направлениях. С тех пор некоторые из них опять почувствовали себя анархистами, а другие были поглощены большевизмом»[127].

В 1922 г. ортодоксально настроенные лидеры анархо-синдикализма попытались укрепить движение путем организации анархо-синдикалистского Интернационала, который и был создан под наименованием Берлинского Интернационала профсоюзов (второе название — Международная ассоциация трудящихся). В момент организации и вскоре после этого в него вошли анархо-синдикалистские профсоюзные объединения и отдельные профсоюзы Германии, Испании, Португалии, Италии, Франции, Нидерландов, Бельгии, Дании, Швеции, Норвегии, Аргентины, Уругвая, Мексики, Бразилии, Чили. Численность Интернационала в год образования была довольно внушительной (1250000 членов), но динамика оказалась неблагоприятной: за год после этого численность уменьшилась до 870000 человек. Впрочем, в это время сокращалась численность и других Интернационалов профсоюзов: Амстердамского (реформистского) и Международной федерации христианских профсоюзов. Некоторый рост наблюдался лишь в рядах Красного Профинтерна, но и то главным образом за счет увеличения численности советских профсоюзов, проводивших «принцип обязательного участия»[128]. В 1924 г. в Берлинском Интернационале состояло 400000 (в т.ч. 200000 в испанской НКТ, 50000 в португальской ВКТ и 60000 в ФОРА Аргентины); в 1928 г. общая численность

[126] *Ленин В.И.* Письмо Сильвии Панкхерст // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 161.

[127] *Неттлау М.* Неттлау М. Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам / Пер. с англ. Тусон, 1991.
С. 142, 171.

[128] *Шириня К.К.* Классовая борьба в мире в 1922–1923 гг. и политический курс Коминтерна // Четвертый конгресс Коминтерна: разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта: сборник статей. М., 1980. С. 27.

снизилась до 162000[129]. Берлинский Интернационал выдвинул новую программу либертарного (свободного) анархо-синдикализма, предусматривавшую преимущественно эволюционный переход от капитализма к либертарному (свободному и от господства капитализма, и от диктатуры пролетариата) коммунизму путем постепенной передачи синдикатам производственно-общественных функций.

К середине 1920-х гг. мировое анархистское движение переживало кризис, а тем временем на него, как и на другие левые силы, надвинулось новое серьезное испытание: фашизм.

Но прежде чем перейти к изложению событий середины 1920–1930-х гг., следует подробнее остановиться на одном из самых ярких практических опытов анархизма в период Российской революции и гражданской войны — военно-политической и социально-экономической эпопее махновщины.

3. Махновский очаг революционной борьбы и социального творчества (1917–1921 гг.)

О махновщине написано много с самых разных позиций — от ряда ранних публицистических и исторических советских брошюр разгромного характера до апологетических и восторженных исследований, выполненных историками анархистской ориентации. Между этими двумя полюсами заключен целый спектр самых разнообразных подходов и уровней. В настоящем разделе мы попытаемся показать социальный опыт махновщины, т.е. практические попытки создания безгосударственного общества.

Махновский очаг, при всей его оригинальности и неповторимости, не был для событий 1917–1921 гг. в России чем-то уникальным. Можно привести ряд примеров, когда анархисты пытались создать, хотя и менее успешно, подобные очаги в разных районах России и в разные периоды бурного пятилетия русской революции 1917–1921 гг. Единственное, что в этом отношении бесспорно, — махновцы были более последовательны и упорны и пошли дальше других анархистов, чему способствовали также объективная военно-политическая обстановка в регионе их деятельности и субъективный фактор в лице Н.И. Махно[130]. Махновщина — самая известная из

[129] Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. Т. 5. С. 115.

[130] Махно Нестор Иванович (1888–1934), из украинских крестьян сел Гуляй-Поле, выдающийся деятель украинского и российского анархистского дви-

многочисленных попыток российских анархистов осуществить в условиях небывалого революционного подъема свои социальные проекты.

Выше уже говорилось о создании в особняках Москвы, Петербурга и некоторых других городов автономных анархистских коммун со своими порядками, вооруженной силой, запасами материальных ценностей и продовольствия. Эти коммуны доставили немало хлопот сначала временному буржуазному правительству, затем советской власти, и лишь весной 1918 г. в результате разгрома анархистских гнезд они были ликвидированы. Но были и более масштабные опыты.

В результате радикализации масс, роста влияния большевиков и анархистов в Кронштадтском Совете 16 мая 1917 г. в городе был смещен комиссар Временного правительства и всю полноту власти взял на себя Совет. Это известие повергло часть российского общества в настоящий шок. Буржуазные газеты заполнились сенсационными сообщениями об отделении «Кронштадтской республики» и т.п. Призвать Кронштадт «к порядку» Временное правительство было не в состоянии, т.к. не вполне контролировало в политическом отношении Балтфлот. Конфликт в его наиболее острых проявлениях был с трудом урегулирован, и дело закончилось своеобразным компромиссом: Кронштадт номинально подчинился Временному правительству, но фактически Кронштадтская республика продолжала существовать как политически автономная территория.

После провала корниловского мятежа (а кое-где и ранее, после июльских событий) по всей стране возник уже целый ряд подобных самочинных «республик» (территорий, частично вышедших фактически из-под контроля Временного правительства). Ими оказались «республики северного кольца» (Шлиссельбургская, Выборгская, Ревельская, Гельсингфорская), Царицынская, Харьковская, Ташкентская и другие[131]. Их социально-политической сутью являлась власть Советов как рождающихся государственных органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (а не

жения. В 1906–1908 гг. пребывал в анархистском подполье, в 1908 г. был арестован и в 1910 г. приговорен к смертной казни через повешение, замененной на бессрочную каторгу, которую отбывал по 2 марта 1917 г. Руководитель партизанско-повстанческого движения на Украине в 1918–1921 гг. сначала против германско-австрийских оккупантов, белогвардейцев и украинских националистов, затем против коммунистов. С августа 1921 г. находился в эмиграции. Принимал участие в международном анархистском движении. Умер в Париже.

[131] *Смирнов А.С.* Большевики и революционное творчество на местах (июль – октябрь 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1979. № 6. С. 60–67.

социалистической диктатуры пролетариата). Политически большинство этих «республик» возглавляли большевики, левые эсеры, левые меньшевики-интернационалисты, беспартийный революционный актив и анархисты. Последние были менее распространены и заметны, но кое-где все же преобладали и выдвинулись в этот период и позднее на первые роли: в Черемховском угольном районе (Иркутская губерния) осенью 1917 — весной 1918 г.; в ряде отдельных населенных пунктов страны; в Гуляй-Поле и прилегающем районе с августа 1917 г. и вплоть до начала германо-австрийской оккупации в апреле 1918 г. Анархисты пытались пойти от революционно-демократической и социалистической государственной сути Советов в сторону реализации анархистского идеала Советов как независимых безгосударственных органов самоуправления трудящихся. В дальнейшем на протяжении всей гражданской войны Гуляйпольская зона стала главным очагом анархистской деятельности и анархистских социальных экспериментов в России в этом направлении.

История этого очага анархии объективно подразделяется на несколько небольших, но емких периодов, каждый из которых в силу различной внешней обстановки и внутренней политической ситуации в районе имел свои особенности.

1-й период: март–август 1917 г. — период «утробного развития» будущего махновского движения в условиях демократической республики.

В конце марта 1917 г. в Гуляй-Поле был организован Крестьянский союз, который возглавил Н.И. Махно, вернувшийся с каторги. В марте возникла группа социалистов-революционеров и была воссоздана группа анархистов-коммунистов (ГАК) Гуляй-Поля, одним из лидеров которой стал Махно. По воспоминаниям Махно, «весь май прошел в напряженной работе на съездах крестьян в Гуляй-Поле и Александровске». Несколько позднее возник гуляйпольский объединенный профсоюз металлистов и деревообделочников, который временно возглавил Махно. Крестьянский союз и ГАК летом стали оказывать влияние на Общественный комитет (местный правительственный орган власти), некоторое время даже контролировали его и овладели его земельным отделом. Анархисты и их сторонники пытались упразднить милицию, но под нажимом из центра отступили и сумели только лишить ее прав самостоятельных арестов и обысков (они разрешались только под контролем Общественного комитета). В мае 1917 г. Гуляйпольский крестьянский союз выступил с декларацией о том, что «трудовое крестьянство Гуляйпольского района

считает своим неотъемлемым правом провозгласить помещичьи, монастырские и государственные земли общественным достоянием» и провести это в жизнь в недалеком будущем. В заключении декларации крестьяне призывались готовиться к тому, чтобы в ближайшем будущем осуществить это на практике. Летом Н.И. Махно от имени земельного отдела Общественного комитета изъял у помещиков и кулаков все документы о приобретении земли в собственность и произвел по ним учет всего земельного достояния волости. Летом же Махно возглавил забастовку предприятий Гуляй-Поля с требованием повысить зарплату на 80–100%. После угрозы Махно от имени совета профсоюза взять предприятия под профсоюзное руководство предприниматели уступили. Успех ободрил рабочих, и они стали постепенно вводить рабочий контроль. После Екатеринославского губернского съезда Советов 5–7 августа, решившего реорганизовать все крестьянские союзы на местах в Советы, Гуляйпольский крестьянский союз был реорганизован в Крестьянский Совет. Тогда же при нем был создан комитет батраков[132].

Будучи неприятно удивлены участием П.А. Кропоткина в августовском контрреволюционном Государственном совещании, а также неизменным отсутствием городских анархистских агитаторов в деревне, гуляйпольские анархисты пришли к выводу, «что мы, крестьянская группа анархистов-коммунистов в Гуляйполе, не можем ни подражать нашему движению в городах, ни прислушиваться к его голосу. Мы самостоятельно должны разобраться в этом тревожном моменте революции и самостоятельно помочь подневольной деревне правильно ориентироваться в ней <...>»[133].

Таким образом, в течение весны и лета 1917 г. в Гуляйпольском районе трудовые массы под руководством преимущественно анархистов вели борьбу за свои интересы, пользуясь возможностями, которые предоставлял режим демократической республики. В этой борьбе Махно активно проявил себя как радикальный общественный деятель, крестьянский и рабочий вожак, советский работник.

2-й период: август 1917 г. — апрель 1918 г. — время активной революционной деятельности анархистов Гуляйпольского района во главе с Н.И. Махно в русле борьбы с властью Временного правительства, установления и укрепления советской власти в районе.

В конце августа 1917 г. во время выступления генерала Корнилова в Гуляй-Поле, как и в сотнях других населенных пунктах по всей

[132] *Махно Н.И.* Воспоминания. М., 1992. С. 31–39.

[133] Там же. С. 41, 44–45.

России, был создан Комитет защиты революции (на общем собрании Волостного крестьянского Совета, профсоюза и ГАК), во главе которого стал Н.И. Махно. Опираясь на подъем, последовавший после разгрома корниловщины, ГАК предлагала форсировать революционные преобразования, в частности немедленно отобрать помещичьи и кулацкие земли и усадьбы, а также организовать сельскохозяйственные коммуны. 25 сентября 1917 г. Н. Махно подписал декрет Совета о национализации всей земли в районе, передаче ее в ведение земельных комитетов и разделе между крестьянами[134]. В промышленности рабочие продолжали удерживать контроль над производством. Для организации сельхозкоммун были выделены несколько имений и позднее, в первые месяцы 1918 г., в окрестностях Гуляй-Поля было создано четыре таких коммуны.

Октябрьский переворот гуляйпольские анархисты и революционные крестьяне встретили положительно, рассматривая его как продолжение борьбы против корниловщины и естественное развитие революции. При этом, однако, росла подозрительность к городу и к любой власти, которая из него исходила — будь то власть Центральной Рады или большевистско-левоэсеровская советская власть. «Население требовало, — вспоминал Махно, — немедленного похода на город, чтобы разогнать засевших там ненужных, вредных для дела трудящихся правителей». Но в условиях усиления контрреволюции и опасности со стороны Центральной Рады и атамана Каледина 3 января 1918 г. гуляйпольские анархисты и сочувствующие им беспартийные постановили: «Мы должны, невзирая ни на какие противоречия, вытекающие из того, что нам придется образовать единый фронт с государственниками, вооружаться и идти на помощь красногвардейским отрядам большевистско-левоэсеровского блока»[135]. Гуляйпольские анархисты принимали участие в разоружении казаков, возвращавшихся с фронта на Дон. Тогда же они получили от красного командования 3 тыс. винтовок, 6 пушек, 11 вагонов патронов и снарядов[136].

В апреле 1918 г. к Гуляй-Полю подошли кайзеровские войска и революционная власть в районе была ликвидирована.

3-й период: апрель 1918 г. — январь 1919 г. — период германо-австрийской оккупации, реставрации буржуазно-помещичьих поряд-

[134] *Мороз И.* Предводитель неизвестной войны // Аргументы и факты. 1990. № 37.

[135] *Махно Н.И.* Воспоминания. С. 55–56.

[136] *Волковинский В.Н.* Нестор Иванович Махно // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 44–45.

ков и развертывания в районе партизанско-повстанческого движения под руководством Н.И. Махно сначала против немцев, австрийцев и гетманщины[137], затем против петлюровцев[138] и белогвардейцев.

В начале этого периода Махно и ряд его сподвижников вынуждены были уйти в подполье и скрываться, причем Махно, перебравшись на советскую территорию, с мая по июнь совершал путешествие по Советской России и побывал в Москве, где встретился не только с известными анархистскими деятелями, но и с В.И. Лениным, который, если верить воспоминаниям Махно, тепло принял молодого крестьянского вождя и подробно расспрашивал о ситуации на Украине[139].

В середине июля 1918 г. Махно вернулся на Украину, и с 26 июля начал партизанскую борьбу в районе Гуляй-Поля. С августа до ноября повстанцы, количество которых росло, под руководством Махно вели героическую борьбу против оккупантов и власти гетмана Скоропадского. Именно в это время повстанцы из уважения к Махно стали именовать его «батькой». К концу 1918 г. на юге Украины образовалась своеобразная партизанско-повстанческая республика с центром в Гуляй-Поле. Это была, по сути, советская республика, но с ярко выраженными анархистскими особенностями. К концу этого периода (в начале 1919 г.) к Махно из разных городов Украины и кое-откуда из России стали стекаться анархисты, которые попытались поставить революционное крестьянское повстанчество под свой идейно-политический контроль. С другой стороны, наступавшие с севера советские войска также пытались привлечь повстанцев на свою сторону и использовать их в борьбе с петлюровцами и белыми. Несмотря на значительные успехи анархо-повстанчества, самостоятельное существование Гуляйпольской партизанско-повстанческой республики во вражеском контрреволюционном окружении было проблематично. Косвенно это признает в своих воспоминаниях и сам Н.И. Махно, описывая ситуацию, сложившуюся в конце 1918 — начале 1919 г., когда «махновский район» был осажден деникинцами, немецко-австрийскими отрядами, еще не ушедшими с Украины, а также враждебными, но до

[137] Гетманщина 1918 года — марионеточный буржуазно-помещичий режим на Украине, возглавляемый ставленником германско-австрийских оккупантов, крупным украинским помещиком П.П. Скоропадским.

[138] Петлюровцы — украинские буржуазные и мелкобуржуазные националисты, лидером которых являлся правый социал-демократ С.В. Петлюра.

[139] *Махно Н.И.* Воспоминания. С. 163–170.

поры нейтральными войсками Украинской Директории, после конфликта с которой район попал в полное окружение[140].

4-й период: февраль — май 1919 г. — период тесного сотрудничества революционных повстанцев во главе с Н.И. Махно с советской властью и Красной армией в борьбе с общими врагами — петлюровцами и белогвардейцами.

В этот период ядро повстанческой армии было преобразовано в бригаду Красной армии и Н.И. Махно стал ее командиром. В составе Красной армии махновская бригада вела героические бои с белогвардейцами. По некоторым, но бесспорно так и не подтвержденным данным, Н.И. Махно одним из первых в Советской России был в это время награжден орденом Красного знамени.

К весне 1919 г. Махно оказался хозяином обширной территории размером с небольшое европейское государство[141].

По мнению П.А. Аршинова, в первой половине 1919 г. «в районе были прекрасные условия для [анархической] созидательной работы на местах: фронт стоял за 200–300 верст, почти под Таганрогом, а многомиллионное население 8–10 уездов было предоставлено самому себе»[142]. Действительно, весной 1919 г. Махно и его сподвижники контролировали огромное и *густонаселенное* пространство юго-восточной Украины: от Днепровских порогов до Донбасса. В начале весны под властью махновцев оказалось 32 волости. С. Семанов считает, что в этом обширном районе не признавалось ни советское правительство в Москве, ни советское правительство в Киеве[143]. Здесь необходимо уточнение: номинально оба правительства махновцами в это время все-таки признавались, хотя фактически махновцы вели политику автономии и независимости от центральной советской власти.

Однако постепенно в районе стало складываться нечто вроде двоевластия махновцев и коммунистов. Коммунисты, действуя из Екатеринослава (был занят красными 27 января 1919 г.) и с других направлений, все более проникали на махновскую территорию. В связи с политикой военного коммунизма и практикой коммунистического руководства между Махно и представителями советской

[140] *Махно Н.И.* Воспоминания. С. 314–316.

[141] *Шубин А.В.* Махно и махновское движение. С. 59.

[142] *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1921) // Махновщина: сб. материалов / сост. С.А. Шумов, А.Р. Андреев. М., 2005. С. 356.

[143] *Семанов С.* Под черным знаменем: жизнь и смерть Нестора Махно // Роман-газета. 1993. № 4. С. 14, 15.

власти стал постепенно назревать конфликт. Махновцы отрицательно восприняли насаждение ревкомов вместо «вольных Советов», всевластие комиссаров-назначенцев, продразверстку, произвол органов ЧК, насаждение совхозов на землях, отобранных у помещиков (вместо распределения земли между крестьянами). Еще в феврале, на II съезде повстанческих, рабочих и крестьянских депутатов, проходившем в Гуляй-Поле, Махно дал понять, что у него и его сподвижников имеются свои представления о перспективах общественного развития: «Если товарищи-большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, то мы должны сказать им: "Добро пожаловать, дорогие братья!". Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину, скажем им: "Руки прочь!" Мы сами сумеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сможем устроить себе новую жизнь, где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей»[144]. Конфликт усилился в связи с военными неудачами, вину за которые представители советской власти и красного командования пытались переложить на махновцев: 19 мая 1919 г. именно на стыке бригады Махно и 9-й дивизии 13-й армии деникинцы прорвали фронт и махновцы отступили, оголив правый фланг 13-й армии. В конце мая у советских войск создалось катастрофическое положение. Продолжая отступать, Махно отказался выполнить приказ Троцкого от 2 июня закрыть оголенный участок на деникинском фронте, ссылаясь на отсутствие необходимого количества боеприпасов и вооружения[145]. Это знаменовало разрыв махновцев с красными.

5-й период: июнь — декабрь 1919 г. — крушение союза с советской властью и борьба на два фронта — с коммунистами и (преимущественно) с деникинцами.

Отступая под натиском белых на северо-запад в глубь Украины и вступая в стычки с небольшими красными гарнизонами, махновцы покинули свой район и дошли до Умани, где приняли отчаянное решение развернуться и дать встречный бой деникинцам. 26–27 сентября, разгромив деникинцев в ожесточенном бою под Перегоновкой (значение этой битвы для исхода гражданской войны до конца еще по достоинству не оценено. — *А.Ш.*), махновцы устремились обратно на Екатеринославщину, развернув там вновь широкое партизанско-повстанческое движение, причем дважды брали Екатеринослав

[144] Цит. по: *Черняк В.* Путь и гибель «Ноева ковчега» // Подвиг. 1991. № 3. С. 314.

[145] *Волконский В.Н.* Указ. соч. С. 50–51.

и подошли даже к ставке Деникина в Таганроге. Вооруженные силы «батьки» в это время в совокупности насчитывали около 80 тысяч человек, основную массу которых составляло трудовое крестьянство. В рядах махновской армии было немало красных, оторванных от своих основных сил во время деникинского наступления. Помощь махновцам оказывало и большевистское подполье. Активизировались и вновь вернувшиеся городские анархисты, которые настойчиво пропагандировали идею «свободных Советов» и создания на юге станы «безвластного государства»[146].

С точки зрения социальной практики махновщины интересен прежде всего период конца 1919 г. Это время самостоятельного существования повстанческой республики в тылу деникинских войск. Махновцы, очистив небольшую[147] территорию на оккупированной Деникиным Украине, пытались построить свое безвластное общество, которое находилось во враждебных отношениях с белыми и довольно натянутых с советской властью. Оно просуществовало полтора месяца. Это был один из тех немногих моментов в мировой истории, когда анархисты пытались доказать на практике жизненность своих идей. Их республика занимала несколько уездов — территорию, в которую входили Екатеринослав, Верхнеднепровск, Кичкас, Никополь, Апостолово, Берислав (со столицей в г. Екатеринославе). Вокруг территории распространения махновской власти возникла полоса, не входившая в сферу, подвластную Махно, но в которой власти Деникина не было. Власть находилась в руках местных партизанских отрядов. Они в большинстве случаев были «за советскую власть, но против коммуны», т.е. за демократическую крестьянскую власть и против РКП(б). «За полтора месяца существования власти “безвластников” в Екатеринославской губернии в полной мере было доказано, что представляет собой анархическая теория, воплощенная в жизнь. Вместо безвластия — военная диктатура маленьких крестьянских бонапартов — “батек”, в лице командиров армии; вместо абсолютной свободы — абсолютная власть контрразведки; вместо

[146] *Волконский В.Н.* Указ. соч. С. 52.

[147] Но и не маленькую территорию, к тому же довольно густонаселенную, да еще с центром («столицей») в более 200-тысячном (по данным С. Семанова) Екатеринославе — одном из крупнейших городов не только Украины, но и России в целом. Следует также иметь в виду, что Екатеринослав являлся важным индустриальным центром. (По другим данным, население Екатеринослава в 1917 г. насчитывало около 500 тыс. человек, в т.ч. до 75 тыс. рабочих-металлистов. — *Арбатов З.Ю.* Екатеринослав 1917–22 гг. // Литература русского зарубежья: антология. М., 1990. Т. 1. Кн. 2. С. 88).

благоденствия, которая должна была дать социализация промышленности[148] — разрушение всей промышленности; вместо экономического строительства — полный хозяйственный развал»[149].

В то же время партизанско-повстанческое движение махновцев в тылу у белых, наступавших на Москву, имело огромное военно-политическое значение для судьбы Советской республики. По выражению А.В. Шубина, крестьянская армия Махно открыла против Деникина второй фронт[150]. Махновцы сумели отвлечь на себя значительные силы белых, когда решалась судьба победы в гражданской войне и когда каждый солдат на московском направлении был у белых на счету. Значение и роль махновцев в борьбе против белых в этот период высоко оценивали как белые[151], так и красные[152]. К концу данного периода махновцы контролировали в военно-политическом отношении довольно обширный район, но с подходом Красной армии зона контроля стала уменьшаться.

6-й период: январь — сентябрь 1920 г. — продолжение борьбы на два фронта, на этот раз преимущественно с коммунистами.

Этот период прошел в основном в стычках махновцев с красными. В январе 1920 г. Махно был объявлен ими вне закона за отказ выступить со своей армией на польский фронт, где назревала широкомасштабная война. В ответ на это Махно с ядром своего войска, постоянно рейдируя, уничтожал комитеты незаможных селян и местные Советы, без суда расстреливал чекистов и продотрядовцев. В условиях советско-польской войны, начавшейся в апреле, и активизации врангелевщины эти действия наносили, конечно, большой вред советской власти. «Борьба Махно с советской властью дала возможность Врангелю выдвинуться из Крыма и подвинуться вперед. <...> К концу сентября в руках Врангеля [находились] Никополь, Александровск, Мариуполь, Бердянск и Мелитополь, т.е. основной район махновщины. Сами махновцы своими руками помогли Врангелю оккупировать их родную территорию»[153].

---

[148] Социализация промышленности — переход предприятий в собственность и под управление коллективов этих предприятий.

[149] *Кубанин М.* Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы Гражданской войны. Л., 1927. С. 128, 166.

[150] *Шубин А.В.* Анархия — мать порядка... С. 228.

[151] См., например: *Лехович Д.* Белые против красных: судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 241–242; Поход на Москву: воспоминания участников белого движения / под ред. С.В. Волкова. М., 2004. С. 532, 541, 549–550; и др.

[152] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 103; и др.

[153] *Кубанин М.* Указ. соч. С. 205.

7-й период: 2 октября — 25 ноября 1920 г. — последний союз большинства махновцев во главе с Махно с советской властью и Красной армией.

В конце лета — начале осени 1920 г. войска Врангеля захватили «махновский район». В этих условиях в сентябре 1920 г. Махно решился на новое и, как оказалось, последнее соглашение с советской властью. Оно было подписано 2 октября в Старобельске. Наряду с пунктами соглашения, касавшимися военно-политической стороны союза, махновцы выдвинули еще один, чисто политический, а точнее, социально-политический пункт: «Ввиду того, что одной из существенных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся масс у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает 4-й пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действия Махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная связь с государственными органами Советской республики»[154]. Этот пункт пока не был подписан: по настоянию коммунистов его отложили для обсуждения на «ближайшее время» в связи с необходимостью согласования с Москвой. Тем не менее махновцы на родной территории, освобожденной от врангелевцев, приступили к мероприятиям по созданию своего автономного, на основе «вольных Советов», района в рамках РСФСР[155].

После разгрома белых в Крыму представители советской власти и командования Красной армии, разорвав соглашение, начали в 20-х числах ноября действия по искоренению махновщины. Предлогом для этого стали грабежи махновцев в Крыму и отказ махновского руководства передислоцировать Революционную повстанческую армию на Кавказ.

8-й период: 26 ноября 1920 г. — 28 августа 1921 г. — партизанско-повстанческое движение против советской власти и политики военного коммунизма, период жестокой мести махновцев коммунистам.

Компактной, базовой, независимой от красных территории у махновцев в это время уже не было. Войско батьки уменьшилось до нескольких тысяч человек и продолжало сокращаться, особенно по-

[154] Военно-политическое соглашение Революционной Повстанческой армии (махновцев) с Советской властью // Анархисты: документы и материалы. Т. 2. 1917–1935 гг. М., 1999. С. 402.

[155] Подробнее об этом см.: *Шубин А.В.* Махно и махновское движение. С. 137–141.

сле принятия советским правительством закона о замене продразверстки продналогом и начала НЭПа. Отдельные отряды махновцев действовали в разных районах южной Украины и за ее пределами, а сам Махно с ядром своей армии совершал непрестанные, порой фантастические, рейды по огромной территории от Приднестровья до Поволжья, появляясь при этом на Киевщине, Харьковщине, Полтавщине, Черниговщине, в Донской области и т.д., пока, преследуемый отрядами красных, не ушел 28 августа 1921 г. через Днестр в румынские владения.

***

Крестьянские анархисты-махновцы, как и анархисты Причернского Алтая и юга Кузбасса (участники роговского движения) были почвенниками. Их «почвеннический анархизм» вырос из условий их жизни, во многом стихийно, но не был стихийным полностью (как в ряде других районов), а в некоторой мере, в самых общих чертах, был все же обогащен идеями «научного анархизма». Военно-политический лидер махновщины Н.И. Махно и второй (после Г.Ф. Рогова[156]) лидер роговщины И.П. Новоселов были все же в какой-то мере идейными анархистами (оба — и Махно, и Новоселов — были довольно неплохо для крестьянских вождей, вышедших из низов, знакомы с работами классиков анархизма), но при этом отличались от «городских анархистов». Можно в целом согласиться с мнением П.А. Аршинова, что «в лице махновщины мы имеем массовое анархическое движение трудящихся — не вполне законченное, не вполне кристаллизованное, но устремленное к анархическому идеалу и пошедшее по анархическому пути»[157]. Показательно, что к «городским анархистам» Н.И. Махно относился весьма критически, отмечая, что среди них много евреев, объективно далеких от нужд сельских тружеников, а также и то, что сами труженики деревни относились с недоверием к евреям вообще. Махно считал таких анархистов ма-

[156] Рогов Григорий Федорович (1883–1920), руководитель партизанско-повстанческого движения трудящихся Причернского Алтая и юга Кузбасса конца 1918 — середины 1920 г. (как антиколчаковского, так затем и антикоммунистического), будучи известным партизанским командиром и признанным крестьянским вождем, в идейно-политическом отношении являлся скорее стихийным, чем идейным анархистом. См. подробнее: *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири: антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2. (1918–1925). Омск, 1996.

[157] *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1921). С. 349.

лопригодными для организации сельских масс и строительства нового строя в деревне[158]. Эту оценку он давал применительно к периоду борьбы с немецко-австрийскими оккупантами (вторая половина 1918 г.). В начале 1919 г. отдельные «иногородние» анархисты появились в зоне действия махновцев. «Мы обязаны констатировать, что русские анархисты проспали в своих кружках величайшее массовое движение, которое в настоящей революции является пока что единственным, призванным осуществить исторические задачи порабощенного человечества», — признавал П.А. Аршинов[159]. «Только после того как создалась довольно крупная [повстанческая] сила и притом германская армия была разложена окончательно, а сама махновщина становилась “вольницей”, появляются у Махно одиночки анархисты <...>»[160]. Только весной 1919 г. «в Гуляйполе появляется анархическая организация “Набат”»[161].

Сотрудничество и взаимодействие Н.И. Махно с конфедерацией анархистских организаций Украины «Набат» развивалось на протяжении 1919–1920 гг. не без осложнений и не один раз было на грани разрыва как в силу сложной политической и военной обстановки, так и в силу политических и житейских разногласий. Вмешательство приезжих анархистов в своеобразную жизнь повстанческой вольницы и их попытки превратить контрразведку в военно-разведывательный орган, лишив ее карательных функций, а также вмешательство А. Барона в дела военного командования довели взаимоотношения Н.И. Махно с секретариатом «Набата» до взаимной подозрительности и резкого недовольства друг другом. Разногласия стали известны и рядовым махновцам, т.к. А. Барон на страницах газеты «Путь к свободе» заявил о том, что «махновщина далека от анархизма, нельзя махновщину сопоставлять с анархистами, в частности, с набатовским движением»[162]. В целом попытки таких видных деятелей анархистского движения, как В. Волин (В.М. Эйхенбаум) и А. Барон, подчинить себе батьку оказались безуспешными, и Всеукраинская конференция «набатовцев» в сентябре 1920 г. констатировала, что Махно перестал быть анархистом[163]. Разрыв «Набата» с махнов-

[158] *Махно Н.И.* Воспоминания. С. 308–309.

[159] *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1921). С. 350.

[160] *Кубанин М.* Махновщина. С. 255.

[161] *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1921). С. 355. Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат» образовалась в ноябре 1918 г.

[162] *Ермаков В.Д.* Российский анархизм и анархисты... С. 153–154.

[163] *Волковинский В.Н.* Нестор Иванович Махно. С. 53.

ским движением на определенном этапе стал неизбежен. Состоявшиеся в октябре 1920 г. переговоры между Махно и командованием Красной армии были враждебно встречены секретариатом «Набата», и окончательный разрыв практически произошел.

В этой связи следует сказать несколько слов о социальных проектах «Набата» и сравнить их с социально-экономической и политической практикой махновцев. Прежде всего следует помнить, что проекты «Набата» так или иначе связывались с успехами и возможностями махновского движения, поскольку сами набатовцы, самостоятельно были мало на что практическое способны.

На 1-й конференции анархистских групп Украины (ноябрь 1918 г.), знаменовавшей рождение конфедерации «Набат», было провозглашено: «Ни о какой переходной стадии между "разрушенным капитализмом" и "анархическим строем" не может быть и речи. Никакой переходной стадии *на деле* (подчеркнуто в «декларации». — *М.К.*) не имеется»[164].

В то время как махновцы совместно с Красной армией героически сражались с белогвардейцами, на Первом съезде конфедерации «Набат» в г. Елисаветграде 2–7 апреля 1919 г. был принят ряд резолюций антисоветского содержания с призывами готовиться к свержению советской власти как власти последней по счету, после чего должно наступить безвластье[165].

В период взаимодействия с Махно набатовцы во главе с одним из их лидеров, А. Бароном, вынашивали, по свидетельству И. Тепера (Гордеева), планы создания анархистского общества в Крыму, который, по их мнению, был самой природой предрасположен для проведения там анархистских экспериментов по созданию нового светлого будущего. Но эти планы так и остались лишь планами[166].

Программа махновского движения (выработанная, правда, не без участия анархистов-набатовцев и уже после разрыва Махно с советской властью), была проще и ближе к реальной действительности (как понимали эту действительность махновцы). Она связывалась с победой «третьей революции» не где-нибудь, а на территории Украины (а подразумевалось, что и во всей России). В Декларации Революционной повстанческой армии (махновцев), принятой Военно-Революционным Советом армии на заседании 20 октября 1919 г., говорилось о необходимости и неизбежности третьей революции, ко-

[164] Цит. по: *Кубанин М.* Указ. соч. С. 260–261.

[165] Анархисты: документы и материалы. Т. 2. С. 334–344.

[166] *Ермаков В.Д.* Российский анархизм и анархисты... С. 153.

торая должна покончить (на Украине) не только с белогвардейской помещичьей реакцией, но и с националистическим буржуазно-республиканским правительством Петлюры, а также с коммунистической диктатурой. «Мы находим, что в недалеком будущем все трудящиеся классы придут к тому же выводу, что они должны будут и сумеют сами взяться за строительство своей трудовой, хозяйственной, общественной и культурной жизни на свободных началах, без опеки, без давления и диктаторства какой бы то ни было личности, партии или власти»[167]. Процесс этот махновцы представляли как стихийный, считая, что массы способны к самостоятельному социальному творчеству в этом направлении и что задача анархистов, в данном случае махновцев, состоит в том, чтобы оказывать трудовому народу идейную и организационную помощь «в виде изложения наших мнений и взглядов, в виде простого предложения, совета, разъяснения или указания». Социально-экономическая структура общества при этом должна была выглядеть так: «Для организованного налаживания новой хозяйственной и общественной жизни свободные крестьяне и рабочие, естественно, создают — повсюду на местах — свои общественно-экономические организации, сельские комитеты или советы, всевозможные союзы, кооперативы, рудничные, фабричные и заводские комитеты, железнодорожные, почтово-телеграфные и иные организации. В целях широкого объединения взаимной связи все эти организации — производственные, профессиональные, распределительные, транспортные и другие — естественно, создают снизу вверх объединяющие их органы, в виде экономических советов, выполняющих техническую задачу регулирования общественно-хозяйственной жизни в широком масштабе. Советы эти могут быть волостными, городскими, областными и пр. Они организуются, по мере надобности, на свободных началах. Они ни в коем случае не являются политическими учреждениями, руководимыми теми или иными политическими деятелями или партиями, диктующими свою волю и осуществляющими, под маской “советской власти”, свою политическую власть: они являются лишь совещательно-исполнительными органами, регулирующими живую хозяйственную деятельность на местах. <...> На вопрос о том, где будут при таком строе сосредоточиваться “официальные” нити некоторых важных отраслей общественной и гражданской деятельности (учебно-воспитательное дело, медицинское и санитарное дело, дорожное дело, регистрация браков, рождений и смертей, общая статистика и т.д.), мы отвечаем, что, по-

[167] Анархисты: документы и материалы. Т. 2. С. 357.

мимо широкой и свободной частной инициативы, наиболее ценной и плодотворной, соответственные отделы могут быть, в случае надобности, легко созданы при Советах. <...> Самооборона населения должна быть делом свободной, живой самоорганизации. <...> Само собою разумеется, что свободная организация общества предполагает действительное и полное осуществление гак называемых "гражданских" свобод: свободы слова, печати, совести, вероисповедания; свободы собраний, союзов, организаций и т.д. <...>»[168].

Источником власти на махновской территории считались Съезды крестьян, рабочих и повстанцев, делегаты которых избирались «вольными Советами», сходами, повстанческими частями и рабочими коллективами. На первом таком Съезде в январе 1919 г. был сформирован высший распорядительный орган власти — Военный Революционный Совет (ВРС), сочетавший в себе как военные, так и гражданские функции. Состав ВРС время от времени корректировался, но на протяжении всего 1919 г. он оставался многопартийным (анархисты, левые эсеры, коммунисты, беспартийные). Отдельные коммунисты действовали в составе в ВРС даже после разрыва Махно с советской властью, который произошел в июле 1919 г. Оправданием для них являлась в это время героическая борьба махновцев с деникинцами.

На махновской территории в 1919 г. все социалистические партии действовали легально (кадеты считались партией Деникина). 4 ноября 1919 г. ВРС принял решение об относительной свободе печати. Осенью 1919 г. в «махновской республике» наряду с официальными анархистскими изданиями «Путь к свободе» («Шлях до волі»), «Повстанец», а также анархистскими газетами на местах («Вольный Бердянск», «Вольный Александровск», «Вольное Гуляйполе», «Вольный Мелитополь» и т.д.) издавались большевистская «Звезда», левоэсеровское «Знамя восстания» и правоэсеровское «Народовластие»[169]. В районе в 1918–1919 гг. сложился и действовал в связи с объективными обстоятельствами, но не в последнюю очередь и благодаря благосклонной позиции Махно и анархистов-махновцев левый блок (анархисты-махновцы, анархисты-набатовцы, коммунисты, левые эсеры). Кроме этого, действовали оппозиционные махновцам и левому блоку правые социалистические партии — эсеры и меньшевики. Последние активно работали в профсоюзах. В это время (1919 г.) имела место, таким образом, своеобразная многопартийность с эле-

[168] Анархисты: документы и материалы. Т. 2. С. 358-360.

[169] *Шубин А.В.* Махно и махновское движение. С. 116–117.

ментами многопартийной системы (участие коммунистов и левых эсеров наряду с господствующей политической силой — анархистами — в «вольных Советах», занятие ими командных постов в Революционной повстанческой армии, ВРС).

На махновской территории получили широкое распространение различные формы социального (в том числе экономического, политического, военного) творчества крестьянских и рабочих масс, не всегда, впрочем, связанные с анархизмом.

В условиях почти непрерывных боевых действий главенствующую роль на подконтрольной махновцам территории играла военная организация. «Армия в махновском движении играла исключительную роль. Все движение находило свое организационное выражение в так называемой революционно-повстанческой армии Украины (махновцев). Она была некоторой копией Красной армии. Махновцы переняли всю внешнюю сторону организации Красной армии, трехчленный состав каждой тактической единицы (дивизия имела 3 бригады, бригада — 3 полка, полк — 3 батальона и т.д.). Во главе всей армии, как и в Красной армии, стоял реввоенсовет, но избранный общим собранием комсостава и повстанцев. В махновской армии, как и в Красной, был политотдел, который носил наименование культпросвета. В 1919 году в махновских частях были политкомы (курьезно то, что они избирались). Это подражание господствующему классу в системе организации армии свойственно всем крестьянским движениям»[170]. Но были и отличия от Красной и, тем более, от деникинской Добровольческой армии, связанные с внутренней сущностью движения. Военные единицы часто формировались на местной, общинной, земляческой основе; командиры выбирались из наиболее авторитетных; героизм повстанцев причудливо сочетался со слабой дисциплиной. При этом власть командарма была абсолютной: «высший» армейский орган — РВС (ВРС. — *А.Ш.*) — беспрекословно исполнял приказы и указания Махно и, как правило, не проявлял никакой инициативы[171].

Военная власть на махновской территории в связи с военной обстановкой была выше гражданской: последнее слово было за командирами частей, штабами, военными комендантами, органами контрразведки.

«Махновская армия в первые два года ее существования, в 1918–1919 годах, не являлась бандой грабителей <...>. Внимательно проследив официальные документы махновской армии, убеждаешься,

[170] *Кубанин М.* Указ. соч. С. 222–223.

[171] Там же. С. 224.

что в 1918 и 1919 годах махновское командование делало всяческие попытки обуздать свою вольницу, не допускать грабежей и бандитизма». В армии Махно грабежи были запрещены и если в это время и имели место, то только на уровне эксцессов. Однако число этих эксцессов со временем возрастало, и в 1920–1921 гг. махновская армия в этом отношении уже значительно отличалась от 1918–1919 гг. в худшую сторону[172].

Надо отдать должное Н.И. Махно: являясь убежденным интернационалистом, он старался не допускать еврейские погромы и, как правило, беспощадно пресекал малейшие проявления погромных эксцессов, которые время от времени кое-где на махновской территории возникали.

Махновскую армию разлагало повальное пьянство, в том числе пьянство самого командарма. Если в 1918–1919 гг. предпринимались попытки хоть как-то обуздать, ограничить это явление, то в 1921 г. «лучшие революционные традиции армии были давно потоплены в вине, которое размывало дисциплину и смыло последние остатки идейности в армии»[173].

Особую роль в структуре махновской военной власти играла контрразведка. Кроме военно-разведывательных функций она осуществляла также и карательные — в отношении к политическим противникам, «классово-чуждым» элементам, а иногда и просто против подозрительных либо чем-то неугодных лиц. Население местностей, контролируемых махновцами в 1919–1920 гг., страдало от органов «армейской» контрразведки, в практике которой были взятки, расстрелы, избиения совершенно невинных людей, «выбивание» контрибуции у богатых и зажиточных жителей, другие насилия[174].

Махновско-анархистский социальный эксперимент не удался по ряду причин: обстановка войны; слабость и немногочисленность идейных анархистских кадров; общий низкий уровень политической культуры и культуры вообще у значительной части населения «очага». Но если поставить вопрос иначе: «Мог ли этот эксперимент закончиться удачно?» — то к названным причинам следует добавить еще одну, которая так или иначе вбирает в себя все остальные: объективную невозможность в то время, при том социально-экономическом и культурном уровне общества и в той геополитической обстановке «отменить государство с сегодня на завтра» и установить

[172] *Кубанин М.* Указ. соч. С. 245–249.

[173] Там же. С. 243–245.

[174] Там же. С. 161–165.

анархический безгосударственный коммунистический строй в 1918–1921 гг. К этой же причине нужно добавить и то, что подавляющая часть трудящихся России осталась равнодушна к таким социальным проектам (даже если и принимала разрушительную сторону анархизма).

К материалу о махновском социальном опыте следует добавить, что заметное анархистское влияние и участие имело место и в других партизанско-повстанческих зонах: в Западно-Сибирской (Степной Алтай), Причернской (Таежный Алтай) и Николаевской-на-Амуре партизанско-повстанческих советских республиках (все три — довольно устойчивые, с периодом существования в несколько месяцев, анклавы на территории «белой» России); в Кронштадте в период антикоммунистического восстания в марте 1921 г. Но нигде, кроме юга Украины, анархисты не предприняли (в силу объективных и субъективных причин) таких довольно серьезных и целенаправленных действий по практическому и немедленному осуществлению анархического безгосударственного общества.

4. Испанская революция 1931–1939 гг. и анархистские социальные опыты

Сам факт появления фашизма заставлял анархистов серьезно корректировать свою стратегию и тактику: прежде чем совершать антикапиталистическую социальную революцию, объективно нужно было каким-то образом остановить и устранить фашизм.

Анархисты в своем большинстве оказались не готовы эффективно противостоять фашизму. При этом они, как правило, не шли на совместные действия с другими левыми силами, в частности с Единым рабочим фронтом: поскольку идея его создания исходила от коммунистов, анархисты считали Единый фронт тактической уловкой. Но были и исключения: в Италии отдельные группы анархистов наряду с коммунистами, социалистами, республиканцами, членами народной партии и беспартийными участвовали в антифашистском вооруженном движении «народных смельчаков»[175]. В 1921 — первой половине 1922 г. анархисты и анархо-синдикалисты совместно с другими левыми и демократами оказывали стойкое героическое сопротивление фашистским вооруженным формированиям в ряде районов

[175] *Лопухов Б.* Борьба рабочего класса Италии против фашизма. М., 1959. С. 91.

Италии. Так, весной и летом 1922 г. в провинции Парма (северная Италия) отряды «народных смельчаков», состоявшие из коммунистов, социалистов, анархистов и беспартийных, дали достойный вооруженный отпор бандам фашистов[176]. Однако буржуазное государство, пойдя на союз с фашистами, сумело к осени 1922 г. подавить вооруженное антифашистское сопротивление в Италии. За единство действий левых сил против фашизма выступал в 1922 г. автономный «Союз труда», образованный по почину профсоюза железнодорожников, организационно не примыкавшему ни к ВКИ, ни к Итальянскому синдикальному союзу, но имевшему давние революционные анархо-синдикалистские традиции[177].

В условиях буржуазных правоавторитарных режимов, установившихся в 1922 г. в Италии и в 1923 г. в Испании, анархистское и анархо-синдикалистское движение этих стран переживало кризис. То же было в рядах аргентинских сторонников безвластия в 1930 г. после установления в этой стране правой диктатуры. Политическую беспомощность продемонстрировали германские анархо-синдикалисты и анархисты накануне и после прихода к власти Гитлера. Растерянность и беспомощность относительно ситуации в анархистском движении Италии, Испании, Аргентины и Германии периода диктатур сквозит в работах М. Неттлау[178]. Под ударами фашистских и профашистских режимов в 1920—1930-е гг. прекратили свое существование Итальянский синдикальный союз (USI), Федерация рабочих Аргентинского региона (FORA), Федерация рабочих Уругвайского региона (FORU)[179], не говоря уже об анархо-синдикалистском движении Германии. Часть французских анархо-синдикалистов совместно с коммунистами, социалистами и радикалами приняли участие в протестных антифашистских акциях февраля 1934 г., знаменовавших рождение Народного фронта во Франции. В результате левые силы Франции сумели остановить наступление фашизма.

В условиях борьбы с правым авторитаризмом и фашизмом ощутимо сумели преодолеть кризис только испанские анархисты и анархо-синдикалисты. В течение примерно 10 лет (конец 1920-х — конец

[176] *Кунина Д.Э.* Коминтерновская тактика Единого рабочего фронта и Коммунистическая партия Италии // Четвертый Конгресс Коминтерна. С. 346.

[177] Там же. С. 354.

[178] *Неттлау М.* Очерки по истории анархических идей и статьи по разным социальным вопросам / Пер. с англ. Тусон, 1991. С. 138, 142—143, 237, 380.

[179] Анархо-синдикализм: исторический и теоретический очерк // Синдикалист (Северск). 1995. № 7. С. 1.

1930-х гг.) они оставались признанным авангардом мирового анархистского движения. За этот период они попытались максимально реализовать на практике свои идеи, программы и планы, в том числе и проекты создания безгосударственного общества.

***

В сентябре 1923 г. генерал Примо де Ривера при поддержке короля Альфонсо XIII и всех реакционных сил совершил государственный переворот и установил в Испании военную диктатуру. Были запрещены рабочие собрания, митинги, демонстрации, отменено право на забастовку. Коммунисты, анархисты и анархо-синдикалисты (в т.ч. НКТ) были загнаны в подполье.

В 1926 г. компартия, союз коммунистической молодежи, НКТ и автономные профсоюзы приняли воззвание ко всем оппозиционным силам объединиться в целях свержения диктатуры[180].

Цивилизационные и национальные особенности Испании, социально-экономические причины, а также политические традиции привели к тому, что анархизм здесь имел широкое распространение и продолжал занимать значительные позиции в 1920–1930-е гг., когда в других регионах и странах мира его позиции были заметно поколеблены. Анархо-синдикалисты руководили вторым крупнейшим профцентром страны — НКТ (свыше одного миллиона рабочих). В 1927 г. возникла *специфическая* (по существу — политическая) организация — Федерация анархистов Иберии (ФАИ), объединившая разрозненные анархистские группы Испании и Португалии (к середине 1930-х гг. она насчитывала 10000 членов). Действуя главным образом в Испании, работая в условиях монархии и в глубоком подполье, ФАИ прибегала к индивидуальному политическому террору и пыталась готовить вооруженные выступления[181].

В начале 1930 г. мощный революционный подъем привел к отставке Примо де Риверы, а 14 апреля 1931 г. была свергнута монархия. Это произошло благодаря единому натиску всех прогрессивных антимонархических сил — коммунистов, социалистов, буржуазных республиканцев, анархистов, анархо-синдикалистов. В стране уста-

[180] Международное рабочее движение... Т. 5. С. 211.

[181] *Коваль Б.И.* Указ. соч. С. 220–221; *Галан Х.М.* Крушение монархии в Испании... С. 98; *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. М., 1962. С. 12, 147; *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936–1937 гг. М., 1960. С. 38.

новился режим буржуазно-демократической республики. Правые, клерикально-монархические и профашистские группировки жаждали реванша и накапливали силы.

В этих условиях анархисты выдвинули лозунг углубления и всемерного развития революции с целью свержения капитализма и установления либертарного коммунизма — безгосударственного анархического общества. Правая опасность и необходимость сплочения против нее всех прогрессивных сил ими игнорировались. Они полагали, что после свержения монархии настало время для социальной революции и полного разрушения всякой государственности. «Их не устраивала ни монархия, ни республика»[182].

На фоне растущего массового революционного движения по всей стране (политические стачки, крестьянские движения, движения безработных) вспыхнули в январе 1932 г. стачки в Каталонии, которые анархисты попытались перевести в восстание, чтобы совершить «либертарную революцию». Особенно активно анархисты действовали в Льобрегатском районе. Здесь в результате повстанческих действий были созданы свободные коммуны, осуществлены разоружение местной гвардии, вооружение рабочих, на местах была захвачена власть. Однако далее анархисты проявили пассивность, надеясь на стихийное распространение восстания по всей стране. Захватив власть, они создали узкие революционные комитеты, овладели мэриями, но не торопились формировать народные органы власти. Стремясь создать анархическую республику, построенную на свободном коммунизме, анархисты применили диктаторские методы, диктуемые отчасти военной обстановкой. Под лозунгом «Вся власть профсоюзам» они осуществляли власть лишь комитета, действовавшего вне контроля трудящихся. Анархистская республика провозгласила, что все принадлежит народу, но не приняла никаких шагов для осуществления этого заявления. Прокламации, обращенные к пролетариату (крестьянство совершенно игнорировалось), были полны угроз репрессировать тех, кто не разделяет идей анархизма[183]. Движение было подавлено.

В январе 1933 г. анархисты вновь попытались «устроить революцию», которая свелась к ряду безуспешных путчей 8–12 января в Барселоне, Мадриде, Валенсии, Севилье и ряде других мест[184].

[182] *Коваль Б.И.* Указ. соч. С. 221.

[183] Проблемы Испанской революции, пути ее развития и условия ее победы: сб. статей. М., 1933. С. 77–79.

[184] Там же. С. 21–22.

Несколько иначе развернулись события октября 1934 г. в Астурии, где анархисты выступили единым фронтом вместе с социалистами и коммунистами. Эти события стали ответом на включение в испанское правительство профашистских элементов. В Астурии передовым и организованным пролетариатом левым силам (социалистам, коммунистам, анархистам) удалось, наконец, достигнуть единства действий и добиться поначалу некоторых успехов. Всеобщая стачка горняков Астурии переросла в вооруженное восстание, в котором приняли участие около 70000 рабочих, из них 30000 социалистов, 20000 анархистов и 9000 коммунистов. Была создана красная гвардия, которая разоружила штурмовую гвардию и правительственные войска, захватила ряд арсеналов и военных заводов, двинулась на Овьедо и после тяжелых кровопролитных боев заняла его. Рабочие союзы превратились в органы власти. Все первоначальные попытки правительства сломить сопротивление астурийцев закончились провалом. Только с помощью переброшенных из Африки марокканцев и Иностранного легиона через 15 дней ожесточенных боев сопротивление было сломлено и последовала жесточайшая расправа[185]. Около 40000 человек было заключено в тюрьмы. События 1934 г. в Астурии стали первым практическим шагом в формировании антифашистского и антимонархического Народного фронта в Испании.

Пакт Народного фронта был заключен в январе 1936 г. Его подписали коммунистическая партия, Республиканский союз, партия левых республиканцев, социалистическая партия, Социалистический союз молодежи, Всеобщий союз трудящихся, синдикалистская партия, POUM[186]. Народный фронт неофициально поддерживала часть анархистов и анархо-синдикалистов.

Мощное движение Народного фронта оказало на анархистов серьезное воздействие. До сих пор они постоянно призывали своих сторонников бойкотировать всякие выборы. Теперь многие из них поняли, что в создавшейся обстановке бойкот выборов будет играть на руку реакции и фашизму[187].

На выборах 16 февраля 1936 г. с небольшим, но все-таки ощутимым перевесом над объединенными правыми (Национальным фронтом) победил Народный фронт, который к тому же пользовался поддержкой части анархистов и анархо-синдикалистов, а также баскских националистов.

[185] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 38, 40.

[186] POUM — Рабочая партия марксистского единства — леворадикальная политическая группировка троцкистского толка.

[187] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 52.

В ответ на мятеж националистов, начавшийся 17 июля 1936 г., коммунисты и анархисты потребовали немедленного вооружения народа. Анархисты совместно с коммунистами и социалистами активно участвовали в подавлении мятежа в Барселоне, Мадриде, Валенсии, ряде других мест[188].

Складывавшаяся в первые недели и месяцы гражданской войны обстановка неразберихи на территории республики, казалось, благоприятствовала реализации анархистами своих планов децентрализации, федерализации и либертарной социальной революции. К правительству Хираля, состоявшему из буржуазных республиканцев, народные массы, стихийно поднявшиеся на защиту республики, относились настороженно. Правда, именно это правительство распорядилось открыть арсеналы и дать оружие рабочим: иначе оно поступить не могло. Но в дальнейшем правительство фактически отстранилось от руководства страной и с удивлением взирало на то, что происходит. Остатки старого госаппарата, рухнувшего в результате мятежа, продолжали функционировать, но были лишены реальной власти. При этом органы госаппарата продолжали по инерции двигаться, принимать какие-то решения, но они быстро устаревали. Власть на местах перешла в руки партий и организаций трудящихся, комитетов, созданных ими в дни уличной борьбы. Фактически в августе 1936 г. на территории республики не было реальной центральной власти, причем народ даже не ощущал ее отсутствия, а правительство не очень тяготилось тем, что у него ее нет. Ссылались на пример войны с Наполеоном, когда тоже не было сильной центральной власти, но все же Наполеона победили[189].

«[Республиканская] Испания превратилась в совокупность сотен мелких и десятка крупных, по сути, самостоятельных районов. Важнейшая часть республиканской Испании, Каталония, находилась в рука анархистов. На Севере действовали фактически независимые Совет Астурии и Леона и власти Басконии. Помимо этого существовал специальный комитет, номинально возглавлявший провинции юго-востока Испании. Каждый завод, каждое село, каждая партия и каждый профсоюз проводили свою политику»[190].

---

[188] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг.; *Томас Х.* Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М., 2003. С. 139, 145–146, 147, 150.

[189] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 101; *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 142–143.

[190] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 107.

«Республиканская Испания представляла не столько единое государство, сколько беспорядочное сочетание отдельных республик. Неразбериха в регионах напоминала обстановку 1870-х годов или времен Наполеоновских войн, хотя сейчас она была в немалой мере подогрета классовыми и религиозными страстями»[191]. В известной мере это было идеалом анархистов, которые в таких условиях чувствовали себя как рыба в воде. Однако «существование трех практически независимых государств на территории республики («Центр», «Северо-Восток» и «Северо-Запад». — *А.Ш.*) с совершенно разным управлением, раздираемых внутренними противоречиями, — все это было источником их фатальной слабости»[192].

Анархисты сначала ни под каким видом не хотели участвовать в регулярной армии. В начале августа 1936 г., когда правительство издало декрет о мобилизации нескольких возрастов, мобилизованные каталонцы по призыву анархистских руководителей самовольно покинули казармы и на общем собрании приняли решение о согласии вступить в народную милицию и немедленно выступить на Сарагосу, но категорически отказались стать солдатами регулярной армии. Правительству, опасавшемуся осложнений, пришлось согласиться на перевод мобилизованных анархистов в распоряжение анархистской милиции. Бойцы этой милиции иногда геройски сражались на фронте, но часто проявляли недисциплинированность, чем наносили вред делу обороны республики[193].

В июле, августе и сентябре 1936 г. НКТ вела открытую борьбу за «окончательную замену регулярной армии вооруженным народом» — децентрализованной профсоюзной милицией. 2 августа 1936 г. ПК ФАИ принял решение о борьбе против милитаризации милиции[194]. Руководство НКТ и ФАИ призывало бойцов не подчиняться военной дисциплине и дезертировать из армии. «Солидаридад Обрера» 5 августа 1936 г. провозглашала: «Долой армию! Да здравствует народная милиция! НКТ не может защищать необходимость создания регулярной армии. Если вы не хотите быть солдатами, НКТ поддерживает вас»[195].

В августе 1936 г. на юге Арагона милиция, среди которой значительную часть составляли арагонские и каталонские анархисты, за-

[191] *Томас Х.* Гражданская война в Испании... С. 163.

[192] Там же. С. 163.

[193] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 144.

[194] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 157.

[195] *Гарсиа Х.* Испания Народного фронта. М., 1957. С. 105–106.

нималась не столько войной, сколько революцией — в соответствии с линией экстремистского крыла в НКТ и ФАИ: «Сначала революция — потом война». Сложность обстановки в регионе усугублялась еще и тем, что из местной тюрьмы были освобождены уголовники, многие из которых присоединились к «железному батальону» НКТ. Населенные пункты Арагона, через которые проходила барселонская милиция, «приобщались к революции». Так, жители Лериды решили спасти от пламени свой кафедральный собор, но Б. Дуррути сжег собор дотла. Склонность Дуррути к насилию вызвала ненависть к нему крестьян Пины (пуэбло недалеко от Сарагосы), и его колонна, провожаемая молчаливыми проклятиями, была вынуждена оставить эту деревню[196].

При всем своем революционном радикализме Б. Дуррути был довольно трезвомыслящим политиком и командиром. Рабочий-металлист, организатор и участник ряда наиболее эффектных анархистских акций периода монархии, неоднократно приговоренный к смертной казни, самый популярный из вождей ФАИ, Дуррути был искренним и самоотверженным революционером. Он боролся за союз анархистов с другими антифашистскими силами, был страстным поборником единства пролетариата, решительно выступал против сектантской линии большинства лидеров ФАИ. На командные посты в своей колонне он назначил нескольких членов ОСМ[197] и ОСПК[198]. С симпатией относился к СССР. Когда закипели бои у столицы Испании, Дуррути не колеблясь двинулся на помощь коммунистическому Мадриду. Анархистский Совет обороны Каталонии, исходя из узкогрупповых интересов, запретил Дуррути оставлять Арагон; переход своей колонны в Мадрид он осуществил на собственный страх и риск, при содействии ОСПК. Но дни Дуррути были уже сочтены. 20 ноября он был убит при неясных обстоятельствах в расположении своей колонны, где старался навести порядок после ее отступления[199].

И после гибели Дуррути здоровые, трезвомыслящие элементы в НКТ и ФАИ продолжали вести борьбу против экстремистских элементов в этих организациях. Экстремистам не удалось захватить руководство НКТ. Часть анархистов и их руководителей понимала, что главной и первейшей задачей является разгром фашизма. Но

[196] *Томас Х.* Гражданская война в Испании... С. 222, 226.

[197] ОСМ — Объединенная социалистическая молодежь.

[198] ОСПК — Объединенная социалистическая партия Каталонии.

[199] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 252–254.

трагедия испанского анархо-синдикализма заключалась в том, что ни призывы, ни решения руководящих органов НКТ, ни заключенные ими соглашения не становились в большинстве случаев руководством к действию на местах. Там продолжали господствовать вооруженные группы ФАИ, опиравшиеся на экстремистски настроенные отряды пролетариата и прикрывавшиеся организациями НКТ[200].

9 января 1937 г. у Мадрида (в районе Араваки) разбежалась анархистская колонна Паласио, открыв фронт наступающим фашистам. В тот же день в Осера (Арагон) самовольно оставили фронт и направились в Каталонию более 1000 анархистов. 23 апреля 1937 г. в момент фашистского наступления в Бискайе шесть анархистских батальонов снялись с фронта и двинулись на Бильбао. То же произошло на Южном фронте в районе Химера 20 мая[201]. Подобных примеров множество.

Декрет о создании единой армии далеко не сразу был проведен в жизнь: большинство партий и организаций продолжало сохранять части народной милиции под своим контролем. Анархисты поначалу и слышать не хотели о создании регулярной армии. По их собственным словам, они рассматривали слияние милиции с регулярной армией как «решающий шаг по пути классического милитаризма, военщины и казарменной дисциплины». Многие анархисты отказались признать этот декрет, собирали на фронте единомышленников и в знак протеста покидали фронт. В результате число анархистских отрядов в тылу еще более возросло. Они совершали бесчинства, грабили население и занимались борьбой со своими политическими противниками[202].

Тем не менее анархисты со временем приобрели неплохие позиции в республиканской армии. Наряду с коммунистами, социалистами, республиканцами и беспартийными они занимали ряд высоких военных постов. Хотя из двух командующих армейскими группами анархисты не имели ни одного, но из 6 командующих армиями было 2 анархосочувствующих; из 21 командира армейских корпусов — 2 анархиста и 4 анархосочувствующих; из 70 командиров дивизий — 9 анархистов; из 196 комбригов — 33 анархиста[203].

Значительным было число комиссаров-анархистов в республиканской армии:

[200] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 254–257.

[201] Там же. С. 159.

[202] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 180.

[203] *Peirats J.* Anarchists in Spanish Revolution. P. 308.

Коммунисты 841
Объед. соц. партия Каталонии 198
Объед. соц. молодежь 738
Социалисты 345
Анархисты 875
Республиканцы 122
Прочие партии и беспартийные 569[204].

Анархисты пользовались наибольшим влиянием в Каталонии, где НКТ объединяла 4/5 организованного рабочего класса и обладала гораздо большей властью, чем правительство. К тому же в Барселоне находилась штаб-квартира другой, более воинственной анархистской организации — Федерации анархистов Иберии (ФАИ). Лидеры ФАИ считали, что после разгрома фашизма неизбежно начнется борьба против коммунистов, социалистов и буржуазных республиканцев, и всерьез готовились к их уничтожению и захвату всей полноты власти (по крайней мере в Каталонии). Одной из форм деятельности анархистов в Каталонии и других районах республиканской Испании было создание тайных складов оружия — тогда как на фронтах оружия хронически не хватало[205].

В каталонских деревнях анархисты проводили принудительную коллективизацию. Под угрозой расстрела непокорных анархисты создали более 1000 кооперативов, в которых состояло около 1,5 млн человек. Хозяйство в кооперативах велось, как правило, скверно, урожайность падала. Во главе кооперативов стояли анархистские комитеты, состоявшие часто из проходимцев, обогащавшихся за счет крестьян[206].

Насильственная коллективизация в Каталонии встретила некоторое сопротивление со стороны Объединенной социалистической партии Каталонии и самих крестьян. В начале 1937 г. республиканскую Испанию потрясли чудовищные трагические события в селении Фатарелья, связанные с деятельностью анархистских коллективизаторов. Все началось с того, что попытка 25 местных анархистов отобрать для своего коллектива землю у 500 крестьян потерпела неудачу. Тогда 23 января 1937 г. вооруженная группа анархистов попыталась проникнуть в село (фактически атаковала его), но получила вооруженный отпор жителей, причем в ходе стычки были убиты и ранены несколько анархистов, что дало повод для жестокой расправы с «восставшими». Эта расправа вскоре была учинена

[204] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 323–324.

[205] Там же. С. 146–147.

[206] Там же. С. 148.

контрольными патрулями, стянутыми к Фатарелье со всей южной Каталонии. После захвата села анархистами более 30 его жителей были расстреляны[207].

Анархистские комитеты в каталонских деревнях изымали крестьянский урожай и сбывали его в Барселону или вывозили за границу. В ходе тщательной проверки министерством финансов этих комитетов в апреле 1937 г. обнаружились крупные спекулятивные операции анархистских руководителей. Только за три месяца в 1937 г. анархистские комитетчики присвоили более 40,5 тыс. тонн апельсинов, которые были проданы Франции за 50 млн франков[208].

В каталонской промышленности коллективизации подверглись уже в первые недели войны крупные и мелкие предприятия, такси, магазины, стройки, парикмахерские на три кресла, ящики чистильщиков обуви. Руководство народным хозяйством Каталонии фактически перешло в руки профбюрократов. Пользуясь своей силой и слабостью правительства, анархисты захватили в первые недели войны не только хозяйственные объекты, принадлежавшие частным лицам, но и целый ряд государственных предприятий и учреждений. На захваченных объектах они вывешивали свой черно-красный флаг и распоряжались этими учреждениями и предприятиями по своему усмотрению[209].

Одновременно наиболее агрессивные анархисты развязали террор против союзников по антифашистской коалиции. Выступая на словах за объединение двух профсоюзов — анархо-синдикалистского НКТ и социалистического ВСТ, экстремисты из НКТ и боевики ФАИ предприняли против ряда организаций ВСТ враждебные действия — бойкот, увольнения и террор вплоть до массового уничтожения неугодных. Боевики ФАИ убили 150 барселонских транспортников — членов ВСТ (организация была буквально загнана в подполье). Были убиты руководители организаций ВСТ на «Испано-Сюизе» и в Барселонском порту. Убийства и насилия по отношению к членам ВСТ имели место в Арагоне, Фатарелье, Зайдине (Каталония). В Барселоне появились т.н. *подпольные кладбища* для убитых рабочих ВСТ. За две недели июля 1936 г. «пистолерос» убили 80 трамвайщиков — членов ВСТ Каталонии[210]. От рук «бесконтрольных» на территории

[207] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 242, 371.

[208] *Гарсиа Х.* Испания Народного фронта. С. 110–111.

[209] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 148.

[210] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 246–248, 260.

республики погибли десятки коммунистов. Борьба против КПИ для большинства лидеров ФАИ превратилась едва ли не в главную задачу либертарной революции[211]. «На протяжении всей войны, — заявлял Сантиян, — мы старались поддерживать хорошие отношения со всеми партиями, кроме коммунистов»[212]. На пленуме организаций НКИ, ФАИ и анархистской молодежи провинции Валенсии, проходившем в мае 1937 г., было вынесено специальное решение о борьбе с компартией. «Принимаем решение, — говорилось в резолюции, — нападать на коммунистическую партию и ее сторонников в местном и общенациональном масштабах»[213]. В Каталонии по распоряжению руководства ФАИ анархисты закрыли французскую границу для иностранных добровольцев (полагая, что создание интернациональных бригад приведет к усилению влияния КПИ), задерживали и возвращали во Францию тысячи бойцов, спешивших на помощь Мадриду[214].

27 августа 1936 г. представители НКТ вошли в правительство Каталонии. Испанская общественность с удовлетворением отмечала, что этот факт свидетельствует о начавшемся отходе НКТ от традиционной «аполитичности» и «антигосударственности». Газета социалистической партии «Кларидад» делала вывод, что «реальная жизнь оказалась сильнее, чем все теоретические крайности». Однако вступление анархо-синдикалистов в каталонское правительство еще не означало полного отступления от анархизма. Руководство ФАИ не скрывало своего отрицательного отношения к этому решению НКТ. В анархистской среде развернулась ожесточенная полемика по поводу возможности вхождения в правительство Испанской республики[215].

25 октября 1936 г. анархисты официально обратились к премьеру Ларго Кабальеро с просьбой включить их представителей в состав правительства. 4 ноября четыре анархиста вошли в состав кабинета (министры промышленности (Хуан Пейро), торговли (Хуан Лопес), юстиции (Хуан Гарсиа Оливер) и здравоохранения (Федерика Монтсени)). Пытаясь оправдать такой шаг, анархисты в газете «Солидаридад обрера» разъясняли: «НКТ была всегда из принципа и по убеждению антигосударственной организацией, противником госу-

[211] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 259.

[212] *Гарсия Х.* Испания Народного фронта. С. 97.

[213] Там же.

[214] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 180.

[215] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 152.

дарства в любой форме. Однако обстоятельства <...> преобразили природу испанского правительства и государства. В современных условиях правительство <...> перестало быть силой, угнетающей рабочий класс, так же как государство (в Испанской республике. — *А.Ш.*) уже не является инструментом, разделяющим общество на классы. А после того, как НКТ примет участие в управлении государством и правительством, оба они в еще меньшей степени смогут угнетать народ». После вступления анархистов в правительство оно стало более представительным и теперь включало практически все политические силы, принимавшие участие в борьбе с фашизмом. Однако раскол среди анархистов продолжался. Факт вхождения анархистов в правительство вызвал крайнее недовольство теоретиков анархизма как в самой Испании, так и за ее пределами. Так, французский анархо-синдикалист С. Фор объявил это «опасным отступлением от принципов, губительным для авторитета и влияния анархистов»[216].

7 ноября 1936 г., в дни наступления франкистов на Мадрид, была образована Хунта обороны Мадрида, в которую вошли представители партий и организаций антифашистского спектра, в т.ч. А. Нуно (НКТ), Э. Гарсиа («Либертарная молодежь»), Ф. Каминеро (синдикалистская партия)[217].

Экстремистское крыло в НКТ и ФАИ выступало против участия анархистов в правительстве и вообще против союза с Народным фронтом. Конечной целью экстремисты объявили полный захват власти в Каталонии, Арагоне, Леванте и «войну на два фронта — против Бургоса и Мадрида», вооруженное выступление против правительства республики[218].

Тем временем стала накаляться внутриполитическая обстановка на территории республики и особенно в Каталонии, где противостояние анархистов с другими политическими силами (в первую очередь с коммунистами) шло к критической развязке. Этому способствовали как непримиримость сторон, так и военные неудачи, обострившие разногласия в правительстве Испанской республики, когда начался лихорадочный поиск выхода из ситуации, сопровождавшийся взаимными обвинениями. Во время боев под Малагой 17 января — 8 февраля 1937 г., закончившихся поражением республиканцев, на помощь осажденному городу могла прийти 13-я интернациональная бригада, но не решилась на это, т.к. коммунисты опасались, что анархисты

[216] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 152–153.

[217] Там же. С. 167.

[218] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 258.

воспользуются этой возможностью и поднимут мятеж в Валенсии[219]. В феврале 1937 г. после поражения республиканцев под Малагой Ларго Кабальеро создал блок с лидерами ФАИ, направленный против взраставшего влияния компартии. ФАИ настаивала на осуществлении давней мечты анархистов и анархо-синдикалистов — устранении политических партий от власти и создании «профсоюзного правительства» из представителей НКТ и ВСТ[220]. Однако этот план не осуществился не в последнюю очередь благодаря решительному сопротивлению коммунистов. В мае 1937 г. президент Асанья начал планировать состав кабинета без участия компартии. Ларго Кабальеро обратился к НКТ с идеей формирования кабинета силами профсоюзных объединений. Это был путь к созданию синдикалистского государства, на которое большинство анархистов было в принципе согласно. Скорее всего, именно в этот момент Ларго Кабальеро дали понять (Х. Негрин и другие), что правительство нельзя формировать без коммунистов, иначе республика лишится советской помощи[221].

Противостояние анархистов и поддержавших их поумовцев с коммунистами и автономным каталонским правительством вылилось в открытый вооруженный конфликт, охвативший часть Каталонии, прежде всего Барселону. Бои в столице Каталонии с перерывом шли с 3 по 8 мая. К вечеру 8 мая коммунисты и каталонское правительство подавили сопротивление анархистов и поумовцев в Барселоне. В эти дни анархисты и троцкисты потерпели поражение также и в других каталонских городах — Таррагоне, Лериде, Тортосе, Барбастро. По оценке правительства, в каталонских событиях с разгромленной стороны приняло участие около 1500 боевиков ФАИ, около 1000 поумовцев, около 3000 анархистских активистов НКТ и немногим более 500 рабочих. О серьезности данного конфликта свидетельствовало количество потерь в ходе боев: 850 человек было убито, около 2600 ранено. В мае в Каталонии было создано новое правительство. В его состав вошли представители ВСТ, ОСПК, левобуржуазной «Эскеры» и НКТ, которую представлял Валерио Мае, один из лидеров умеренного крыла. Органы безопасности и вооруженные силы на территории автономии перешли в ведение центрального правительства[222].

[219] *Томас Х.* Гражданская война в Испании... С. 229–230.

[220] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 229–230.

[221] *Томас Х.* Гражданская война в Испании... С. 397, 449.

[222] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 260–263; *Гарсиа Х.* Испания Народного фронта. С. 152.

Другим районом значительного анархистского влияния являлся Арагон, где была предпринята наиболее серьезная за все годы революции в Испании попытка создания анархического безгосударственного общества. История «Арагонской республики» весьма показательна.

До лета 1937 г. Арагонский фронт и прилегающий к нему тыловой район находились под безраздельным господством анархистов. Еще в октябре 1936 г. анархисты создали в Каспе свое правительство, так называемый Арагонский региональный совет обороны, власть которого распространялась на 510 небольших городов и деревень, насчитывавших около 500 тыс. жителей. Против существования этого органа решительно возражали коммунисты, т.к. он противопоставлял себя центральному правительству и пытался осуществлять сомнительные анархические эксперименты. Но правительство Ларго Кабальеро 17 декабря 1936 г. легализовало деятельность Арагонского совета, признав его местным региональным правительством.

Арагонский совет, возглавляемый Х. Аскасо — одним из самых радикальных анархистов, — превратил контролируемую территорию в своеобразное государство в государстве. Преобразования, осуществляемые республикой, на Арагон, как правило, не распространялись. Анархисты здесь пытались без промедления осуществить либертарный коммунизм. Проводилась поголовная коллективизация; за работу в кооперативе от зари до зари крестьяне получали меньше песеты; у них забирали почти весь урожай, они платили непосильные налоги, а всякое проявление протеста с их стороны жестоко подавлялось. Деятельность Народного фронта на территории, подвластной Арагонскому совету, была запрещена: свобода существовала только для анархистов[223].

«Сразу же, как только начался фашистский мятеж, анархисты создали комитет, именуемый “Комитетом нового социальною устройства Арагона, Риохи и Наварры”, и провозгласили в этих районах “анархистский коммунизм”. Комитеты СНТ (НКТ. — *А.Ш.*) превратились в органы власти “анархистской коммуны”, наделенные “законодательной” и “исполнительной” властью, включая право выпуска денежных знаков каждой местности с печатью комитетов СНТ. На первом этапе конфедеральные “деньги” — обязательные для всех — появились в виде сертификатов в одну, две, три, десять песет. Такой “операцией” анархисты обделали кругленькое дельце, выменяв у населения на свои “сертификаты” республиканские деньги, обращение которых запретили, и присвоив их <...> На своей региональной конференции 12 августа 1936 г. СНТ одобрил все, что сделали

[223] *Гарсиа Х.* Испания Народного фронта. С. 313–314.

его комитеты в первый месяц “революции”, т.е. мероприятия этого первого “анархистского правительства”: общую коллективизацию, роспуск комитетов Народного Фронта, запрещение политических партий, объявленных вне закона, террористические преследования их активистов. После полного провала первого анархистского “государства” ФАИ и СНТ решили усовершенствовать формы “правления” и органы власти и создали Арагонский совет под председательством известного фаиста Хоакина Аскасо. Это “правительство” было признано Ларго Кабальеро законным. В нем имелись министерства (“консехериас”): обороны, общественного порядка, снабжения, финансов, общественных работ, транспорта, коллективизации, сельского хозяйства, здравоохранения, социального обеспечения, культуры и юстиции. Всего в Арагонском совете было двенадцать министров. Жалование они получали такое же, как министры Басконии и Каталонии. Когда совет был распущен, у Аскасо оказался заранее подготовленный декрет о создании в рамках совета “президентской палаты”, которая должна была присвоить ему ранг президента Республики. <...> Аскасо и его министры жили и разъезжали с большим аппаратом и большей пышностью, чем древние арагонские короли. Каждая поездка Аскасо в Барселону, Валенсию или Мадрид представляла впечатляющее зрелище: десятки роскошных автомобилей, банкеты. <...> Богатства, похищенные в Арагоне и проданные за границей, как, например, шафран, давали средства для такой жизни. На личных счетах этих людей в зарубежных банках накапливались огромные суммы. <...> “Враги” всякой диктатуры установили в Арагоне режим, которому могли позавидовать самые реакционные правительства. “Министерство общественного порядка” Арагона, скрывавшееся под названием “консехерия по расследованиям”, широко применяло истязания и расстрелы “при попытке к бегству”. <...> Для крестьян не существовало ни малейшей гарантии личной безопасности; достаточно было, чтобы комитет решил “убрать” того или иного крестьянина или целую семью, как они внезапно исчезали, а комитет заявлял об их “переходе” к противнику, тогда как в действительности все они были убиты. Не один труп таких крестьян, “перешедших к противнику”, был выкопан после роспуска Арагонского совета. Большая часть руководителей коммун не были ни арагонцами, ни крестьянами: они были грабителями, обычными наемными убийцами — “пистолерос”. Многие из них скрывались в Арагоне после провала майского контрреволюционного путча в Барселоне. Их метод “руководства” заключался в “убеждении” пистолетом, тюрьмой,

концентрационным лагерем, где работали по 10–12 часов в день, не получая ни сантима. <...> В Арагоне существовало "анархистское государство", диктатура ФАИ, со всеми "государственными" и политическими средствами и методами, присущими наиболее свирепому буржуазному государству: собственными тюрьмами, концлагерями, каторжными работами и т.п.»[224].

11 августа 1937 г. новое правительство Х. Негрина издало декрет о роспуске Арагонского совета. В Арагон был назначен гражданский губернатор. Переброшенные в этот район воинские части под командованием коммунистов Модесто и Листера обеспечили революционный порядок. Фронт был реорганизован и подчинен общеиспанскому генштабу. В тылу было покончено с произволом. Оздоровление Арагонского фронта было весьма своевременным: вскоре этому фронту пришлось принять на себя главный удар фашистских армий[225].

Бесчинства анархистов выпали на долю и других районов республиканской Испании. В разных районах республики под прикрытием революционных лозунгов во многих деревнях и поселках хозяйничали так называемые «бесконтрольные», грабившие и убивавшие крестьян[226]. В Леванте осенью 1936 г., когда начался сбор риса и апельсинов, анархисты и бандиты стали захватывать урожай. Протестующих крестьян находили мертвыми на дорогах. В начале 1937 г. особую активность развил Объединенный Левантийский совет сельскохозяйственного экспорта (CLUEA), организованный анархистами и кабальеристами. Этот совет представлял «все профессии, имеющие отношение к торговле апельсинами, кроме самих крестьян». Поощряемый министром торговли (членом НКТ Лопесом), CLUEA старался монополизировать экспорт апельсинов, платя крестьянам крайне низкие цены. Когда же крестьянские кооперативы пытались самостоятельно продавать свой урожай, руководители CLUEA пустили в ход все средства, чтобы помешать им. Рабочим в портах было запрещено грузить товары кооперативов. Там, где крестьяне грузили их сами, на них нападали вооруженные анархисты, топили их лодки у берега, преследовали в море[227].

---

[224] *Листер Э.* Наша война. Мемуары. М., 1969. С. 176–178.

[225] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 314.

[226] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 108.

[227] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 222.

Жители Куэнки, Кастельона, Валенсии страдали от преступлений печально известной «Железной колонны». За этим звучным названием скрывались несколько тысяч боевиков с длинными бакенбардами и черно-красными платками. Они были очень храбры в тылу, но проявляли трусость перед вооруженным противником. Эта колонна на протяжении ряда месяцев господствовала во многих населенных пунктах Леванта, пока однажды рабочие Валенсии, возглавляемые коммунистами, не выступили против нее с оружием в руках. С колонной было покончено[228]. Действия анархистов до предела накаляли обстановку в деревне. Значительно ухудшилось продовольственное положение республики. Резко сократился приток добровольцев. Кое-где дошло до восстаний крестьян, доведенных до отчаяния. В начале декабря 19367 г. КПИ поставила вопрос о непосредственной угрозе войны в республиканском тылу и об угрозе перехода крестьянства на сторону фашизма[229].

В условиях затянувшейся войны и возрастающих трудностей, среди части руководства республиканской Испании стали нарастать капитулянтские настроения, которые стала поддерживать и часть анархистов. Так, в разгар операции на Эбро (август 1938 г.) связанные с западными державами сторонники капитуляции (президент республики Асанья, Бестейро, а также группы правых социалистов, каталонских и баскских националистов, анархистов) организовали заговор с целью свержения правительства Негрина и подписания мира с франкистами. Однако этот «заговор болота» был раскрыт и пресечен[230].

В начале 1939 г., в обстановке резкого ухудшения положения республики, сторонники прекращения борьбы вновь активизировались. Лидером нового заговора стал полковник[231] республиканской армии С. Касадо. В заговоре и мятеже Касадо, начавшемся в первых числах марта, анархисты приняли самое активное участие. Заговорщики ставили целью заключить более-менее приемлемое соглашение о мире (фактически — о капитуляции на приемлемых условиях) за счет отмежевания от коммунистов и правительства Х. Негрина и устранения этого правительства.

По авторитетному мнению такого политически беспристрастного исследователя, как Х. Томас, «*как бы ни готовился и ни развивался*

---

[228] *Листер Э.* Наша война... С. 180–181.

[229] *Майданник К.Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне... С. 222–223.

[230] *Прицкер Д.П.* Подвиг испанской республики 1936–1939 гг. С. 329.

[231] По некоторым данным, незадолго до этого С. Касадо получил от премьера Х. Негрина звание генерала. Однако в историю он вошел именно как полковник.

заговор, его должна была постичь неудача, не окажи ему поддержку мадридские анархисты, которые, действуя независимо от окончательно распавшегося анархического движения в целом, воспользовались возможностью свести свои давние счеты с коммунистами. Таким образом, начался последний акт и без того трагической Гражданской войны»[232] (курсив мой. — *А.Ш.*). О своем активном участии в подготовке и проведении переворота не без непонятной гордости признавались и сами анархистские лидеры. Видный анархо-синдикалист Гарсия Прадос, например, вспоминал: «Наш провинциальный комитет обороны Центрального фронта понял, что необходимо было направить всю деятельность на то, чтобы помешать, с одной стороны, осуществлению намерений Негрина, а с другой стороны, установить <...> тесные связи с Касадо в целях улучшения методов подготовки восстания, которое с каждым днем становится все более неизбежным»[233].

4 марта в Хунту обороны, которую возглавили полковник Касадо (советник национальной обороны, фактически глава Хунты) и генерал Мьяха (председатель), вошли В. Каррильо (советник иностранных дел, социалист), Бестейро (советник внутренних дел, социалист), Х. дель Рио (советник просвещения, Республиканский союз), М. Санандрес (советник юстиции, левый республиканец) и три представителя НКТ: Гонсалес Марин (Мартин) (советник финансов и земледелия), Л. Перес (советник труда) и Е. Валь (советник связи и общественных работ)[234]. На следующий день Хунта выпустила манифест к народу антифашистской Испании, где был обозначен курс на прекращение сопротивления. 7 марта три из четырех командиров корпусов республиканской армии Центра — Буэно, Барсело и Ортега (все трое — коммунисты) выступили против Хунты (хотя еще 5 марта, когда командир 8-й дивизии коммунист Асканио начал боевые действия против Хунты и двинулся на Мадрид, они заявляли о своей поддержке Касадо). 7 же марта оставшийся 4-й корпус армии Центра под командованием анархиста С. Меры[235] (лучшего из тех командиров,

[232] *Томас Х.* Гражданская война в Испании... С. 536.

[233] *Гарсия Х.* Испания Народного фронта. С. 224.

[234] Там же. С. 226.

[235] Мера Сиприано — видный деятель мадридского профсоюза строителей (НКТ). Член революционного комитета во время Арагонского анархистского восстания в 1933 г. В ходе войны выдвинулся на ниве профсоюзной милиции, присоединился к Народной армии, стали командиром IV армейского корпуса. После войны ушел в Марокко, откуда был экстрадирован, приговорен военным судом к смертной казни, но приговор был заменен тюремным заключением. По-

которых НКТ выдвинула в ходе войны и которого еще накануне своего мятежа Касадо предупредил, чтобы тот был готов взять под свою команду армию Центра) двинулся на помощь Касадо, который держался в юго-восточных пригородах столицы. Коммунисты были выбиты из Алькалы и Торрехона. Мера быстро обрел репутацию «сильного человека» в партии Касадо. 9 марта С. Мера повел наступление на позиции коммунистов в столице. Он захватил штаб-квартиру армии Центра. Вместе с колоннами Касадо анархисты подавляли сопротивление коммунистов. 12 марта коммунистическое сопротивление на территории республики было окончательно подавлено войсками Хунты. Однако в течение марта все попытки Касадо добиться почетных условий капитуляции закончились неудачей. 31 марта пали последние анклавы Испанской республики — Альмерия, Мурсия и Картахена[236].

Всем испанским антифашистским силам без различия их политических убеждений, в том числе и анархистам, предстояло теперь в полной мере испытать на себе формулу «горе побежденным».

***

В перечне причин поражения Испанской республики деятельность анархистов занимает не единственное, но почетное место.

Большинство испанских анархистов не признавали и хронически нарушали святая святых любой войны — воинскую дисциплину, чем нанесли большой урон республиканской стороне и объективно помогли франкистам.

Абсолютизация и культивирование партизанских методов борьбы с противником в ущерб регулярным, организованным, фронтальным тоже не способствовала победе республиканцев. Партизанские методы в условиях XX в. были полезны и выигрышны только в сочетании с действиями регулярных войск. И хотя военная практика XX в. показала, что партизанская война почти непобедима, но и победить государственно организованного противника сама по себе, «в чистом виде», без сочетания с другими формами войны она, как правило, не в состоянии.

Пагубную роль сыграла стратегия экстремистской части ФАИ и НКТ: «сначала революция — потом война». Политика анархистов по «углублению революции» (форсированию либертарно-социали-

сле освобождения перебрался во Францию, где активно участвовал в рабочем движении. Умер в 1975 г. (*Peirats J.* Anarchists in the Spanish Revolution. P. 372).

[236] *Томас Х.* Гражданская война в Испании... С. 537, 540, 542–543, 546–549.

стических преобразований в экономической, социальной, политической и культурной сферах) отталкивала от антифашистской народной коалиции многочисленные средние социальные слои — крестьянство и средние слои города, а также часть буржуазии и буржуазной интеллигенции, настроенных антифашистски, но напуганных практикой либертарного коммунизма. Таким образом, Народному фронту и вообще всем антифашистским силам наносился значительный вред: вместо столь необходимого сплочения *разнородных* сил для достижения *общей ближайшей цели* — разгрома националистов (фашистов) — социальная база демократической революции и антифашистской борьбы ставилась под угрозу и разрушалась.

В самой антифашистской народной коалиции часть анархистского и анархо-синдикалистского руководства в отношении антифашистского единства занимала, как правило, раскольническую позицию по отношению к союзникам (коммунистам, социалистам, буржуазным республиканцам), отвергала (за редким исключением) серьезные политические компромиссы с ними и всегда была готова пустить в ход оружие против своих союзников, особенно против коммунистов. При этом политическая неуживчивость и неуступчивость анархистов и анархо-синдикалистов в вопросах единства действий против франкизма соседствовала с потрясающей готовностью к любому политическому союзу с социалистами, троцкистами и буржуазными республиканцами против коммунистов.

Интересным и ценным представляется замечание историка А.В. Шубина, сделанное им в контексте исследования глобальной мировой ситуации накануне Второй мировой войны: «Трагедия Испанской республики заключалась в том, что ей оставалось продержаться всего полгода до начала Второй мировой войны, которая автоматически превращала ее в часть антифашистской коалиции со всеми вытекающими последствиями, неприятными для Франко»[237].

Отдавая справедливую дань памяти и уважения испанским анархистам, погибшим в борьбе с фашизмом, нельзя в то же время не признать, что именно деятельность анархистов, их тактика, их социальные эксперименты и их политическая безответственность стоят не в последнюю очередь в ряду тех причин, которые приблизили гибель Испанской республики.

[237] *Шубин А.В.* Мир на краю бездны: от глобального кризиса к Мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 269.

Заключение

В такой сложной биосоциальной системе, какой является человечество, исторически вполне отчетливо прослеживаются два основных типа социального упорядочения: негосударственная (в т.ч. безгосударственная) самоорганизация, которая существует с древнейших времен и, видимо, будет в разных формах существовать всегда, пока существует человечество, и государственная организация, которая вырастает из негосударственной и на определенном этапе превращается в институт внешнего (по отношению к обществу) порядка, с той или иной степенью тяжести довлея над обществом и в известной мере отрицая то, из чего выросла. В этих условиях проявления негосударственной (безгосударственной) самоорганизации, будучи как бы оттеснены «на обочину истории», начинают играть, с разной степенью успеха, роль противовеса и альтернативы государственному обществу. Так было на протяжении последних пяти тысяч лет.

В результате исследования мы пришли к следующей классификации *безгосударственных обществ эпохи государственности*:

I. Первобытные общества

— бесконтактные первобытные общества (БПО), существовавшие параллельно государственным обществам;

— синполитейные первобытные общества (СПО) внешней периферии классовых обществ;

— синполитейные первобытные общества внутренней периферии.

II. Сложные естественно-социальные непервобытные общества военной организации

— тупиковые и парагосударственные иерархические общества (сложные и суперсложные вождества);

— возвратные потестарные общества (вторичное племя, вторичный союз племен, возвратная военная демократия);

— «Новая военная демократия» (вольное казачество и аналогичные явления);

— общества-комбинации предыдущих компонентов (в основном горные «вольные общества»).

III. Сложные естественно-социальные непервобытные общества гражданской ориентации

— античная гражданская мегаобщина (полис) на определенных этапах своего развития;

— средневековая сельская федерация общин-коммун («крестьянская республика»);

— средневековая городская гражданская мегаобщина-коммуна и федерация таких коммун.

IV. Социально-утопические общества

— безгосударственные общества на религиозной основе;

— анархистские общественные очаги («анархо-политии»).

Таким образом, далеко не всякое общество эпохи государственности (в том числе не всякое политически организованное сложносоставное общество) являлось обществом государственным. Довольно часто в государственной истории имела место именно безгосударственная социально-политическая организация в разных формах и проявлениях. Она могла оставаться таковой годы, десятилетия, иногда столетия. При этом безгосударственные общества были способны довольно успешно противостоять соседним государствам и в плане влияния их государственного примера, и в плане социально-экономической конкурентоспособности, и в форме вооруженного противодействия агрессии.

Политогенез как процесс формирования политической надстройки мог идти и шел не только в виде образования государства, но и в виде формирования безгосударственной политии, а также политии комбинированной («коммуналистской») и парагосударственной. Пути формирования и социально-политические формы существования безгосударственного общества — *федерация общин, гражданская мегаобщина (полис на определенном этапе своего развития), вторичное племя и союз таких племен, сложное и суперсложное вождество*.

Безгосударственное общество, как первобытное, так и политийное эпохи государственности, — это историческая реальность. При этом безгосударственность вовсе не означает полное отсутствие власти, как это хотелось бы видеть большинству анархистов. Власть (как правило, минимальная и при этом не отчужденная или крайне слабо отчужденная от народа) существовала в этих обществах в разных формах. Даже в очагах анархистских социальных экспериментов власть присутствовала, причем там она была более близка к государственной, чем какая-либо другая безгосударственная: военно-политическое насилие и принуждение применялись анархистами довольно широко.

Безгосударственное общество — более открытая социальная система, чем общество государственное. Адаптационные возможности этих двух видов обществ в целом сопоставимы и соизмеримы.

На определенном этапе у государственного общества они оказались выше[238]. Но это вовсе не значит, что они выше в принципе. Не забудем, что первобытное безгосударственное общество существовало более двух миллионов лет и развивалось в тяжелейших природных условиях. Благодаря тому, что это общество устояло, существует общество сегодняшнее. Следует также помнить и о длительном и довольно успешном сопротивлении части СПО, а также некоторых вторичных безгосударственных обществ государственной экспансии.

Безгосударственное общество эпохи государственности совсем не обязательно анархистское. Оно не обязательно и эгалитарное, справедливое (хотя степень эгалитарности и справедливости, а также характер автономии личности, личной свободы у большинства безгосударственных обществ относительно выше[239] (иногда заметно выше), чем у государственных). Безгосударственные общества не следует идеализировать, как это делали анархисты (в отношении ряда естественно-исторических обществ и анархистской утопии), некоторые советские обществоведы (в отношении будущего коммунистического строя) и некоторые историки (в отношении первобытного строя). И безгосударственное, и государственное общество суть продукт истории. У обоих есть минусы, противоречия, конфликты. Часто некоторые безгосударственные общества эпохи государственности до-

[238] Как подсказывает диалектика истории, это явление временное и преходящее в масштабах исторического процесса.

[239] Кроме СПО и вторичных иерархических обществ, где личность испытывала огромное влияние и давление коллектива и традиции. Но здесь, в отличие от государственного общества, это вытекало из вполне естественного для жителей данных обществ порядка вещей.

бивались внутренних положительных показателей за счет экзоэксплуатации (военной добычи, дани, труда рабов-иноплеменников и т.п.).

Однако существовал ряд признаков, который вызывал и вызывает к безгосударственным обществам определенную — у одних бо́льшую, у других ме́ньшую — симпатию[240]. Для значительной части известных безгосударственных обществ эпохи государственности характерны:

— отсутствие власти, находящейся вне общества, стоящей над обществом и узурпирующей общественный суверенитет;

— минимальное отчуждение населения от власти и общества;

— отсутствие (или почти полное отсутствие) сакральности (священности, закрытости) власти;

— преобладающий горизонтальный тип общественной организации (за исключением вождеств, сложных и суперсложных вождеств, «анархо-политий»);

— высокая (или относительно высокая) степень участия в общественной жизни и в осуществлении власти (общественное самоуправление, избрание руководителя, принятие решений, общественная защита);

— консенсусное (или предельно демократическое) решение вопросов, противоречий, конфликтов внутри общества;

— отсутствие налогового обложения (или минимальное обложение, точнее, самообложение);

— отсутствие (или минимум) так называемого престижного потребления должностных лиц;

— относительно высокая степень эгалитаризма и социальной защиты (иногда за счет экзоэксплуатации);

— отсутствие эндоэксплуатации (или предельно низкая эндоэксплуатация);

— относительно высокие (или довольно высокие, сравнимые с параллельными государствами) степень конструктивной сложности общественного организма, экономические возможности (степень освоения энергии) и культура;

— экстремальные (в разной мере) обстоятельства возникновения и существования обществ (в зонах неустойчивости: социальной, политической, геополитической; в условиях социально-политической и национально-освободительной борьбы, духовного сопротивления);

— довольно высокий уровень пассионарности и стойкости основной массы населения данных обществ;

[240] Одно из распространенных проявлений такой симпатии — широкий и неподдельный интерес к книгам и фильмам о жизни индейцев, о приключениях флибустьеров и буканьеров, о вольном казачестве и т.д.

— относительно высокий (хотя везде так или иначе ограниченный) уровень свободы личности или «поля личной автономии» в сравнении с государственными обществами (наименьший в сложных и суперсложных вождествах, наибольший в гражданско-общинных обществах).

Объективные и субъективные факторы, стихийность и сознательность присутствовали в этих обществах в разных пропорциях. Существовали общества, сложившиеся совершенно естественно и стихийно (в первую очередь, конечно, СПО, но не только они); другие создавались людьми исходя из утопических представлений. Часто имели место различные комбинации стихийных и сознательных, естественных и искусственных составляющих.

Значительную роль в попытках создания альтернативных безгосударственных обществ играли *новые земли* и представления о них. Эти земли, как правило, представлялись идеальными, во-первых, из-за благоприятных природных условий (реальных или воображаемых) и, во-вторых, из-за первоначального отсутствия там «стандартного общества» (Исландия, Северная Америка, некоторые Антильские острова, Сибирь, воображаемое Беловодье и т.п.). Пытаясь зажить на новых землях по-новому[241], вольные переселенцы очень часто старались обойтись здесь, насколько это было возможно, без государственной организации. Большое значение новых земель для ускорения развития и создания более прогрессивных общественных отношений отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс[242].

Особый интерес представляют общества, совершившие переход от ранней государственности к безгосударственной общественной организации. Неизбежно возникает вопрос, который уже ставился историками: «Было ли это регрессом?». Многочисленные данные, в том числе и приведенные в настоящем исследовании, позволяют

[241] Что удавалось, впрочем, не всегда. Достаточно вспомнить драматическую историю интриг, угнетения слабых, соперничества из-за женщин, пьянства и взаимного истребления поселенцев острова Питкерн (в Полинезии), связанную с бунтовщиками английского корабля «Баунти» и взятыми ими с собою таитянами. Бунтовщики мечтали о райском и счастливом существовании вдали от опротивевшей им цивилизации и ненавистного государственного гнета. Однако вместо счастливой и достойной свободной жизни в 1790-е гг. на маленьком острове развернулась настоящая драма, переросшая в трагедию: в результате кровавых конфликтов из 28 первоначальных поселенцев (9 англичан, 12 женщин-таитянок, 6 мужчин-таитян и 1 ребенок) в живых осталось лишь 2 англичанина, женщины-таитянки и около 20 детей от браков с ними (*Даниельсон Б.* На «Баунти» в южные моря. М., 1966. С. 215–225).

[242] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. С. 67.

поддержать мнение сторонников нелинейной концепции, что этот переход не всегда являлся регрессом, поскольку ряд таких обществ по своей социально-экономической и политической сложности, энергоемкости, культуре если и уступали соседним стандартным государственным обществам, то в целом были сопоставимы, сравнимы с ними по перечисленным показателям.

Большую, часто определяющую роль в существовании безгосударственных обществ (СПО, вторичных, религиозно-утопических) играла *община*: родовая, большесемейная, ранняя соседская, марка, коммуна, территориально-религиозная и т.п. Общины, как правило, являлись социальной основой таких обществ. В условиях хронической неустойчивости — экономической, социальной, политической, геополитической — они представляли собой своеобразные общественные аттракторы, вокруг которых происходила общественная (как правило, негосударственная, в том числе безгосударственная) самоорганизация. И хотя в процессе исторического развития община часто попадала в (порой жесткое) подчинение государству, она всегда, открыто или потенциально, оставалась *принципиально отличной* от государства общественной формой. Община, судя по всему, имеет пульсирующую динамику развития. Она очень гибкий социальный институт, то уменьшающийся, то вновь разрастающийся (и изменяющийся) под влиянием обстоятельств. Эта форма общественной негосударственной самоорганизации на протяжении тысячелетий классового общества показала, в том числе и в периоды Нового и Новейшего времени, способность наполняться новым содержанием в зависимости от обстоятельств[243]. Общинные традиции и принципы то или иное общество часто несет через многие века, как бы ни пытались при этом агрессивная капиталистическая экономика и целенаправленная антиобщинная государственная политика разложить, упразднить, уничтожить общину и искоренить саму память о ней.

Отдельно следует сказать об анархистских попытках создания безгосударственного общества[244], которые хронологически как бы

[243] В письме к В. Засулич К. Маркс фактически подошел к признанию нелинейности в развитии общины (конкретно имея в виду русскую крестьянскую общину). К похожему выводу в отношении перспектив немецкой общины-марки в «омоложенной форме» пришел Ф. Энгельс в работе «Марка».

[244] Известны два более-менее устойчивых анархистских социальных очага: гуляйпольский на юге Украины (1917–1921 гг., с перерывами) и арагонский в Испании (июль 1936 — август 1937 г.), а также ряд безуспешных попыток создания подобных очагов (во Франции (1870 г., 1871 г.), Испании (1873 г., 1932 г., 1936 г.), Италии (1874 г., 1920 г.), Мексике (1910–1911 гг.), ряде мест

пришли на смену историческим естественным безгосударственным обществам после их поражения. Довольно талантливо критикуя государство вообще, капиталистическое государство и, наконец, государство социалистическое, анархисты оказались фактически неспособны противопоставить государству реальную, полновесную, конкурентоспособную модель альтернативного безгосударственного анархического общества ни в теории, ни на практике. Анархистские историки, теоретики и практики оказались не в состоянии изучить, перенять и воплотить в реальность богатейший безгосударственный опыт в истории человечества. Лишь П.А. Кропоткин сделал в этом направлении серьезные теоретические шаги, но в дальнейшем данная тема должного продолжения у анархистов не получила: видимо, естественные проявления безгосударственности в мировой истории не всегда импонировали идеалам анархизма и не всегда отвечали их конкретным идейно-политическим запросам.

Утопизм анархистов заключался и заключается не в стремлении к безгосударственному обществу как таковому, а в их попытках немедленно отменить государство (или уйти от него) и создать безгосударственное общество во что бы то ни стало, «с сегодня на завтра», игнорируя объективные исторические (прежде всего экономические, социально-политические и геополитические) реалии. Известный современный анархистский лозунг — «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» — если и способен в какой-то мере работать в смысле построения безгосударственного общества, то только в далекой перспективе, а не в данный момент и не в ближайшее время, сколько бы этот лозунг сегодня ни повторяли.

Беда анархистов и в несколько меньшей мере анархо-синдикалистов состояла (и состоит) в том, что они не понимали и не учитывали усложнение общественной структуры по мере развития общества. Они, вольно или невольно, ставили вопрос об упрощении общества, т.е. фактически звали назад (или же уходили от проблем

России (1917–1920 гг.), в Бразилии (1918 г.)). Попытка связать с теоретическим и практическим опытом анархизма общественно-политические реалии Ливии (Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии) 1970–1990-х гг. и Буркина-Фасо 1980–1990-х гг., предпринятая одним из авторов журнала «Альтернативы» (2002, № 4), представляется нам лишенной достаточных оснований. Практический опыт осуществления анархо-синдикалистских социально-экономических концепций имел место в Боливии (1950-е гг.) и, с известными оговорками, в Югославии (1950–1980-е гг.), но ни в революционной буржуазно-демократической Боливии, ни тем более в титовской социалистической Югославии речь не шла о немедленном или скором создании безгосударственного общества.

реального общества в замкнутый мир искусственных общин, превращаясь в политических и социальных сектантов). В реальных попытках создать свое общество они неизбежно шли по пути упрощения общественных отношений, пытались подогнать их под анархистские схемы, отнюдь не бесспорные и часто оторванные от реальной действительности, противоречившие интересам большинства населения. Неслучайно и в «Махновии», и в «Арагонской республике-коммуне» анархистские порядки неизбежно и быстро эволюционировали, тем более в военной обстановке, к *анархо-диктатурам*.

Склонность к авторитаризму и даже к диктатуре была присуща и некоторым религиозно-утопическим обществам II тысячелетия н.э., возникшим и существовавшим сначала как безгосударственные. Часть религиозно-утопических движений и соответствующих безгосударственных обществ I и особенно II тысячелетий н.э. являлись как бы связующим звеном между естественными историческими безгосударственными обществами (СПО и вторичными) и анархистским движением второй половины XIX в. — XX в., анархистскими социальными экспериментами.

Насколько безгосударственные общества были жизнеспособны и конкурентоспособны? «Основным источником, позволяющим обществу существовать длительное время, обновляться и находить самобытные пути развития, являются его адаптационные возможности», — считают ведущие в области синергетики ученые Г. Николис и И. Пригожин[245]. Если это так, то значительная часть безгосударственных обществ эпохи государственности в сравнении с государственными выглядит не так уж плохо по таким показателям, как *период существования* (от нескольких лет до нескольких сот лет, а некоторые СПО — до и более тысячи лет); *численность населения* (от нескольких сот человек до нескольких сотен тысяч, а в отельных случаях более миллиона человек); *способность противостоять внешней, в том числе и государственной, агрессии* (наиболее яркие и длительные по времени примеры: германцы, галлы и фракийцы против Римской империи; черногорцы и албанцы против Османской империи; украинские казаки против Речи Посполитой; арауканы против Испанской колониальной империи; маори против Британской колониальной империи и т.д.). В основе такой поразительной стойкости было, наряду с другими факторами, наличие относительно высокого уровня свободы личности в безгосударственном обществе: этот уровень, как правило, был всегда в той или иной мере выше,

[245] *Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного. Введение. М., 1990. С. 280.

чем в обществе государственном. Другой причиной стойкости являлась минимальная степень отчуждения человека от общества, что также повышало устойчивость такого общества.

Однако на определенном этапе, начиная с XVII в., безгосударственные общества, какими бы они ни были и где бы они ни существовали, стали заметно уступать и проигрывать обществам государственным. XVIII–XIX вв. явились временем победы государственности в мировом масштабе: подавляющее большинство остававшихся еще безгосударственных обществ (как первобытных, так и вторичных) было так или иначе поглощено сильными государствами или, реже, собственной государственностью (такова была судьба синполитейных первобытных обществ, вольного казачества, горных «вольных обществ»).

Потенциал конкурентоспособности большинства безгосударственных обществ был довольно высок, но со временем оказался недостаточным в силу ряда объективных причин. Поражению безгосударственных обществ способствовала, в первую очередь, логика экономического прогресса[246] и связанная с ней «беспощадная критика истории». Одна из главных причин поражения безгосударственных обществ в конкуренции, в том числе и в открытой борьбе со стандартными государственными обществами, — экономическая и военно-техническая мощь крупных государств, особенно возросшая в XVIII–XX вв. Безгосударственные общества оказались не в состоянии эффективно противостоять государственному окружению и государственной традиции (последняя стойко укоренилась в сознании большинства человечества к XVIII–XIX вв.: факты перехода части американских индейцев на сторону завоевателей в период героического сопротивления остальных, а также государственное «приручение» казачества могут считаться свидетельствами «триумфа» идеи государственности). В XIX в. «государственное окружение» (капиталистическое, колониальное и местами феодальное) уже не оставляло перспектив и шансов последним независимым безгосударственным обществам. Внешний фактор все более и более определял их бесперспективность. С точки зрения синергетики, «при построении динамической модели сообщества людей прежде всего следует четко уяснить, что помимо определенной внутренней структуры нужно

[246] Заметим попутно, что именно этот прогресс к концу XX — началу XXI в. привел планету к глобальному экологическому и сырьевому кризису, к реальной угрозе ядерной войны и тем самым поставил человечество на грань уничтожения.

учитывать довольно жестко заданное внешнее окружение, с которым рассматриваемая система обменивается веществом, энергией и информацией»[247].

В этой связи стоит заметить, что одним из многих минусов III Программы КПСС (1961 г.) — программы развернутого строительства коммунизма — стало отсутствие должного учета внешнеполитического фактора строительства коммунистического общества, победа которого в СССР при существовании капиталистической системы (пусть даже и в условиях мирного сосуществования и при наличии мировой системы социализма) планировалась к середине 1980-х гг. Коммунистическое (а потому безгосударственное) общество, если допустить возможность создания такового к середине 1980-х гг., вряд ли имело шансы выжить и выстоять в соседстве с сильными и агрессивными капиталистическими государствами блока НАТО.

Неизбежно встает вопрос о формационной социально-экономической природе безгосударственных обществ эпохи государственности. Что касается СПО, то их формационная природа более-менее очевидна: они, бесспорно, являлись остаточными проявлениями, «историческими лакунами», а позднее «историческими анклавами» первобытнообщинной формации. Существование некоторой части других безгосударственных обществ приходится на переходный период от бесклассового первобытного общества к обществу классовому (рабовладельческому, феодальному), причем этот период мог затянуться и затягивался на столетия; такие общества как бы «зависали» между двумя формациями: первичной и одной из вторичных. Часть непервобытных безгосударственных обществ развивалась в целом в рамках вторичных, классовых формаций (рабовладельческой, феодальной, капиталистической, но с элементами доклассового общества или с элементами общества утопического). Возможно, ключом к пониманию части безгосударственных обществ может послужить предложенная Ю.И. Семеновым категория «параформация».

Отдельные безгосударственные общества предпринимали попытки выйти за рамки существующей формации и создать принципиально новую политическую надстройку и новые, альтернативные социально-экономические отношения на основе религиозно-утопических и политико-утопических представлений и в то же время на существующем стандартном уровне развития производительных сил, от которого сложно было уйти (часть религиозно-утопических обществ; анархистские очаги). Это был путь социальных эксперимен-

[247] *Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного... С. 275.

тов, создания «социальных оазисов», попыток реализации различных уравнительно-коммунистических утопий и превращения их в практопии — путь отчаянных попыток выхода за пределы существующей общественно-экономической формации.

Цивилизационная природа безгосударственных обществ также многообразна. Часть данных обществ существовала в рамках стандартных цивилизаций, а часть — параллельно с ними как проявление цивилизационной альтернативы, т.е. в качестве самостоятельных цивилизационных очагов. Имели также место и различные комбинации этих двух типов.

В чем был смысл существования этих обществ? Каковы их предназначение и значение в мировой истории эпохи государственности?

Непервобытные безгосударственные общества являлись, в одном случае, проявлением *альтернативного* (и в то же время естественного и стихийного) *политогенеза*, а в другом — *выражением осознанного альтернативного социального выбора* некоторой части человечества, уже испытавшей на себе реалии стандартной государственной цивилизации и нашедшей в себе силы вернуться (или попытаться вернуться) к безгосударственности. В обоих случаях это было несомненным проявлением альтернативности общественного развития.

Объективно все безгосударственные общества — и СПО, и непервобытные — были своеобразными хранителями идеи и практики безгосударственности, безгосударственной общественной самоорганизации тогда, когда 2–2,5 миллиона лет безгосударственной истории человечества сменились государственной историей классового общества. Эти общества являлись (часто неосознанно) очагами безгосударственности. Они были не только альтернативой, но и героическим, отчаянным вызовом по отношению к господствующим в мире стандартным государственным обществам-цивилизациям. Самим своим существованием они влияли на эти цивилизации, в разной мере воздействуя на их внутренние социальные процессы и вынуждая их корректироваться в сторону некоторого ограничения тенденций полного государственного поглощения общества. Это были своеобразные, самобытные и в то же время вполне закономерные с позиций логики истории социальные модели, уникальный опыт которых, возможно, еще будет в той или иной мере востребован человечеством.

Эпоха государственности будет продолжаться, видимо, еще довольно долго, а вместе с нею неизбежно будет продолжена и история попыток уйти от государства — попыток создания альтернативных негосударственных и безгосударственных общественных очагов.

Скорее всего, магистральный путь социального развития человечества в ближайшие столетия (если не произойдет чего-либо неожиданного и экстраординарного) будет лежать в направлении сочетания государственных и негосударственных форм социальной организации, поиска баланса между ними, а в дальнейшем — в направлении постепенного вытеснения государства из жизни общества. «*Главная проблема заключается в том, как управлять, не управляя, как малым резонансным воздействием подтолкнуть систему на один из собственных и благоприятных для субъекта путей развития, как обеспечить самоуправляемое и самоподдерживаемое развитие*» (курсив мой — *А.Ш.*)[248] — данное научное положение, хотя оно и выведено по несколько иному и более широкому поводу, довольно точно отражает, как нам представляется, социальный вектор всей известной человеческой истории, а также потенциальные реальные социально-синергетические возможности человеческого общества и его грядущую перспективу.

[248] *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики. С. 65.

common place

издательская инициатива /
волонтерский DIY-проект

Наши книги всегда можно купить в независимых магазинах
«Фаланстер», **«Гнозис»**, **«Все свободны»**, **«Смена»**,
«Кирпич», **«Порядок слов»**, **«Подписные издания»**,
«Князь Мышкин», **«Бакен»**, **«Пиотровский»**, **«Никто не спит»**, **«Чарли books»**, **книжный клуб «Петровский»**,
а также заказать с доставкой на сайте **common.place**

Анатолий Алексеевич Штырбул

Безгосударственные общества в эпоху государственности

(III тысячелетие до н.э. — II тысячелетие н.э.)

Подготовка текста — Роман Матвиенко, Анна Севастьянова

Редакторы — Оксана Алексеева, Елена Антонова

Выпускающий редактор — Дарья Павлюченко

Оформление серии — Евгения Ставицкая

Подписано в печать 31.08.2018
Формат 84x108/32
Тираж 500 экз.
Заказ № 161

Издательская инициатива «common place»
commonplace1959@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 42, корп. 5
Тел.: +7 (495) 221-89-80